

Сказки
Шахерезады

1001
НОЧЬ

Самая полная версия
с оригинальными
иллюстрациями
XIX-го века

КОЛЛЕКЦИОННОЕ
ИЛЛЮСТРИРОВАННОЕ
ИЗДАНИЕ

Коллекционное иллюстрированное издание

Сборник

**Тысяча и одна ночь. Сказки
Шахерезады. Самая полная версия**

«Алисторус»

УДК 82-343-93
ББК 82.3(0)

Сборник

Тысяча и одна ночь. Сказки Шахерезады. Самая полная версия /
Сборник — «Алисторус», — (Коллекционное иллюстрированное
издание)

ISBN 978-5-907120-74-7

Среди памятников мировой литературы очень мало таких, которые могли бы сравниться по популярности со сказками “Тысячи и одной ночи”, завоевавшими любовь читателей не только на Востоке, но и на Западе. Трогательные повести о романтических влюбленных, увлекательные рассказы о героических путешествиях, забавные повествования о хитростях коварных жен и мести обманутых мужей, сказки о джинах, коврах-самолетах, волшебных светильниках, сказки, зачастую лишённые налета скромности, порой, поражающие своей откровенностью и жестокостью, служат для развлечения не одного поколения взрослых. Настоящее издание – самый полный перевод английского издания XIX века, в котором максимально ярко и эффектно были описаны безумные, шокирующие, но восхитительные нравы востока. Издание иллюстрировано картинками и гравюрами XIX века.

УДК 82-343-93

ББК 82.3(0)

ISBN 978-5-907120-74-7

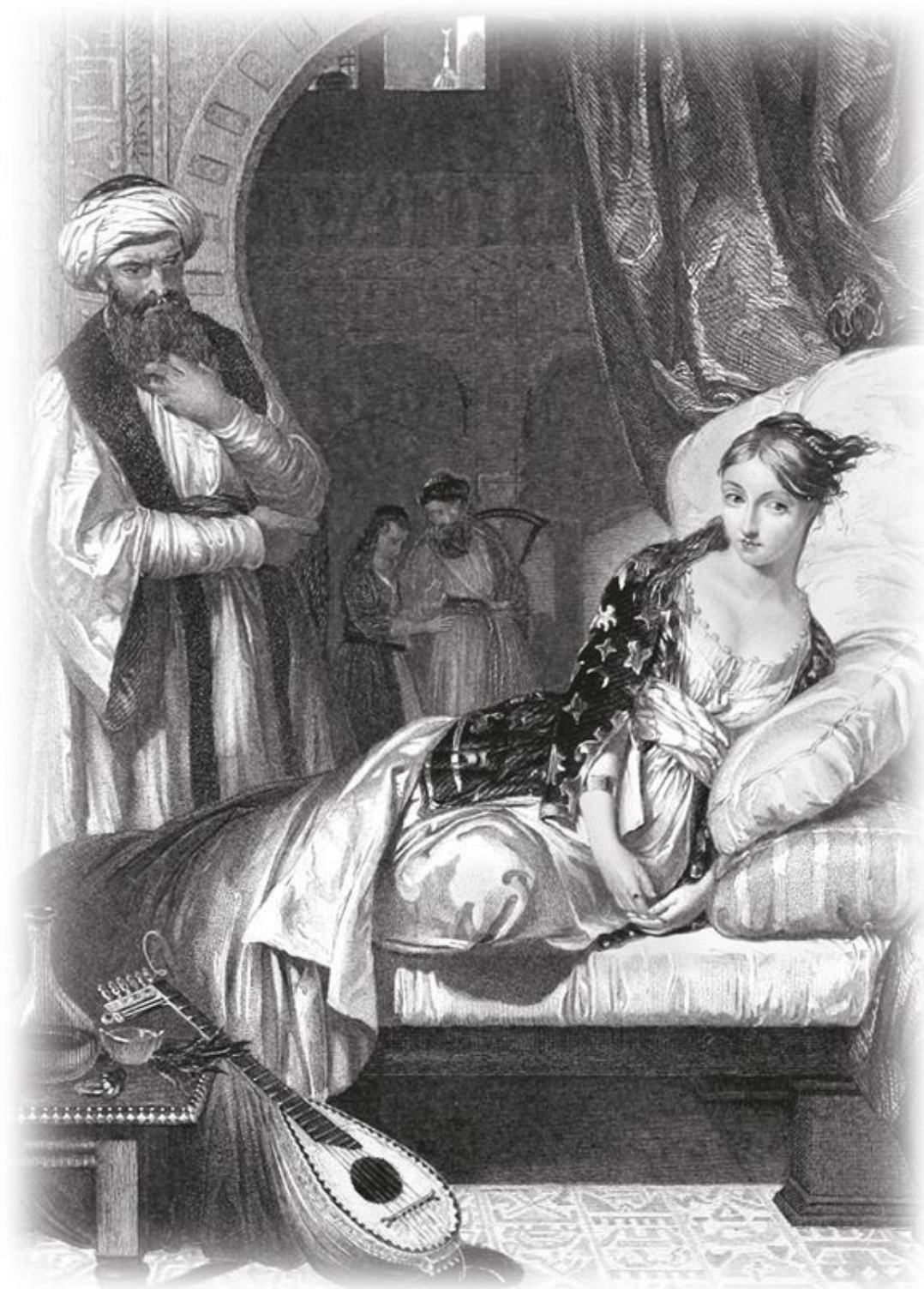
© Сборник
© Алисторус

Содержание

Вступление	7
Глава первая	15
Купец и Шайтан	16
Первый шейх и лань	19
Второй шейх и две черные собаки	22
Третьей шейх и мул	25
Глава вторая	26
Рыбак	27
Царь Юнан и мудрец Дубан	32
Муж-попугай	34
Завистливый визирь, царевич и ведьма	35
Продолжение сказки о царе Юнани и мудреце Дубани	36
Продолжение сказки о рыбаке	40
Молодой царь и Черные острова	46
Глава третья	53
Носильщик, три багдадские женщины, три царских нищих и т.д	54
Первый царственный нищий	65
Второй царственный нищий	70
Завистник и тот, кому он завидовал	76
Продолжение сказки второго царственного нищего	78
Третий царственный нищий	83
Продолжение сказки багдадских женщин и т.д	92
Первая из трех багдадских женщин	93
Вторая сестра из трех багдадских женщин	98
Заключение сказки о багдадских женщинах	102
Глава четвертая	104
Сказка о трех яблоках	105
Нур-Эд-Дин и его сын и Шемс-Эд-Дин и его дочери	110
Глава пятая	138
Горбун	139
Рассказ христианина-маклера	144
Рассказ надсмотрщика султана	155
Рассказ еврея-врача	161
История, рассказанная портным	167
История цирюльника	177
Рассказ цирюльника о его первом брате	179
Рассказ цирюльника о его втором брате	182
Рассказ цирюльника о третьем брате	184
Рассказ цирюльника о его четвертом брате	187
Рассказ цирюльника о его пятом брате	189
Рассказ цирюльника о его шестом брате	194
Продолжение истории, рассказанной портным	197
Продолжение истории горбуна	198
Глава шестая	200
История Нур-Эд-Дина и Энис-Эль-Джелис	201
Глава седьмая	230

История Ганема, сына Эюба, по прозвищу Раб любви	231
История раба Кафура	234
Продолжение истории Ганема, сына Эюба, по прозвищу Раб любви	237
Конец ознакомительного фрагмента.	238

Тысяча и одна ночь. Сказки Шахерезады. Самая полная версия

© ООО «Агентство Алгоритм», 2020

Вступление

Во имя преблагого и милостивого Господа!

Слава Господу, милосердному Царю, Создателю вселенной, поднявшему небеса без столбов и, как ложе, рассеявшему землю¹. Да снизойдет благословение и мир на царя апостолов, нашего господина и учителя Магомета, и его семью, да снизойдут на него до дня Страшного суда долгое и прочное благословение и мир.

Приступаем к рассказу: жизнь предыдущих поколений может служить уроком для будущих. Замечательные происшествия, случившиеся с другими, могут служить человеку предостережением, а история народа прежних времен и всего, что с ним происходило, может обуздать его. Да будет прославлено совершенство того, кто обратил историю прежних поколений в урок последующим. Тем же могут служить рассказы «Тысяча одной ночи» со своими романтическими историями и сказками.

Говорят, что в былые времена жил царь Индии и Китая, владевший многими войсками, телохранителями, служителями и домашней прислугой; у него было два сына: старший – уже взрослый, а младший – еще юноша. Оба царевича были прекрасными наездниками, в особенности старший, наследовавший царство отца и правивший своими подданными с такой справедливостью, что все обитатели его царства и все население любили его. Его звали царем Шахрияром², а младшего брата звали Шах-Земаном³, и он был царем Самарканда. Они правили своими государствами и царствовали над своими подданными в течение двадцати лет благополучно и счастливо. По прошествии этого времени старший царь почувствовал сильное желание видеть своего брата и приказал своему визирю⁴ отправиться к нему и привести его.

Посоветовавшись по этому поводу с визирями, он тотчас же отдал приказ приготовить хорошие подарки, а именно: лошадей, украшенных золотом и драгоценными камнями, мамелюков, красивых девственниц и дорогих тканей⁵. Затем он написал брату письмо⁶, в котором выразил сильное желание видеть его, и, запечатав, передал визирю вместе с вышеупомянутыми подарками, приказав своему министру напрячь все свои силы и, подобрав полы одежды, постараться вернуться обратно. Визирь, не теряя времени, отвечал: «Слушаю и повинуюсь» – и начал готовиться к отъезду: он уложили свои вещи, перевез груз и в течение трех дней готов был к выезду. На четвертый день он простился с царем Шахрияром и направился по степям и пустыням. Он ехали ночь и день, и каждый находившийся под главенством царя Шахрияра царь, через столицу которого он проезжал, выходил к нему навстречу⁷ с богатыми подношениями и дарами из золота и серебра и угощал его в течение трех дней, после чего на четвер-

---

¹ Слова, переведенные «как ложе», следует объяснять арабской системой космографии. По общему мнению арабов, поддерживаемых Кораном, существует семь небес, одно над другим, и семь земель, одна под другой. В мусульманских книгах после первой вышеупомянутой фразы начинается хвала и благодарность Аллаху за Его власть и милость и просится благословение на пророка. В этих фразах, обращенных к Аллаху, обыкновенно упоминается то, о чем будет говориться в книге. Если автор пишет о браке, то книгу свою, после первой вышеупомянутой фразы, он начинает так: «Хвала Аллаху, создавшему род человеческий и сделавшему мужчин и женщин, и т. д.». Здесь и далее – Примечания переводчика.

² Персидское слово Шахрияр означает «друг города».

³ Имя Шах-Земан значит «Царь времени».

⁴ Визирь, лицо, приближенное к восточным царям, нечто вроде наших министров. Лицо, которое несет на себе бремя управления царством. О значении визиря можно судить по словам Магомета, сказавшего: «Кто бы ни царствовал над мусульманами, но если Аллах пожелает оказать милость, то даст им хорошего визиря».

⁵ Обычай, отправляясь в гости, везти с собой подарки существовал испокон веков и сохранился до наших дней. Отказаться от подарка, это значит нанести смертельное оскорбление лицу дарящему.

⁶ Письма мусульман отличаются особенными выражениями правил вежливости. Бумага употребляется толстая, белая и очень гладкая; иногда она разрисовывается золотыми цветами, и края всегда гладко обрезаются.

⁷ Обычай посылать депутацию, чтобы встретить и приветствовать приближающегося посла или сановника, сохранился на Востоке до настоящего времени.

тый день он в течение целого дня сопровождал его и затем прощался. Таким образом визирь продолжал свой путь, пока не приблизился к Самарканду, куда он послал нарочного, чтобы предупредить царя Шах-Земана о своем приближении. Нарочный вошел в город, спросил, как пройти во дворец, и, войдя к царю, поцеловал прах у ног его⁸ и сообщил ему о приближении визиря его брата, вследствие чего Шах-Земан приказал своим главным царедворцам и сановникам своего государства выехать к нему навстречу. Они исполнили это приказание и, встретив визиря, приветствовали его и вплоть до самого города шли у его стремян. Визирь явился сам к царю Шах-Земану, высказал в виде приветствия молитву о небесной к нему милости, поцеловал прах у ноги его и сообщил ему о желании брата видеть его, после чего он передал ему письмо. Царь взял письмо, прочел и понял его содержание, и отвечал, высказав готовность повиноваться приказанию брата:

– Но, – сказал он, обращаясь к визирю, – я не поеду, пока не угощу тебя в продолжение трех дней.

В силу этого он поместил его во дворец, достойный его звания, разместил отряд его по палаткам и распорядился всем, касающимся их еды и питья, и таким образом они прожили три дня. На четвертый день он собрался в путь, приготовил свои вещи и собрал дорогие подарки, соответствующие достоинству его брата.

Окончив эти сборы, он послал вперед свои палатки, и верблюдов, и мулов, и прислугу, и телохранителей, назначил визиря правителем страны во время своего отсутствия и выехал во владения брата. Но в полночь⁹ он вспомнил, что оставил во дворце вещь, которую ему надо было взять с собою, и, вернувшись за нею, он застал свою жену спящей на его постели вместе с рабом-негром, уснувшим рядом с нею. При виде этого у него потемнело в глазах, и он проговорил про себя: «Если так поступается в то время, как я не успел еще выехать из города, то как же поведет себя эта подлая женщина, когда я буду гостить у брата?» Он выдернул свой меч и в постели же убил обоих, после чего тотчас же вернулся, отдал приказ к выезду и направился в столицу брата.

Шахрияр, обрадованный вестью о его приближении, сейчас же отправился к нему навстречу, приветствовал его и с восторгом поздоровался с ним. Он приказал по этому случаю разукрасить город и старался веселым разговором занять брата. Но мысли царя Шах-Земана были полны воспоминаниями о поведении его жены; им овладела страшная тоска; лицо его побледнело, а тело похудело. Брат его заметил, какая произошла в нем перемена, и, думая, что причиной ее может быть отъезд из дома, воздержался от расспросов, но по прошествии нескольких дней он наконец сказал ему:

– О брат мой, я вижу, что тело твое худеет, и лицо твое сделалось бледным.

– О брат мой, – отвечал он, – у меня есть душевное горе. – Но он не сообщил ему о поведении жены, чему он был свидетелем.

– Мне хотелось бы, чтобы ты отправился со мной на охоту, – предложил ему Шахрияр. – Может быть, она развлечет тебя.

Но он отказался, и Шахрияр отправился на охоту один.

Во дворце царя некоторые окна выходили в сад; и в то время как царский брат смотрел в одно из них, дверь из дворца отворилась, и из нее вышло сначала двадцать рабынь, а потом двадцать рабов-негров, вслед за ними вышла жена царя, замечательная необыкновенной кра-

---

⁸ Мусульмане различным образом выражают свое почтение: 1) Прикладывают руку к груди. 2) Рукой касаются губ и лба или чалмы. 3) Точно так же касаются рукою, но при этом слегка наклоняют голову. 4) То же самое, но только наклоняют все тело. 5) То же самое, но предварительно правой рукой касаются земли. 6) Целуют руку лицу, которому хотят выразить почтение. 7) Целуют ему рукав. 8) Целуют край одежды. 9) Целуют ноги. 10) Целуют ковер или землю у ног. Первые пять приветствий сопровождаются словами: «Мир с вами», и в ответ говорится: «Да будет с вами мир, и над вами милость и благословение Господа!» Самый последний обычай нынче уже совершенно вышел из употребления.

⁹ Вследствие зноя путешествия совершались обыкновенно ночью.

сотой и грацией¹⁰; и все они прошли к фонтану, кругом которого и расположились. Царская жена затем крикнула: «О, Месуд!» – и вслед за тем к ней подошел черный раб и поцеловал ее; она сделала то же самое. Точно так же делали и другие рабы и женщины; и все они забавлялись таким образом до самого вечера. Увидав это зрелище, Шах-Земан подумал:

«Клянусь Аллахом, мое несчастье менее велико, чем это!»

Его тоска и горе несколько успокоились, и он не мог более отказываться от яств и питья.

Когда брат его вернулся с охоты и они поздоровались друг с другом, царь Шахрияр заметил, что цвет лица брата его, Шах-Земана, поправился, и он приобрел здоровый вид, и что после постоянного воздержания он стал есть с аппетитом. Царь очень удивился и сказал:

– О брат мой! Когда я видел тебя в последний раз, лицо твое было бледно, а теперь оно посвежело; скажи мне, что с тобой?

– Я расскажу тебе о причине бледности моего цвета лица, – отвечал Шах-Земан, – но извини меня, если я не сообщу тебе, почему свежесть снова вернулась ко мне.

– Прежде всего, – продолжал Шахрияр, – сообщи мне причину твоей бледности и твоей болезненности. Говори же.

– Ну, так знай, о брат мой, – отвечал он, – что когда ты послал своего визиря пригласить меня к себе, я собрался в дорогу и только что выехал из города, но вспомнил, что забыл дома тот бриллиант, который я привез тебе в подарок, вследствие этого я вернулся за ним во дворец и нашел жену свою спящей у меня на постели вместе с черным рабом; я убил их обоих и поехал к тебе, но голова моя была постоянно занята мыслями об этом деле, и вот почему я был так бледен и слаб; причину же своего выздоровления, прости меня, я рассказать тебе не могу.

Услышав рассказ брата, царь сказал:

– Именем Аллаха умоляю тебя сообщить мне причину твоего выздоровления.

И брат рассказал царю все, что видел.

– Я хочу видеть это своими собственными глазами, – сказал Шахрияр.

– В таком случае, – отвечал Шах-Земан, – сделай вид, что снова отправляешься на охоту, и спрячься здесь со мной, и ты увидишь, что будет, и лично удостоверись во всем.

После этого Шахрияр тотчас же дал знать, что он имеет намерение поохотиться еще раз. Войска его вышли из города с палатками, царь последовал за ними и, отдохнув немного в лагере, сказал своей прислуге:

– Не допускайте ко мне никого.

Он переоделся, вернулся к брату во дворец и сел у одного из окон, выходивших в сад; и после того как он пробыл там некоторое время, женщины и госпожа их вошли в сад вместе с черными рабами и начали то же самое, что рассказывал царский брат, и продолжали до самой вечерней молитвы.

Когда царь Шахрияр увидал все это, он совершенно потерял голову и сказал своему брату Шах-Земану:

– Вставай и пойдем, куда глаза глядят, и откажемся от наших государств до тех пор, пока мы не увидим, что подобное несчастье постигло кого-нибудь еще, а не одних нас; если же мы этого не увидим, то смерть лучше нашей жизни.

Брат его согласился на это предложение, и они вышли в маленькую дворцовую дверь и шли постоянно дни и ночи, пока не пришли к дереву, стоявшему посреди поляны на берегу ручья, неподалеку от морского берега. Они напились из ручья воды и сели отдохнуть; с наступ-

---

¹⁰ Многие думают, что, по понятиям восточных людей, женская красота соединяется непременно с полнотой. Но это вовсе не так. В арабских поэтических произведениях воспеваются тоненькие девушки, как тростник между растениями или как ветка восточной ивы. Лицо ее, как ясный месяц, а волосы – как мрак ночи, и спускаются на спину. Румянец покрывает щеки, и родинка на них прибавляет прелести. Глаза миндальной формы должны быть непременно черные, блестящие, но с поволокой и с длинными ресницами. Брови тонкие и крутые, лоб широкий и чистый, как слоновая кость, губы ярко алые, а зубы «как жемчуг, обделанный в коралл».

Да, женщинам опасно запрещать:
Такой запрет в них создает влечение
Как раз к тому, что запрещают им,
И их желанье превращает в страсть.
Когда мне знать такую страсть придется,
То я, конечно, испытаю то же,
Что испытали до меня другие.
Достоин удивленья тот, который
Умел спастись от женщины сетей...
Скажи тому, кто удручен несчастьем,
Что ведь оно не вечно. Как минует
Блаженство, так минуют и несчастья¹².

Когда цари услышали от нее эти слова, они были поражены сильнейшим удивлением, и один сказал другому:

– Если даже Шайтан подвергнулся еще большему несчастью, чем подверглись мы, то это может послужить нам утешением.

И они тотчас же ушли и вернулись в город.

Как только они вернулись во дворец, Шахрияр приказал обезглавить свою жену, рабынь и черных рабов, и после этого он ввел обыкновение после каждой ночи, проведенной с девственницей, убивать ее. Таким образом он поступал в продолжение трех лет; и народ зароптал против него и бежал со своими дочерьми; и в городе не осталось ни одной девушки, по годам годной для брака¹³. В таком положении находились дела, когда царь приказал визирю привести ему девушку, согласно его обыкновению; и визирь отправился на поиски и ни одной не нашел. Он вернулся домой в ярости и досаде, боясь, что царь с ним что-нибудь сделает.

У визиря было две дочери, старшую из которых звали Шахерезадой, а младшую – Дунезадой. Старшая читала много исторических книг и жизнеописаний предшествовавших царей и рассказов о прошлых поколениях. Говорят, будто у нее было собрано до тысячи книг по истории, рассказывающей о предшествовавших поколениях и царях, и произведения поэтов; и, увидав теперь отца, она сказала ему:

– Отчего это ты так изменился и так молчалив и печален?

Один из поэтов говорит:

Скажи тому, кого гнетут заботы,
что заботы не вечны.
Как минует счастье,
так минует и несчастье.

Когда визирь услышал слова дочери, он передал ей все, что случилось с ним относительно приказаний царя, на что она отвечала ему:

---

¹² Арабы нередко говорят между собой об испорченности женщины. Они считают ее лишенной здравого смысла, но полной лукавства.

¹³ Трудно поверить, чтобы существовал такой жестокий царь, а между тем в истории Востока нам попадаются еще более ужасные жестокости. Так, например, один халиф египетский Эс-Захир, сын Эль-Гакима, собрал всех рабынь, бывших во дворце, и приказал им собраться всем в известный день одетыми в лучшие наряды и драгоценности, говоря, что он задаст им такое пиршество, какого они еще не видали. В известный день они все собрались в зале, а халиф приказал замуровать все двери, и все они умерли. Это было как раз в пятницу, в день мусульманской молитвы. Замурованных женщин было две тысячи шестьсот шестьдесят рабынь. Через шесть месяцев он сжег их тела.

– Клянусь Аллахом, о мой отец, выдай меня замуж за этого царя, или я умру и, следовательно, послужу выкупом за дочь какого-нибудь мусульманина, или я останусь жить и избавлю всех от него.

– Аллахом заклинаю тебя, – вскричал он, – не подвергать себя такой опасности!

Она же сказала:

– Так должно быть.

– В таком случае, – сказал он, – я боюсь, чтобы с тобой не случилось того же, что случилось в рассказе об осле, о воле и о муже.

– А что это такое, о мой отец? – спросила она.

– Знай, о дочь моя, – сказал визирь, – что жил-был один богатый купец, имевший скот, жену и детей; и Господь, имя которого он прославлял, даровал ему способность понимать язык животных и птиц. Купец этот жил в деревне, и в доме у него были осел и вол. Вол, придя в стойло, где был привязан осел, увидал, что он вымыт и вычищен, а в яслях у него насыпан ячмень и резаная солома, и осел спокойно жевал; хозяин обыкновенно выезжал на нем по делам и скоро возвращался, и однажды купец слышал, как вол говорил ослу: «Тебе корм пойдет впрок! Я совсем измучен, а ты только отдыхаешь, ешь просеянный ячмень, люди прислушивают тебе, а хозяин лишь изредка ездит на тебе и возвращается, тогда как я постоянно пашу и верчу мельничное колесо. Осел отвечал: «Когда ты придешь в поле и на шею тебе наденут ярмо, ляг и не вставай, хотя бы тебя осыпали ударами, или же встань и ляг во второй раз; и когда тебя приведут обратно и поставят перед тобой бобы, не ешь их, как будто ты болен; не ешь и не пей день, или два дня, или три дня, и таким образом ты отдохнешь от тревоги и труда». Вследствие этого, когда работник пришел задать корма волу, он едва коснулся еды, а на следующий день, когда работник пришел за ним, чтобы свести на пашню, он нашел его, по-видимому; совершенно больным.

Таким образом, купец сказал: «Возьми осла и паши на нем целый день». Работники так и сделал, и, когда осел вернулся в стойло вечером, вол поблагодарили его за сделанное ему одолжение и за доставленную ему возможность отдохнуть целый день, но осел ничего ему не

ответил, так как серьезно раскаивался. На следующий день пришедший пахарь опять взял осла и пахал на нем до самого вечера, и осел вернулся со стертой ярмом шеей и ослабевшим от усталости, а вол, посмотрев на него, снова стал его благодарить и хвалить. Осел вскричал: «Как хорошо мне жилось, и погубил я себя, вмешавшись в чужие дела!» Затем он сказал волу: «Теперь ты знаешь, что я даю хорошие советы: я слышал, как хозяин наш говорил работнику, что если вол не встанет, то сведи его к мяснику, чтобы заколоть, и из кожи сделать хоть нату¹⁴ поэтому я очень за тебя опасаюсь и предупреждаю тебя; да будет над тобою мир». Вол, услышав это предостережение осла, поблагодарил его и сказал: «Завтра я вскочу как встрепанный». Он съел весь свой корм и даже облизал ясли. А хозяин подслушивал их разговор.

На следующее утро купец и жена его пошли к волу в стойло и сели там. Работник пришел и повел вола, а вол, увидав хозяина, задрал хвост и разными звуками и прыжками показал свою готовность служить и скакал так, что купец захохотал и от хохота опрокинулся назад. Жена его с удивлением спросила: «О чем ты смеешься?» Он отвечал: «Я смеюсь над тем, что видел и слышал, но не могу рассказать, а если бы рассказал, то умер бы». Она сказала: «Ты должен рассказать мне о причине твоего смеха, если бы даже умер от этого». – «Я не могу рассказать, – сказал он: – страх перед смертью не позволяет мне». – «Ты смеялся только надо мною», – сказала она и продолжала добиваться и мучить его до тех пор, пока он совсем не изморился. Таким образом, он собрал своих детей и послал за кадием¹⁵ и свидетелями, чтобы написать завещание и потом, открыв жене тайну, умереть, так как он очень любил ее, тем более что она была дочерью его дяди и матерью его детей и он прожил с нею до ста двадцати лет. Собрав свою семью и своих соседей, он рассказал им свою историю и прибавил, что должен умереть, лишь только откроет свою тайну; после чего каждый из присутствующих обращался к ней со словами: «Именем Аллаха умоляем тебя, чтобы ты бросила это дело и не допускала умереть твоего мужа и отца твоих детей». Но она говорила: «Я не могу успокоиться, пока он не скажет мне, хотя бы от этого, ему пришлось умереть». Таким образом они перестали упрашивать ее, а купец оставил их и отправился в сарай, чтобы сделать омовение и затем, вернувшись, сообщить тайну и умереть.

У него были петух и пятьдесят кур, и была собака; и он услышал, как собака обратилась к петуху и с упреком сказала ему: «И ты можешь быть весел, когда хозяин наши готовится к смерти?» – «Как так?» – спросил петух. И собака рассказала ему всю историю, в ответ на что петух вскричал: «Клянусь Аллахом, у нашего хозяина немного ума: у меня пятьдесят жен, да я одну утешу, другую побраню, а у него всего одна жена, и он не может сладить с нею. Отчего бы ему не взять несколько прутьев тутового дерева и, войдя к ней в комнату, не отхлестать ее до тех пор, пока она или не умрет, или не раскается? После этого она никогда не станет приставать к нему с расспросами». Купец, услышав этот разговор собаки с петухом, одумался и решил побить жену.

– А теперь, – продолжал визирь, обращаясь к своей дочери Шахерезаде, – может быть, мне лучше поступить с тобой так, как купец поступил со своей женой?

– А что же он сделал? – спросила она.

– Он срезал несколько прутьев тутового дерева и спрятал их в своей комнате, а затем сказал жене: «Пойдем к тебе в комнату, и я скажу тебе там тайну и, пока меня никто не видал, умру. А лишь только она вошла, он на ключи запер дверь и бил ее до тех пор, пока она не лишилась почти чувств и не закричала: «Я раскаиваюсь». Она целовала ему руки и ноги и

---

¹⁴ Ната делается из большого круглого куска кожи, которую расстилают на землю, вместо скатерти для обеда. Ната употребляется преимущественно во время путешествий. Кругом нее продета веревка, которую стягивают, и тогда ната образует мешок для остатков провизии.

¹⁵ Кадием называется судья, произносящей приговоры как по нравственным, так по религиозным, гражданским и уголовным делам. В маленьких городах он исполняет, кроме того, обязанности нотариуса при заключении контрактов.

вышла с ним из комнаты, и все присутствующие, и вся семья очень радовались, и они до самой смерти счастливо прожили вместе.

Дочь визиря, выслушав рассказ отца, сказала ему:

– А все-таки надо сделать по-моему.

Он приготовил ее и отправился к царю Шахрияру. А она стала учить сестру, сказав ей:

– Когда я уйду к царю, я пошлю звать тебя к себе, и когда ты придешь ко мне и выберешь подходящее время, скажи: «О, сестра моя, расскажи мне какую-нибудь историю, чтобы скоротать время». И я начну рассказывать тебе историю, которая, если угодно Богу, послужит средством освобождения.

Отец ее, визирь, повел ее к царю, который, увидав ее, обрадовался и сказал:

– Так ты привел мне то, что я желал?

– Да, – отвечал визирь.

Когда царь познакомился с ней, она заплакала.

– Что с тобою? – сказал он ей.

– О царь, – отвечала она, – у меня есть младшая сестра, и мне хотелось бы проститься с нею.

Царь послал за нею, и она пришла и, обняв сестру, села на край постели и, выждав удобную минуту, сказала:

– Ради Аллаха, о сестра моя, расскажи нам какую-нибудь историю, чтобы скоротать время.

– Охотно, – отвечала Шахерезада, – если добродетельный царь позволит мне.

А царь, услышав эти слова и не чувствуя желания спать, был доволен возможностью послушать историю, и таким образом в первую ночь из тысячи одной ночи Шехерезада начала свои рассказы.

Глава первая

Начинается с первой ночи и кончается в половине третьей ночи

Купец и Шайтан

– Мне рассказывали, о счастливый царь, – сказала Шехерезада, – что жил на свете купец, обладавший крупным богатством. Купец этот вел крупную торговлю с окрестными государствами, и однажды он сел на лошадь и поехал в соседнюю страну собирать долги. Истомленный от зноя, он сел под деревом в саду и, засунув руку в мешок у своего седла, достал кусочек хлеба и финик, находившийся у него между провизией.

Съев финик, он бросил косточку, и перед ним тотчас же явился огромного роста Шайтан, который подошел к нему с поднятым огромным мечом в руке и сказал:

– Вставай для того, чтоб я мог убить тебя, как ты убил моего сына.

– Как я убил твоего сына? – спросил купец.

– Когда ты ел финик, – отвечал он, – и бросил косточку, она попала моему сыну в грудь, и, по определению судьбы, он тотчас же умер.

Купец, услышав эти слова, вскричал:

– Поистине мы принадлежим Господу, и поистине мы должны вернуться к Нему! Силой и властью обладает только Всевышний, Ведший Господь! Если я убил его, то сделал это неумышленно и совершенно не зная этого, и я верю тебе, что ты тотчас же простишь мне.

– Смерть твоя, – отвечал Шайтан, – неизбежна, так как ты убил моего сына. – И, говоря таким образом, он схватил его, бросил на землю и поднял руку, чтобы убить мечом.

Тут купец горько заплакал и сказал Шайтану:

– Предоставляю судьбу свою Господу, так как никто не может избежать того, что определено Им... – И, продолжая свои стенания, он повторил следующие стихи:

За ясным днем дождливый день —
то время,

А в нашей жизни две есть половины:
Счастливая и полная страданий.
Скажи тому, кто упрекнет тебя
За все твои несчастья и невзгоды;
Да разве счастье лишь одними
вельможами
Дается Небом? Разве ты не видишь,
Что трупы мертвых плавают по морю,
А жемчуг драгоценный остается
Сокрытым в глубинах морского дна?
Когда рука судьбы нас поражает,
То весть о том несчастьи приносит
Нам медленный холодный поцелуй.
На небе счета нет горящим звездам;
Но только лик луны и солнца меркнет,
И в мрак затменье погружает землю.
Деревьям на земле нет счету тоже,
Но только в те камнями бросают,
Что носят на ветвях своих плоды.
Ты похвалами восхваляешь дни,
Когда тебя рука ласкает счастья,
...И не боишься ты несчастных дней,
Которые злой рок приносит людям.

Когда он окончил читать стихи, Шайтан сказал ему:

– Не трать слов попусту, смерть твоя неизбежна.

– Ну, так знай, Шайтан, – отвечал купец, – что у меня есть долги, которые надо заплатить, что у меня много имущества, есть дети, жена, есть заклады; и поэтому позволь мне съездить домой и отдать всем, что следует, и затем я вернусь к тебе; я обязуюсь клятвенным обещанием, что вернусь к тебе, и ты сделаешь со мною, что угодно. Сам Бог пусть будет свидетелем моих слов.

Шайтан принял его условие и отпустил его, взяв обещание, что по прошествии года он вернется.

Купец после этого вернулся в свой город, сделал все, что считал нужным сделать, заплатил каждому, что был должен, и сообщил жене и детям о том, что с ним случилось. Услыхав это, как они, так и его родные и женщины заплакали. Он назначил опекуна над детьми и прожил со своей семьей до конца года. Тогда он взял под мышку саван¹⁶, простился со своими домашними и соседями, и со всеми родными и против воли поехал, а семья его плакала, кричала и стонала.

Он ехал, пока не добрался до вышеупомянутого сада, что было в первый день Нового года, и в то время как он сидел, оплакивая несчастье, обрушившееся на него, к нему подошел уже старый шейх, который вел лань на цепочке, привязанной к ней. Шейх¹⁷ приветствовал купца пожеланием ему долголетия и сказал:

– Что за причина, что ты сидишь один в таком месте, зная, что это притон Шайтана?

---

¹⁶ У магометан существует обычай брать с собой на войну или отправляясь в продолжительное путешествие, в особенности в пустыню, саван, так как всякому хочется быть погребенным по закону. Купец, о котором идет речь, вероятно, надеялся, что шайтан или прохожие обмоют его, оденут и похоронят.

¹⁷ Слово «шейх» собственно означает «почтенный человек», но вообще же оно равносильно слову «господин» и дается всякому мусульманину.

Купец рассказал ему, что случилась за история между ним и Шайтаном, и о причине его пребывания здесь. Шейх, владетель лани, очень удивился и сказал:

– Клянусь Аллахом, о брат мой, твоя верность велика, и история твоя удивительна! Если б ее могли запомнить, то она послужила бы уроком всякому, кто захотел бы видеть в ней предостережение!

И, опустившись подле него, он сказал:

– Клянусь Аллахом, о брат мой! Я не покину этого места до тех пор, пока не увижу, что выйдет у тебя с Шайтаном.

Расположившись подле него, они начали беседовать. А купец почти лишился чувств; его охватили страх, ужас, страшное горе и ужасная тревога. В то время как владетель лани сидел подле него, вдруг к ним подошел второй шейх, с двумя черными собаками и, поклонившись, спросил у них: «Зачем сидят они в таком месте, которое считается притоном Шайтана», и они рассказали ему всю историю с начала до конца.

И лишь только он сел подле них, как подошел третий шейх с пегим мулом и задал им тот же вопрос, на который был дан тот же ответ.

Вслед за этим поднялась пыль и закрутилась громадным столбом, двигавшимся со стороны пустыни; затем пыль рассыпалась, и показался Шайтан с обнаженным мечом в руке и с глазами, из которых сыпались искры. Он приблизился к ним и, вытащив от них купца, сказал ему:

– Встань для того, чтоб я мог убить тебя, как ты убил моего сына, живого духа моего сердца.

Купец зарыдал и заплакал, и три шейха точно так же выразили свое горе, плача и громко рыдая и сетуя. Но первый шейх, хозяин лани, пришел в себя и, поцеловав руку Шайтану, сказал ему:

– О ты, Шайтан, венец царей дьяволов! Если я расскажу тебе историю как свою, так и этой лани, и ты найдешь ее занимательной и даже более занимательной, чем история этого купца, то отдай мне право на треть его крови?

– Хорошо, – отвечал он. – О шейх, если ты расскажешь мне историю, и я найду ее такой, как ты говоришь, то отдам тебе третью часть своего права на его кровь.

Первый шейх и лань

– Ну, так знай же, о Шайтан, – сказал шейх, – что эта лань – дочь брата моего отца и одной со мной крови и плоти. Я взял ее себе в жены, когда она была молода¹⁸, и прожил с ней около тридцати лет; но детей у нас не было, и потому я взял себе в наложницы рабыню¹⁹, и от нее у меня родился мальчик, красивый, как молодой месяц, с прелестными глазами, с тонкими бровями, со статными ногами, и он, вырастая мало-помалу, дожил до пятнадцати лет. В это время мне неожиданно пришлось ехать в другой город с большим запасом товаров.

Двоюродная сестра моя, вот эта лань, училась волшебству и гаданью с юных лет; и во время моего отсутствия она обратила вышеупомянутого мальчика в теленка, а мать его – в корову и отдала их под надзор пастуха. Вернувшись после долгого отсутствия, я спросил, где мой сын и его мать, и она сказала:

– Рабыня твоя умерла, а сын твой бежал, но куда – я не знаю.

Услыхав это, я горевал целый год и плакал до самого праздника жертвоприношений, когда я послал к пастуху и приказал ему выбрать для меня жирную корову. Он привел мне корову, и она оказалась моей наложницей, обращенной этой ланью. Я загнул полы своего платья, заворотил рукава и, взяв в руку нож²⁰, приготовился заколоть ее, но она так мычала и так стонала, что я ее оставил и приказал пастуху заколоть ее и снять кожу; и он исполнил мое приказание, но в ней не оказалось ни жиру, ни мяса и ничего, кроме костей и кожи. Я раскаялся, что убил ее, но раскаяние это было позднее. Вследствие этого я отдал ее пастуху и приказал привести мне жирного теленка, и он привел мне моего сына, обращенного в теленка. Теленок, увидав меня, оборвал веревку, прибежал ко мне и так прыгал, так радовался и так кричал, что мне его стало жаль, и я сказал пастуху:

– Приведи мне корову, а этого...

Тут Шехерезада увидела, что начало светать, и не стала дальше продолжать рассказ. Сестра же сказала ей:

– Какая славная история! Какая занимательная, веселая и приятная!

Но она отвечала:

– Что она значит в сравнении с той, что я расскажу тебе в завтрашнюю ночь, если я останусь жива и царь пощадит меня.

А царь сказал:

– Клянусь Аллахом, я не убью ее, пока не услышу конца истории.

После этого они приятно провели ночь до самого утра, когда царь отправился в зал суда, и визирь прошел туда же с саваном под мышкой. Царь судил, и производил допросы, и смешал с должностей до конца дня, не сказав визирю о том, что случилось. Министр был очень удивлен. Суд был распущен, и царь вернулся к себе во дворец.

(На другую ночь и на все последующие ночи Шехерезада продолжала до такой степени заинтересовывать царя Шахрияра своими рассказами, что он постоянно откладывал исполнение над нею казни, в ожидании, что запас ее занимательных рассказов скоро кончится, и так как в оригинале каждая ночь заключалась всегда одними и теми же словами, то в настоящем переводе мы выпустим эти повторения.)

---

¹⁸ Арабы называют жену молодой, когда ей двенадцать лет.

¹⁹ Рабы и рабыни у магометан состоят из людей, взятых в плен на войне, или же из детей, родившихся от рабов. Рабы преимущественно берутся из Абиссинии и других стран Африки.

²⁰ Мусульмане должны убивать скот для еды особым способом. Домашних животных закалывают, перерезая им горло. Резать скотину может мусульманин, или христианин, или еврей, как мужчина, так и женщина. Приступая к этой операции, надо призывать помощь Аллаха.

– Когда шейх увидал, – продолжала Шахерезада, – слезы теленка, то в сердце своем они почувствовал жалость и сказал пастуху:

– Оставь теленка этого в стаде.

Джинну понравилась эта странная история, а хозяин лани продолжал:

– О господин царей дьяволов, в то время как это происходило, моя двоюродная сестра, вот эта лань, посмотрела на теленка и сказала: «Заколи этого теленка, потому что он жирный». Но я не мог заколоть и приказал пастуху увести его, и он взял его и увел.

На другой день я сидел у себя, когда он пришел ко мне и сказал:

– О хозяин! Я скажу тебе нечто, что тебе будет очень приятно слышать, и тебе надо будет вознаградить меня за хорошую весть²¹.

– Хорошо, – отвечал я, и он продолжал:

– О купец! У меня есть дочь, которая в юности выучилась колдовству от одной старухи из нашей родни; и вчера я привел теленка, что ты мне дал, к ней, и она, взглянув на него, закрыла себе лицо и заплакала, а потом засмеялась и сказала: «О, мой отец, неужели я так низко упала в твоём мнении, что ты приводишь ко мне посторонних мужчин?»²² – «Да где же, – сказал я, – тут посторонние мужчины? И зачем ты плакала и смеялась?» Она же отвечала: «Этот приведенный тобой теленок – сын нашего хозяина, купца, жена которого оборотила обоих, и его, и мать его; и вот причина моего смеха; а плакала я о его матери, так как его отец убил ее». Я до крайности этому удивился и, лишь только увидал, что начало светать, как тотчас же поспешил уведомить тебя.

Услышав эти слова пастуха, я от радости и неожиданного счастья охмелел без вина и отправился с ним к нему в дом, где дочь его приветствовала меня и поцеловала мне руку, а теленок прибежал ко мне и стал ласкаться.

– Правда ли, – сказал я пастуховой дочери, – то, что ты сказала об этом теленке?

²¹ У мусульман существует обычай одаривать лицо, которое приносит хорошую весть.

²² Магометанская женщина не должна показывать своего лица никому из мужчин, кроме близких родственников или таких, за которых она почему-либо не может выйти замуж.

– Правда, о мой хозяин, – отвечала она. – Он – действительно твой сын и родной дух твоего сердца.

– Девушка, – сказал я, – если ты обернешь его в человека, то я дам тебе весь скот и все мое имущество, находящееся в руках твоего отца.

Услыхав это, она улыбнулась и сказала:

– О мой хозяин, я не желаю твоего имущества, и если возьму его, то только на двух условиях: во-первых, что ты выдашь меня замуж за твоего сына и, во-вторых, что ты позволишь мне околдовать ту, которая обратила его, а иначе я не могу быть защищена от ее чар.

Услыхав, о Шайтан, эти слова ее, я сказал:

– И ты получишь, кроме того, все имущество, находящееся на руках твоего отца, а что касается до моей двоюродной сестры, то даже кровь ее по закону должна принадлежать тебе.

Услыхав это, она взяла чашку, налила в нее воды, пошептала над ней какое-то заклинание и, вспырнув ею теленка, сказала:

– Если Господь создал тебя теленком, то останься в его образе и не меняйся; но если ты заколдован, то прими свой первоначальный образ с позволения Аллаха, имя которого да будет прославлено!

После этого он встряхнулся и сделался человеком, а я бросился к нему и сказал:

– Именем Аллаха умоляю тебя сказать мне все, что моя родная сестра сделала с тобой и с твоей матерью.

И он рассказал мне все, что случилось с ними обоими, на что я сказал ему:

– О сын мой, Господь послал тебе избавительницу и сожительницу, – и я выдал за него пастухову дочь, после чего она обратила мою двоюродную сестру в лань. И так как мне случилось проходить по этой дороге, где я увидел этого купца, то и спросил у него, что с ним случилось. Получив от него ответ, я сел подле него, чтобы дожидаться, чем судьба его кончится. Вот и вся моя история.

– Удивительная история, – сказал Шайтан, – и я отдаю тебе свое право на треть его крови.

Второй шейх, хозяин двух собак, подошел после этого к нему и сказал:

– Если я расскажу тебе свою историю и историю этих двух собак, и ты найдешь ее точно такой же занимательной, то передашь ли ты мне тоже третью часть твоего права на кровь этого купца?

Шайтан отвечал, что передаст.

Второй шейх и две черные собаки

– В таком случае знай же, царь царей дьяволов, что эти две собаки – мои братья. Отец наш умер и оставил нам три тысячи червонцев, и я открыл лавку²³, покупки и продажи. Один из моих братьев отправился путешествовать, взяв запас товаров, и целый год пробродив с караванами, вернулся неимущим.

– Разве я не отговаривал тебя от этого путешествия? – сказал я.

Он же заплакал и отвечал:

– О брат мой! Бог, всемогущий и всеславный, предопределил свершившееся, и говорить об этом теперь бесполезно: у меня ничего не осталось.

Я взял его к себе в лавку, затем повел в баню и одел в дорогое платье, выбранное из моей собственной одежды; после чего мы оба сели за обед, и я сказал ему:

– О брат мой! Вот я произведу расчет годовых барышей моей лавки и, выключив основной капитал, разделю их пополам между мной и тобой.

Я произвел расчет и нашел, что барышей у меня осталось две тысячи червонцев, и, благословив Аллаха, всемогущего и всеславного, я с немалым удовольствием разделил барыши на две равные части между мной и им. После этого второй мой брат тоже отправился путешествовать и вернулся таким же неимущим, и я сделал для него то же самое, что сделал для первого брата.

Некоторое время мы прожили вместе, но затем братья мои опять пожелали путешествовать и стали звать меня с собой, но я отказался.

– Что, – сказал я, – приобрели вы во время ваших странствований, и на какие барыши могу я рассчитывать?

Они надоедали мне, но я не соглашался на их требования. И мы в течение еще целого года продавали и покупали в нашей лавке. Но они продолжали уговаривать меня отправиться путешествовать, и я все-таки отказывался, пока, наконец, через шесть лет я не согласился и не сказал им: «О, братья мои! Нам надо сосчитать, что мы имеем».

Мы действительно сосчитали, и у нас оказалось шесть тысяч червонцев; и после этого я сказал им:

– Половину этого мы зароем в землю для того, чтобы в случае неудачи у нас было на что снова начать торговлю²⁴.

– Совет твой превосходен, – сказали они.

Таким образом, я взял деньги и разделил их на две равные части, зарыл три тысячи червонцев, а из оставшихся денег дал каждому по тысяче. После того мы приготовили товары, наняли судно, нагрузили наши товары и отправились в путь, продолжавшийся ровно месяц, по прошествии которого мы прибыли в город, где продали наш товар и на каждый червонец получили по десяти.

И когда мы собирались уже пуститься в обратный путь, то увидели на берегу девушку, одетую в лохмотья; девушка поцеловала мне руку и сказала:

– О хозяин мой! Обладаешь ли ты милосердием и добротой? Если обладаешь, то я буду благодарить тебя за них.

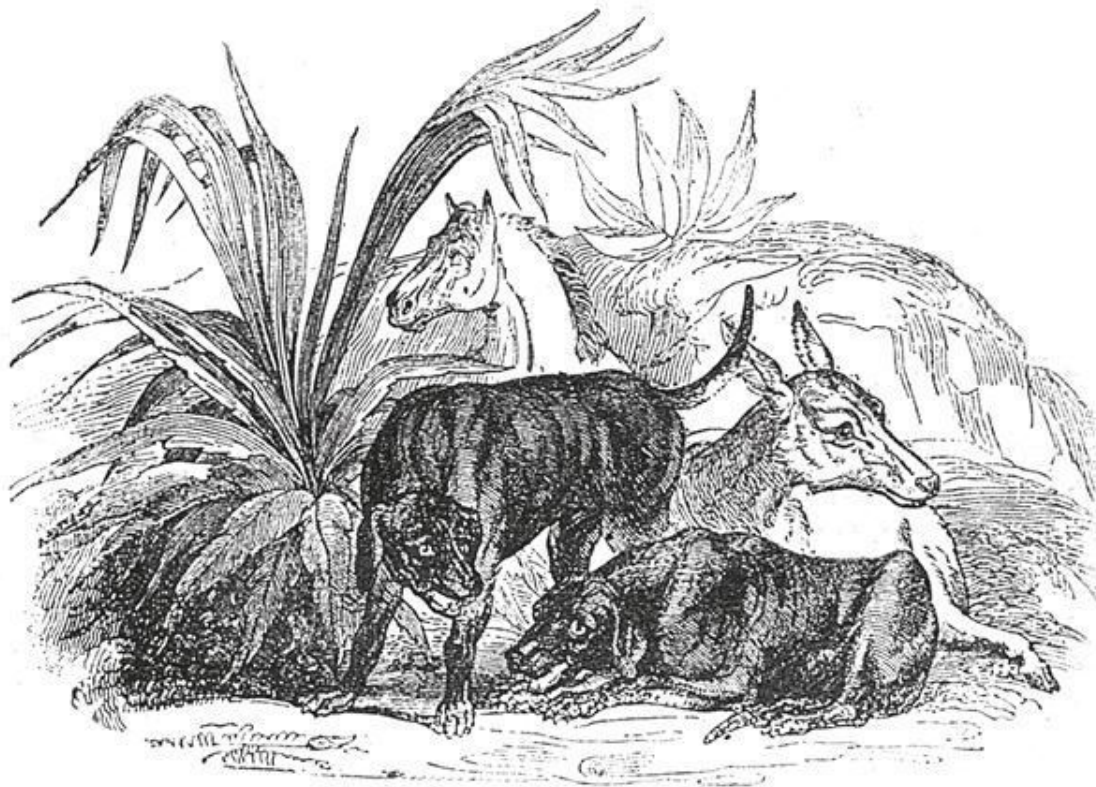
– Добродетелями этими я обладаю, – отвечал я, – но тебе не за чем благодарить меня за них.

---

²³ В восточных городах большая часть главных улиц занята рядом лавок с обеих сторон, не имеющих никакого сообщения с верхними этажами, разделенными на квартиры.

²⁴ Из недоверия к служащим и к родственникам арабы зачастую прячут свои деньги, зарывая их под полом.

– О хозяин мой, – сказала она, – возьми меня в свои жены и увези отсюда. Так как я сама отдаюсь тебе²⁵, то будь ко мне добр, я заслуживаю, чтобы со мною обращались хорошо и ласково, и буду тебе за это благодарна. Не думай обо мне дурно, видя меня в настоящем положении.

Услыхав это, я был тронут до глубины души и почувствовал к ней нежность, в силу исполнения предопределения Всевышнего, которому мы приписываем могущество и славу. Я взял ее, одел, устроил ей очень хорошенькое помещение на судне и стал ласково и внимательно обращаться с ней.

Мы подняли паруса, и я так привязался к своей Акене, что из-за нее пренебрегал обществом братьев, которые вследствие этого стали меня ревновать и даже завидовать моему богатству и обилию моих товаров, глядя завистливым оком на мое положение. Они сговорились убить меня и взять мое имущество, сказав:

– Убьем брата и возьмем себе все его состояние.

И дьявол представил им этот поступок в хорошем виде. Они пришли ко мне в то время, как я спал рядом с женой, и, взяв нас обоих, бросили в море.

Но лишь только жена моя очнулась, она ударилась и превратилась в ведьму и тотчас же, ухватив меня, перенесла на остров и на некоторое время исчезла. Но утром она вернулась и сказала мне:

– Я – жена твоя, которая перенесла тебя и спасла от смерти с позволения Аллаха, да будет славно имя Его. Знай, что я – ведьма: я увидела тебя и по милости Аллаха полюбила, так как я верю в Аллаха и Его апостола, да спасет и прославит его Господь! Я явилась тебе в том виде, в котором ты меня видел и женился на мне, и вот теперь я спасла тебя от смерти. Но я возмущена против твоих братьев и хочу убить их.

---

²⁵ Слова: «я сама отдаюсь тебе», сказанные женщиной, делают ее законной женой мужчины, если он согласен взять ее.

Услышав ее рассказ, я был удивлен и поблагодарил ее за то, что она мне сделала.

– Что же касается до убийства моих братьев, – сказал я, – то я этого вовсе не желаю.

После этого я рассказал ей от начала до конца все, что произошло между мною и ими, и она, услышав мой рассказ, сказала, что на следующую же ночь полетит к ним потопить судно и сгубить их.

– Ради Аллаха, – сказал я, – умоляю тебя этого не делать, так как составитель поговорки говорит: «О, ты, благодетель человека, сделавшего зло, знай, что самое это зло есть достаточное для него наказание». И кроме того, они – все-таки мои братья.

– Они должны быть убиты, – продолжала она настаивать, а я продолжал умиротворять ее, и, наконец, она подняла меня, и полетела со мною, и поставила меня на крышу моего дома²⁶.

Отворив дверь, я выкопал то, что было зарыто у меня в земле, поздоровался с соседями и, купив товары, открыл лавочку. На следующий день, войдя к себе в дом, я нашел этих двух собак привязанными. Увидев меня, они бросились ко мне, завyli и стали ласкаться; но я не знал, что случилось, пока не пришла ко мне жена и не сказала мне:

– Это – твои братья.

– А кто же, – вскричал я, – обратил их?

– Я посылала к своей сестре, – отвечала она, – и она это сделала, и они не поправятся ранее как через десять лет.

И вот теперь я шел к той, которая должна была помочь им, так как десять лет уже миновали, как, увидав этого человека и услышав, что с ним случилось, я решил не покидать этого места до тех пор, пока не увижу, что произойдет между тобой и им. Вот моя история.

– Действительно, – отвечал Шайтан, – история твоя занимательна, и я даю тебе третью часть на свое право над ним, так как кровь его принадлежит мне за нанесенное им мне зло.

После этого третий шейх, хозяин мула, сказал Шайтану:

– Что же касается до меня, то не огорчай меня, если я расскажу тебе следующее:

---

²⁶ Крыши в арабских домах по большей части плоские, так что летом на них очень удобно спать, и из комнаты на них есть выход.

Третьей шейх и мул

– Мул, которого ты видишь, был моей женой: она влюбилась в черного раба, и, когда я застал ее с ним, она взяла кружку с водой и, нашептав на нее, спрыснула меня и обратила в собаку. В этом виде я побежал в лавку к мяснику, дочь которого видела меня и, владея даром колдовства, возвратила мне мой человеческий образ и научила меня обратить жену в то, что ты видишь. И теперь я надеюсь, что ты простишь ради меня и третью часть вины купца. Божественно был одарен тот, кто сказал:

Сей доброе в сердца, не разбирая
Достойных и не стоящих его:
На всякой почве даст оно росток.

Когда шейх досказал свою историю, то Шайтан пришел в восторг и передал последнюю треть своих прав на кровь купца. Купец подошел к шейхам и поблагодарил их, а они поздравили его со спасением, и все разошлись в разные стороны...

– Но эта история, – сказала Шехерезада, – далеко не так занимательна, как рассказ о рыбаке.

– А что это за история о рыбаке? – спросил царь.

И она стала рассказывать следующее...

Глава вторая

Начинается в половине третьей ночи и кончается посреди девятой

Рыбак

Жил-был рыбак уже пожилых лет, и у него была жена и трое детей; и хотя человек он был неимуший, но имел обыкновение закидывать сети всего четыре раза в день. Однажды он отправился в полуденный час на морской берег и, поставив корзинку, закинул сеть и стал ждать, пока она не опустится в воду, тогда, взяв веревку, он стал ее тянуть, но почувствовал, что сеть страшно тяжела. Как он ни тянул, вытащить сети он не мог. Вбив колышек в землю, он привязал к нему конец веревки. Затем разделся и, ныряя, стал тащить сеть, пока не сдвинулся с места. Это его очень обрадовало и, накинув платье, он начал осматривать, что в сети, и увидел скелет осла. Огорченный, он вскричал:

У Бога, Властителя земли,
Есть власть и сила. Страшная судьба!
Во мраке ночи и в опасном месте
Трудится человек изо всех сил.
Напрасно ты хлопочешь и трудишься,
Ведь помощь Промысла не любит платы.

Он вынул из сети скелет осла и отбросил его; затем, растянув сеть, вошел в море и со словами «Во имя Аллаха!» снова забросил ее и стал ждать, пока она не погрузится и вода над нею не успокоится.

Начав ее вытягивать, он нашел, что она еще тяжелее прежнего. Из этого он заключил, что она полна рыбы; поэтому привязал ее и, раздевшись, стал нырять и поднимать сеть, пока не поднял ее и не вытащил на берег. В сети он нашел только огромный кувшин, полный песку и грязи. Увидав это, ему сделалось досадно, и он повторил следующие слова поэта:

О, пощади, злой рок, гонитель мой!
Но если ты пощады дать не хочешь,
Остановись и мук моих не множь,
Ни милости мне счастье не дало,
Ни пользы сильных рук моих работа.
Пришел сюда я, чтоб искать работы
И средств для жизни – все напрасно было!
Толпа невежд живет в довольстве полном,
А мудрые – во мраке и нужде.

Говоря таким образом, он отбросил в сторону кувшин и встряхнул, и вычистил сети. Попросив прощения у Бога за свою досаду, он в третий раз вернулся к морю, забросил сеть и подождал, пока она не опустилась и вода не успокоилась. Он вытянул ее и нашел в ней множество обломков горшков и кувшинов.

Увидав это, он поднял голову к небу и сказал:

– О Господи! Тебе известно, что я не забрасываю своей сети более четырех раз, а я бросал уже три раза!

И затем прибавив:

– Во имя Господа! – он бросил сеть в море и подождал, пока оно успокоилось. Начав вытягивать ее, он ничего не мог сделать, потому что она ложилась на дно.

– Только Бог обладает силой и властью! – вскричал он и снова разделся, и стал нырять кругом сети и тащить ее, пока не вытянул на берег. Развернув сеть, он увидел в ней большой

медный графин, чем-то наполненный и закупоренный свинцовой пробкой, со выдавленной печатью господина нашего Сулеймана. Увидав это, рыбак обрадовался и сказал:

– Это я продам меднику; за такой графин дадут десять червонцев.

Он поднял его и нашел, что оно тяжел.

– Надо открыть его, – сказал он, – и посмотреть, что в нем такое, и спрятать в мешок, а потом продам его в лавку медника.

Оно достал нож и ковырял свинец до тех пор, пока не вытащил его из горлышка. Затем положил графин на землю и встряхнул его, для того чтобы содержимое вылилось из него, но из графина пошел сначала пар, поднявшийся до самых небес и разостлавшийся по земле, что немало удивило его. Спустя некоторое время пар стал сгущаться, трепетать и обратился в Шайтана, голова которого касалась облаков, в то время как ноги его еще стояли на земле. Голова его походила на купол, руки – на вилы, а ноги – на мачты. Рот его походил на пещеру, зубы были точно камни, ноздри как трубы, а глаза как лампы; волосы пыльного цвета висели распущенными.

Рыбак, увидав этого Шайтана, весь затрясся, зубы у него застучали, во рту пересохло, в глазах потемнело. Шайтан, увидав его, вскричал:

– Нет божества, кроме Бога, Сулейман – пророк его. О Божий пророк, не убивай меня; я никогда не буду более восставать против тебя ни словом, ни делом.

– О Шайтан, – сказал рыбак, – ты говоришь, что Сулейман – Божий пророк? Да ведь Сулейман умер тысяча восемьсот лет тому назад, а мы теперь близки к концу века. Что твоя за история, и что за происшествие, и по какой причине ты попал в кувшин?

Шайтан, услышав эти слова рыбака, сказал:

– Нет другого Бога, кроме Бога! Слушай новости, о рыбак!

– Какие новости? – спросил рыбак.

– О том, что ты тотчас же будешь предан самой жестокой смерти.

– За эти новости, – вскричал рыбак, – ты заслуживаешь, господин всех дьяволов, чтобы тебя лишили покровительства. О ты, отщепенец! Зачем ты хочешь убивать меня, и зачем понадобилось тебе убивать меня, когда я освободил тебя; вытащил со дна морского и принес на сухой берег?

– Выбирай: какой смертью хочешь умереть, – отвечал Шайтан, – или каким образом хочешь быть убитым.

– Какая же моя вина, если таким образом хочешь ты вознаградить меня?

– А вот выслушай мою историю, о рыбак! – отвечал Шайтан.

– Ну, так рассказывай, – сказал рыбак, – только ты будь краток в словах, потому что у меня вся душа ушла в пятки.

– Знай же, – сказал он, – что я – один из шайтанов-еретиков. Я восстал против Сулеймана, сына Дода; я – Сакр-Шайтан²⁷, и он послал ко мне своего визиря Асафа, сына Баркхчая, силой ворвавшегося ко мне; они связали меня и привели к нему. Увидав меня, Сулейман пропел молитву, прося против меня покровительства, и потребовал, чтоб я принял его веру и подчинился его власти, но я отказался; после этого он велел принести этот графин и, засунув меня в него, закупорил свинцовой пробкой и наложил свою великую печать. Тут он позвал дьявола, который унес меня и бросил посреди моря. Там я пролежал сто лет, и говорил в душе: того, кто освободит меня, я обогащу на всю жизнь; но сто лет прошли, и меня никто не освободил. С началом второго столетия я сказал себе: «тому, кто освободит меня, я открою все сокровища земные», но никто не освободил меня. Прошло еще четыреста лет, и я говорил: «тому, кто освободит меня, я исполню три желания», но все-таки никто не освобождал меня. После этого я впал в страшную ярость и говорил себе: «того, кто освободит меня, я убью и только позволю выбрать смерть, какой он желает умереть». И вот ты освободил меня, и я позволяю тебе выбрать, какой смертью желаешь ты умереть.

Рыбак, услышав рассказ Шайтана, вскричал:

– О Аллах! Лучше бы я не освобождал тебя теперь! Шайтан, – прибавил он, – прости меня и не убивай, и боги, может быть, простят тебя; и не убивай меня для того, чтобы боги не дали кому-нибудь власти убить тебя.

– Я положительно должен убить тебя, – отвечал Шайтан, – и поэтому выбирай, какой смертью желаешь ты умереть.

Рыбак хотя и видел, что смерть его неизбежна, но снова начал просить Шайтана, говоря:

– Прости меня хоть из благодарности, что я освободил тебя.

– Да ведь и убить-то я тебя хочу, – отвечал Шайтан, – потому что ты освободил меня.

– О шейх Шайтанов, – сказал рыбак, – я поступил с тобой хорошо, а ты так низко вознаграждаешь меня? Поговорка не врет, говоря:

Нас за добро благодарили злом;
Всегда дурной и злой так поступают,
Творя добро неблагодарным людям.
Получишь ты такую же награду,
Как аспид помощь оказал гиене.

---

²⁷ Шайтан Сакр был страшным врагом Сулеймана, или Соломона. В Коране говорится о его последнем изменническом поступке. Так как Соломон, по слабости своего характера, позволил одной из своих женщин заниматься идолопоклонством под его кровлей, то Аллах пожелал наказать его. В некоторых случаях царь этот давал свой именной перстень, служивший знаком его владения государством, своей наложнице Эль-Эминех. Однажды, когда перстень был оставлен у нее, шайтан, по имени Сакр, принял образ Соломона и взял от нее перстень, вследствие чего он завладел государством и сидел на престоле, приняв образ царя, и сделал некоторые изменения в законах. Царь же Соломон в это время так изменился, что его никто не мог узнать, и он ходил и просил подавание, чтобы не умереть с голоду; наконец, по прошествии сорока дней, шайтан улетел из дворца и перстень с печатью бросил в море. Перстень был тотчас же проглочен рыбой, принесенной потом к Соломону, который и нашел свою печать; получив обратно свое царство, он взял Сакра и бросил его в море.

Услыхав это, Шайтан отвечал:

– Не проси за свою жизнь, потому что смерть твоя неизбежна.

Рыбак между тем в душе рассуждал так: «Он – Шайтан, а я – человек, и Бог одарил меня здравым разумом; и потому, чтоб уничтожить его, мне надо прибегнуть к искусству и уму, а не прибегать, подобно ему, к уловкам и коварству.

– Так ты решил убить меня? – сказала он, обращаясь к Шайтану.

– Да, – отвечал он.

– В таком случае, – продолжала рыбак, – ради величайшего имени, вырезанного на печати Сулеймана, я предложу тебе один вопрос; ответишь ли ты мне на него по правде?

Услыхав о величайшем имени, Шайтан смутился, затрепетал и отвечал:

– Отвечу, спрашивай, но торопись.

– Каким образом влез ты в этот графин? – спросил рыбак. – Ведь в него не взойдет ни рука, ни нога твоя; как же вошло все тело?

– Разве ты не веришь, что я сидел в нем? – сказал Шайтан.

– Ни за что не поверю, пока сам не увижу тебя там, – отвечал рыбак.

Шайтан встряхнулся и обратился в пар, поднявшийся к небесам, и, начав сгущаться, стал мало-помалу вбираться в графин, пока не вобрался весь. Тут рыбак быстро закупорил графин свинцовой пробкой и, придавив ею, крикнул Шайтану:

– Выбирай, какого рода смертью хочешь ты умереть. Я брошу тебя тут в море и на этом самом месте выстрою себе дом, чтобы не позволить тут закидывать сети, и буду говорить: «Здесь лежит Шайтан, который за избавление свое предлагает различного рода смерти и позволяет выбрать одну из них».

Услыхав эти слова рыбака, Шайтан хотел высвободиться, но не мог преодолеть печати Сулеймана и сидел, заключенный рыбаком, как самый дурной, коварный и злой дьявол. Рыбак понес графин к морю.

– Нет! Нет! – закричал Шайтан.

– Да, непременно, непременно!

Шайтан заговорил с ним нежным голосом и покойным тоном.

– Что ты хочешь сделать со мной, о рыбак? – застонал он.

– Хочу бросить тебя в море, – отвечал рыбак, – и если ты пролежал там тысячу восемьсот лет, то я постараюсь, чтобы ты пролежал до самого Страшного суда. Разве я не говорил тебе, чтобы ты пощадил меня и что Господь за это пощадит тебя? И не губил бы меня, чтобы Господь не погубил тебя? Но ты отверг мои просьбы и замыслил против меня дурное; поэтому Бог отдал тебя мне в руки, и я обманул тебя.

– Выпусти меня, – просил Шайтан, – для того чтоб я мог осыпать тебя богатиями.

– Врешь, проклятый, – отвечал рыбац. – Мы с тобою напоминаем визиря царя Юнана и мудреца Дубана.

– А что такое было с визирем царя Юнана и мудрецом Дубаном, – спросил Шайтан, – и что у них за история?

Рыбак отвечал следующее...

Царь Юнан и мудрец Дубан

– Знай, что в былые времена в стране Персии жил-был царь по имени Юнан, обладавший большим богатством и многочисленным храбрым войском самых разнообразных образцов. Но сам он страдал проказой, которую не могли излечить ни врачи, ни мудрецы, ни микстуры, ни порошки, ни мази не помогали ему, и никто из врачей не мог вылечить его. Наконец, в столицу этого царя приехал один мудрец, уже пожилых лет, по имени Дубан. Он читал как древние греческие и персидские книги, так и новейшие греческие, арабские и сирийские книги, был сведущ в медицине и астрологии, с научной точки зрения и по отношению правил их практического применения, ради пользы и вреда; знал свойства растений, сухих и свежих, и вред, и пользу от них. Ему было близко знакомо философское учение, и вообще он знал медицину и другие науки.

Прибыв в город, он через несколько дней услышал о несчастье царя, которого Бог наказал проказой, и узнал, что врачи и ученые не могут его вылечить. Услыхав об этом, он провел целую ночь в занятиях и с наступлением дня, рассеявшего тени, и с восходом солнца, приветствовавшего украшение добра, он оделся в богатейшее платье и предстал перед царем. Поцеловав у ног его землю, прочитав молитву о продолжении его могущества и счастья и поклонившись ему, насколько он умел кланяться, он сообщил, кто он такой, и сказал:

– О царь, я слышал, какой недуг коснулся твоей особы и что многие врачи не знают средств против него; а я вылечу тебя, не дав тебе никакого лекарства и никакого натирания.

Услыхав эти слова, царь удивился и отвечал:

– Как же ты это сделаешь? Клянусь Аллахом, если ты меня исцелишь, то я обогачу тебя и детей твоих, и осыплю тебя милостями, и что бы ты ни пожелал, все будет твоим, и ты сделаешься моим товарищем и моим другом. – Он подарил ему почетную одежду и другие вещи и прибавил: – Так ты хочешь исцелить меня без лекарств и мазей?

– Да, – отвечал он, – я исцелю тебя, не доставив тебе никакого беспокойства.

Царь был сильно удивлен и спросил:

– Мудрец, в какое время и в какой день думаешь ты исполнить то, что предлагаешь? Поспеши, о сын мой!

– Слушаю и повинуюсь, – отвечал мудрец.

Выйдя от царя, он нанял дом, в который перенес свои книги, лекарства и травы. Устроившись, он взял травы и лекарства и сделал палочку с полый рукояткой, в которую и вложил приготовленное лекарство; после этого он сделал очень красивый мяч. На следующий день после окончания приготовлений он снова пошел к царю, поцеловал прах у ног его и приказал ему отправиться на бега и играть мячом, подбивая его палочкой. Царь в сопровождении своих эмиров, царедворцев и визирей отправился на бега. Лишь только он прибыл на арену, как мудрец Дубан явился к нему, подал ему палочку и сказал:

– Возьми эту палочку, и держи ее такими образом, и скачи кругом арены, и подбивай мяч изо всей мочи до тех пор, пока твоя ладонь и все твое тело не покроется потом и пока лекарство, проникнув в твою руку, не распространится по всему твоему телу. Когда ты это сделаешь, и лекарство в тебе останется, вернись в замок и сядь в ванну, вымойся хорошенько и усни: ты встанешь здоровым, и да будет над тобою мир.

Царь Юнан взял от мудреца палочку, сжал ее в руке и сел на лошадь. Мяч стали бросать перед ним, и он скакал на лошади, чтобы догнать его и ударить изо всей мочи. Проиграв в мяч, сколько было приказано, и выкупавшись и выспавшись, он посмотрел на свою кожу и увидел, что на ней не осталось и следов проказы: она была чиста, как серебро. Это его страшно обрадовало; сердце его размякло, и он был необыкновенно счастлив.

На следующее утро он вошел в зал совета и сел на трон, а царедворцы и сановники явились к нему. Мудрец Дубан тоже явился, и царь, увидав его, поспешно встал и посадил его подле себя. Перед ним были поставлены кушанья, и мудрец ел вместе с царем и был его гостем в течение всего дня, а с наступлением ночи царь дал ему две тысячи червонцев, почетную одежду и множество других подарков и, посадив его на собственного коня своего, отправил домой. Царь был очень удивлен его искусству, говоря:

– Этот человек вылечил меня без всяких наружных средств, не натирая меня мазями; клянусь Аллахом, он необыкновенно искусен, и на мне лежит обязанность осыпать его милостями и почестями и сделать его своим близким другом и товарищем на всю мою жизнь.

Он провел веселую и счастливую ночь, радуясь своему выздоровлению, и, встав, снова вышел и сел на трон; царедворцы встали перед ним, а эмиры и визири сели по его правую и левую руку, и он послал за мудрецом Дубаном, который, явившись, поцеловал прах у ног его. Царь встал и посадил его рядом с собой, и ел с ним, и осыпал его любезностями. Он одарил его почетным платьем и другими вещами и, проговорив с ним до наступления ночи, приказал выдать еще пять почетных одежд и тысячу червонцев, и мудрец откланялся и вернулся домой.

На следующий день, когда царь снова пришел в залу суда, эмиры, визири и царедворцы окружили его. Между его визириями был один очень дурной человек, злобный, скупой, завистливого и лживого характера. Этот визирь, увидав, что царь выказывал такое расположение мудрецу Дубану и тысячу одну ночь осыпал его милостями, стал завидовать ему и затаил против него злобу согласно пословице, говорящей, что на свете нет людей без зависти или же она где-то таится; власть проявляет ее, а слабость скрывает ее. Таким образом он подошел к царю, поцеловал прах у ног его и сказал:

– О царь веков, милости твои распространяются на всех людей, и мне надо дать тебе один очень важный совет. Если бы я скрыл это от тебя, то был бы врожденным негодяем; и потому, если ты прикажешь мне говорить, то я скажу.

Слова визиря обеспокоили царя, и он сказал:

– Какой это совет?

– Славный царь! – отвечал он. – Древние говорят: человеку, не усматривающему последствий, судьба покровительствовать не станет. Тебя, царь, я видел на ложном пути, так как ты осыпал милостями своего врага – человека, который добивается разрушения твоего государства. Ты обласкал его, и осыпал почестями, и допустил до короткости; поэтому-то, о царь, я боюсь последствий такого поведения.

Эти слова встревожили царя, и лицо его изменилось.

– Кого это ты считаешь моим врагом, – спросил он, – и кого я обласкал?

– О царь, – отвечал он, – если ты спишь, то проснись! Я говорю о мудреце Дубане.

– Он – мой ближайший друг, – сказал царь, – и человек наиболее мне дорогой, потому что он вылечил меня вещью, которую я только держал в руке. Он исцелил меня от болезни, которую врачи не могли вылечить, и в целом мире, от востока до запада, не найти такого человека, как он. Зачем ты говоришь против него? Отныне я хочу назначить ему постоянное содержание и жалованье и давать ему ежемесячно по тысяче червонцев; и если бы я разделил с ним государство, то и того было бы недостаточно. Я думаю, что ты сказал все это из одной только зависти. Если бы я сделал то, что ты желаешь, то раскаялся бы потом, как раскается человек, убивший своего попугая.

Муж-попугай

Жил-был один купец, страшно ревнивый, у которого была необыкновенной красоты жена, что мешало ему выходить из дома. Но случилось так, что ему необходимо было уехать по одному делу, и, убедившись в этой необходимости, он отправился на базар, где продавались птицы, и купил попугая, которого принес домой, чтоб он мог исполнять обязанность шпиона и по возвращении его сообщал ему, что делалось во время его отсутствия, так как этот попугай был ловкий и умный и помнил все, что слышал. Окончив путешествие и свои дела, он вернулся и приказал принести к себе попугая, и спросил его о поведении своей жены.

– У твоей жены есть любовник, – отвечал он, – который в твое отсутствие приходил к ней каждую ночь.

Купец, услышав это, пришел в страшную ярость и, отправившись к жене, избил ее.

Жена вообразила, что кто-нибудь из ее рабынь сообщила ему о том, что происходило в его отсутствие между ней и ее возлюбленным. Она призвала их всех и заставила их поклясться. Все они поклялись, что ничего не говорили хозяину, но признались, что слышали, как попугай сообщал ему о том, что происходило. Убедившись из показаний рабынь, что попугай рассказал ее мужу о ее интриге, она приказала одной из своих рабынь стучать ручной мельницей под клеткой, другой рабыне прыскать сверху водой, а третьей вертеть со стороны в сторону зеркалом в продолжение всей следующей ночи, когда мужа ее не было дома. На следующее утро муж, вернувшись из гостей, снова спросил у попугая, что происходило в ночь его отсутствия, и птица отвечала:

– О хозяин, я ничего не видел и не слышал вследствие страшного мрака, грома, молнии и дождя.

Так как это было летом, то хозяин сказал ему:

– Ну, что за странные вещи ты говоришь? Теперь лето, и ничего подобного, описанного тобой, не было.

Попугай, однако же, клялся всевышним Аллахом, что говорит правду и что все так и было. Купец, ничего не понимая и не зная заговора, так рассердился, что вытащил птицу из клетки и, сильно ударив ее о пол, убил ее.

Но через несколько дней одна из рабынь рассказала ему всю правду; он ей, однако же, не поверил до тех пор, пока не увидел сам, как любовник его жены выскочил из его дома. Он обнажил меч и убил изменника, ударив его сзади по затылку. То же самое он сделал и со своей вероломной женой, и таким образом оба они унесли с собой в огонь тяжесть явного преступления, и купец узнал, что попугай сообщал ему верно о том, что видел, и он очень горевал о его потере.

Визирь, услышав этот рассказ царя Юнана, сказал:

– О царь великодостойный, что сделает мне этот сильный мудрец, этот человек, от которого может произойти зло, чтоб я сделался его врагом и стал дурно говорить о нем и старался бы погубить его? Если я сообщил тебе о нем, то только из сострадания к тебе и из опасения, что ты сгубишь свое счастье, и если я окажусь неправ, то казни меня, как был казнен визирь Эс-Синдибдом.

– Как это случилось? – спросил царь.

На это визирь отвечал так...

Завистливый визирь, царевич и ведьма

У вышеупомянутого царя был сын, страстный любитель охоты²⁸, и визирь, которому он поручил ни на шаг не отходить от его сына. Однажды сын отправился на охоту, и визирь его отца отправился с ним, и в то время как они ехали верхом рядом, они увидели громадного дикого зверя, и визирь крикнул царевичу:

– Скорее вдогонку за этим зверем!

Царевич скакал за ним до тех пор, пока не скрылся из глаз своей свиты, а зверь тоже скрылся в пустыне из его глаз. Разъезжая в тревоге и сомнении и не зная, куда направиться, он встретил плачущую девушку.

– Кто ты такая? – спросил он ее.

– Я – дочь одного из царей Индии, – отвечала она. – Я ехала по пустыне, и на меня напал сон. В бессознательном состоянии я упала с лошади и, потеряв из виду свою свиту, заблудилась.

Царевич, услышав об этом, пожалел ее и посадил позади себя на лошадь, так они и поехали далее по дороге, проходившей мимо развалин, у которых девушка сказала ему:

– Позволь мне, царевич, зайти туда ненадолго.

Царевич спустил ее с лошади, но она так долго не возвращалась с развалин, что он, предположив, что с нею случилось что-либо, вошел туда без ее ведома и увидел, что она ведьма.

– Дети мои, – говорила она. – Я привела вам сегодня жирного юношу.

– О матушка! – вскричали дети. – Приведи его к нам скорее, для того чтобы мясом его мы могли наполнить свои желудки.

Услышав эти слова, царевич понял, что пришел его конец; у него затряслось под жилками от страха, и он вышел.

Ведьма вышла сейчас же к нему и, увидав, что он взволнован, испуган и дрожит, сказала ему:

– Чего ты боишься?

– У меня есть враг, – отвечал он, – и я боюсь его.

– А ведь ты уверял, – продолжала ведьма, – что ты сын царя.

– Да, – отвечал он.

– Так отчего же ты не дашь денег этому врагу и не умиротворишь его таким образом?

– Его деньгами не успокоишь, – отвечал он. – А успокоишь только жизнью, и потому-то думаю, что я человек пропащий.

– Если ты пропащий человек, как ты говоришь, – сказала она ему, – то проси помощи Аллаха против твоего преследователя, и Он отстранит от тебя злокозненные намерения твоего врага и всякого другого, злоумышляющего против тебя.

Царевич тотчас же поднял взор к небу и сказал:

– О Ты, не оставляющий без внимания того, кто молится Тебе, и уничтожающий всякое зло, помоги мне и отгони от меня врага моего, так как Ты имеешь власть делать, что пожелаешь!

Ведьма, услышав эту молитву, тотчас же исчезла. Царевич же вернулся к отцу и рассказал ему о поведении визиря, вследствие чего царь отдал приказ предать визиря смерти.

---

²⁸ Как обыкновенная, так и соколиная охота была любимым занятием арабов, и в особенности их царей и вельмож.

Продолжение сказки о царе Юнани и мудреце Дубане

– А если ты, о царь! – продолжал визирь царя Юнана, – доверишься этому мудрецу, то он самым коварным образом убьет тебя. Если ты по-прежнему станешь оказывать ему милости и сделаешь его своим близким человеком, то он устроит твою погибель. Разве ты не видишь, что он вылечил тебя от болезни наружными средствами – вещью, которую ты только держал в руке? Так разве не может он убить тебя точно так же, дав тебе что-нибудь в руку?

– Ты говоришь правду, – отвечал царь Юнан. – Все было совершенно так, как ты говоришь, верный визирь, очень может быть, что мудрец приехал сюда как шпион, злоумышляя против меня, и если он исцелил меня, дав мне подержать вещь, то разве он не может погубить меня, дав мне понюхать что-нибудь? Ну, что же можно с ним сделать?

– Пошли сейчас же к нему, – сказал визирь, – и прикажи ему явиться сюда, а когда он явится, то отруби ему голову, и таким образом ты лишишь его возможности исполнить злые намерения и убережешься от него. Обмани его, пока он не обманул тебя.

– Ты прав, – отвечал царь.

Он тотчас же послал за мудрецом, который явился веселым и беззаботным, никак не подозревая, какой ждет его приговор, и обратился со следующими словами поэта:

О, если я когда-нибудь забуду
Всю благодарность сердца моего,
То ты напомни, для кого пишу я
И прозой, и стихами.
Ты осыпал меня горою милостей, хотя
Я не просил об этом. Как же мне
Не славить песней все твои заслуги
И петь тебя и сердцем, и словами?
Я благодарен за твои дары.
Слава легка, но ноша тяжела.

– Знаешь ли ты, – сказал царь, – зачем я призвал тебя сюда?

– Можно ли знать известное только Богу, да будет славно имя Его! – отвечал мудрец.

– Я призвал тебя за тем, чтобы лишить жизни.

– О царь! – с удивлением вскричал мудрец. – За что ты хочешь убить меня, и что я сделал тебе?

– Мне сказали, что ты шпион, – отвечал царь, – и что ты прибыл ко мне для того, чтоб убить меня; но я хочу предупредить тебя и убить тебя прежде.

И, говоря таким образом, он позвал палача и сказал ему:

– Отруби голову этому изменнику и избавь меня от его злодейств.

– Пощади меня! – молил мудрец. – И Господь пощадит тебя, и не губи меня, и Господь не погубит тебя. Неужели ты хочешь вознаградить меня, как хотел вознаградить меня крокодил²⁹.

---

²⁹ Читателю может быть интересно узнать рассказ о крокодиле, который мудрец не захотел передать. Вот эта история. Крокодил отполз от Нила по дороге в пустыню и так истомился от зноя и жажды, что не мог уже вернуться назад к реке. В это время к нему приблизился араб на верблюде, направлявшийся к Нилу. Крокодил обратился к нему с просьбой, прося привязать его на спину верблюда и довести таким образом до Нила, обещая в вознаграждение за это перевести его на себе через Нил. Араб отвечал, что он боится, чтобы он, отпущенный на свободу, не бросился на него же и не разорвал бы его; но животное так клялось ему, что араб, наконец, согласился и, заставив верблюда опуститься на колени, привязал крокодила на спину и привез его на берег. Не успел он, однако же, развязать страшного зверя, тот тотчас же разинул свою страшную пасть, чтобы уничтожить своего благодетеля. В эту минуту к ним подошла лисица. Араб обратился к лисе и рассказал ей всю историю, а крокодил стал оправдываться, говоря, что араб так крепко привязал его к спине верблюда, что чуть не убил.

И мудрец повторял эти слова несколько раз, как повторял я: «О Шайтан!» Но ты не слушал меня и непременно хотел убить.

– Я не буду спокоен до тех пор, пока не убью тебя, – сказал царь Юнан мудрецу Дубану. – Потому что ты вылечил меня вещью, которую я только держал в руках, и я не могу быть уверен, что ты не лишишь меня жизни, дав понюхать что-нибудь или же каким-нибудь другим способом.

– Так вот, – сказал мудрец, – как ты вознаграждаешь меня? Ты платишь злом за добро?

– Ты должен быть убит без замедления! – отвечал царь.

Когда мудрец убедился, что царь действительно хочет предать его смерти, и что судьба его решена, он стал жаловаться, что услужил недостойному. Подошедший палач завязал ему глаза и, выдернув свой меч, сказал царю: «Дозволь!» Мудрец заплакал и снова проговорил:

– Пощади меня, и Господь пощадит тебя! Не губи меня, и Господь не погубит тебя! Неужели ты хочешь вознаградить меня, как хотел вознаградить крокодил?

– Что это за история крокодила?

– Могу ли я рассказывать, находясь в таком положении? – отвечал мудрец. – Но умоляю тебя именем Аллаха пощадить меня, чтобы Господь пощадил тебя.

Он так горько плакал, что один из сановников встал и сказал:

– О царь, отдай мне кровь этого мудреца, потому что мы не видал, чтоб он сделал тебе какое-нибудь зло, и видел только, что он вылечил тебя от болезни, поставивши в тупик других врачей и мудрецов.

– Вы не знаете причины, почему мне хочется убить этого мудреца, – сказал царь. – Ведь если я позволю ему жить, то погибну сам; если он вылечил меня от страшной болезни, дав подержать вещь, то может убить меня каким-нибудь запахом, и я боюсь, что он так и сделает и получит за это плату. Надо думать, что он шпион, присланный сюда для того, чтобы убить меня. Только убив его, я спасу себя.

– Пощади меня, – снова сказал мудрец, – чтобы Господь пощадил тебя, и не губи меня, чтобы Господь не погубил тебя.

Но тут, о Шайтан, он ясно убедился, что царь казнит его и что спасения ему нет.

– О царь, – сказал он. – Если смерть моя неизбежна, то дай мне отсрочку для того, чтобы я мог вернуться домой, исполнить свои обязанности и распорядиться, чтобы родственники мои похоронили мое тело, и завещать мои медицинские книги. Между моими книгами есть одна особенно ценная, которую я отдаю тебе для того, чтобы ты поместил ее к себе в библиотеку.

– Что это за книга? – спросил царь.

– В ней достоинства неисчислимы, – отвечал он. – И между прочим, я могу сказать тебе, что когда голова моя скатится, то ты можешь открыть эту книгу и, повернув три страницы, прочесть три строчки на левой стороне, и голова моя с тобой заговорит и ответит тебе на вопрос.

Лисица отвечала, что араба, конечно, можно было бы охватить, но что по справедливости она требует, чтобы все его действия были повторены перед нею. Крокодил согласился, и снова был привязан на спину к верблюду и свезен к тому месту, где араб нашел его. Там араб, по приказанию лисицы, держа за повод верблюда, срезал веревки, державшие крокодила, и, сбросив его на землю, ускакал от него, оставив его в прежнем жалком положении.

Царь был удивлен до крайности и, задрожав от восторга, сказал ему:

– Как, мудрец, голова твоя заговорит уже после того, как она будет отрублена?

– Да, царь, – отвечал он, – и в этом-то и заключается все чудо.

Царь под стражей пустил его домой, и мудрец в этот же день распорядился в нем своими делами и на следующий день явился во дворец. Там уже собрались все эмиры, визири и царедворцы и по пестроте своих одежд напоминали цветник. Мудрец вошел и поклонился царю. Он принес с собою старую книгу и маленькую банку с порошком. Он сел и велел подать себе поднос. На принесенный поднос он рассыпал порошок и затем сказал:

– Возьми, о царь, эту книгу и не читай ее, пока голова моя не будет отрублена. Когда же она будет отрублена, то прикажи ее положить на этот поднос и придавить к порошку, для того чтобы остановить кровь, тогда книгу открой.

Лишь только мудрец проговорил это, как царь отдал приказ отрубить ему голову, что и было сделано. Царь затем развернул книгу и нашел, что листки слиплись; поэтому он помочил палец слюной и перевернул первую страницу, потом вторую и затем третью, но переворачивал их с большими трудом. Даже на шестой страничке не оказалось ничего.

– О мудрец, – сказал он. – В книге нет ничего написанного.

– Листай еще, – отвечала ему голова.

Царь продолжал листать, и вскоре яд проник ему в кровь, так как книга была отравлена, и царь, упав, вскричал:

– Яд проник в меня!

Голова же мудрого Дубана отвечала следующими стихами:

Когда ты был на троне, поступал
С жестокостью суровой ты, и скоро
Лишился ты поэтому престола.
Будь справедлив, тогда же и с тобою
Другие поступали б справедливо,
Но ты стал угнетателем, и рок
Тебя бедой и горем покорили.
Ты сам себя же осудил делами,
Возмездие заслуженное ты
Понеси теперь за все свои злодеяния,
И злой свой рок напрасно ты винишь.

Только голова мудреца Дубана произнесла эти слова, как царь упал замертво.

Продолжение сказки о рыбаке

– Так знай же, Шайтан, – продолжал рыбак, – что если бы царь Юнан пощадил мудреца Дубана, то Господь пощадил бы его; но он отказал и потребовал его смерти, поэтому и Господь не пощадил его. Если бы ты, Шайтан, пощадил меня, то тебя пощадил бы боги, пощадил бы я, но ты желал моей смерти, и потому я заключил тебя в этот графин и брошу в море.

Шайтан услышал это, закричал и взмолился:

– Именем Аллаха умоляю тебя, рыбак, не делай этого! Пощади меня великодушно и не сердись на меня за то, что я сделал: и если я поступил дурно, то отплати мне добром, как говорится в изречении: «Будь благодетелем сделавшего тебе зло; сами поступки да послужат ему наказанием. Не поступай со мной, как Умамех поступил с Аतिकехом!

– А как он поступил? – спросил рыбак.

– Время ли рассказывать сказки, – отвечал Шайтан, – сидя в таком заключении. Но если ты выпустишь меня, то я расскажу тебе.

– Тебя надо бросить в море, – сказал рыбак, – и ты от этого не увернешься; так как я умолял тебя и унижался перед тобой, а ты хотел все-таки погубить меня, хотя я ничем не заслужил этого и не только не сделал тебе зла, а, напротив того, освободил тебе из заключения, и из того, как ты хотел поступить со мной, я убедился, что ты совершенно испорчен. Я желаю теперь, чтобы ты знал, что когда я брошу тебя в море, я всем буду рассказывать твою историю и предупреждать против тебя, для того чтобы человек, случайно вытаскивший тебя, бросил тебя обратно, и чтобы ты оставался в море веки вечные и испытывал страдания.

– Освободи меня! – сказал тогда Шайтан. – Это доставит тебе возможность выказать человеколюбие; и я клянусь, что никогда не сделаю тебе вреда, а напротив того, окажу тебе услугу и обогашу тебя навеки.

Тут рыбак согласился на условие, что Шайтан не только не сделает ему вреда, а сделает что-либо хорошее: и, заставив его дать обещание и клятву и поклясться величайшим именем Бога, он раскупорил графин; из него пошел пар, затем сгустился, и, как прежде, из него вышел отвратительного вида Шайтан. Шайтан тотчас же бросил графин в море. Рыбак, увидав это, испугался за себя и подумал, что это не очень хороший знак, но затем собрался с духом и сказал:

– О Шайтан! Господь, да прославится имя Его, сказал: «Исполни завет, так как это спросится с тебя». Ты дал мне завет и поклялся, что предательски не поступишь со мной; и если ты исполнишь свою клятву, то Господь вознаградит тебя, так как Он ревниво следит за исполнением данных клятв, и помни, что я говорил тебе, как мудрый Дубан говорил царю Юнану: «Пощади меня, и Господь пощадит тебя».

Шайтан засмеялся и, подойдя к нему, сказал:

– Ну, рыбак, иди за мной.

Рыбак пошел, не надеясь, что ему удастся спастись. Они отошли от города, спустились с горы и дошли до равнины, с озером посередине. Тут Шайтан остановился и приказал рыбаку забросить сети, чтобы наловить рыбы. Рыбак заглянул в озеро, увидел там рыбу различных цветов, белую и красную, голубую и желтую, что немало удивило его. Он забросил сеть и, вытаскивая ее, нашел в ней четыре рыбы, все разных цветов.

– Снеси эту рыбу к султану, – сказал ему Шайтан, – и он тебя обогатит за нее. Теперь, ради Самого Аллаха, прими мои извинения, так как я не вижу другого способа вознаградить тебя. Ведь я был в море тысячу восемьсот лет и с тех пор не видал земли. Но не лови рыбы из этого озера более, как по разу в день. А теперь оставайся с Богом.

Сказав это, он топнул по земле, и она расступилась и поглотила его.

Рыбак вернулся в город, раздумывая о том, что случилось с ним и с Шайтаном, и снес рыбу домой, где он взял глиняную чашку, налил в нее воды и пустил в нее рыбу, которая стала плескаться в воде. Поставив чашку на голову, он отправился, как приказал ему Шайтан, ко дворцу и поднес царю рыб. Царь не мог надивиться, так как подобных рыб не видал никогда в жизни, и приказал отдать их рабыне-кухарке. Эта девушка была прислана ему греческим царем за три дня перед тем, и он еще не пробовал ее искусства. Визирь приказал ей зажарить и сказал:

– Девушка! Царь говорит, что он вполне полагается на твое искусство; сегодня покажи нам себя. Эти рыбы принесены царю в подарок.

Передав рыбу, визирь вернулся к царю, который приказал дать рыбаку четыреста червонцев. Рыбак, взяв деньги, засунул их за пазуху и вернулся домой к жене, довольный и счастливый, купив все, что нужно было для семьи.

Все это случилось с рыбаком; теперь нам надо рассказать, что случилось с девушкой. Она взяла рыбы, вычистила их, уложила на сковороду и продержала на огне, пока одна сторона их не зажарилась, и тогда вдруг стена в кухне раздвинулась, и появилась девица высокого роста, с нежным, очень правильным лицом, с подкрашенными глазами³⁰, красивая, с широкими бедрами, с куфьей³¹ шитой голубым шелком, на голове, с серьгами в ушах, браслетами на руках и дорогими кольцами на пальцах. В руках она держала палку из индийского тростника и, дотронувшись ее концом до жарившейся рыбы, сказала:

– Остались ли вы, рыбы, верны своему завету?

Повариха при виде этого лишилась чувств, а девица и второй, и третий раз повторила свой вопрос; после чего рыбы приподняли головы со сковороды и отвечали, что верны, и повторили следующий стих:

³⁰ В те времена глаза и ресницы подкрашивали черным порошком. Порошок этот делался из пережженного ладана, или из пережженных скорлуп миндальных орехов.

³¹ Куфия – мужской головной платок, популярный в арабских странах. Куфия является неотъемлемой частью мужского гардероба в арабских странах.

– Мы вернемся, если ты вернешься, мы придем, если ты придешь, мы отступимся, если отступишься ты.

Выслушав это, девица опрокинула сковороду и исчезла тем же путем, которым явилась. Когда повариха встала, она увидела, что четыре рыбы сторали углем, и вскричала:

– Для первого раза такая неудача!

Она стала горько сетовать, и тут как раз вошел визирь.

– Неси рыбу к царю, – сказал он ей.

Она заплакала и рассказала ему, что случилось³².

Визирь с изумлением выслушал ее и вскричал: «Какое, в самом деле, удивительное происшествие!» Он послал за рыбаком, и, когда того привели, он сказал ему:

– Принеси нам, о рыбак, еще таких четыре рыбины, какие ты принес раньше.

Рыбак, повинувшись приказанию визиря, направился к озеру, закинул сеть и, вытащив ее, увидел, что в ней четыре рыбы, совершенно такие, какие он вытащил прежде. Он понес их к визирю, а визирь понес их к поварихе и сказал ей:

– Встань и изжарь их в моем присутствии, чтобы я мог видеть то, что случится.

Девушка вычистила рыбины и положила их на сковороду, где они пролежали очень недолго, как стена расступилась, и появилась девица, одетая по-прежнему и с палочкой в руках, дотронувшись концом палки до рыбины, она сказала:

– Остались ли вы, рыбы, верны своему завету?

Рыбы подняли головы и отвечали по-прежнему, а девица повернула палочкой сковороду и, вернувшись к стене, скрылась за нею.

– Такого случая скрыть от царя нельзя, – сказал визирь и, отправившись к нему, рассказал все, что видел.

– Я хочу видеть это своими собственными глазами, – заявил царь.

Он послал, вследствие этого, за рыбаком и приказал ему принести тотчас же четыре рыбы, какие он приносил ранее, дав ему на это три дня срока. Рыбак сходил на озеро и принес царю рыбу, а царь приказал дать ему за нее четыреста червонцев, и затем, обращаясь к визирю, сказал:

– Сам изжарь эту рыбу при мне.

– Слушаю и повинуюсь! – отвечал визирь.

Он принес сковороду и, вычистив рыбу, положил на нее; и лишь только он перевернул ее на другую сторону, как стена расступилась, и из нее тотчас же вышел огромный, как бык, негр, держа в руках зеленую ветвь, и сказал ясным, но страшным голосом:

– Остались ли вы верны, рыбы, своему старому завету?

Они тотчас же подняли головы и, сказав, что верны, прибавили: «Мы вернемся, если ты вернешься, мы придем, если ты придешь, мы отступимся, если отступишься ты».

Негр подошел к сковороде, перевернул ее палочкой, и рыбы тотчас же сторели, а негр скрылся тем же путем, каким и явился.

Когда стена сомкнулась, царь сказал:

– Это такое происшествие, которое нельзя оставить без внимания, и с этими рыбами связано что-нибудь удивительное.

Он приказал привести к себе рыбака, и, когда тот пришел, царь спросил у него, где он ловил этих рыб.

---

³² В восточных рассказах зачастую упоминается об удивительных рыбах, и арабы передают следующий анекдот за достоверный факт. Во время Соломона жил один очень справедливый судья, которому жена, подавая рыбу, обыкновенно говорила молитву, прося наказать неверную жену. Однажды, поставив перед мужем блюдо с жареной рыбой, она повторила свое обычное желание, после чего одна рыбка встрепенулась и соскочила на пол. Это повторилось три раза, вследствие чего муж посоветовался с одним благочестивым старцем, и тот высказал подозрение. Судья вслед за тем открыл, что одна из купленных им рабынь была переодетым мужчиной.

- В озере, лежащем между четырьмя горами, за той горой, которая находится за городом.
- Сколько дней туда езды?
- Не более получаса, государь.

Султан очень удивился и приказал своим войскам тотчас же отправиться с ним и с рыбаком, который начал проклинать Шайтана. Они спустились с горы по дикой пустынной дороге, никогда в жизни ими невиданной; и султан и войска его надивиться не могли при виде пустыни, огражденной четырьмя горами, и рыб четырех цветов: красного, белого, желтого и голубого. Царь остановился в изумлении и спросил у своих войск и у лиц приближенных: видел ли кто-нибудь из них это озеро? – и все отвечали на это отрицательно.

– Клянусь Аллахом, – продолжает царь, – я не вернусь к себе в столицу и не сяду на трон до тех пор, пока не узнаю истинной истории этого озера и рыб.

Он приказал войскам своим стать лагерем кругом озера, что они и сделали. Затем позвал к себе своего визиря, очень сведущего, хорошего, разумного и ученого человека, и сказал ему:

– Мне хочется сделать одну вещь, но сделать с твоего ведома: я решил уйти сегодня ночью один и собрать сведения об этом озере и его рыбах; поэтому я прошу тебя сесть у входа в мою палатку и говорить моим эмирам, визирям и царедворцам, что султан болен и никого не приказал впускать к нему. А о моем намерении не говори никому.

Визирь не смел восстать против такого желания, и таким образом царь переоделся, опоясался мечом и ушел. Он шел всю ночь до самого утра, пока зной не сделался невыносимым. Отдохнув, он снова пустился в путь и шел всю ночь до утра, пока вдаль не увидал что-то темное. Он обрадовался, надеясь, что встретит кого-нибудь и спросит об истории озера и рыб. Подойдя поближе, он увидал, что это дворец, выстроенный из черного камня и крытый чугуном. Одна из половинок дверей была открыта, а другая заперта. Царь остановился у дверей и тихонько постучался, но ответа не получил; он постучался во второй и в третий раз, но ответа снова не получил; тогда он постучался уже в четвертый раз, и постучался очень сильно, но все-таки ответа никакого не получил. «Верно, никого нет», – подумал он, и, собравшись с духом, вошел в сени и громко крикнул:

– Обитатели замка! Я чужестранец и путешественник, нельзя ли достать чего-нибудь поесть?

Он повторял эти слова и два, и три раза, но никакого ответа не получил. Царь решился после этого двинуться дальше и совсем вошел в замок, но не встретил никого, хотя видел, что замок жилой, и нашел посреди него фонтан с четырьмя львами из червонного золота, выбрасывавших из своих пастей воду как жемчуг и бриллианты; кругом фонтана он увидел птиц, а наверху заметил сеть, растянутую для того, чтобы они не улетели. Он дивился, глядя на все это, и опечалился, не встретив кого-нибудь, чтобы получить сведения об озере, рыбах, горах и дворце. Царь сел у дверей³³, раздумывая о том, что видел, и вдруг услышал раздирающий душу жалобный голос, поющий следующие стихи:

Злой рок, ты жалости ко мне не знаешь
И мне свободы, счастья не даешь;
Душа моя изныла от страданий
И тяжелой скорби, гнета. Неужели,
Жена моя, теперь не пожалеешь
Монарха ты, которому богатства
Его помочь не могут и который
Так глубоко своей унижен страстью.

---

³³ Во дворцах, или в больших домах, перед входными дверями обыкновенно устраивается каменная или деревянная скамья, для удобства привратника или других слуг.

Я ревновал и ветерка дыханье,
Которое твоих касалось уст;
Но человек свое теряет зренье,
Когда он без возврата осужден
Небес далеких строгим приговором.
Что делать воину в минуту боя,
Когда порвется тетива у лука,
С которого пустить стрелу он думал?
Где сердце благородное, несчастья
Разбитое рукой, себе найдет
Пристанище от козней злого рока.

Услышав эти жалобы, султан вскочил на ноги и, идя по направлению голоса, дошел до двери, завешенной занавеской, отодвинув занавеску, он увидел молодого человека, сидящего на несколько возвышенном диване. Это был очень красивый, хорошо сложенный молодой человек, с приятным голосом, с ясным челом и розовыми щеками, не лишенными родинки. Царь очень обрадовался, увидав живое существо, и поклонился ему, а молодой человек, очевидно, очень огорченный, одетый в шелковую рубашку, шитую золотом, не встал со своего места, а сидя ответил на поклон, сказав:

– Прости, что не встаю.

– Юноша! – отвечал ему царь, – сообщи мне что-нибудь об озере, о рыбах различного цвета, об этом дворце, и почему ты тут один и в такой горе?

При этих словах слезы потекли по щекам молодого человека, и он горько заплакал³⁴.

– О чем же ты плачешь, юноша? – с удивлением спросил царь.

– Могу ли я удержаться от слез, находясь в таком положении? – отвечал юноша, протянув руку и подняв полу рубашки, причем он показал, что вся нижняя часть его тела до самых пяток превращена в камень, а верхняя половина такая же, как и у всех людей.

– Узнай же, царь, – сказал он тогда, – что история этих рыб удивительная, и если бы человечество могло запомнить ее, то она могла бы послужить хорошим уроком.

Он рассказал следующее:

---

³⁴ Чтобы читатель ложно не истолковал некоторых характеров в этих сказках, надо заметить, что арабы вовсе не считают плакать позорным или неприличным для мужчин и героев, хотя вместе с тем магометане отличаются удивительным спокойствием при самых ужасных несчастьях.

Молодой царь и Черные острова

Отец мой был царем города, находившегося на этом самом месте. Звали его Махмудом, и он был царем Черных островов и четырех гор. После семидесятилетнего царствования он умер, и я вступил на престол и женился на дочери своего дяди. Она так сильно любила меня, что если мне случалось отлучаться куда-нибудь, то она до моего возвращения ничего не ела и не пила. Пять лет была она моей женой. После этого она однажды отправилась в хамам, а я приказал приготовить ужин и пришел сюда во дворец, чтобы вздремнуть на своем постоянном месте³⁵. Двум девушкам я приказал обмахивать себя³⁶, и одна из них поместилась в головах, а другая – в ногах. Но я не мог заснуть, потому что жены моей не было со мной, и хотя глаза я закрыл, но даже не дремал, и потому ясно слышал, как девушка, сидевшая у моего изголовья, сказала другой:

– Какой царь наш, несмотря на свою молодость, несчастный, и как жаль, что наша дурная госпожа так проводит его.

– Проклятые неверные жены, – отвечала другая девушка, – и наш царь, одаренный такими хорошими качествами, уже вовсе не пара такой порочной женщине, ни одной ночи не проводящей дома.

– Напрасно царь наш так доверяет ей и не преследует ее.

– Да что ты! – сказала вторая девушка, – почему же он узнает о ее поведении, и разве она оставляет его так, без всяких предосторожностей. Разве ты не знаешь, что она усыпляет его вином³⁷, поднося ему кубок перед сном, подмешав в вино бендож³⁸. Вследствие этого он и спит так крепко и не знает, что подле него делается; тут ли жена или уходит, и куда уходит. Подав ему вина, она тотчас же одевается и уходит от него до самого рассвета. Возвратившись, она дает ему что-то понюхать, и он просыпается.

Когда я услышал этот разговор, у меня потемнело в глазах, и я не знаю, как прожил до вечера, когда жена моя вернулась из хамама. Стол был накрыт, и мы сели ужинать, а после ужина начали пить вино по обыкновению. Я просил дать мне перед сном вина, и она подала мне кубок; но я повернулся и, делая вид, что пью его, вылил все себе за пазуху, и тотчас же лег.

– Спи, – проговорила она, – хотя бы ты заснул навеки! Клянусь Аллахом, я ненавижу тебя! Ты мне противен, и мне тошно в твоём присутствии.

Она встала и, надев лучшие свои наряды, надушилась, опоясалась мечом и, отворив дверь дворца, вышла. Я тотчас же встал и пошел вслед за нею из дворца и по улицам города до самой заставы, где она произнесла какие-то непонятные для меня слова, вследствие которых замки свалились, и ворота отворились, и она вышла. Я же вышел за ней следом, не замеченный ею. Она прошла между насыпями³⁹ к большому зданию, с кеббехом⁴⁰ из битой глины, в двери

---

³⁵ На Востоке, да и вообще в жарких климатах, существует обыкновение спать после полудня.

³⁶ Самый употребительный веер у арабов имел форму флага, в шесть-семь дюймов ширины и немного более длины. Веера делаются из сплюснутых пальмовых листьев различных цветов, или из гладких листьев, искусно сложенных и сплетенных вместе. Ручка делается из пальмового дерева, длиною в половину веера. Опахало употребляется как мужчинами, так и женщинами с двойной целью, чтобы освежиться в жаркое время, или чтобы отгонять мошек и других насекомых, крайне надоедливых в тех климатах.

³⁷ Вином на Востоке назывался любой сладкий напиток, но в настоящем случае царю, вероятно, подносили настоящее вино, так как, несмотря на запрещение, жители Востока зачастую пили вино.

³⁸ Надо думать, что и в те времена, как и ныне, бенджем называлась белена; но бендж (бендол), о котором тут идет речь, вероятно, были листья садовой конопли, которое производили головное расстройство. Обычай употреблять бендж и другие наркотические средства не редок и ныне; но так как арабские мужья отличаются ревностью, то, может быть, они клеветуют на склонность жен прибегать к различного рода ядовитым средствам.

³⁹ Большинство восточных городов местами или сплошь окружены кучами мусора, наваленными к самым городским стенам, и на эти груды сваливается падаль верблюдов, лошадей и ослов для того, чтобы мясо их съелось собаками и разносилось хищными птицами. Город Каир был окружен такими грудями до такой степени, что, подъезжая со стороны Нила, его совсем

которого и вошла. Я влез на крышу кеббеха и стал смотреть в щель. Я увидел, что она пришла к рабу-негру с такими толстыми губами, что одна находила на другую. Негр лежал на тростнике, в самом отвратительном растерзанном виде, касаясь губами до грязного каменного пола.

Она поцеловала пол у ног раба, а он, подняв голову и увидев ее, сказал:

– Ах, ты несчастная! Зачем ты не приходила так долго? Все негры пили тут вино и ушли со своими любовницами, а я ради тебя отказался от вина.

– О владыка мой, – отвечала она, – возлюбленный души моей, разве ты не знаешь, что я замужем за своим двоюродным братом и что я ненавижу всех, кто имеет с ним сходство, и ненавижу себя за то, что бываю с ним? Если бы я не боялась разгневать тебя, то давно превратила бы город в развалины, чтобы совы и вороны кричали в нем, а камни от него перенесла бы за Кафскую гору⁴¹

– Врешь, бесстыдная женщина, – отвечал раб, – я клянусь великодушием негров, а если я вру, то пусть мы будем не лучше белых, что если ты будешь медлить далее, то я не хочу более знать тебя и не хочу видеть тебя, бесхарактерная женщина! Ты тревожишь меня только ради своего собственного удовольствия, сквернейшая и подлейшая из белых женщин!

– Когда я услышал этот разговор, – продолжал царь, – и увидел, что происходило между ними, у меня потемнело в глазах, и я не помнил, где я нахожусь. Жена же моя продолжала стоять и плакать перед ним и унижалась, говоря:

– О ты, мой возлюбленный, сокровище моего сердца, ведь тебя одного я люблю на свете, и если оттолкнешь меня, то что же со мною будет? Возлюбленный мой! Свет моих очей!

Она продолжала плакать и унижаться перед ним, пока, наконец, он не стал к ней ласковее, тогда она обрадовалась, встала и, раздевшись, сказала:

– Скажи мне, нет ли у тебя тут чего-нибудь поесть?

– Открой там блюдо, – отвечал он, – и ты найдешь вареные косточки крыс⁴². Можешь поглотить их, а вот в том глиняном горшке есть бузах⁴³ Можешь выпить его.

не было видно, и груди эти не так давно были убраны.

⁴⁰ Слово «кеббех» вообще означает купол, или здание с куполообразной крышей. Кеббехом называют также чуланчик и палатку.

⁴¹ Магометане называют «Кафом» ту цепь гор, которая, по их мнению, идет кругом нашей земли. Цепь кавказских гор носит то же наименование Кафа, и прежде думали, что эта цепь и составляет границу земли.

⁴² Хотя крыса считается незаконной пищей для мусульманина, но, тем не менее, в Нижнем Египте их едят крестьяне.

⁴³ Бузахом называется любимый напиток лодочников и простого народа в Египте, и в особенности нубийцев и негров, как был, по словам Геродота, любимым напитком древних египтян. Это – охмеляющий напиток вроде нашего пива, приготовленный из ячменной муки и воды. В Фивах были найдены большие бочонки с этим пивом.

Она встала, поела, попила и вымыла руки, после чего легла подле раба на связку сахарного тростника и закрылась его лохмотьями и рваной одеждой.

Увидав это, я совсем обезумел и, спустившись с крыши, вошел в дверь и взял меч своей двоюродной сестры с намерением убить их обоих. Раба я ударил сзади и думал, что убил его, но я только прорезал горло и тело; и в ту самую минуту, как я ударил его, он громко захрапел, вследствие чего жена моя вскопчила, и лишь только я ушел, она вложила меч в ножны и вернулась в город и во дворец, и легла ко мне на постель, где и пролежала до утра.

На следующий день я увидел, что она обрезала себе волосы и оделась в траур.

– Брат мой! – сказала она мне, – не порицай меня за то, что я делаю, так как я получила известие, что мать моя умерла, и что отец убит на священной войне, и что один брат умер от ядовитого укуса, а другой раздавлен разрушившимся домом. Не естественно ли, что я плачу и горюю.

Услышав это, я не стал возражать ей и только сказал:

– Поступай, как знаешь, я возражать не стану.

Вследствие этого она продолжала плакать, печалиться и горевать в продолжение целого года и затем сказала мне:

– Мне очень бы хотелось выстроить у тебя во дворце кеббех для того, чтоб я могла одна уходить туда и предаваться своему горю. Я назову его домом стенаний⁴⁴.

– Делай, что хочешь, – отвечал я.

Она выстроила себе дом для уединения, с кеббехом посреди, вроде могилы святого⁴⁵, после чего она перенесла туда раба и поселила его там. Он был совершенно больной и не мог оказывать ей никаких услуг, хотя пил вино; и с того дня, как я ранил его, он не мог более говорить, но все-таки жил, потому что судьба не определила еще ему конца. Жена моя посещала его ежедневно и рано, и поздно, и плакала, и горевала над ним, и носила ему вина и мяса. Так она прожила и второй год, и я все терпеливо переносил, пока однажды не вошел нечаянно к ней в комнаты и не застал ее в слезах. Она сидела, закрыв лицо руками, и говорила следующие стихи:

С тех пор, как нет тебя, мне перестала
Быть жизнь на радость, так как ты один

---

⁴⁴ На кладбищах устраивались «дома стенаний» для того, чтобы во время двух годовых праздников женщины могли там находиться.

⁴⁵ Такие могилы были четырехугольным зданием, прикрытым куполом.

Любовью сердца моего владеешь.
О, сжался и возьми меня туда,
Где ты лежишь больной и недвижимый,
И схорони, когда умру, меня
Вблизи тебя. И если над могилой
Моей произнесешь мое ты имя,
То трепет радостный моих костей
Ответит на призыв отрадный твой.

Лишь только она кончила свои жалобы, то я, выхватив меч, сказал ей:

– Так говорят только коварные женщины, нарушающие обет верности и законного сожительства.

Я хотел ударить ее мечом и занес уже руку, когда она вскочила – очевидно, что она знала, что раба ранил я, – и, стоя предо мною, произнесла какие-то непонятные для меня слова и сказала:

– Обрати его, Господи, посредством моих чар наполовину в камень, а половину оставь человеком!

Вслед за тем я лишился, как ты видишь, возможности шевелиться и сделался ни мертвым, ни живым. Покончив таким образом со мной, она околдовала город, и рынки, и поля. Жители нашего города разделялись на четыре класса: на мусульман, христиан, евреев и магов, и она обратила их в рыб: белые рыбы – это мусульмане, красные – маги, голубые – христиане и желтые – евреи⁴⁶. Четыре острова она обратила в четыре горы и окружила ими озеро; и с этого времени она ежедневно терзает меня, давая мне сто ударов ременной плетью, пока из ран моих не потечет кровь; после чего она надевает на меня власяницу, а сверху – мою одежду.

Сказав это, молодой человек заплакал и прочел следующие стихи:

Даруй, Аллах, мне силу и терпенье
Удел, тобой ниспосланный, нести,
Я все стерплю при помощи Твоей.
Мрачна судьба моя и безысходна
С тех пор, как я несчастья гнет тяжелый
Влачу из года в год, изнемогая,
Но честный род блаженного Пророка
Заступится за бедного страдальца.

Царь посмотрел на молодого человека и сказал ему:

– О юноша, как мне жаль тебя. А где же эта женщина?

– Она там, в кеббехе, где лежит раб, – отвечал он. – И каждый день, прежде чем идти туда, она снимает с меня одежду и дает мне сто ударов плетью, а я, не имея возможности пошевелиться, только плачу и кричу, пока не надоем ей. Измучив меня, она уходит к рабу с вином и едой.

– Клянусь тебе Аллахом, юноша! – вскричал царь, – я сделаю для тебя что-нибудь и постараюсь, чтобы ты меня помнил и чтобы историки упомянули о моем поступке в моей биографии.

---

⁴⁶ Эта фраза заслуживает особенного внимания, так как она дает возможность определить приблизительно время, когда были сочинены или собраны настоящие сказки. Надо думать, что они были написаны в четырнадцатом столетии, когда христиане и евреи впервые были принуждены носить тюрбаны различных цветов в отличие друг от друга, в силу приказа, изданного египетским султаном, Магомедом Ибн-Колуном. Белые тюрбаны сделались принадлежностью исключительно мусульман.

Царь сел и проговорил с ним до поздней ночи, после чего, дождавшись рассвета, он снял свое платье, подпоясался мечом и пошел к тому месту, где лежал раб. Увидав лампы и свечи и заметив, как там накурено духами и благовонными маслами, он подошел к рабу и одним ударом покончил с ним. Взвалив его себе на спину, он снес его и бросил в ручей, протекавший у дворца, а сам, вернувшись в кеббех, оделся в платье раба и лег, положив подле себя меч. Вскоре после этого подлая жена пришла к своему двоюродному брату и, сняв с него платье, взяла плетель и стала бить его, а он закричал:

– Ах, довольно мне быть в таком положении! Сжался же надо мною!..

– А ты имел ко мне сострадание, – вскричала она, – и пожалел моего любовника?

Она надела на него власяницу и верхнее платье и направилась к рабу с кубком вина и блюдом вареного мяса. Войдя в кеббех, она заплакала и вскричала:

– О возлюбленный мой, отвечай мне! Заговори со мной! – и затем она в стихах закончила свои жалобы:

Доколь отвращенье и суровость
Продлятся, этих горестей избыток
Мне принесла моя больная страсть.

– О мой возлюбленный, – со слезами снова повторила она! – Отвечай мне! Скажи мне что-нибудь!

Царь заговорил тихим голосом, поддельваясь под произношение негров:

– Ах, ах! Только Господь и властен, и могуч!

Услышав эти слова, она крикнула от радости и упала в обморок. Придя же в себя, она вскричала:

– Так мой возлюбленный может еще поправиться!

– Преступная злодейка, – едва слышным, как будто от слабости, голосом отвечал царь, – ты не стоишь того, чтоб я говорил с тобой.

– Отчего?

– Оттого, что ты целыми днями терзаешь своего мужа, оттого, что он стонет и призывает Бога на помощь, так что я не могу спать до самого утра: твой муж без устали молится и призывает на тебя кару; и если бы он не желал моей смерти, то я, наверное, бы поправился; вот по этой-то причине я никогда не хотел говорить с тобой.

– В таком случае с твоего позволения, – отвечала она, – я освобожу его от мучений.

– Освободи его, – продолжал царь, – дай ему полную свободу,

– Слушаю и повинуюсь, – отвечала она, – и, встав, тотчас же отправилась во дворец и, взяв чашку, налила в нее воды, над которой прошептала какие-то слова, после чего вода закипела ключом. Этой водой она вспрыснула своего двоюродного брата, говоря:

– В силу слов моих обратись из своего настоящего положения в свое первобытное состояние!

Молодой человек встрепенулся и вскочил на ноги, очень довольный своим превращением.

– Нет Бога выше Аллаха, а Магомет – пророк его! – вскричал он. – Да благословит и спасет его Господь!

– Уходи, – сказала она ему, – и не возвращайся, а то я убью тебя.

Он, конечно, тотчас же ушел, а она пошла в кеббех. – О возлюбленный мой! Скажи мне что-нибудь.

– Что ты сделала? – слабым голосом спросил он. – Ты избавила меня от ветвей, но корни-то остались.

– О возлюбленный мой, что называешь ты корнями?

– Население города и четырех гор, – отвечал он. – Каждый день, в полночь, рабы поднимают головы и призывают проклятие на меня и на тебя, и это мешает мне поправиться; поэтому иди, освободи их всех и потом вернись и подними меня. Я чувствую, что силы возвращаются ко мне.

Услыхав эти слова царя, которого она принимала за раба, она радостно сказала ему:

– О возлюбленный мой, владыка моей головы и моих глаз. Во имя Господа иду исполнить твои приказания.

Она вскочила и, совершенно довольная и счастливая, поспешила к озеру, из которого зачерпнула немного воды и проговорила какие-то непонятные слова. От этих слов рыбы заволновались, подняли головы и обратились в прежних людей. Чары были сняты с обитателей города, восставшего на прежнем месте со всеми его жителями и базарами, и все занялись своим делом, горы тоже обратились в прежние острова. Злая женщина вернулась вслед за этим к царю, которого продолжала принимать за раба, и сказала ему:

– О возлюбленный мой, протяни мне твою руку, чтоб я могла поцеловать ее.

– Подойди ко мне, – тихо проговорил царь.

Она подошла к нему, а он, держа наготове свой отточенный меч, воткнул его ей в грудь, так что конец его вышел у нее на спине. Затем он ударил ее еще раз и рассек надвое.

Заколдованного молодого человека он нашел ожидающим его и поздравил с освобождением. Юный же царь поцеловал ему руку и поблагодарил его.

– Останешься ли ты здесь в городе или отправишься со мной ко мне в столицу? – спросил его царь.

– О царь веков, – отвечал ему молодой человек. – Да знаешь ли ты, какое расстояние отделяет тебя от твоей столицы?

– Два с половиной дня, – отвечал Царь.

– О царь! – вскричал юноша. – Если ты спишь, то проснись; тебя отделяет от твоей столицы расстояние, которое можно пройти только в целый год, да и то если торопиться, а ты дошел в два с половиной дня лишь потому, что город был заколдован; но я, царь, ни за что в мире не покину тебя.

Слова эти очень обрадовали царя.

– Слава Господу, по милосердию Своему даровавшему мне тебя; ты – мой сын. Во всю мою жизнь у меня не было сына.

Они поцеловали друг друга и радовались от души. Они вошли вместе во дворец, где юный царь объявил своим царедворцам, что он отправляется на богомолье, и поэтому они приготовили ему все, что нужно для путешествия, и он отправился с султаном, раздумывая о своем городе, которого целый год не видал.

Он выехал в сопровождении пятидесяти мамелюков⁴⁷ и со множеством подарков, и в продолжение целого года они ехали и ночь, и день и, наконец, добрались до столицы султана. Визирь же и войска, потерявшие надежду видеть его, вышли к нему навстречу. Приблизившись к нему, войска поцеловали прах у ног его и поздравили его с благополучным возвращением. Султан вошел в столицу и сел на престол. Он рассказал визирю все, что случилось с юным царем, и визирь поздравил молодого человека с избавлением, и когда все было приведено в порядок, султан одарил своих приближенных и приказал визирю позвать того рыбака, который приносил ему рыбу. Визирь тотчас же послал за рыбаком, послужившим причиной избавления обитателей заколдованного города, и привел его к царю; а царь одарил его почетной одеждой и расспросил о его домашней жизни, и есть ли у него дети. Рыбак отвечал ему, что у него есть сын и две дочери.

---

⁴⁷ Мамлюки (также мамелюки, *араб.* принадлежащий) – военное сословие в средневековом Египте, рекрутировавшееся из юношей-рабов тюркского (кипчаки) и кавказского (черкесы, абхазы, грузины и другие) происхождения.

На одной из дочерей женился царь, а на другой – юный царевич⁴⁸. Сыну же рыбака он дал место казначея. После этого он послал визиря в столицу Черных островов и поручил ему управление ими. Вместе с ним он отправил и пятьдесят мамелюков, привезенных оттуда с многочисленными почетными одеждами для всех эмиров. Поцеловав руку султана, визирь пустился в путь, а султан и царевич остались. Рыбак сделался самым богатым человеком своего времени, а дочери до самой смерти остались женами царей.

– Но ведь это, – прибавила Шахерезада, – далеко не так удивительно, как то, что случилось с носильщиком.

---

⁴⁸ В восточных странах нередко видим примеры таких неравных браков, и потому нельзя считать эту часть рассказа неправдоподобной.

Глава третья

Начинается с половины девятой ночи и кончается в половине восемнадцатой

Носильщик, три багдадские женщины, три царских нищих и т.д

В городе ⁴⁹Багдаде жил-был носильщик, человек холостой. Однажды он сидел на базаре, прислонившись к своей плетеной корзинке⁵⁰, как к нему подошла женщина, закутанная в изар⁵¹ из ткацких Эль-Мозилья⁵² – изар, состоящий из шелковой ткани, затканной золотом, с золотым кружевом по обоим концам. Женщина, приподняв с лица фату, показала чудные черные глаза с длинными ресницами и замечательной красоты лицом.

– Возьми корзинку и иди за мной, – мягким голосом сказала она.

Носильщик, услышав это приказание, тотчас же взял корзинку и шел за нею, пока она не остановилась у какого-то дома и не постучала туда. К ней из дома вышел христианин, и она дала ему червонец и получила множество оливок и две большие посуды с вином⁵³, которые и уложила в корзину носильщика.

– Неси за мною, – сказала она.

– Вот сегодня так счастливый день! – проговорил носильщик и, подняв корзину, пошел за нею.

Она остановилась у торговца фруктами и купила сирийских яблок, отманийской айвы, оманских персиков, жасмина из Алеппо, дамасских водяных лилий, нильских огурцов, египетских и султанских лимонов, пахучих мирт, веток лавзонии, ромашки, анемонов, фиалок, гранатовых цветов и душистого шиповника. Все это она положила в корзину носильщика и приказала нести за собой. Он поднял корзину и пошел за нею до лавки мясника, где она приказала отрезать ей десять фунтов мяса. Мясник отрезал мяса, и она, завернув его в банановый лист, уложила в корзину.

– Неси за мной, – сказала она носильщику.

Он взял корзину и пошел вслед за нею. Она остановилась у лавки с сухими плодами и, набрав различных сортов, пожелала, чтобы носильщик нес ее покупки. Носильщик повиновался ей и пошел за нею, пока она не остановилась у продавца сладостей, где она купила блюдо и наложила на него всевозможных пирожных. Когда она сложила все это в корзину, то носильщик сказал ей:

– Если бы ты предупредила меня, то я взял бы мула, чтоб он свез нам все это.

Женщина только улыбнулась, услышав его замечание, и вслед затем остановилась у продавца духов, где купила десять сортов различных душистых вод, розовой воды, померанцевой

---

⁴⁹ В восточных историях нередко видим примеры таких неравных браков, и потому нельзя считать эту часть рассказа неправдоподобной.

⁵⁰ Корзинки, употребляемые носильщиками, плетутся из тростника или из пальмовых палочек, весьма мягких и гибких. Такие корзинки плетутся из размокшего материала, в виде клетки без покрывки, с параллельно поставленными стоймя палочками. Затем такую корзинку ставят высушить, и она становится твердой и прочной.

⁵¹ Новейшие «изары» арабских женщин состоят из куска материи, который они надевают, выходя из дому. Для такого покрывала употребляется материя более двух аршин ширины и, смотря по росту, от трех аршин длины. Фата надевается на голову и на лоб и привязывается лентой, а концы вывешиваются по обе стороны, так что закрывают всю фигуру. Лицо же прикрывается другой вуалью. Изар делается теперь обыкновенно из белого коленкора, а женщины высшего и среднего класса носят такие же покрывала, – замужние из черной шелковой материи и незамужние из белой шелковой материи. Покрывало же для лица делается из куска кисеи в аршин длиною и немного менее шириною. Такое покрывало прикрепляется на голове под изаром и свешивается вперед, совершенно скрывая все лицо. Арабские женщины носят такие вуали из цветной кисеи, совершенно скрывающей их лица, но сквозь которую они сами все могут видеть. По большей части вуали эти делаются или из белой кисеи, или из черного крепа, и в таком случае они ниспадают до полу, оставляя незакрытыми только глаза. Черные вуали вышиваются золотом и жемчугом.

⁵² «Эль-Мозилья» – название города, знаменитого своими тонкими тканями. Название кисеи «муслин» происходит от этого города.

⁵³ Женщина отправилась покупать вино к христианину потому, что мусульманам было запрещено продавать его.

воды, ивовой воды⁵⁴ и т. д., тут же она взяла сахару, бутылку для опрыскивания⁵⁵, розовой воды с мускусом, ладану, дерева алоэ, серой амбры, мускуса и восковых свечей. Сложив все это в корзину, она приказала следовать за нею. Он взял корзину и шел за нею, пока она не подошла к хорошенькому дому с большим двором из черного дерева, с вделанными пластинками из червонного золота.

Молодая женщина остановилась у двери и тихо стукнула, после чего обе половинки распахнулись, и носильщик, взглянув, кто отворил их, увидел молодую женщину высокого роста, с полной грудью, красивую, статную, с челом ясным, как месяц, с глазами лани, с бровями, как нарождающийся серп Рамадана⁵⁶, со щеками, напоминающими анемоны, и с устами, как печать Сулеймана⁵⁷. Облик ее напоминал полную луну во всей ее красе, а грудь ее можно было сравнить с двумя гранатами одинаковой величины. Глядя на нее, носильщик так растерялся, что чуть было не уронил корзины, и вскричал:

---

⁵⁴ Ивовая вода готовится из душистого цвета восточной ивы, ветвь которой считается арабами лучшей эмблемой прелестной женщины.

⁵⁵ Бутылка для опрыскивания широкая внизу и с длинным и узким горлышком. В такой бутылке, сделанной из чистого серебра с позолотой, или из меди, или из фарфора, или из стекла, не более восьми дюймов вышины, в пробке проделано отверстие. Такая бутылка в большом употреблении в богатых домах, где опрыскивают розовой водой посетителя прежде, чем он встанет, чтобы откланяться, после этого мальчик или слуга подает нечто вроде курильницы, называемой «мибкгарах» из какого-нибудь металла, и он правой рукой обмахивается, направляя себе на бороду и на лицо благовонный дым. Курильницы эти делаются в виде шара, стоящего на ножке на круглой подставке. Верхняя половина шара снабжена дырочками, в которые и проходит дым от горящего на углях благовонного материала.

⁵⁶ Желая увидеть как можно ранее серп нового месяца, с появлением которого начинается Рамадан, мусульмане нередко усматривают его ранее, чем в другие месяцы. Сравнение бровей с новым месяцем доказывает, как брови должны быть тонки и круты. Очень часто для достижения тонких бровей прибегают к помощи ножиц.

⁵⁷ Печать Сулеймана арабы называют прелестный алый цветок.

– Никогда в жизни не выпадало мне такого счастливого дня, как сегодняшней!

Дама-привратница, стоя в дверях, сказала покупательнице и носильщику:

– Милости просим!

Они вошли и направились в большую комнату⁵⁸, разрисованную различными цветами и прелестно отделанную резными деревом, с фонтанами и уставленную разными скамейками. Углубленья, или ниши, в виде отдельных комнаток, отделялись задернутыми занавесками. В конце комнаты виднелось алебастровое, отделанное жемчугом и бриллиантами ложе, завешанное пологом из пунцового атласа, за которыми лежала молодая особа с глазами, обладающими

---

⁵⁸ В домах, принадлежащих лицам высшего и среднего класса, обстановка более или менее одинаковая. Большая половина пола комнаты приподнята на полфута и более сравнительно с остальным полом. Верхняя часть называется «диваном», а нижняя – «даргахом». В хороших домах пол обыкновенно устлан белым и черным мрамором, с красными вставками, изящно уложенными. В нижнем этаже, посреди такой комнаты, устраивается фонтан, падающий в мраморный бассейн. Туфли или башмаки обыкновенно оставляют в даргахе и затем уже поднимаются на диван. Диван обыкновенно покрывается циновкой – летом, и ковром – зимой, вдоль трех стен положены матрацы и подушки, и это-то и называется диваном. Матрацы кладутся или просто на пол, или на нарочно сделанные возвышения, а подушки прислоняются к стене. Как матрацы, так и подушки набиваются ватой и покрываются ситцем, или какой-нибудь более дорогой материей. В углах иногда на положенные матрацы кладутся еще квадратные матрацы, отдельные подушки, образуются как бы помещения для одного человека. Окна, по большей части искусно резанной деревянной работы, закладываются матрацами и подушками. Во многих домах встречаются маленькие окна с цветными, разрисованными стеклами. Потолок обыкновенно делается из дерева, разных причудливых форм. Красят его в яркие цвета: красный, зеленый, голубой и нередко даже с позолотой. Гостиные имеют зачастую два дивана по двум противоположным концам большой комнаты. Один из диванов делают меньше, а другой – больше, и последний считается почетным местом. Крыша над даргахом делается выше и образует нечто вроде деревянного резного фонаря, через который в комнату проникает воздух.

чарами Бабиля⁵⁹ высокая и стройная, с лицом, перед которым могло покраснеть даже солнце. Она походила на блестящую планету или на высокорожденную арабскую девушку. Эта третья молодая особа, поднявшись со своего ложа, легкой поступью вышла на середину гостиной, где уже стояли ее сестры, и сказала им:

– Что же вы стоите? Снимите же ношу с головы бедного носильщика.

Вслед за этим покупательница встала перед ним, привратница – позади него, а третья сестра начала им помогать, и она сняла с головы его корзину. Выбрав все из корзины и разложив по местам, она дала носильщику два червонца.

– Теперь, носильщик, можешь уходить, – сказала она.

Но носильщик продолжал стоять и любоваться на их красоту и миловидность, так как таких красавиц он еще не видывал; заметив, что с красавицами не было ни одного мужчины, и посмотрев на вино, фрукты и душистые цветы, он был так поражен, что не решался идти, вследствие чего одна из девушек сказала ему:

– Что же ты не уходишь? Или находишь, что недостаточно получил за свои труды? Дай ему еще червонец! – прибавила она, обращаясь к одной из сестер.

– Клянусь Аллахом, госпожи мои! – вскричали носильщик. – Труды мои стоят не более двух половин диргем⁶⁰ и я вовсе не думал о том, что вы дали мне слишком мало, но меня занимает мысль о вас и о вашем положении. Вы одни, и с вами нет мужчин, которые могли бы занять вас своими разговорами. Разве вы не знаете, что минарет⁶¹ стоит прочно только на четырех стенах, а у вас четвертой стены нет, и женщины не могут веселиться по-настоящему без мужчин: вас только трое, и вам нужен четвертый, нужен мужчина разумный, солидный и умеющий хранить тайны.

– Мы – девушки, – отвечали они, – и боимся доверять наши тайны людям, не умеющим хранить их, так как в одной книге мы читали такой стих:

Храни свою ты тайну в глубине
Своей души и никому ее
Не открывай: свою открывши тайну,
Ее лишишься этим навсегда.

– Клянусь вашей жизнью! – вскричал носильщик, – что я человек благоразумный, и мне можно довериться; я читал много книг и различных историй. Я могу рассказать забавное, скрыть шалости и поступать согласно следующим стихам:

Лишь мужи верные и с честным сердцем
Умеют сохранять чужую тайну.
Она во мне, как в замкнутом покое,
Пребудет полной тайной навсегда.

Услышав стихи и слова, с которыми он к ним обратился, они сказали ему:

– Ты знаешь, что мы затратили порядочную сумму; разве ты хочешь вознаградить нас? Но мы не хотим, чтобы ты принимал участие в нашем пире, если не внесешь за него своей части. Ведь ты хочешь сидеть с нами, и угощаться, и любоваться на наши хорошенькие лица?

– Если дружба не дает денег, – сказала хозяйка дома, – то на весу она равняется только зернышку.

---

⁵⁹ Мусульмане считают Бабиля главою магии.

⁶⁰ Мелкая египетская монета, вычеканенная из серебра, смешанного с медью, в пятнадцатом столетии.

⁶¹ Минаретом называется башня, мечеть и вообще башня над четырехугольным зданием.

– Если у тебя нет ничего, – прибавила привратница, – то и уходи ни с чем.

– Сестрица! – вскричала покупательница. – Оставим его, ведь в самом деле он сегодня хорошо послужил нам; другой не был бы так снисходителен, поэтому я внесу за него его долю расходов.

– Клянусь Аллахом! – вскричал обрадованный носильщик. – Я получил свою единственную настоящую плату за труды сегодняшнего дня только от тебя одной.

– Садись, милости просим, – проговорили другие сестры.

Покупательница встала, подтянула кушак, поставила бутылки, налила вина и накрыла на стол около фонтана. Она приготовила все, что нужно, принесла вино и села рядом с сестрами. Носильщик сел рядом с ними, думая, что все это он видит во сне. Когда все уселись, покупательница взяла кувшин и, налив из него кубок вина, выпила его, налив второй кубок, она подала одной сестре, потом, налив третий кубок, подала другой сестре, затем, наполнив его в четвертый раз, подала носильщику, который, приняв от нее кубок, сказала следующий стих:

– Я стану пить вино и наслаждаться здоровьем: ведь напиток этот чудный от всех недугов сразу исцелит.

Кубок с вином передавался из рук в руки, и носильщик угощался, и плясал, и пел с ними, и душился, и начал обнимать и целовать их, за что одна шлепала его, другая толкала, а третья била душистыми цветами до тех пор, пока вино не подействовало на них до такой степени, что они забыли всякое приличие и вели себя бесцеремонно, точно тут не было мужчины⁶².

Так время прошло до сумерек, когда они сказали:

– Уходи и покажи нам, как широки твои плечи⁶³.

– Поистине, – отвечал он, – легче душе моей расстаться с телом, чем мне покинуть ваше общество, поэтому позвольте мне дожидаться вместе с вами наступления дня, и тогда все мы вернемся к своим обычным занятиям.

Покупавшая угощение сестра снова замолвила за него слово.

– Прошу вас, – сказала она, – позволить ему провести с нами ночь, для того чтобы мы могли посмеяться над его шутками, так как он плут остроумный.

– Ну, хорошо, – сказали они ему, – ты проведешь ночь с нами, но только с условием, что ты подчинишься нам и не станешь спрашивать объяснений того, что увидишь.

– Хорошо, – отвечал он.

– Ну, так вставай и прочти то, что написано тут, на двери.

Он подошел к двери и прочел следующую надпись, сделанную золотыми буквами: «Не говори о том, что до тебя не касается, а иначе тебе придется испытать для тебя нечто неприятное».

– Примите мое обещание, – проговорил он, – что я не стану говорить о том, что меня не касается.

Покупательница встала и приготовила обед. Поев немного, она зажгла свечи и закурила алоэ. Сделав это, все снова сели за стол и в это время услышали, что кто-то стучится; не прерывая обеда, одна из них встала и пошла к двери.

– Сегодняшнее наше веселье может быть полное, – сказала она, вернувшись, – так как у дверей я нашла трех нищенствующих монахов⁶⁴ с бритыми бородами, но все они слепы на

---

⁶² Так как магометанская религия положительно запрещает употребление вина и всяких охмеляющих напитков, то можно подумать, что сцены, которые описывает Шахерезада и в которых мусульмане действуют под влиянием винных паров, неверно обрисовывают характер обитателей Востока. Прежде всего надо сказать, что у мусульман было вино, пить которое им дозволено законом. Оно называлось небидом и делалось из изюма или из сухих фиников, которые размачивали в воде, и затем соку давали бродить до известной степени. Сам пророк имел обыкновение пить это вино, но он не давал его пить своим слугам.

⁶³ Так обыкновенно говорится гостю, присутствие которого не очень-то желательно.

⁶⁴ У дервишей было обыкновение брить бороду.

один левый глаз, вероятно, по какой-нибудь странной случайности. Это недавно прибывшие чужестранцы, очень смешные, так что мы можем посмеяться над ними.

Она продолжала говорить за новых гостей до тех пор, пока сестры ее не согласились и не велели впустить нищенствующую братию.

– Пусть идут, – сказали они, – но только условься с ними, чтобы они не говорили о том, что до них не касается, а иначе им придется услышать нечто, вовсе для них неприятное.

Сестра снова направилась к двери и ввела трех мужчин, кривых на один глаз, с бритыми подбородками и с тоненькими закрученными усиками. Как нищие, они поклонились и встали в сторонке, но хозяйки встали и заставили их сесть. Нищие, посмотрев на носильщика и увидав, что он пьян, стали внимательнее вглядываться в него и предположили, что он из их же сословия.

– Он такой же бедняк, как и мы, – заметили они, – и разговор его нас позабавит.

Носильщик же, услышав это замечание, встал и, сверкнув глазами, вскричал:

– Сидите смиренно и поудержитесь от дерзких замечаний. Разве вы не читали надписи над дверьми?

Сестры засмеялись и заметили:

– Нищие и носильщик позабавят нас.

Они поставили перед нищими еду, и те поели и стали пить. Привратница подала им вина и сказала:

– Не позабавите ли вы нас, братья, каким-нибудь анекдотом или веселым рассказом?

Нищие, разгоряченные вином, спросили, нет ли в доме какого-нибудь музыкального инструмента, и привратница принесла им бубны, лютню и персидскую арфу⁶⁵. Они встали, и один взял бубны, другой – лютню, а третий – арфу и начали играть, а девицы под их игру громко запели. Во время этих музыкальных упражнений кто-то постучал в дверь. Привратница тотчас же встала и пошла посмотреть, кто там. Стук же произошел вот вследствие чего.

Халиф⁶⁶ Гарун Эр-Рашид вышел в эту ночь, чтобы посмотреть и послушать, что делается, и вышел в сопровождении Джафара, своего визиря, и Месрура, своего палача. Он обыкновенно переодевался купцом; и в эту ночь, проходя по городу, он случайно проходил мимо дома сестер и, услышав звуки музыкальных инструментов, сказал Джафару:

– Очень мне хочется войти в этот дом и посмотреть, кто там играет.

– Там гости, и, вероятно, пьяные, – отвечал Джафар, – и я боюсь, чтобы нам не пришлось испытать какие-нибудь неприятности.

– Надо войти, – продолжал халиф, – и потому выдумай какой-нибудь предлог, чтобы нас пустили туда.

– Слушаю и повинуюсь, – отвечал Джафар и постучался в дверь, а когда одна из сестер отворила ему, то он заявил ей следующее: «Сударыня, мы купцы из Тиверия и десять дней пробыли в Багдаде. Мы привезли с собой товары и остановились в хане⁶⁷. Нас на сегодняшний вечер пригласил к себе в гости один купец, вследствие чего мы и отправились к нему, и он покормил и напоил нас, после чего дал нам позволение уйти⁶⁸, но на дворе так темно, и мы

---

⁶⁵ Персидская арфа называлась по-арабски «дженк». Теперь уже она вышла из употребления и ее можно видеть только на рисунках. Струн на ней бывало от 20 до 27.

⁶⁶ Слово «халиф» значит заместитель, наследник представителя пророка. Халиф – правитель земной и глава религии и всего мусульманского мира. Последний египетский халиф умер вскоре после завоевания Турцией Египта. Мароккские императоры, как потомки пророка, претендуют на титул халифов.

⁶⁷ Хан устраивается преимущественно для помещения купцов и склада их товаров. Хан строится квадратом, со двором в середине. Нижний этаж его употребляется под склады или даже под лавки. Над первым этажом идет второй этаж для помещения приезжих, с входными дверьми с галереей, которая тянется по всем четырем сторонам двора. Единственные входные ворота в хан запирались на ночь и подле них сидел привратник.

⁶⁸ Посетитель или гость обыкновенно спрашивал у хозяина позволения откланяться. Это делалось, говоря такую фразу: «С вашего позволения, я встану».

иностранцы, и не могли найти дороги в хану: мы надеемся поэтому, что вы будете так добры и позволите нам переночевать у вас в доме, и за это позволение Господь вознаградит вас».

Привратница посмотрела на них и, увидав, что они одеты купцами, пошла посоветоваться со своими сестрами, и, получив их согласие, вернулась к путешественникам и отворила им дверь.

– Можем мы войти с твоего позволения? – спросили они.

– Входите, – отвечала она.

После этого халиф вошел в сопровождении Джафара и Месрура, и сестры, увидав их, встали и стали их угощать, говоря:

– Милости просим, будьте гостями, но только у нас есть одно условие: чтобы вы не говорили о том, что до вас не касается, а иначе с вами будет то, что вам не очень понравится.

– Хорошо, – отвечали они и сели, чтобы выпить. Халиф при виде трех нищих очень удивился, в особенности когда он увидел, что каждый из них слеп на один глаз, а посмотрев на девушек, он поразился их привлекательностью и красотой. В то время как другие уже давно угощались и болтали, девушки подали вина и халифу, но тот отвечал им, что он пилигрим, и отказался. Вследствие этого привратница разостлала перед ним вышитое сукно и поставила китайскую бутылку, налив в нее ивовой воды и прибавив кусок льду, и подсластила сахаром. Халиф, поблагодарив ее, подумал:

«Завтра я отблагодарю ее за это внимание».

Общество продолжало пировать, и когда вино стало на них действовать, хозяйка дома встала и, взяв за руку сестру-покупательницу, сказала:

– Вставай, сестра! Нам надо исполнить долги наши.

– Хорошо, – отвечала та.

Привратница встала и очистила всю середину комнаты, поставив нищих в конце у дверей; после чего хозяйки обратились к носильщику, сказав:

– Хотя ты не старый наш друг, но все-таки ты нам не чужой, а знакомый.

– Что же вам угодно? – спросил носильщик, вставая.

– Стой там, где ты стоишь, – отвечала одна из сестер, – и помоги мне.

Он увидел двух черных собак на цепочке, которых и вывели на середину комнаты. Хозяйка дома встала со своего места и, засучив рукава по локоть, взяла в руку плетъ и приказала носильщику подвести к себе одну из собак. Собака завизжала и, глядя на хозяйку, замотала головой, но хозяйка, невзирая на это, стала ее бить до тех пор, пока не устала и не отбросила плети. После этого она прижала ее голову к своей груди, стерла слезы с ее глаз и поцеловала ее в голову...

– Отведи ее и приведи другую! – сказала она носильщику.

С другой собакой она сделала то же самое, что и с первой. При виде этого халиф пришел в недоумение, и сердце его сжалось. Он знаком приказал Джафару спросить, что это значит, но тот знаком же отвечал ему, что говорить не надо.

Хозяйка дома, взглянув на привратницу, сказала:

– Вставай и делай свое дело!

– Хорошо! – отвечала она.

Хозяйка же опустила на алебастровое ложе, отделанное золотом и серебром.

– Теперь исполняйте вы ваш долг, – сказала она сестрам.

Привратница села подле нее на ложе, а покупательница вошла в нишу и принесла оттуда атласный мешок с зелеными кистями и, встав перед хозяйкой дома, вынула из него лютню и, ударив по струнам, спела следующие стихи:

О, возврати ты сон моим глазам,
Который взят от них, и объясни,

Зачем мой разум вдруг меня покинул.
Когда я полюбила, то открыла,
Что сон стал недругом моих очей.
Мне говорили: «Раньше ты была
Веселой, но теперь переменялась!» —
«Ищи огня по дыму», — отвечала
На это я. И я ему прощаю
И пролитую кровь мою.
Сама я Гнев вызвала его и побудила
На это преступленье. Отражен
Навеки образ дорогой его
На зеркале моей тревожной мысли
И в пламени души моей больной.

Услыхав эту песню, привратница вскричала:

– Да восхвалит тебя Аллах!

Она разорвала на себе одежду и в обмороке упала на пол, причем грудь ее открылась, и халиф увидал на ней следы ударов, как будто от микрахов⁶⁹ и плетей, что его до крайности удивило. Покупательница тотчас же встала, вспрыснула ей лицо водой, затем принесла другое платье и передела ее.

– Видишь эту женщину со следами побоев на груди? – обратился халиф к Джафару. – Я не могу оставить так этого дома и не могу быть покоен, пока не узнаю истинной истории этой девушки и этих двух собак.

– Государь, – отвечал ему Джафар, – ведь она поставила нам условие не говорить о том, что нас не касается, а иначе мы можем услышать нечто, для нас очень неприятное.

Покупательница между тем снова взяла лютню и, прижав ее к своей груди, ударила пальцами по струнам и пропела следующее:

Что можем говорить мы, если сердце
Полно печальных жалоб на любовь?
Как нам найти от страсти избавленье?
И от желаний страстных не сгорать?
И если б мы посла туда послали,
То не сумел бы он там передать
Тоски и жалоб любящих сердец.
И пусть мы даже будем терпеливы,
Мы все-таки не сможем пережить
Того, кого всем сердцем мы любили, —
Утраты безвозвратной. Остаются
Нам только слезы, горе и страданья.
О, ты, теперь очам моим незримый,
Всегда твой образ милый будет жить
В душе моей. Но верен ли ты той,
Которая тебя так страстно любит,
Что ни за что на свете не изменит?
Иль в дни разлуки позабыл уж ту,
Что ждет так долго твоего возврата?

---

⁶⁹ «Микрахом» называется конец пальмовой ветви, очищенной от листьев.

Когда придет день Страшного суда,
У Господа одно просить я буду,
Чтоб Он тебя немедленно судил.

Услышав эти стихи, привратница снова разорвала свою одежду и с криком упала в обморок на пол, а покупательница, как прежде, принесла новое платье, предварительно прыснув воды ей на лицо.

– Лучше бы нам не входить в этот дом и провести ночь под открытым небом, – заметили нищие, – а то еще от такой ночи все кости разболются.

Халиф посмотрел на нищих и сказал:

– Это почему?

– А потому, что спокойно нельзя смотреть на такие вещи.

– А разве вы не знаете?

– Нет, – отвечали нищие, – мы не знаем даже, чей это дом; может быть, это дом вот этого человека, что сидит тут с нами.

– Нет, – отвечал на это носильщик, – я тоже вижу дом этот в первый раз и предпочел бы провести ночь под открытым небом, только не здесь.

– Нас тут семеро мужчин, – сказали они друг другу, – а их только три женщины, и потому мы можем спросить у них их историю, и если они не захотят рассказать ее добровольно, то мы принудим их к этому.

Все, кроме Джафара, согласились на это.

– Нет, – сказал он, – это несправедливо; оставьте их в покое, мы их гости, и они поставили нами условие, которое мы должны исполнить; ночь уже на исходе, и мы скоро все разойдемся

в разные стороны. До утра остается всего один час, – прибавил он, обращаясь к халифу, – а завтра мы приведем их к тебе, и ты спросишь у них их историю.

– Нет, – отвечал халиф, – мне не терпится узнать ее теперь...

* * *

Слово за слово, они договорились до того, что стали разбирать, кто мог бы первый предложить вопрос, и выбор пал на носильщика.

– Господа! – обратились к ним сестры, – о чем это вы толкуете?

Услыхав этот вопрос, носильщик подошел к хозяйке.

– Госпожа! – сказал он, – прошу тебя и умоляю ради Аллаха, расскажи нам историю этих двух собак и зачем ты била их, и затем плакала и целовала их, и, кроме того, сообщи нам, по какой причине сестра твоя избита. Это мы желаем знать, и да будет над тобою мир.

– Правду ли он говорит о вас? – спросила хозяйка, обращаясь ко всем мужчинам.

– Правда, – отвечали все, за исключением Джафара.

– Поистине, – сказала хозяйка, услышав этот ответ, – вы глубоко оскорбляете нас, гости наши; разве мы не заключили с вами условия, что вы не станете вмешиваться не в свои дела, чтобы не услышать чего-либо для вас весьма неприятного. Вам мало того, что мы приняли вас к себе в дом и угостили вас? Но в этом не столько виноваты вы, сколько виновата та, которая привела вас сюда.

Сказав это, она завернула кулак в рукав и, ударив три раза в пол, крикнула: «Скорее сюда!»

Дверь в соседнюю комнату распахнулась, и из нее вышло семь черных рабов с обнаженными мечами в руках.

– Завяжите, – сказала она им, – назад руки, этим болтунам, и привяжите их одного к другому.

Негры тотчас же исполнили ее приказание.

– Добродетельная госпожа, – сказали негры, – не прикажешь ли отрубить им головы?

– Погодите, – отвечала она, – сначала они расскажут мне свои истории, а потом можно будет их обезглавить.

– Ради Аллаха, госпожа моя, – взмолился носильщик, – не убивай меня за вину других. Все они провинились перед вами, кроме меня. Право, мы отлично провели бы ночь, не будь этих нищих, одного присутствия которых было бы достаточно, чтобы превратить населенный город в груды развалин.

После этого он прочел следующие стихи:

Всегда приятно тех прощать, кто может
Восстать против нас. Еще приятнее
Прощать беспомощных. О, не губи
Ты ради нашей стародавней дружбы
За преступленье одного другого.

Услыхав эти слова, молодая женщина засмеялась над своим гневом. Затем, подойдя к мужчинам, она сказала: «Расскажите нам ваши биографии, так как жить вам остается не более часа. Если бы вы не были, по-видимому, людьми высшего сословья, то я ускорила бы ваше наказание».

– Горе тебе, Джафар, – сказал халиф, – скажи ей скорее, кто мы такие, а иначе она убьет нас.

– И поделом нам, – отвечал он.

– Шутить в такое серьезное время не приходится, – продолжал халиф, – всему свое время.

– Вы братья? – спросила хозяйка, подходя к нищим.

– Нет, – отвечали они, – мы только бедные чужестранцы.

– Ты родился кривым на один глаз? – спросила она одного из них.

– Нет, – отвечал он, – но я лишился глаза вследствие одного очень странного происшествия, и рассказ об этом мог бы послужить уроком человеку, обращающему внимание на предупреждения.

Она обратилась с тем же вопросом и ко второму, и к третьему нищему и получила от них такой же ответ, как и от первого.

– Все мы, – прибавили они, – из разных мест, и истории наши весьма замечательны.

– Каждый из вас, – продолжала она, глядя на них, – расскажет мне свою историю и причину его появления здесь и затем очнется хорошенько и пойдет своей дорогой.

Первым подошел носильщик и начал так:

– Я – носильщик, госпожа моя! – и вот эта покупательница наняла меня и привела меня сюда, а то, что случилось здесь со мною, вы знаете очень хорошо. Вот и вся моя история, и да будет над вами мир.

– Ну, так приди хорошенько в себя и отправляйся.

– Клянусь Аллахом, – отвечал он, – я не уйду до тех пор, пока не выслушаю истории своих товарищей.

Первый нищий подошел и рассказал следующее.

Первый царственный нищий

– Знай, госпожа моя, причину, почему я выбрил себе бороду и почему потерял один глаз. Отец мой был царем, и брат у него был тоже царь, живший в другой столице. Случилось-таки, что мать моя родила меня как раз в тот же самый день, когда родился сын у моего дяди; и прошло много лет и много дней до тех пор, пока мы не сделались взрослыми. В продолжение нескольких лет я имел обыкновение ездить в гости к своему дяде и гостить у него по несколько месяцев; и в один из моих приездов двоюродный брат мой принял меня с большим почетом; он заколол для меня барана, нацедил вина, и мы сидели и распивали, а когда вино стало действовать на нас, то он обратился ко мне с такими словами:

– О сын моего дяди, мне нужна твоя помощь в деле, для меня весьма важном, и, прошу тебя, не протестуй против того, что я хочу сделать.

– Я совершенно к твоим услугам, – отвечал я; и он заставил меня дать ему страшную клятву, после чего он на некоторое время удалился, а затем вернулся с женщиной, покрытой украшениями, раздушенной и одетой чрезвычайно богато. Оставив женщину позади себя, он посмотрел на меня и сказал:

– Возьми эту женщину и отправляйся на кладбище, – он рассказал мне, где находилось это кладбище, и затем прибавил: – войди туда и жди меня там.

Я не мог возражать ему и не мог не исполнить его требования вследствие данной мною клятвы: поэтому я взял женщину и отправился с нею на кладбище. Там мы посидели немного, и вскоре пришел мой двоюродный брат и принес с собой чашку с водой, мешок с замазкой и небольшое долото. Он подошел к могиле, находившейся посреди кладбища, и долотом разъединил камни, которые сложил в сторону, затем, раскопав землю тем же долотом, он докопался до небольшого плоского камня и, подняв его, открыл небольшую лестницу. Подозвав к себе женщину, он сказал ей:

– Исполни свое желание!

Женщина спустилась с лестницы, а он, взглянув на меня, сказал:

– О сын моего дяди, доверши свое благодеяние и, когда я спущусь вниз, заложу опять этот камень, засыпью землей, как было прежде, затем смешай эту замазку с водой и замажь могильные камни в том виде, в каком они лежали первоначально, так чтобы никто не заподозрил, что это недавно открывалось. Я целый год готовился к этому, и, кроме Бога, никто этого не знал. Так вот чего я требую от тебя. Дай Бог, чтобы друзья твои не были лишены твоего присутствия, о сын моего дяди! – прибавил он и с этими словами опустил вниз.

Когда он исчез из моих глаз, я заложил отверстие плоским камнем и сделал все так, как он просил, и привел могилу в ее прежнее положение; после чего я вернулся в дом дяди, уезжавшего на охоту. Проспав эту ночь, я стал раздумывать утром о том, что произошло между мною и моим двоюродным братом, и раскаялся в том, что я сделал для него, когда раскаяние было уже бесполезно. Отправившись на кладбище, я стал искать могилы, но найти ее не мог. Искал я без устали до самой глубокой ночи и, не найдя, вернулся во дворец, не зная, что случилось с моим братом, я перестал от тревоги есть, и пить и впал в страшную тоску. Горевал я всю ночь до утра и снова отправился на кладбище, раздумывая о поступке своего двоюродного брата и раскаиваясь, что я помогал ему. Я осматривал все могилы, но той, которую я искал, не находил. Таким образом в продолжение семи дней искал я совершенно бесполезно⁷⁰.

---

⁷⁰ Кладбища в восточных городах обыкновенно так велики, что со своими многочисленными постройками они совершенно справедливо могут называться «городами смерти». Отыскать чью-нибудь могилу на них, действительно, очень трудно.

Тоска моя усиливалась до такой степени, что я чуть не сошел с ума, и чтоб успокоиться, поехал обратно к отцу; но лишь только я подъехал к заставе, как на меня бросились люди и связали меня. Я был тем более поражен, что отец мой был султаном города и связали меня наши дворцовые слуги. В душе я страшно испугался и подумал: что могло бы случиться с моим отцом? У людей, связавших меня, я спросил, что значит такое обращение со мной; но они мне ничего не отвечали до тех пор, пока один из них, служивший мне лично, не сказал:

– Счастье изменило твоему отцу, войска его от него отступились, и визирь убил его; а мы поджидали здесь, чтобы схватить тебя.

Они взяли меня, и я обмер, слыша, что случилось с моим отцом; и предстал перед визирем, убившим его.

Между мною и визирем давно существовала вражда, и вот по какой причине: я очень любил охотиться с самострелом, и однажды случилось так, что я стоял на крыше своего дворца и прицеливался в птицу, поднявшуюся над крышей дворца визиря. В птицу я не попал, а попал в глаз визиря и выколол его в силу предопределения рока, как говорит поэт:

Идем путем мы предопределенным,
И по пути такому человек
Идти вперед с покорностью обязан.
Кому в одной стране смерть суждена,
Тот умереть в другой стране не может.

Когда я выколол глаз визирю, то он ничего не мог сказать, потому что отец мой был царем. Вот почему он ненавидел меня; и когда я стоял перед ним со связанными руками, то он приказал отрубить мне голову.

– За что ты хочешь убить меня, – сказал я, – ведь я тебе ничего не сделал?

– Как ничего не сделал? Что же может быть хуже этого?! – вскричал он, указывая на свой глаз, выколотый мною.

– Ведь я сделал это нечаянно, – сказал я.

– Нечаянно? – отвечал он – ну так я сделаю это тебе нарочно.

Он приказал поставить меня перед ним, и когда меня подвели, то он ткнул пальцем и выколол мне глаз. И вот таким образом, как вы видите, я лишился глаза. Затем он приказал крепко связать меня и положить в сундук.

– Возьми этого человека, – сказал он палачу, – и вынес его за город, и там убей его, и брось его на съедение диким зверям.

Повинуясь этому приказанию, меня вынесли за город и, вынув там из сундука, связали руки и ноги, и палач хотел уже завязать мне глаза и убить меня, как я взмолился и закричал:

Сколько досталось защищать мне братьев;
И братья это были – не враги.
Но мог ли думать я, что и они
Пронзят мне сердце острою стрелою?

Палач, при отце занимавший эту же должность и нередко пользовавшийся многими благодетелями, услышав эти стихи, вскричал:

– О господин мой! Что могу я сделать, ведь я слуга и должен повиноваться? Но, – прибавил он, – я оставляю тебе жизнь твою, только не возвращайся более в эту страну, а то ты погибнешь и погубишь меня. Поэт говорит:

Боги и жизнь свою спасай ты, если
Боишься гнета: стены всем расскажут
Про своего строителя судьбу.
Взамен тобой покинутой страны
Найдешь другую ты, но не найдешь
Для сердца своего другой замены.

Лишь только он сказал это, я поцеловал ему руки, но поверил в свое спасение лишь тогда, когда ушел от него. Потеря глаза казалась мне ничтожной в сравнении с той опасностью, от которой я избавился. Я тотчас же направился в столицу своего дяди и, придя к нему, сообщил ему о том, что случилось с отцом и каким образом я лишился глаза. Он горько заплакал и проговорил:

– Своим рассказом ты еще более усиливаешь мою тревогу и горе, так как двоюродный брат твой пропал, и я не знаю, что с ним случилось, и никто не может сообщить мне что-либо о нем.

Он снова заплакал и лишился чувств. Придя же в себя, он сказал:

– О сын мой! Потеря твоего глаза все же лучше потери жизни.

После этого я не мог более молчать о том, что знал о его сыне, и сообщил ему все, что произошло. Услышав мой рассказ, он очень обрадовался.

– Покажи мне эту могилу, – сказал он.

– Клянусь Аллахом, – отвечал я, – я не знаю, где она, о мой дядя, так как я много раз ходил искать ее и не мог узнать.

После этого мы пошли вместе с дядей и смотрели на кладбище во все стороны, наконец, могилу я нашел, что нас обоих очень обрадовало. Мы вместе с ним сняли надгробные камни и землю и подняли плоский камень, после чего спустились с пятидесяти ступеней. Внизу оказалась такая мгла, что у нас заболели глаза. Дядя, чтобы избавиться от страха, тотчас же проговорил:

– И сила и власть присущи только Всевышнему, великому Богу.

После этих слов мы пошли дальше и очутились в комнате, наполненной мукой, зерном и различными припасами; и там же мы увидели ложе за задернутой занавеской. На этом ложе лежали рядом сын дяди и женщина, спустившаяся вместе с ним, превращенные в черный уголь, точно сгоревшие от огня. Увидав это зрелище, дядя плюнул сыну в лицо и вскричал:

– Ты заслужил это, несчастный! Это наказание в этом мире, а тебя еще ждет более сильное наказание на том свете, – прибавил он, ткнул его ногой.

Удивленный таким поступком и сожалея брата и его спутницу, превращенных в уголь, я вскричал:

– Ради Аллаха, о мой дядя! Умерь гнев в твоём сердце. Я поражен, видя, что случилось с твоим сыном, и не могу понять, каким образом твой сын и эта женщина обратились в уголь? Неужели тебе мало того, что видишь его в таком положении, и ты еще толкаешь его ногой?

– О сын моего брата! – отвечал дядя. – Мой сын с ранних лет воспламенялся страстной любовью к своей сводной сестре⁷¹, и я запретил ему питать эту страсть, думая при этом, что теперь они еще дети, а когда вырастут, то могут совершить греховное дело, – и действительно, я вскоре услышал, что они преступны, но не верил этому. Тем не менее я строго выговаривал ему и просил его поостеречься от поступка, на какой не решался никто до него и не решится после него, а иначе, говорю я ему, мы будем до конца дней наших опозорены среди царей, и дурная слава наша разнесется с караванами. Берегись подобного поступка, который заставит меня поднять на тебя руку и убить тебя. После этого я разлучил его с нею; но эта подлая женщина страстно любила его; и сам дьявол завладел ими обоими. Сын мой, увидав, что я разлучил его с сестрой, потихоньку устроил это подземелье и, перетащив сюда продовольствия, воспользовался моим отсутствием, так как я уезжал на охоту, и переселился сюда, но Истинный⁷² – да будет прославлено Его совершенство и да святится имя Его – ревностно наблюдал за ними и спалил их огнем, в наказание на том свете будет страшнее и продолжительнее.

Он заплакал, и я заплакал вместе с ним.

– Ты будешь моим сыном вместо него, – сказал он мне. Я же, подумав о жизни, со всеми ее превратностями, об убийстве визирем моего отца, о захвате им его трона, о потере глаза и о странной судьбе своего двоюродного брата, снова заплакал.

Мы поднялись наверх и, положив плоский камень, и засыпав его землей, и сложив по-прежнему могилу, вернулись во дворец; но лишь только успели мы сесть, как услышали треск барабанов, звуки труб, военные крики, топот скачущих лошадей и увидели столбы поднимающейся пыли. Мы смутились, не зная, чему приписать этот шум, а на вопросы царя последовал такой ответ:

– Визирь твоего брата убил как его, так и его солдата и телохранителей и неожиданно явился сюда, в город, со своей армией; а жители, не имея сил сопротивляться, покорились ему.

«Если я попаду к нему в руки, – подумал я тут, – то он убьет меня.»

Мне стало горько, и, думая о бедствии, обрушившемся на моего отца и мою мать, я не знал, что мне делать. Ведь если бы я показался в городе, то меня жители тотчас же узнали бы, и войска моего отца лишили бы меня жизни. Я не нашел другого способа избавиться от

---

⁷¹ Браки со сводными сестрами так же строго воспрещаются магометанскими законами, как и браки с родными сестрами.

⁷² «Истинный» есть одно из девяноста девяти прилагательных к имени Аллаха.

опасности, как сбрить себе бороду⁷³, и потому я сбрил ее и, переменяв одежду, ушел из города и пришел сюда, в эту мирную обитель, в полной надежде, что кто-нибудь представит меня халифу, для того чтоб я мог рассказать ему свою историю и все, что со мной случилось. Сюда, в город, я пришел сегодня вечером и, остановившись в недоумении, не зная, куда направить стопы, я увидел этого нищего и, поклонившись ему, сказал, что я чужестранец.

– И я тоже чужестранец, – отвечал он; и в то время как мы таким образом говорили с ним, к нам подошел вот этот третий наш товарищ и, поклонившись нам, сказал, что он тоже чужестранец. Мы отвечали, что и мы чужестранцы. Таким образом мы пошли втроем и с наступлением ночи судьбой были занесены сюда, в ваш дом. Это и была причина, почему я сбрил себе бороду и лишился одного глаза.

– Ну, так очнись, – сказала ему хозяйка, – и отправляйся; но он отвечал, что не пойдет до тех пор, пока не выслушает истории других.

Все дивились его рассказу, а халиф сказал Джафару:

– Право, я не слышал ничего, подобного этой истории, случившейся с этим нищим.

Тут выступил второй нищий и, поцеловав прах, начал свой рассказ.

---

⁷³ Многие арабы скорее согласятся лишиться жизни, чем расстаться с бородой, так как мусульмане с суеверным уважением смотрят на бороду, и сбрить ее, если она уже некоторым образом выросла, они считают преступлением.

Второй царственный нищий

– О госпожа моя! Я родился не с одним глазом, но история моя удивительна, и если ее написать, то она может служить уроком всякому. Я царь и царский сын, я могу читать Коран по семи различным способам; я занимался различными науками под руководством разных профессоров, учился науке о звездах⁷⁴ и поэзии и так преуспевал во всех науках, что далеко опередил людей нашего времени. Почерк мой считался образцовым, и слава моя разнеслась по всем странам, а историю мою узнали все цари. Царь же Индии, услышав обо мне, просил отца моего позволить мне посетить его, послав ему при этом случае различные подарки и дары, приличные царю. Вследствие этого отец мой приготовил шесть кораблей, и мы плыли морем почти целый месяц, после чего высадились на берега, и, сняв с кораблей привезенных нами лошадей, мы нагрузили подарками десять верблюдов и пустились в путь; но вдруг поднялся столб пыли, разраставшийся перед нами до такой степени, что вскоре он покрыл перед нами все, затем немного погода рассеялся, и мы увидели шестьдесят всадников, смелых, как львы, и поняли, что это были арабские разбойники. Увидав нас, с небольшой горстью людей и с десятью верблюдами, нагруженными подарками для индийского царя, они тотчас же поскакали на нас, опустив пики. Мы пальцами поманили их к себе и сказали:

– Мы посланы к почтенному царю Индии, и потому не употребляйте с нами насилия.

– Мы теперь не на его земле, – отвечали они, – и не подданные его.

Они убили нескольких молодых людей, а остальные бежали, я тоже бежал, получив тяжелую рану; а арабы, несмотря на наше заявление, захватили все сокровища и подарки, которые мы везли.

Я шел, сам не зная куда и ничего не помня, пока не дошел до вершины горы, где отдохнул в пещере до следующего дня. На другой день я опять пустился в путь и пришел в цветущий город. Зима с холодами миновала, и наступила цветущая весна. Я очень был рад, придя в город, так как от ходьбы устал и побледнел. Наружность моя вследствие этого очень изменилась, но я не знал, куда направить свои стопы, и случайно пришел к портному, сидевшему у своей лавки. Я поклонился ему, и он ответил на мой поклон и приветствовал меня, пожелав мне всего хорошего, и спросил у меня, по какой причине пришел я в город. Вследствие этого я рассказал ему до мельчайших подробностей все, что со мною случилось. Он пожалел меня и затем сказал:

---

⁷⁴ Существует семь различных способов читать Коран, которые в сущности очень мало отличаются один от другого и несколько не изменяют смысла.

– О молодой человек! Не рассказывай о себе никому, так как я боюсь, что царь этого города сделает тебе что-нибудь: ведь он страшнейший враг твоего отца и способен на кровавую месть.

Он поставил передо мной еду и питье, и мы пошли вместе, и я проговорил с ним до ночи, когда он положил меня спать в каморке у лавки, дав мне постель и одеяло. Таким образом я прожил с ним три дня.

– Не знаешь ли ты какого-нибудь ремесла, – сказал, он, – на которое ты мог бы жить?⁷⁵

– Я знаю законы, – отвечал, я, – разные науки, умею писать и знаю арифметику.

– Твои знания совершенно бесполезны в наших местах: у нас в городе никто понятия не имеет о науках и не умеет писать; здесь умеют только наживать деньги.

– Поистине, – отвечал я, – я ничего другого делать не умею.

– Ну так подпояшься, – сказал он мне, – возьми топор и веревку и пойдешь рубить дрова, и кормись на это, пока Господь не поможет тебе; но никому не рассказывай своей истории, чтобы тебя не убили.

Он купил мне топор и веревку и отправил меня с партией дровосеков, поручив им меня. Таким образом я отправился с ними и, нарубив дров, принес вязанку на голове и продал ее за полчервонца, часть которого истратил на еду, а часть отложил в сторону.

Так продолжал я работать в продолжение целого года, после чего однажды я пошел, по обыкновению, рубить дрова и, увидав тропинку, около которой было много кустарника, годного для топлива, пошел по ней, и пришел к дереву, кругом которого я начал отрывать корни. Вдруг топор мой ударился о медное кольцо. Я тотчас же расчистил кругом него землю и увидел, что оно приделано к деревянной двери, которую я и поднял. Под этой дверью оказалась лестница, и я спустился с нее. Внизу я нашел дверь во дворец, очень хорошо выстроенный, и, войдя туда, встретил женщину, прекрасную, как редкая жемчужина, при виде которой исчезли

---

⁷⁵ Магометанский закон требует, чтобы каждый человек знал какое-нибудь ремесло, которое могло бы в случае нужды служить ему средством существования и поддержкой для его семьи. Даже магометанские цари испокон веков учились какому-нибудь полезному ремеслу, и многие из них выказывали необыкновенное искусство в работах и в особенности в каллиграфии, к которой восточные жители питают особенное пристрастие.

из души моей всякое горе и забота. Взглянув на нее, я пал ниц перед Создателем, создавшим такую прелесть и красоту в лице одного существа. Она же, взглянув на меня, спросила:

– Ты человек или шайтан?

– Человек, – отвечал я.

– Кто же привел тебя сюда, где я прожила двадцать пять лет, не видала лица человеческого?

Слова ее показались мне очень ласковыми, и я отвечал ей:

– О госпожа моя! Сам Бог привел меня к тебе, и я надеюсь, что Он когда-нибудь прекратит мое горе и страдание, – и я рассказал ей всю свою историю подробно. Она очень жалела меня и, заплакав, сказала:

– Я тоже расскажу тебе свою историю. Знай же, что я дочь царя из далекой части Индии, властелина Черных островов. Отец выдал меня за сына моего дяди, но в вечер моей свадьбы, во время пиршества, шайтан по имени Джарджарис похитил меня и, пролетев со мною по воздуху, спустился в это место, где все было приготовлено для меня: украшения, одежда, белье, обстановка, еда и питье; и он является ко мне каждые десять дней по разу и проводит здесь ночь. Он сказал мне, что в случае если мне будет что-нибудь нужно, то чтобы я рукою дотронулась до этих двух строчек, написанных на кеббехе⁷⁶, и, лишь только я прикасаюсь до них рукою, он тотчас же является ко мне. Прошло четыре дня с тех пор, как он в последний раз был у меня, и, следовательно, до его прихода остается еще шесть дней. Хочешь пробыть со мною эти пять дней и уйти за день до его прибытия?

– Хочу, – отвечал я, очень довольный этим предложением, а она встала и, взяв меня за руку, провела чрез дверь под аркой в маленькую, изящную ванну, где я снял с себя одежду, а она села пока на матрац. После этого она посадила меня рядом с собой и принесла мне шербета с сахаром и с мускусом и дала мне его выпить⁷⁷; кроме того, она поставила передо мной кушанье и, после того как мы с нею поели, она сказала мне – ложись спать и отдохни, ты устал.

– Я заснул, о госпожа моя, и забыл все, что со мною приключилось, и когда я проснулся, я увидел, что она чешет мне ноги⁷⁸. Я окликнул ее, и она села подле меня, и мы начали разговаривать,

– Клянусь Аллахом, – сказала она мне, – я изныла душою, живя здесь одна и не видя лица человеческого в продолжение двадцати пяти лет. Слава Господу, приславшему тебя ко мне.

Я поблагодарил ее за такие ласковые выражения, любовь проникла мне в душу, и я забыл все свои несчастья. Мы сели пить, и я пробыл с нею всю эту ночь, восхищаясь такой подругой, так как во всю свою жизнь я не видал женщины красивее ее, а утром, когда мы оба находились в каком-то упоенье, я спросил ее:

– Что же, взять мне тебя из этого подземного дворца и освободить от шайтана?

Но она засмеялась и отвечала:

– Будь доволен и сиди спокойно, так как из каждых десяти дней один будет принадлежать шайтану, а девять тебе.

Но я, увлекаемый страстью, стоял на своем.

– Вот я сейчас разобью этот кеббех с надписью, – говорил я, – и когда шайтан появится, то я убью его, так как мне предназначено убить шайтана.

---

⁷⁶ Кеббехом часто называют каморку или маленькую комнатку, смежную с гостиной, и в настоящем случае слово это в этом смысле и употреблено.

⁷⁷ Арабы употребляют различные шербеты или сладкие пития; самый обыкновенный из которых состоит просто из сахарной, очень сладкой воды. Любимый шербет делается из сухого сахарного варенья, цветов фиалок и из разных сухих, вареных в сахаре фруктов. Шербет подается в стеклянных кубках с крышками. Кубки становятся на круглый поднос, покрытый круглой вышитой шелковой салфеткой или золотой парчой; на правой руке слуги, подающего поднос, висит длинное полотенце с вышитым золотом, которым вытирают себе губы.

⁷⁸ Арабы очень любят, когда им слегка почесывают ноги и в особенности пятки. Этим обыкновенно занимается жена или рабыня, таким почесыванием будят спящих.

Она умоляла меня отказаться от моего намерения, но я не обращал внимания на ее просьбы и с силой толкнул кеббех, а она тотчас же крикнула:

– А вот и шайтан! Разве я не предостерегала тебя? Ты навлек на меня несчастье, но спасайся и уходи тою же дорогой, какой пришел.

Страшно испугавшись, я забыл свои сандалии и топор и, поднявшись на две ступеньки, обернулся, чтобы захватить их, но увидел, что земля разверзлась, и из нее вышел шайтан самого ужасного вида.

– Зачем ты обеспокоила и даже встревожила меня, – сказал он, – какая беда приключилась с тобой?

– Никакой беды со мной не приключилось, – отвечала она, – мне только сделалось скучно, и я встала, чтобы достать вина, и нечаянно упала на кеббех.

– Врешь, подлая женщина! – крикнул он и, осмотревшись кругом, увидел сандалии и топор и сказал: – эти вещи могут принадлежать только мужчине. Кто был у тебя?

– Я до настоящей минуты не видала этих вещей, – отвечала она, – это, верно, ты принес их.

– Ты говоришь пустяки, и меня этим не убедишь, бесстыдная женщина! – сказал он, и, сдернув с нее одежду, он привязал ее по вытянутым рукам и ногам к четырем стойкам и начал бить, приказывая признаться в том, что случилось.

Не в силах будучи слышать ее раздиравшие крики, я с ужасом поспешно поднялся на лестницу, положил на место деревянную дверь и засыпал землю, как было засыпано прежде. Я горько раскаивался в своем поступке и, раздумывая об этой женщине, о ее красоте и о том, как этот негодяй мучил ее после того, что она прожила с ним двадцать пять лет, и что мучил он ее только из-за меня, и раздумывая в то же время об отце и его царстве, и каким образом я был доведен до того, что сделался дровосеком, я проговорил следующий стих:

Когда судьба тебе приносит горе,
То утешайся мыслью, что один
День полон счастья, а другой – несчастья.

Вернувшись к своему сожителю-портному, я увидел, что он ждал меня с таким нетерпением, точно сидел на горячих углях.

– Я провел сегодняшнюю ночь в страшной о тебе тревоге, – сказал он, – боясь, что тебя растерзали дикие звери или что с тобою случилось какое-нибудь другое несчастье. Слава Богу, что ты благополучно вернулся домой.

Я поблагодарил его за душевное участие и ушел к себе в комнату. Только стал я размышлять о том, что со мною случилось, и бранить себя, что я ткнул кеббех, как в комнату ко мне вошел мой друг портной.

– Там, в лавку, – сказал он, – пришел какой-то незнакомец и спрашивает тебя. Он принес твои сандалии и топор, с которыми ходил к дровосекам и говорил им, что, отправляясь на молитву, он нашел их и желал бы знать, кому они принадлежат. Дровосеки и послали его к тебе. Он сидит там, в лавке, и потому иди к нему, поблагодари его и возьми свои сандалии и топор.

Услышав это, я побледнел и совершенно изменился в лице, а в эту минуту пол моей комнаты разверзся, и передо мною восстал шайтан; он жестоко бил несчастную женщину, но та ни в чем не созналась, поэтому он взял топор и сандалии и сказал ей:

– Не будь я Джарджарисом, потомком дьяволов, если я не приведу сюда хозяина этого топора и сандалий.

Вследствие этого он, как было сказано выше, отправился к дровосекам и появился у меня в комнате, не дав мне времени опомниться. Он схватил меня и понесся со мною к тому месту, где стоял под землею дворец, куда и принес меня.

Тут я увидел прекрасную обнаженную женщину, с плеч которой текла кровь, и слезы закапали у меня из глаз. Шайтан же обратился к ней и сказал:

– Вот твой любовник, низкая женщина!

– Я его не знаю, – отвечала она, взглянув на меня, – и до настоящей минуты никогда его не видала.

– Так, несмотря на все мучения, ты не хочешь сознаться? – вскричал шайтан.

– Никогда в жизни, – отвечала она, – я прежде его не видала и считаю законными перед Богом сказать, что не могу ложно показывать против него.

– В таком случае если ты его не знаешь, – сказал он, – то возьми этот меч и отруби ему голову.

Она взяла мечи, подошла ко мне и остановилась передо мной, но я сделал ей знаки бровями, в то время как по щекам моим катились слезы. Она также безмолвно отвечала мне: ведь это произошло все из-за тебя... Я тоже показал ей глазами, что в такую тяжелую минуту можно меня и простить, и говорил это, выражаясь словами поэта:

Глазами говорить любовь своими,
И каждому разумному мужчине
Та речь красноречивая понятна.

Поняв меня, она тотчас же отбросила мечи, а шайтан, подав его мне, сказал:

– Отруби ей голову, и я освобожу тебя и ничего дурного тебе не сделаю.

– Хорошо, – отвечал я и, быстро подойдя к ней, поднял меч, а она посмотрела на меня, точно глазами хотела сказать, что она ничего дурного мне не сделала. Глаза мои наполнились слезами, и, отбросив меч, я сказал:

– Могушественный шайтан и храбрый герой! Если женщина, существо несовершенное по смыслу и религии, не считает себя вправе срубить мне голову, то могу ли я лишиться ее жизни, тем более что я никогда в жизни не видывал ее? Я не сделаю этого, хотя бы мне пришлось испить чашу смерти и гибели.

– Так между вами существует любовное соглашение! – крикнул он и, схватив меч, отсек женщине одну руку, потом другую руку, затем правую ногу и левую ногу. Такими образом, четырьмя ударами он лишил ее оконечностей, а я глядел на него и ждал своей смерти. А она сделала мне знак глазами, и шайтан, заметив его, вскричал:

– Теперь ты провинилась своим оком! – и он одним ударом меча отрубил ей голову и, обратившись ко мне, продолжал:

– Нашими законами дозволяется убить жену, если она нам неверна. Я похитил эту женщину в день ее свадьбы, когда ей было двенадцать лет, и она не знала ни одного мужчины, кроме меня, и через каждые десять дней я проводил с нею одну ночь под видом чужеземца и теперь, узнав достоверно, что она мне неверна, я убил ее; что же касается тебя, то я не вполне уверен, что сообщник ее именно ты, хотя безнаказанным оставить тебя я не могу. Выбери, какой вред я могу нанести тебе.

Услыхав это, о госпожа моя, я страшно обрадовался и, желая добиться его прощенья, сказал ему:

– Что же могу я выбрать?

– Выбери, во что хочешь ты быть обращенным; в собаку, в осла или в обезьяну?

– Поистине, – отвечал я, – желал во что бы то ни стало добиться прощенья; если ты простишь меня, то Господь простит тебя в награду за то, что ты оказался милостив к мусульманину, который ничего тебе дурного не сделал.

Я унижался перед ним самым отвратительным образом и говорил:

– Прости меня, как добродетельный человек простил завистнику.

– А как это было? – спросил он.
Я рассказал ему следующую историю.

Завистник и тот, кому он завидовал

Знай, господин мой, что жил-был один человек, которому завидовали его соседи, и чем более соседи завидовали ему, тем более Господь посылал человеку этому успеха в делах. Так продолжалось много лет, и когда мелкие придирки завистника стали счастливицу нестерпимы, то он переехал в другое место, где протекал ручей, и выстроил там себе молельню, чтобы прославлять Господа. Кругом него собрались многочисленные факиры⁷⁹ и он приобрел между ними большое значение, так что народ со всех сторон стекался к нему, уповая на его святость; и слава его достигла до слуха его завистливого соседа, который, сев на лошадь, поехал навестить его. Благочестивый человек, увидав его, поклонился и был с ним в высшей степени вежлив.

– Я приехал сюда, чтобы сообщить тебе об очень для тебя выгодном деле, за которое я получу награду на небесах.

– Да наградит тебя Господь за это, – сказал ему благочестивый человек.

– В таком случае, – продолжал завистник, – прикажи факирам удалиться по кельям, потому что я не могу при посторонних говорить тебе об этом деле.

Факиры разошлись по кельям, а завистник просил его пойти с ним, чтобы поговорить дорогой. Когда они подошли к упомянутому ручью, завистник неожиданно спихнул туда своего соседа и ушел, думая, что он убил его.

Но в этом ручье жили шайтаны, которые приняли его и невредимым посадили на камень. Сделав это, они спросили друг у друга:

– Знаете этого человека?

– Нет, не знаем.

– Это тот человек, который уехал от завистника и поселился в здешних местах, в соседней молельне, откуда до нас доносятся его молитвы и чтение; когда же завистник услышал о нем, то приехал к нему и бросил его в ручей. Слава этого человека достигла сегодня султана, и он предполагал завтра навестить его, чтобы поговорить о несчастье, обрушившемся на его дочь.

– А что случилось с его дочерью?

– Она сошла с ума, – отвечал один из шайтанов, – так как Меймун, сын Демдема, возгорел к ней любовью, и вылечить ее очень легко.

– Каким образом? – спросили его.

– У черной кошки, что живет с ним в молельне, – отвечал шайтан, – есть на хвосте маленькое белое пятно вроде серебряной монеты. С этого самого места надо взять семь волосков и этими волосками окурить больную, и шайтан вылетит из нее и не вернется более, так что она сразу исцелится, а нам надо непременно спасти благочестивого шейха.

С наступлением утра факиры увидели шейха, поднимавшегося из ручья, и в глазах их он приобрел еще большее значение. Вернувшись в молельню, он вытащил из кончика хвоста кошки семь волосков и положил их себе в бумажник. С восходом солнца к нему явился султан, и шейх, увидав его, обратился к нему с такой речью:

– О царь! Ты пришел ко мне для того, чтобы я вылечил твою дочь.

– Да, добродетельный шейх, – отвечал султан.

– В таком случае, – сказал шейх, – пошли за ней кого-нибудь; и я полагаюсь на Бога и с Его помощью вылечу ее.

---

⁷⁹ Собственно слово «факир» означает «бедный» или «нуждающийся в милости Господа». Вообще же факирами называются бедные люди, занимающиеся богомольем.

Когда султан привел к нему дочь, шейх принял ее, посадил, занавесил и, вынув волоски, окурил ее ими. Вслед за тем в голове у нее закричал шайтан и вылетел из нее, после чего девушка тотчас же образумилась, и, закрыв лицо, сказала своему отцу:

– Что это значит и зачем ты привел меня сюда?

– Тебе бояться нечего, – отвечал обрадованный султан.

Он поцеловал руку шейху и, обращаясь к бывшим с ним царедворцам, спросил, чем можно вознаградить шейха за то, что он сделал.

– Ты всего лучше вознаградишь, – отвечали они, – если выдашь за него твою дочь.

– Вы правы, – отвечал царь и выдал за шейха свою дочь.

И таким образом благочестивый человек породнился с царем, который умер через несколько дней, и шейх был провозглашен царем вместо него.

Случилось так, что однажды царь ехал со своими войсками и увидал подходившего к нему завистника; встретив его, он посадил его с большим почетом на лошадь и, приехав с ним во дворец, дал ему тысячу червонцев и богатую одежду, после чего отправил его из города, приказав проводить до дому, и ни в чем не упрекнул его. Прими в соображение, шайтан, как благочестивый человек простил завистника и как он был к нему милостив, несмотря на оскорбления, нанесенные ему.

Продолжение сказки второго царственного нищего

Шайтан, выслушав эту историю, отвечал:

– Не трать слов попусту, но не бойся, я не убью тебя! Не надейся, однако же, чтоб я простил тебя, и тебе не избавиться от несчастья быть обращенным во что-нибудь.

Говоря таким образом, он прорвал землю и понес меня высоко под небесами на такую высоту, что мир показался мне пузырем, затем, поставив меня на гору, он взял немного земли и, сказав какие-то непонятные слова, бросил ее в меня, проговорив:

– Покинь этот образ и прими образ обезьяны.

В ту же минуту я превратился в столетнюю обезьяну.

Увидав себя в таком виде, я заплакал над собою, но решил терпеливо переносить удары судьбы, зная, что и она тоже непостоянна. Спустившись с горы, я пробродил в продолжение целого месяца и пришел, наконец, к морскому берегу, где вскоре увидел на море корабль, направлявшийся попутным ветром к берегу. Я спрятался на скале и, когда судно подошло близко, соскочил прямо на палубу. Но лишь только лица, бывшие на корабле, увидели меня, как кто-то крикнул:

– Долой с корабля, противное животное!

– Убьем его! – закричал другой.

– Вот я убью его этим мечом, – проговорил третий.

Но я ухватился за конец меча, и слезы полились из моих глаз, при виде которых капитан сжалился надо мною и сказал пассажирам:

– Купцы! Эта обезьяна обратилась ко мне, прося защиты, и я защищу ее; теперь она находится под моим покровительством, поэтому прошу не трогать ее.

Он стал очень ласково обращаться со мною, и я понимал все, что он говорил, и исполнял все, что он приказывал, как будто я слуга его.

Мы шли по попутному ветру в течение пятидесяти дней и бросили якорь в большом городе, где было так много жителей, что только один Бог, да благословенно будет Его имя, мог сосчитать их! Лишь только корабль стал на якорь, как явилось несколько мамелюков от имени царя, и, высказав приветствие и поздравив купцов с благополучным прибытием, они сказали:

– Царь наш кланяется вам, радуясь, что вы благополучно прибыли, и посылает вам вот этот сверток бумаги, прося, чтобы каждый из вас написал на нем хоть по одной строчке. У царя был визирь, замечательный каллиграф, но он умер, и царь дал клятву, что место его он даст только лицу, который будет писать так же хорошо, как покойный визирь.

Хотя я был и обезьяной, но я встал и стал тянуть у них из рук бумагу. На меня стали кричать, думая, что я хочу бросить бумагу в море, и стали грозить мне смертью, но я знаками показал, что хочу писать, и капитан сказал:

– Позвольте ему написать, и если он напачкает, то мы его прогоним, а если он напишет хорошо, то я усыновлю его, так как я никогда в жизни не видал более умной обезьяны.

Таким образом я взял перо, помочил в чернила и красивым мелким почерком написал этот куплет:

Поет стоустая молва повсюду
Про добродетели иных людей.
Поддай, Творец, чтобы людскому роду
Такой отец был сохранен надолго,
Ведь Ты всего хорошего отец.

И затем более крупным почерком написал следующие стихи:

Поэты умирают, но творенья
Их иногда века переживают.
И ты твори такие только вещи,
Которые бы восхищали всех
И с наслажденьем стали бы читаться
На небесах в день Страшного суда.

Написав все различными почерками, я вернул бумагу мамелюкам, и они снесли ее царю. Ему понравился мой почерк более всех других, и потому он сказал своим слугам:

– Отправляйтесь к тому, кто написал эти стихи, оденьте его в почетную одежду, посадите на мула и привезите его при звуках музыки ко мне.

Услыхав такой приказ, царедворцы улыбнулись, а царь рассердился и вскричал:

– Что это значит? Я отдаю приказ, а вы смеетесь надо мною?

– О царь! – отвечали они. – Мы смеемся не над тобой, а над тем, что стихи эти писаны обезьяной, а не сыном Адама. Обезьяна эта прибыла на корабле с капитаном.

Царь очень удивился, услышав это; он задрожал от восторга и непременно приказал приобрести обезьяну. Он послал на корабль своих слуг с мулом и почетной одеждой, сказав им:

– Оденьте ее в почетную одежду, посадите на мула и привезите сюда.

Они явились на корабль и, взяв меня от капитана, одели в почетную одежду, и народ дивился, глядя на такое зрелище, и со смехом бежал сзади. Когда я был введен к царю, я, увидав его, трижды поцеловал прах у ног его, и, когда он приказал мне сесть, я опустился на колени⁸⁰; все окружающие дивились моим вежливым манерам, и в особенности дивился царь, приказавший всем царедворцам удалиться. Все удалились, и остались только царь, евнух, мамелюк и я. Царь приказал подать есть, и ему принесли такое вкусное мясное блюдо, что глаза разбегались. Он приказал мне приступить к еде, вследствие чего я встал, семь раз поцеловал прах у ног его и сел с ним за стол; когда же стол был убран, то я вымыл руки и, взяв чернила, перо и бумагу, написал следующие стихи:

Люблю тебя я, кунафех, и счастья
Я без тебя не знал бы никогда.
Я каждый день тебя бы ел охотно
И не смягчал бы даже медом вкуса.

После этого я встал и пересел на некоторое расстояние. Царь же, прочитав написанное мною, немало удивился и вскричал:

– Может ли обезьяна так чудно писать? Да ведь это чудеса из чудес!

После этого султану подали шахматный столик, и царь сказал мне:

– Хочешь сыграть?

Движениями головы я отвечал утвердительно и, подойдя, расставил шахматы по местам.

Мы сыграли с ним две партии, и оба раза я выиграл.

– Будь это человек! – вскричал пораженный царь, – он превзошел бы всех людей своего времени. Иди к своей госпоже, – прибавил он, обращаясь к евнуху, – и скажи ей, чтоб она явилась на зов царя и удовлетворила бы своему любопытству, взглянув на эту удивительную обезьяну.

---

⁸⁰ Арабский этикет требует, чтобы в присутствии лица высшего по положению не садились, а становились на колени, или, просто, стояли. В таких случаях считается приличным прикрывать руки рукавами.

Евнух ушел и вернулся со своей госпожой, дочерью царя, которая, увидав меня, тотчас же закрыла лицо и проговорила:

– О отец мой, как же ты решился послать за мною, и теперь чужой мужчина видит мое лицо?

– О дочь моя, – отвечал царь. – Да ведь тут нет никого, кроме молодого мамелюка и евнуха, ходившего за тобой, да этой обезьяны и твоего отца, перед которым тебе не зачем закрывать лица.

– Эта обезьяна, – сказала она, – сын царя, отца его зовут Эймаром. Его околдовал шайтан Джадржарис, зарезал свою собственную жену, дочь царя Акнамуса. Эта предполагаемая обезьяна – ученый и мудрый человек.

Царя поразили слова дочери и, посмотрев на меня, он спросил:

– Правда ли то, что она сказала о тебе?

Я утвердительно кивнул головой и заплакал.

– Какими же образом узнала ты, что он заколдован? – спросил дочь свою царь.

– О отец мой, – отвечала она, – когда я была еще девочкой, при мне жила старуха, замечательная колдунья, и она-то выучила меня колдовству; я запомнила все ее наставления и знаю отлично сто семьдесят способов, посредством которых я могу перенести все камни города за Кафскую гору, а здания опустить на дно морское и обратить жителей в рыб.

– Ради Аллаха, прошу тебя, – сказал отец, – исцели этого молодого человека для того, чтобы я мог сделать его своим визирем. Может ли быть, чтобы ты обладала таким искусством и я не знал об этом? Исцели же его для того, чтобы я мог сделать его своим визирем, так как он благовоспитанный и умный юноша.

– С удовольствием, – отвечала она и, взяв нож с вырезанными на нем какими-то еврейскими именами, очертила посреди дворца круг, в котором написала имена и талисманы, и стала произносить заклинания и какие-то непонятные слова; и вскоре вокруг нас распространился такой туман, что мы подумали, что весь мир покрылся им. Вдруг перед нами явился самого отвратительного вида шайтан, с руками, похожими на вилы, с ногами, точно мачты, и с глазами, горящими, точно факелы, так что мы при виде его пришли в ужас.

– Тебя приветствовать не стану! – вскричала царская дочь.

Шайтан тотчас же превратился во льва и отвечал:

– Ах ты изменница! Зачем ты нарушила клятву? Разве мы не поклялись, что никогда не будем действовать один против другого.

– Ах ты негодяй! – вскричала она, – да когда же я давала клятву?

– Ну, так получи же то, что заслужила! – крикнул шайтан, продолжая быть львом, и, разинув пасть, бросился на нее, но она в один миг выдернула из головы волос и, прошептав что-то, обратила его в острый меч и ударила им льва, который, распавшись надвое от удара, тотчас же превратился в скорпиона. Царская же дочь превратилась в змею страшных размеров и поползла за отвратительным скорпионом. Между ними началась страшная борьба, после чего скорпион превратился в орла, а змея – в ястреба, который долгое время преследовал орла. Наконец, орел превратился в черную кошку, а царская дочь сделалась волком, набросившимся на кошку, пока, наконец, кошка, увидав, что она не может устоять, превратилась в большой гранат, упавший в бассейн, но волк успел схватить гранат на лету и бросил его на пол дворца, так что он разлетелся на куски, и зерна его рассыпались в разные стороны по всему дворцу. Волк тотчас же обратился в петуха и начал клевать зерна, не желая оставить ни единого; но, по определению судьбы, одно зернышко закатилось за край бассейна, так что его не было видно. Петух стал кричать и хлопать своими крыльями и указывать нам своими клювом, но мы не могли понять его. Тогда он издал страшный крик и начал бегать во все стороны, пока не увидел зерна, закатившегося за бассейн, где он ухватил его, но зерно вывалилось в воду и обратилось в рыбу, юркнув на дно. Вслед за тем петух обратился также в рыбу и поплыл вслед за шайтаном. На некоторое время рыбы скрылись из наших глаз, и затем мы услышали крик, заставивший всех нас вздрогнуть, после чего шайтан появился в виде пламени, выбрасывая целые потоки огня изо рта, из глаз и из ноздрей. Царская дочь тоже превратилась в пламя, и мы все готовы были броситься в воду, чтобы не сгореть, но вдруг шайтан закричал и бросился к нам на диван, бросая нам в лицо огненные языки. Но девушка догнала его и начала бросать огнем в его лицо. От них летели искры прямо на нас. Ее искры не причиняли вреда, а от него искра попала мне в глаз и спалила его, хотя я был еще в образе обезьяны; другая его искра попала в нижнюю часть лица царя и сожгла ему бороду и рот и выбила нижние зубы; третья искра попала в грудь евнуха и прожгла ее так, что он умер. Мы ждали общей гибели и потеряли надежду сохранить свою жизнь, но в это самое время мы услышали восклицание:

– Господь велик! Господь велик! Он победил и помог победить отступника от веры Магомета, главы человечества.

Это послышался голос дочери царя, спалившей шайтана, и когда мы взглянули на него, то увидели, что от него осталась только кучка пепла.

После этого царская дочь подошла к нам.

– Принесите мне чашку с водой, – сказала она, и когда ей подали воду, то она произнесла какие-то непонятные для нас слова и, впрыснув меня, прибавила:

– Во имя истинного и во имя величайшего Бога прими свою первобытную форму.

После этого я сделался таким же человеком, каким был прежде, за исключением только того, что глаз у меня остался один. Тут она вдруг закричала:

– Огонь! Огонь! О отец мой, мне осталось жить недолго, так как мне суждено быть убитой. Будь это человек, я сразу бы убила его, да и теперь мне не было трудно, пока не раскатились зерна от граната, которые я все подобрала, кроме того зерна, в котором именно заключалась душа шайтана; если бы мне удалось склевать его, он тотчас же бы умер; но я не видала его, как было суждено роком, и вдруг он бросился на меня, и под землю между нами произошла схватка, как произошла на воздухе и в воде; и всякий раз, как он являлся в новом виде, я тоже принимала новый образ, пока он, наконец, не стал действовать против меня огнем, а против огня очень мало кто может устоять. Судьба, однако же, встала на мою сторону, и я сожгла его

первая; но предварительно я заставила его принять религию Эль-Ислама. Теперь я умираю, и пошли, Господи, кого-нибудь, кто бы мог заменить тебе меня.

Сказав это, она, не переставая, молила избавить ее от огня, и вдруг искра упала сначала к ней на грудь, потом перешла на лицо; она заплакала и громко проговорила:

– Я верю, что нет Бога, кроме Аллаха, и верю, что Магомет – пророк его!

Мы взглянули на нее и увидали, что она превратилась в кучку пепла, лежавшего рядом с пеплом шайтана.

Горевали мы о ней очень сильно, и я предпочел бы быть на ее месте скорее, чем видеть это прелестное создание, сделавшее мне столько добра, обращенным в кучку пепла, но предопределения Господа избежать нельзя. Царь, увидав пепел дочери, посыпал им себе бороду, смазал лицо и осыпал одежду; я сделал то же самое, и оба мы горько плакали. Тут пришли царедворцы и придворные вельможи и, увидав царя, не помнящего себя от горя, и две кучки пепла перед ним, крайне удивились и молча ждали, чтобы он пришел в себя и мог рассказать им, что случилось с его дочерью и шайтаном. Царедворцы выразили свою печаль, а женщины и рабыни громко плакали и горевали в течение семи дней. Царь приказал выстроить над прахом дочери могилу с куполом и освещал ее свечами и лампами, а пепел шайтана приказал развеять по воздуху, предавая его проклятию Аллаха. Царь заболел и прохворал целый месяц, когда же он поправился, то позвал меня к себе и сказал:

– Молодой человек, мы проводили дни наши в веселье и радости, не заботясь о превращениях судьбы до тех пор, пока ты не явился к нам и с твоим приходом не начались бедствия. Лучше, если бы мы никогда не видали тебя и твоего страшного образа, из-за которого случились все наши несчастья, так как прежде всего я потерял свою дочь, стоящую дорожке сотни людей, а затем я обжегся и лишился зубов, евнух у меня умер. Конечно, ты не мог предупредить эти несчастья: воля Аллаха совершилась над нами и над тобою; и слава Богу, что дочери моей удалось исцелить тебя, хотя она и погибла сама. Но все-таки тебе следует, о сын мой, уйти из нашего города. Довольно пострадали мы из-за тебя, хотя это и было суждено роком.

Таким образом, я ушел, о госпожа моя, но прежде чем покинуть город, я сходил в общественные бани и сбрил себе бороду. Шел я по разными землям, и проходил я через большие города, направляя стопы свои к Приюту мира⁸¹, Багдаду, в надежде увидаться с царем правоверных и рассказать ему обо всем, что со мною случилось.

После этого выступил третий нищий и рассказал свою историю.

---

⁸¹ Багдад очень часто называют Приютом мира или безопасности, как называют и одно из семи небес рая.

Третий царственный нищий

– О, знаменитая госпожа, моя история не похожа на только что рассказанные истории и гораздо удивительнее: судьба поставила их в такие обстоятельства, против которых они оказались бессильными, мне же пришлось сбрить бороду и потерять глаз потому, что я сам накликал на себя бедствия, и вот каким образом это случилось.

Я был царем и царским сыном, и когда отец мой умер, я наследовал после него престол и правил своими народом справедливо и милостиво. Я очень любил морские путешествия, и столица моя находилась на берегу очень большого моря и была окружена укрепленными островами, на которые я любил ездить.

Однажды я вышел с флотилией в десять кораблей и взял провизии на целый месяц. Мы шли в продолжение двадцати дней, как вдруг поднялся противный ветер, но с рассветом они прекратился, и наступило полнейшее затишье. Мы пристали к острову, на который вышли, изготовили себе обед, поели и прожили на острове два дня. После этого мы пустились дальше и, проплавав еще двадцать дней, очутились в незнакомых морях, не известных капитану. Там мы пожелали, чтобы вахтенный посмотрел с верхушки мачты. Вахтенный взлез наверх и, спустившись на палубу, сказал капитану:

– С правой стороны я увидел рыбу, плавающую поверх воды, а вдали, посреди моря, я увидел, как бы в тумане, что-то черное и что-то белое.

Услышав это донесение вахтенного, капитан бросил чалму свою на палубу и, схватив себя за бороду, сказал окружающим его:

– Знайте, что это – предостережение: никто из нас не уйдет от судьбы своей, и все мы погибнем!

Сказав это, он заплакал, и все мы точно так же начали горевать о своей судьбе. Я пожелал, чтоб он сообщил, что нам угрожает.

– Знай же, о государь, – отвечал он, – мы сбились с пути с того самого дня, как подул противный ветер, после которого наступило затишье, и мы остановились на двое суток. С тех пор мы, в продолжение двадцати одного дня, плыли по ложному направлению, и мы не можем пойти обратно против ветра и летим навстречу своему року. Завтра мы будем у скалы из черного камня, называемого магнитом. Теперь нас несет на него со страшной силой, и корабль распадется на части, и каждый гвоздь понесется к скале и пристанет к ней, так как Господь одарил магнит способностью притягивать металл. На этой скале такая масса железа, что это известно только одному Богу, да прославится имя Его, так как испокон века корабли разбивались об эту магнитную гору⁸². На вершине этой горы есть медный купол, покоящийся на десяти колоннах, а на верху купола стоит медная лошадь с медным всадником, с медным копьем в руках. На груди у всадника висит свинцовая дощечка с вырезанными на ней таинственными именами и талисманами. И пока, о царь, всадник этот будет сидеть на лошади, каждый корабль и все плывущие на нем будут разбиваться о скалу, и каждый гвоздь будет притягиваться. Никто не будет в безопасности до тех пор, пока всадник будет сидеть на лошади.

Капитан горько заплакал. Мы твердо уверовали, что гибель наша неизбежна, и все стали прощаться друг с другом.

---

⁸² Многие из арабских писателей описывают эту магнитную гору. Эль Казвини, в своей книге о минералах, говорит, что магнитная руда находится на берегу Индийского океана, и что, если корабль проходит мимо этого места, то все железо, имеющееся на корабль, как птица, летит к ней и прилипает к горе; вследствие чего для постройки судов, предназначенных для плавания в тех местах, железо не употребляется. Подобная же история встречается и у латинских авторов.

На следующее утро мы подошли к горе, так как течение нас страшно несло к ней, а когда корабль приблизился к горе, то рассыпался, и все гвозди и все железо полетело к магниту. К концу дня корабля не стало. Некоторые из нас утонули, а некоторые старались спастись; но потонуло большинство, из спасшихся же никто не знал о судьбе другого, так как волны и ветер были ужасны. Что же касается до меня, о госпожа моя, то Господь, да будет прославлено имя Его, спас меня, чтобы подвергнуть тем бедствиям, которые он предназначал мне. Я ухватился за доску, а ветер и волны понесли меня к берегу. Выйдя на твердую землю, я нашел протоптанную тропинку, поднимавшуюся на гору и на утес с слегка выбитыми на нем ступенями. Я благословил имя Всевышнего и, помолившись, стал подниматься вверх, крепко цепляясь за выступы. Господь, услышав мою молитву, усмирил ветер и помог мне взобраться на вершину. Радуюсь своему избавлению, я вошел под купол и тотчас же прочел благодарственную молитву, после чего заснул под куполом и услышал голос, говоривший мне: «О, сын Касиба, когда ты проснешься, начни рыть землю у ног своих, и ты найдешь медный лук и три свинцовые стрелы, на которых вырезаны талисманы: возьми этот лук и стрелы и выстрели во всадника на куполе, и освободи человечество от большого несчастья, потому что стоит тебе только пустить в него стрелу, как он упадет в море, лук тоже вывалится из твоих рук, и ты должен тотчас же на старом месте зарыть его; и только что ты это сделаешь, море начнет надуваться до тех пор, пока не достигнет вершины горы, и на воде появится лодка с человеком, не похожим на того, которого ты сбросишь в море. Лодочник подойдет к тебе, держа в руках весло; ты сядь к нему в лодку,

но только не упоминай имени Господа; и лодочник благополучно доведет тебя в десять дней до знакомого моря, где ты встретишь возможность добраться до города. Но все это свершится, если только ты не упомянешь имени Господа».

Проснувшись, я вскочил и исполнил все, как мне было сказано. Я выстрелил во всадника, и он упал в море; лук выпал из моих рук, и я зарыл его. После этого море всколыхнулось и начало надуваться, пока не достигло вершины, и вскоре я увидел приближавшуюся ко мне лодку. Я поблагодарил Бога, да будет прославлено имя Его, и когда лодка подошла, то в ней оказался медный человек со свинцовой дощечкой на груди, с вырезанными на ней именами и талисманами. Не говоря ни слова, сел я в лодку, и этот человек вез меня в продолжение десяти дней, после чего я увидел острова и в порыве радости вскричал:

– Слава Богу! Нет Бога выше Аллаха!

Не успел я этого произнести, как он выбросил меня из лодки и сам ушел в воду.

Я умел плавать и плыл до вечера, когда руки и плечи онемели у меня от усталости, и видя, что я гибну, я высказал свое твердое упование на Бога и отдал себя в распоряжение рока; но море вздулось, и волна величиною с большой дворец подняла меня и выбросила на берег в силу предопределения Всевышнего. Я поднялся на берег и, сняв одежду, растянул ее для просушки и заснул. Утром, проснувшись, я надел сухое платье и, осмотревшись, увидел холм, покрытый деревьями. Обойдя кругом холма, я убедился, что попал на небольшой остров посреди моря, вследствие чего я подумал: «Всякий раз, как я избавлюсь от одного несчастья, я попадаю в другое». Пока я размышлял таким образом и желал даже смерти, я увидел судно и на нем много людей. Я тотчас же встал и взобрался на дерево, а судно подошло к берегу, и с него спустились черные рабы с топорами. Они прошли в середину острова и, раскопав землю, подняли дверь, после чего вернулись на судно и сняли с него хлеб, муку, масло, мед, баранину и вообще все продовольствие, необходимое для людей, и стали переносить все это, переходя взад и вперед от судна до двери в подземелье, пока не выгрузили все. После этого они начали выгружать с судна богатую одежду неописанной роскоши, и затем на берег сошел престарелый шейх и свел за руку юношу, такого статного и такого красивого, что он мог бы войти в поговорку. Его можно было сравнить со свежей и тонкой ветвью, очаровывавшей всех своей привлекательностью. Шейх и юноша прошли в подземелье и затем скрылись из наших глаз.

В подземелье они пробыли часа два или даже больше, после чего шейх и рабы вышли, но юноша остался там, и рабы, засыпав дверь землей, вместе с шейхом сели на корабль и отплыли, подняв паруса. Вскоре после этого я спустился с дерева и направился к подземелью. Сняв землю и подняв дверь, я увидел деревянную лестницу, по которой я и спустился, и внизу увидел хорошенькое помещение, убранное шелковыми коврами; и там же на высоком матрасе сидел юноша, с душистыми цветами и плодами, поставленными перед ним. Увидав меня, он побледнел, но я поклонился ему и сказал:

– Успокойся душою, господин мой! Тебе нечего бояться, восторг очей моих, потому что я человек и, подобно тебе, царский сын. Судьба послала меня сюда, и я могу развлечь тебя в твоём одиночестве.

Юноша, услышав то, что я сказал ему, и убедившись, что я такой же человек, как и он, очень обрадовался моему прибытию; лицо его приняло прежний оттенок, и он, подозвав меня к себе поближе, сказал:

– О брат мой! История моя удивительная: отец мой – ювелир: у него имеются рабы, которые всюду ездят по его приказанию по делам его торговли, и дела он ведет с царями; но сыновей у него не было. Однажды он увидел сон, что у него будет сын, но что сын этот долго не будет жить, и он проснулся сильно опечаленный⁸³. Вскоре после этого, в силу предопределения

---

⁸³ Мусульмане верят в сны и считают, что они зачастую бывают предостережением или предсказанием чего-нибудь. Это

судьбы, мать моя сделалась беременной, и в надлежащий срок я явился на свет, и отец мой был очень доволен. Астрологи же сказали ему: «Сын твой проживет пятнадцать лет: судьба его связана с судьбой магнитной горы, находящейся на морском берегу. На этой горе стоит на коне медный всадник со свинцовой дощечкой на груди; и когда всадник этот будет сброшен в море, сын твой будет убит: человек, который сбросит всадника и убьет твоего сына, – это царь Аджиб⁸⁴, сын царя Касиба. Отец мой был сильно огорчен этим предсказанием, и когда мне минуло пятнадцать лет, к отцу снова пришли астрологи и уведомили его, что всадник упал в море и что низвергнут он был царем Аджибом, сыном царя Касиба. Услыхав это, отец приготовил мне это помещение и приказал мне пробыть здесь до окончания срока, до которого остается теперь всего десять дней. Все это он сделал из боязни, чтобы царь Аджиб не убил меня.

Услыхав это, я был до крайности поражен и подумал: «Ведь я царь Аджиб, сын царя Касиба, и я низвергнул всадника; но клянусь Аллахом, что я никогда не убью его и не причиню ему никакого зла».

– Да будут далеки от тебя гибель и зло, – сказал я юноше, – хотя бы на то была воля Аллаха, да прославится имя его! Тебе бояться нечего. Я останусь с тобой, чтобы служить тебе, и вместе с тобой отправлюсь к твоему отцу и попрошу его отправить меня на мою родину, за что он получит вознаграждение.

Юноша очень обрадовался моим словам. Я проговорил с ним до вечера и затем, оправив ему постель, прикрыл его и сам лег подле него. А утром я принес ему воды, и он вымыл лицо свое и сказал мне:

– Аллах да благословит тебя. Если я спасусь от царя Аджиба, то я попрошу отца своего щедро вознаградить тебя.

– Да не наступит никогда, – отвечал я, – рокового для тебя дня.

Я поставил перед ним еду, и мы, вместе утолив наш голод, провели весь день, весело болтая.

Таким образом продолжал я служить ему девять дней, и на десятый день юноша радовался, что он жив, и сказал мне:

– О брат мой! Как бы я хотел, чтобы ты нагрел мне воды, для того чтобы я мог вымыться и переменить одежду, так как я начинаю надеяться, что с твоей помощью избавлюсь от смерти.

– С удовольствием, – отвечал я, – и, встав, нагрел воды, после чего он вошел за занавеску, вымылся, переменял одежду и лег на матрац отдохнуть после ванны. После этого он сказал мне:

– Отрежь мне, о мой брат, кусок арбуза и посыпь его сахаром.

Я встал и, положив арбуз на блюдо, принес ему:

– Не знаешь ли ты, – спросил я, – где лежит нож?

– А вот тут, – отвечал он, – на полке, надо мною.

Я подошел и взял нож с полки, но при повороте нога моя подвернулась, как повелел Аллах, и я упал на юношу, держа в руке нож, который вонзился в его тело, и он мгновенно умер. Увидав, что он умер и что я убил его, я громко закричал и, ударив себя по лицу и разорвав на себе одежду, проговорил:

– Вот это поистине несчастье! И какое несчастье! О Аллах! Я прошу у тебя прощения и говорю тебе, что не повинен в его смерти! Лучше бы мне умереть прежде него! Долго ли я буду переходить от одной беды к другой!

Размышляя таким образом, я поднялся по лестнице и, опустив дверь, вернулся на берег и стал смотреть на море, где я увидел быстро приближающееся и рассекавшее волны судно. Увидав это, я подумал: «Когда люди сойдут на берег и увидят, что юноша убит, они зарежут меня». После этого я тотчас же взлез на дерево и спрятался в зелени, и сидел там до тех пор,

---

верование подтверждается самим пророком.

⁸⁴ Аджиб означает чудо, или что-нибудь странное и удивительное.

пока судно не бросило якорь и рабы не сошли на берег вместе со старым шейхом, отцом юноши, и, придя к месту, не срыли землю. Они очень удивились, найдя, что она только что нарыта, а спустившись вниз, они нашли юношу лежавшим на спине, с прелестным, хотя и мертвенным лицом, одетым в белую и чистую одежду, и с ножом в груди. Все они заплакали, а отец упал в обморок, который длился так долго, что рабы стали думать, что он умер. Наконец он пришел в себя и вышел с рабами, завернувшими тело юноши в его одеяние. Они выбрали из подземелья все, что там было, и, сложив на судно, уехали. Я остался, госпожа моя, и днем прятался на дереве, а ночью бродил по берегу. Таким образом прожил я два месяца и заметил, что на западной стороне острова вода с каждым днем убывала все более и более, и через три месяца земля с этой стороны острова совершенно высохла. Обрадованный возможностью уйти с острова, я решился пуститься в путь и пошел по вновь образовавшейся земле. Вскоре я увидел нечто красное вроде огня и, подойдя поближе, рассмотрел, что это дворец, обшитый медью, на котором отражалось солнце, и потому здание казалось точно огненным. Когда я подошел довольно близко, я встретил старого шейха в сопровождении десяти молодых людей, всех кривых на один глаз, что меня до крайности удивило. Увидав меня, они мне поклонились и просили рассказать им мою историю, и я рассказал им все в подробности и возбудив у них удивление. После этого они свели меня во дворец, где стояло десять скамеек с матрацами, покрытыми голубой материей, и каждый из молодых людей сел на отдельную скамейку, а шейх поместился на самую маленькую скамью.

– Садись, о молодой человек, – сказали они мне, – и не расспрашивай нас ни о нашем поведении, ни о том, что мы слепы на один глаз.

После этого шейх встал и принес каждому из них еду, как принес и мне; а вслед за тем принес каждому из нас вина. Утолив наш голод, мы принялись за вино, и пили до наступления ночи, когда молодые люди сказали шейху:

– Принеси нам все, что следует.

Шейх тотчас же встал и, удалившись в небольшую каморку, принес оттуда на голове десять прикрытых подносыков. Поставив их на пол, он зажег десять восковых свечей и приклеил по свече к каждому подносыку, и затем снял крышки, и под крышками оказался пепел,

смешанный с толченым углем. Молодые люди засучили рукава до локтей и начернили свои лица и намазали щеки⁸⁵, и при этом приговаривали:

– Жили мы спокойно, но недостойное любопытство наше не давало нам покоя.

Так натирались они и причитали до самого утра, когда шейх принес им горячей воды, и они вымыли свои лица и надели чистую одежду.

Смотря на все это, я не знал, что подумать, и так взволновался, что забыл свои собственные несчастья и начал расспрашивать их о причине такого странного поведения.

– О молодой человек, – сказали они, посмотрев на меня: – Не спрашивай о том, что до тебя не касается, но молчи, потому что молчание может спасти тебя от ошибок.

Я прожил с ними целый месяц, в продолжение которого каждую ночь они делали то же самое, и, наконец, я сказал им:

– Ради Аллаха, умоляю вас, успокойте вы меня и расскажите мне, по какой причине вы поступаете таким образом и почему постоянно восклицаете: «Жили мы спокойно, но недостойное любопытство наше не давало нам покоя!» Если вы не объясните мне этого, то я оставлю вас и пойду, куда глаза глядят; пословица ведь правду говорит: «С глаз долой – и из ума вон».

Выслушав меня, они отвечали:

– Если мы скрывали от тебя это дело, то только заботясь о твоём благополучии, для того чтобы ты не сделался такими же, как мы, и чтобы несчастье, обрушившееся на нас, не обрушилось бы на тебя.

– Вы непременно должны сказать мне, – продолжал я настаивать.

– Добрый совет даем мы тебе, – говорили они. – Прими его и не расспрашивай нас о наших делах; а иначе ты так же, как и мы, ослепнешь на один глаз.

Но я продолжал стоять на своем, на что они сказали мне:

– О молодой человек! Если это с тобой случится, то знай, что ты будешь изгнан из нашего общества.

Они все встали и, взяв барана, закололи его, содрали кожу и сказали:

– Возьми с собой этот нож и влезай в эту кожу, а мы зашьем ее на тебе, и уходи. К тебе подлетит птица рукх⁸⁶ и ухватит тебя за пятки, и унесет тебя на высокую гору. Там разрежь этими ножом кожу и вылезай, а птица тотчас же улетит. Ты должен встать, лишь только она улетит, и идти полдня, и тогда ты увидишь перед собою высокий дворец, обитый червонным золотом, со вставленными драгоценными камнями, как изумруды, рубины и т. д. Если ты войдешь в этот дворец, то с тобою случится то же, что случилось с нами, так как мы из-за этого лишились глаза, и если бы кто-нибудь из нас вздумал рассказывать тебе о том, что с ним случилось, то история его продолжалась бы так долго, что ты не захотел бы слушать.

Они зашили меня в баранью шкуру и сами ушли во дворец, а вскоре затем прилетела громадная белая птица, которая, схватив меня, улетела со мной и положила меня на гору. Я тотчас же разрезал шкуру и вылез, а птица, увидав меня, улетела. Я поспешно встал и направился ко дворцу, оказавшемуся совершенно таким, каким мне его описывали, и, войдя в него, я увидел в конце залы сорок молодых девушек, красивых, как месяц, и великолепно одетых. При виде меня они все закричали:

– Милости просим, добро пожаловать! О господин и государь наш! Мы уже целый месяц ждем тебя. Слава Аллаху, пославшему нам человека, достойного нас и которого мы достойны!

После такого приветствия они усадили меня на матрац.

– Отныне, – продолжали они, – ты наш повелитель и государь, и мы твои прислужницы и совершенно принадлежим тебе.

---

⁸⁵ Арабские женщины низшего сословия обыкновенно натирают себе лицо и щеки, идя за гробом родственника или мужа.

⁸⁶ Рукх, баснословная птица, описывается многими арабскими писателями, утверждающими, что она может поднять даже носорога. Другие же авторы приписывают ей еще большую силу.

Они принесли мне угощение, и, когда я поел и попил, они, веселые и счастливые, сели кругом меня и начали болтать. Эти девушки были так прекрасны, что даже самый благочестивый человек охотно предложил бы сам свои услуги и исполнил бы все их желания. С наступлением ночи все они столпились кругом меня и поставили передо мною стол со свежими и сухими фруктами и разными удивительными, неописанными лакомствами и винами. Одна из них начала петь, а другая играть на лютне. Кубки с вином переходили из рук в руки, и мне было так весело, что я забыл все свои житейские невзгоды и вскричал:

– Вот это так чудная жизнь!

Ночь я провел так, как не проводил никогда в жизни, а утром сел в ванну и, вымывшись, одел роскошную принесенную мне новую одежду, и мы снова начали угощаться.

Таким образом я прожил с ними целый год; но в первый же день нового года девушки сели кругом меня и начали плакать и прощаться со мною, цепляясь за мою одежду.

– Что за несчастье случилось с вами? – спросил я. – Ведь вы надрываете мне сердце.

– Лучше бы нам никогда не знать тебя, – отвечали они. – Мы имели дело со многими мужчинами, но такого, как ты, мы не знавали. Дай Аллах, чтобы мы не лишились тебя.

Они снова заплакали, а я просил их сказать мне причину их слез.

– Ты причина их, – отвечали они. – Хотя если ты обратишь внимание на то, что мы тебе скажем, мы можем и не разлучаться; но если ты поступишь против наших указаний, то мы расстанемся навеки. Сердце наше говорит, однако же, что ты не слушаешься нашего предостережения.

– Скажите мне, в чем дело, и я поступлю по вашему указанию.

– Сначала выслушай нашу историю, – отвечали они. – Мы – царские дочери и много лет имели обыкновение собираться сюда и удаляться отсюда ежегодно на сорок дней, затем, возвращаясь, мы позволяем себе пировать и пить в продолжение всего года. Так мы поступали обыкновенно, а теперь мы боимся, что во время нашего отсутствия ты преступишь наши указания. Оставляем тебе ключи от дворца. Их сто, и они отворяют сто комнат. Ты можешь входить в эти комнаты, забавляться, есть, и пить, и услаждаться, но только не отворяй двери из червонного золота, потому что если ты отворишь ее, то мы навеки будем разлучены с тобой. Умоляем тебя поэтому, обрати внимание на наши слова и воздержись на это короткое время.

Услыхав это, я поклялся им, что никогда не открою запрещенной комнаты, и они удалились, прося меня быть верным моему обещанию.

Я остался во дворце один, и с наступлением вечера открыл первую комнату и, войдя туда, увидел, что это настоящий рай земной, в котором росли большие зеленые деревья со спелыми плодами, пели различные птицы и били фонтаны. Зрелище это усладило мою душу, и я блуждал между деревьями, нюхал чудные пахучие цветы и слушал пение птиц, громко прославлявших всемогущего Аллаха. Полюбовавшись на различные яблоки, напоминавшие щечки любимой возлюбленной или пушистые щечки скромного любовника, на пахучую айву, напоминающую запах мускуса и амбры, и на сливы, сверкавшие, как рубин, я вышел из этой комнаты и, заперев за собою дверь, отворил соседнюю, где оказалась большая дорожка, обсаженная частыми пальмами и орошаемая рекой, пробегавшей среди розовых деревьев, жасминов, шиповника, нарциссов, левкоев, запах от которых разносился ветром повсюду и приводил меня в совершенный восторг. Я отворил дверь в третью комнату, затворив вторую. Тут я нашел обширную гостиную с полом, выложенным мрамором различных цветов, с дорогими цветными камнями. В этой гостиной стояли клетки из сандалового дерева и алоэ, с поющими в них птицами, масса которых сидела тоже и на деревьях. Сердце мое было очаровано и, забыв все житейские тревоги, я проспал в этой комнате до утра. На следующий день я отворил четвертую комнату и нашел большое здание с сорока комнатками, в которых все двери стояли настежь; войдя в них, я нашел жемчуг, рубины, хризолиты, изумруды и другие драгоценные

камни, перечислить которые не достанет сил человеческих. Зрелище это привело меня в полное недоумение, и я проговорил:

– Таких драгоценностей не найдешь и в царских хранилищах. Теперь я – царь нашего времени, и, по милости Аллаха, все эти драгоценности принадлежат мне, как принадлежат и сорок женщин мне одному совершенно безраздельно.

Таким образом я продолжал забавляться, переходя от одного места к другому, пока не прошло тридцати девяти дней, и я побывал во всех комнатах, кроме запрещенной. Сердце мое ныло от любопытства, и дьявол толкал в несчастье, соблазнил меня отворить и эту сотую дверь. Удержаться я не мог, хотя до конца срока оставался всего один день, и вот я подошел к комнате и отворил дверь, и, войдя туда, я почувствовал такой сильный одуряющий запах, что упал навзничь без чувств и в таком положении пролежал некоторое время, но затем, встав, я собрался с духом и пошел далее. Пол оказался усыпанным шафраном, а комната освещена золотыми лампами и свечами, распространявшими запахи мускуса и амбры, и аромат, походивший на запах меда, чувствовался повсюду. Кроме того, я увидел вороную лошадь, черную, как ночь, перед которой стояли ясли из чистого хрусталя, наполненные очищенными кунжутом, а другие такие же ясли, наполненные розовой водой с примесью мускуса. Конь был взнуздан и оседлан, и седло было из червонного золота. С удивлением глядя на него, я подумал, что этот конь должен обладать удивительными достоинствами, и, соблазненный дьяволом, я вывел его и сел в седло; но он не трогался с места; я тронул его пятками, но он по-прежнему не трогался с места; тогда я взял пальмовую трость и ударил его; лишь только он почувствовал

удар, как издал звук вроде грома и, распустив крылья, взвился со мной на воздух и затем спустился на какую-то крышу, где сбросил меня и так ударил хвостом по лицу, что вышиб мне глаз, и улетел.

В таком положении я сошел с крыши и внизу нашел одноглазых вышеупомянутых молодых людей, которые, увидав меня, вскричали:

– Нет, мы не приветствуем тебя!

– Примите меня в свое общество, – сказал я.

– Клянемся Аллахом, ты не останешься с нами, – отвечали они.

И таким образом я ушел от них с тяжелым сердцем и горькими слезами на глазах, и Аллах предопределил, что я благополучно дойду сюда, и я, сбрив бороду и обратившись в нищего, благополучно пришел в Багдад.

Продолжение сказки багдадских женщин и т.д

После этого хозяйка дома посмотрела на халифа Джафара и Месрура и сказала им:

– Познакомьте меня с вашими сказками.

Джафар подошел к ней и рассказал ей ту же самую сказку, которую он рассказывал привратнице, когда она отворяла ему двери, и хозяйка, услышав его рассказ, освободила их. Выйдя на улицу, халиф спросил у нищих, куда они идут, и они ответили ему, что не знают, куда им идти, вследствие чего он предложил им идти с ними и затем обратился к Джафару со следующими словами:

– Возьми их к себе домой и завтра приведи ко мне, – и мы посмотрим, что можно будет для них сделать.

Джафар поступил так, как ему было приказано, и халиф вернулся к себе во дворец, но не мог уже спать в эту ночь.

На следующий день он, сидя на троне, принял своих царедворцев и отпустил всех, за приключением Джафара, которому сказал:

– Приведи ко мне трех женщин, двух собак и трех нищих.

Джафар встал, привел всех и, поставив женщин за занавеску, сказал им:

– Мы простили вас за вашу прежнюю доброту к нам, тем более что вы не знали, кто мы такие. Теперь же я могу сообщить вам, что вы находитесь в присутствии пятого из сыновей Эль-Абаса, Гарун Эр-Рашида, поэтому ему говорить вы можете только одну правду.

Когда женщины услышали сказанное им от имени халифа, то старшая из них выступила вперед и таким образом передала свою историю.

Первая из трех багдадских женщин

– О царь! история моя удивительна, так как эти две собаки – это мои сестры от одного отца, но от разных матерей, и я самая из них младшая. После смерти отца, оставившего нам пять тысяч червонцев, обе сестры мои вышли замуж и, проживши некоторое время с мужьями, которые приготовили товары, взяли от жен по тысяче червонцев каждый, и с женами отправились в путешествие, оставив меня одну. Пробыв в отсутствии четыре года, мужья моих сестер потеряли все, что имели, и бросили их в чужих краях, так что они вернулись ко мне в нищенских лохмотьях. Увидав их в этом виде, я сначала даже не узнала их, а затем, узнав, вскричала:

– Каким образом очутились вы в таком положении?

– О сестра, – отвечали они, – вопрос твой бесполезен; так было решено судьбой.

Я отправила их вслед за тем в баню и, одев их в новое платье, сказала им:

– О сестры мои, будь вы старше меня, а я младшая, и потому замените мне отца и мать. Наследство, которое я разделила с вами, по милости Аллаха, увеличилось, так как дела мои идут великолепно, и я снова поделюсь с вами.

Я обращалась с ними превосходно, и они прожили со мною целый год и разбогатели на те деньги, что я им уделила, но по прошествии года они сказали:

– Нам хотелось бы снова выйти замуж, потому что так более мы жить не можем.

– О сестры мои, – отвечала я, – ведь в замужестве счастья вы не нашли. Хороших мужей по нынешним временам найти трудно, и вы ведь испытали уже брачную жизнь.

Но они не обратили внимания на мои слова и вышли замуж помимо моего согласия. Несмотря, однако же, на это, я на свои собственные средства сделала им приданое и продолжала покровительствовать им. Они перебрались к своим мужьям, а те, отобрав от них все, что у них было, и пожив с ними недолгое время, уехали куда-то, бросив их. Таким образом они снова вернулись ко мне совершенно обнищавшими и просили прощения, говоря:

– Не сердись на нас; и хотя ты моложе нас, но здравого смысла у тебя больше, и мы обещаем тебе никогда не поднимать более вопроса о браке.

– Милости просим, сестры мои, – отвечала я, – ведь у меня никого нет ближе вас.

И я взяла их к себе, ласково обращалась с ними, и в течение целого года мы прожили счастливо.

По прошествии этого года я решила нагрузить судно товаром и сказала своим сестрам:

– Останетесь ли вы дома во время моего путешествия или отправитесь со мною?

– Мы пойдем с тобой, – отвечали они, – так как не можем вынести разлуки с тобой.

Вследствие этого я взяла их с собою, и мы пустились в путь, но предварительно я разделила свое имущество на две равные части, одну из которых я спрятала, думая при этом, что корабль может потерпеть крушение, а мы можем спастись, и тогда состояние это нам пригодится. Мы плыли и дни, и ночи, пока, наконец, не сбились с дороги, и капитан не знал, куда направить путь. Корабль вышел в какое-то незнакомое море, но мы этого не заметили и в продолжение десяти дней шли попутным ветром, и затем увидали перед собою город. На вопрос наш, что это за город, капитан отвечал:

– Не знаю; до сегодняшнего дня я никогда его не видел и никогда в жизни не плавал по этому морю; но раз что мы благополучно пришли сюда, то нам ничего другого не остается, как войти в город, выгрузить товары и продать их, или же отдохнуть дня два и запастись свежей провизией.

Таким образом мы вошли в город, и капитан сошел на берег и, немного погодя, вернулся назад и сказал:

– Идемте в город, чтобы подивиться, что Аллах может сотворить с людьми, и помолиться, чтоб он помиловал нас от Своего гнева.

Войдя в город, мы увидали, что все обитатели его обращены в черный камень. Зрелище это нас поразило и, проходя по улицам и видя, что все товары, и золото, и серебро остались в первоначальном виде, мы только дивились и говорили:

– Это сделалось вследствие стечения каких-то страшных обстоятельств.

Мы разошлись по улицам, любуясь и восхищаясь богатством и роскошью лавок.

Что касается до меня, то я прошла во дворец, оказавшийся зданием удивительной красоты, и, войдя в него, нашла золотую и серебряную посуду по местам и царя, сидящего посреди своих царедворцев и визирей в одежде замечательно богатой. Подойдя к нему поближе, я увидела, что он сидел на троне, отделанном жемчугом и бриллиантами, и каждая жемчужина горела, как звезда. Одежда его была вся вышита золотом, а кругом него стояло пятьдесят мамелюков, одетых в шелковые цветные одежды, с обнаженными мечами в руках. Пораженная этим зрелищем, я пошла далее и вошла в главную комнату гарема, на стенах которого висели шелковые занавески; и тут я увидела царицу в платье, вышитом жемчугом, и с диадемой из драгоценных камней на голове и с различными ожерельями на шее. Вся ее одежда и украшения сохранили первобытное состояние, хотя она была обращена в черный камень. Тут я увидела отворенную дверь и лестницу в семь ступеней, по которой я поднялась в комнату с мраморным полом; на полу лежали затканые золотом ковры, и стояло алебастровое ложе, отделанное жемчугом и бриллиантами, но взоры мои прежде всего были привлечены мерцанием света, и, подойдя ближе, я увидела, что это блестел бриллиант величиной со страусовое яйцо, поставленный на подставку и, как свеча, распространявший свет. Ложе было покрыто покрывалом разноцветных шелков необыкновенной роскоши. В этой комнате были тоже зажжены свечи, и мне тотчас же пришло в голову, что кто-нибудь должен же был зажечь их. Я прошла в другую часть дворца и, осматривая комнаты, совершенно забыла обо всем, и когда стало уже смеркаться, я хотела выйти из дворца, но не могла найти выхода. Вследствие этого я вернулась в комнату, освещенную свечами, и легла на ложе, повторяя некоторые изречения из Корана, чтобы заснуть, но заснуть не могла. Так лежала я с открытыми глазами, как вдруг в полночь я услышала, что кто-то читал Коран нежным и приятным голосом. Я тотчас же встала и увидела открытую дверь в комнату, которая оказалась молельней, освещенной лампами, а на ковре, разостланном посреди, стоял молодой человек, очень красивый. Удивляясь, каким образом он избежал судьбы всех других обитателей города, я поклонилась ему, а он, подняв глаза, ответил на мой поклон:

– Умоляю тебя, – сказала я ему, – ради той истины, о которой ты читаешь в Коране, отвечай мне на вопрос, который я предложу тебе.

– Сначала, – улыбаясь, отвечал он, – объясни мне причину твоего появления здесь, и тогда я отвечу тебе на твой вопрос.

Я рассказала ему свою историю и просила его сообщить мне историю этого города.

– Подождите немного, – сказал он; и он закрыл Коран и, положив его в атласный мешок, сел подле меня.

Посмотрев теперь на его лицо, я нашла его прекрасным, как полный месяц, а всю его фигуру – такой изящной и привлекательной, что один взгляд на него вызвал у меня тысячи вздохов и зажег огонь в моем сердце. Я повторила свою просьбу объяснить мне историю города.

– Слушаю и повинуюсь, – отвечал он и затем продолжал так: – знай, что город этот принадлежал моему отцу и его родным и подданным; а он и есть тот царь, которого ты видела обращенным в черный камень, а царица, которую ты видела, и есть моя мать. Они были магами, и поклонялись огню, и клялись огнем, светом, тенью, зноем и вращающимся шаром. У отца моего не было сыновей, пока я не родился, когда он был уже в преклонных годах, и меня он воспитывал при себе. К счастью для меня, в нашей семье была одна старая женщина-мусульманка, искренно веровавшая в Аллаха и в апостола его, хотя для виду исполняла все обряды той религии, которую исповедовала царская семья. Отец очень доверял ей за ее верность и

скромность характера и оказывал ей милости, вполне уповая, что она исповедует одну религию с ним, и вследствие этого, когда я вышел из детского возраста, он отдал меня на ее попечение, говоря:

– Прими его, и воспитывай его, и научи его правилами нашей веры, и ходи за ним как можно лучше.

Старуха взяла меня под свой надзор, но постаралась научить Эль-Исламу, посвятив меня в законы очищения и в священные правила омовения, в обряды и молитвы, после чего она заставила меня выучить наизусть весь Коран. Она научила меня скрывать о своей вере от отца, говоря, что он убьет меня, если узнает. Вскоре затем старуха умерла. Жители же города становились все наглее и греховнее и не признавали истины. Однажды они услышали громкий, как гром, голос, который слышно было повсюду, проговоривши:

– Жители этого города, воздержитесь от поклонения огню и поклонитесь всесильному Аллаху!

Народ был страшно поражен и бросился к моему отцу, их царю.

– Что это за страшный голос, – сказали они ему, – испугавший нас своим ужасными звуком?

– Не устрашайтесь этого голоса, – отвечал он, – и не уклоняйтесь от нашей веры.

Слова царя успокоили их, и они продолжали поклоняться огню весь этот год с того времени, когда впервые услышали страшный голос. В это время они услышали его во второй раз и еще через год – в третий раз; но они продолжали жить по-старому до тех пор, пока не навлекли на себя кару небесную, и однажды утром, вскоре после рассвета, все, вместе со своими животными и скотиной, были обращены в черный камень. Ни один житель города не избежал наказания, кроме меня, и с того самого дня, как случилось это бедствие, я был постоянно занят, как ты сама видела; молитвой, постом и чтением Корана; но своим положением, не видя никого, с кем бы мог разделить свое уединение.

Услыхав это, я сказала ему:

– А не хочешь ли ты отправиться со мной в город Багдад и посетить тамошних ученых, законовевов и увеличить твои познания? Если хочешь, то я сделаюсь твоей служанкой, хотя я стою во главе своей семьи и распоряжаюсь многими слугами. У меня тут стоит корабль, нагруженный товарами, и сам рок занес нас сюда в город, для того чтобы мы узнали о судьбе его. Встреча наша не случайная.

Я таким образом продолжала убеждать его, и он, наконец, дал свое согласие. Эту ночь я провела у ног его, не помня себя от счастья, а утром мы встали и, войдя в сокровищницу, взяли наиболее легких и дорогих вещей и вышли из дворца в город, где мы встретили рабов и капитана, искавших меня. Они очень обрадовались, увидав меня, а на их вопрос о причине моего отсутствия я рассказала им обо всем, что видела, и передала историю молодого человека и причину обращения всех жителей города и все, что с ними случилось, что немало удивило их. Когда же сестры мои увидали меня с молодым человеком, то начали мне завидовать и злоумышлять против меня.

Мы снова сели на корабль, и я была очень счастлива, главным образом присутствием молодого человека, и, выждав попутного ветра, мы распустили паруса и вышли. Сестры мои сидели со мною и молодым человеком и в разговоре со мной спросили:

– Что ты думаешь делать с этим молодым человеком?

– Я хочу выйти за него замуж, – отвечала я и затем, подойдя к нему, прибавила: – о господин мой, я хочу сделать тебе предложение и не возражай мне.

– Я слушаю и повинуюсь, – отвечал он.

– Этот молодой человек, – сказала я сестрам, взглянув на них, – мне кажется вполне для меня подходящим, а все находящееся здесь богатство я предоставляю вам.

– Решение твое превосходно, – отвечали они и тем не менее злоумышляли против меня.

Мы продолжали идти по благоприятному ветру и, пройдя опасное море, вошли в спокойные воды, по которым и шли несколько дней, пока не подошли к городу Эль-Базраха, здания которого показались нам с наступлением вечера. Но лишь только мы легли спать, как сестры мои взяли нас обоих из наших постелей и бросили в море. Юноша не умел плавать, потонул, и Аллах причислил его к мученикам⁸⁷, в то время как я причислена была к тем, которым суждено было жить, и вследствие этого, лишь только я пробудилась и увидала, что я в воде, я тотчас же ухватилась за кусок дерева, посланный мне Аллахом, и вместе с ним была выброшена волной на берег острова.

Весь остаток ночи я проблуждала по этому острову, а к утру увидала мыс земли и на нем следы человеческих ног; этот мыс, как оказалось, соединялся с материком земли. С восходом солнца я просушила свою одежду и пошла по открытой мною тропинке, и была уже близко от того места, где стоял город, как вдруг заметила, что на меня ползет змея, преследуемая другой змеей. Язык первой змеи висел на сторону вследствие страшной усталости, и мне стало

---

⁸⁷ Магометанский закон признает различные виды мученичества. Этот почетный титул дается прежде всего солдатам, павшим в войне за веру, людям безвинно убитым другими и погибнувшим от падения стены или здания. Говорят, что души мучеников переселяются до дня Страшного суда в зобы зеленых птиц, питающихся плодами и водой рая.

ее жаль, и я, взяв камень, бросила его в голову второй змеи, которая тотчас же умерла. Первая же змея распустила крылья и взвилась в воздух, оставив меня в совершенном недоумении. Я была так утомлена, что легла и уснула, но вскоре проснулась и увидела, что в ногах у меня сидела девушка и чесала мне пятки, вследствие чего я тотчас же вскочила, смутившись тем, что мне оказывали такую услугу.

– Кто ты такая, – сказала я ей, – и что тебе надо?

– Как скоро ты забыла меня! – вскричала она. – Я та, которой ты только что оказала услугу, убив врага. Я – та змея, которую ты спасла от другой змеи; я – ведьма, а другая змея была шайтан, враг мой, и ты меня избавила от него; поэтому, лишь только ты это сделала, я полетела на твой корабль и перенесла все, что на нем было, к тебе в дом, а корабль потопила. Что же касается до твоих сестер, то я обратила их в двух черных собак, так как я знала, как они поступили с тобой. Молодой же человек все-таки потонул.

Сказав это, она взяла меня и перенесла вместе с двумя собаками на крышу моего дома, и в самом доме я увидела все сокровища, бывшие на корабле. Ничего не было потеряно.

– Я клянусь печатью Сулеймана, – затем сказала она, что если ты не будешь давать ежедневно по триста ударов каждой из этих собак, то я явлюсь и обращу тебя тоже в собаку.

– Слушаю и повинуюсь, – отвечала я, и с тех пор я наношу собакам удары, хотя и жалею их.

Халиф с удивлением выслушал эту историю и затем сказал второй женщине:

– Вследствие чего произошли на груди твоей знаки от ударов?

Она отвечала следующее:

Вторая сестра из трех багдадских женщин

– О великий царь! Отец мой после смерти своей оставил мне значительное состояние, и вскоре после этого я вышла замуж за одного из богатейших людей того времени. Я прожила с ним год, и он умер, оставив мою законную часть, заключающуюся в восьмидесяти тысячах червонцев. Я тотчас же сделала себе десять нарядных золотых нарядов по тысяче червонцев. Сидя однажды у себя дома, я увидела пришедшую ко мне старуху, отвратительно безобразную; старуха, поклонившись, сказала:

– У меня есть сиротка-дочь, свадьбу которой я сегодня справляю, и если бы ты пришла на ее празднество, то получила бы награду на небесах, так как у нее, бедной, нет никого близких и родных.

Она плакала и целовала мне ноги, и я, тронутая ее просьбой, согласилась. Она обещала прийти за мной, когда я оденусь, и, поцеловав руку, ушла.

Я тотчас же встала, нарядилась, и когда была совсем готова, то старуха пришла за мной.

– О госпожа моя! – сказала она мне. – Гости уже начали собираться и, узнав, что ты будешь, они ждут тебя с нетерпением.

Таким образом я накинула верхнюю одежду и, взяв с собою рабынь, пошла за старухой, которая привела нас на улицу, где приятно продувало ветром, и мы увидели ворота под мраморной аркой, чудно выстроенной, и за ними дворец, возвышавшийся до самых небес. Старуха постучалась в дверь, и, когда нам ее отворили, мы вошли в коридор, покрытый ковром, освещенный свечами и лампами и украшенный камнями и драгоценными металлами. Через этот коридор мы прошли в гостиную, невероятно роскошную, с матрацами, покрытыми шелковой материей, и освещенную висячими лампами и свечами. В конце этой гостиной стояло ложе из алебаstra, с жемчугом и бриллиантами и с атласными занавесками. С этого ложа поднялась женщина, красивая, как луна.

– Добро пожаловать, – сказала она мне. – О сестра моя, ты чаруешь меня и освещаешь мне сердце своим присутствием.

Она снова села и продолжала так:

– У меня, о сестра моя, есть брат, который видел тебя на одном празднестве, он еще молодой человек и красивее меня, и пылает к тебе сильной любовью. Он упросил эту старуху сходить к тебе и устроить ему как-нибудь свидание с тобой. Ему очень хочется жениться на тебе по закону, предписанному Аллахом и апостолом его, а в том, что законно, позора быть не может.

Услыхав эти слова и увидав, что я заперта в доме так, что выйти не могу, я могла только ответить:

– Слушаю и повинуюсь.

Красавица очень обрадовалась, услышав мое согласие. Она захлопала в ладоши и отворила дверь, в которую вошел молодой человек, до такой степени красивый, что сердце мое тотчас же склонилось к нему. Лишь только он сел, как в комнату вошел кадий и четыре свидетеля, и, поклонившись нам, они приступили к совершению брака между мною и молодым человеком. После их ухода молодой человек посмотрел на меня и проговорил:

– Да будет ночь наша благословенна.

Затем он пожелал заключить со мною условие и, положив передо мною Коран, сказал:

– Поклянись, что ты никогда никого не предпочтешь мне и никого не полюбишь, кроме меня.

Услыхав мою клятву, он очень обрадовался, поцеловал меня, и сердце мое воспылало любовью к нему.

Мы прожили целый месяц вполне счастливо, и я стала просить, чтобы он пустил меня на базар купить себе материи на платье. Получив его позволение, я отправилась в сопровождении старухи и села у лавки молодого купца, с которым она была знакома и отец которого, как она сказала мне, умер и оставил ему большое состояние. Она велела ему показать мне лучшие имеющиеся у него материи, и в то время как он раскладывал их, она без устали восхваляла его самого.

– Мне нет никакого дела до твоих похвал купцу, – сказала я ей. – Мы пришли сюда только для того, чтобы покупать и затем вернуться домой.

Между тем он продал нам желаемую материю, и мы подали ему деньги, но он отказался принять их, говоря:

– Я желаю сделать вам подарок из чувства гостеприимства за ваше сегодняшнее посещение.

– Если он не хочет брать деньги, – сказала я старухе, – то верни ему материю.

Но он отказался взять ее обратно и вскричал:

– Клянусь Аллахом, я ничего от вас не возьму! Все это я дарю вам за один поцелуй, который я ценю более всей своей лавки.

– Ну, что тебе в поцелуе? – сказала ему старуха и затем, обратившись ко мне, прибавила: – Ты слышала, о дочь моя, что сказал этот юноша? Никакой беды от поцелуя тебе не сделается, а между тем ты возьмешь все, что тебе нравится.

– Разве ты не знаешь, – отвечала я, – какую я дала клятву?

– Пусть он без дальнейших слов поцелует тебя, – отвечала она. – И тебе от этого ничего не будет, и деньги твои останутся при тебе.

Она продолжала меня уговаривать до тех пор, пока я, наконец, не согласилась, и, закрыв глаза, я приподняла свое покрывало так, чтобы прохожие не могли видеть меня, а он потянулся ко мне и, вместо того чтобы поцеловать, он страшно укусил мне щеку. От боли я упала в обморок, и старуха держала мою голову у себя на коленях до тех пор, пока я не пришла в себя. Лавка уже была закрыта, а старуха, выражая сожаление, говорила:

– Аллах избавил тебя от большого несчастья; отправимся домой; ты притворись больной, а я приду к тебе и дам тебе средство, от которого щека твоя скоро заживет.

Отдохнув некоторое время, я встала, чувствуя себя нехорошо, и со страхом и трепетом вернулась домой. Я сказалась больной, и муж мой сейчас же пришел ко мне.

– Что с тобой? – сказал он. – О моя возлюбленная, что случилось во время твоей прогулки?

– Мне нездоровится, – отвечала я.

– А что это у тебя за рана на щеке и в самом нежном месте? – продолжал он.

– Когда, спросив у тебя позволения, – отвечала я, – пошла сегодня утром купить материи на платье, то верблюд, нагруженный топливом, прошел мимо толпы, где я стояла, разорвал своим грузом мое покрывало и оцарапал, как ты видишь, мне щеку. Ты знаешь ведь, как узки улицы в нашем городе⁸⁸.

– В таком случае завтра же! – вскричал он, – я отправлюсь к губернатору, подам ему жалобу, и он повесит всех продавцов топлива в городе.

– Ради Аллаха, – сказала я, – не бери такого греха на душу и не поступай несправедливо, так как я ехала на осле, который испугался, и я свалилась и расцарапала себе лицо.

– В таком случае, – отвечал он, – завтра же я направлюсь к Джафару Эль-Бармеки и расскажу ему это происшествие, и он прикажет казнить всех погонщиков ослов в городе.

---

⁸⁸ Все, кто когда-либо бывал в восточных городах, поймут всю законность такого оправдания. На улицах Каира и нынче нагруженный верблюд касается ношей обеих сторон домов.

– Неужели из-за меня, – сказала я, – ты хочешь убить всех этих людей, раз мне суждено было Аллахом получить эту рану?

– Несомненно! – вскричал он и, схватив меня, вскочил на ноги и громко крикнул.

На крик его дверь открылась, и из нее выбежали семь черных рабов, которые стащили меня с постели и приволокли на середину комнаты. Одному из рабов он приказал сесть мне на голову и держать меня за плечи, а другому велел сесть на ноги и держать меня за ноги. Третий раб подошел с мечом в руках.

– Повелитель мой, – сказал он. – Не прикажешь ли разрубить ее надвое мечом, чтобы потом снести по половинке и бросить в Тигр на съедение рыбам⁸⁹, так как неверных жен обыкновенно наказывают таким образом?

– Ударь ее, о Саад, – отвечал мой муж.

– Повтори свои молитвы, – сказал раб, держа обнаженный меч, – и поразмысли о том, что тебе делать и какие сделать распоряжения, так как жизни твоей пришел конец.

– Добрый раб, – сказала я, – отпусти меня на время, для того чтобы я могла высказать свои распоряжения, и, подняв голову, я, рыдая, обратилась к мужу своему со следующими стихами:

Меня покинул ты и остаешься;
Спокойным; ты мои глаза больные
Бессонными ночами наказал.
Твой образ в сердце и в глазах моих
Живет, и сердце у меня не хочет
С тобой работаться, и мои рыдания
Мне страсть мою скрывать не позволяют.
Ты заключил со мною договор,
Что будешь верен мне; когда ж любовь
Завоевал ты сердца моего,
Ты обманул и изменил позорно,
Не сжалишься ты разве над моей
Любовью и рыданиями моими?
Ты сам немало испытал несчастий,
Аллахом заклинаю я тебя,
Когда умру я, на надгробном камне
Моем такое выбить изречение:
«Здесь вечным сном любви
рабыня спит».

Услышав эти стихи и увидав мои слезы, муж мой еще сильнее рассердился и отвечал мне следующим куплетом:

Я не изверг возлюбленной моей
Из сердца моего по пресыщенью;
Ея вина была тому причиной,
Она сама желала, чтоб другой
Со мною разделил любовь и ложе;
Но чести сердца моего противно
Такое совместительство в любви.

---

⁸⁹ Женщины, подозреваемые в неверности своим мужьям, и в новейшее время наказывались в Египте точно так же.

Я продолжала плакать и, чтобы возбудить его сожаление, думала: «Буду унижаться перед ним и в самых нежных словах умолять его, чтобы он не убивал меня, а лучше бы взял все мое состояние».

Но он кричал своему рабу:

– Разруби ее пополам, так как она потеряла всякую душу в наших глазах.

Раб подошел ко мне, и я увидела, что спасения мне больше нет, и отдалась на волю Аллаха; но вдруг в комнату вошла старуха и, бросившись к ногам моего мужа и целуя их, вскричала:

– О сын мой, ради моих услуг, когда я нянчила тебя, умоляю тебя простить эту женщину, так как она не изменила тебе и не сделала ничего, заслуживающего такого строгого наказания. Ты еще молод, и страшишься того обвинения, которое она может предъявить против тебя.

Сказав это, старуха продолжала плакать и умоляла мужа моего до тех пор, пока он, наконец, не сказал:

– Я прощаю ей, но должен сделать на теле ее такие знаки, которые она носила бы в продолжение всей своей жизни.

Сказав это, он приказал рабам сдернуть с меня рубашку и, взяв палку, сделанную из дерева айвы, он стал бить меня по спине и по бокам до тех пор, пока я не лишилась чувств и чуть не умерла. Он приказал рабам с наступлением ночи снести меня, под присмотром старухи, в тот дом, где я жила прежде. Они в точности исполнили приказание своего господина, и когда я осталась в своем старом доме, я занялась исцелением своих ран. Хотя я поправилась, но на боках моих и на груди остались следы от палочных ударов. Четыре месяца я лечилась и, поправившись, пошла посмотреть на тот дом, в котором все это случилось, но дом оказался разрушенным, и вся улица – превратившейся в груды мусора.

Вследствие этого я отправилась жить с сестрой одного со мной отца, у которой увидела я этих двух собак. Поклонившись ей, я рассказала все, что со мною случилось, на что она отвечала мне:

– Кто избавлен от ударов судьбы? Слава Аллаху, что ты осталась в живых!

Она рассказала мне свою историю и истории своих двух сестер, и я осталась с нею, и никто из нас не упоминал более никогда о замужестве. Впоследствии к нам присоединилась еще вот эта наша сестра, покупательница, которая уходит ежедневно и покупает для нас все, что нам требуется.

Заключение сказки о багдадских женщинах

Халифа очень заинтересовала эта история, и он приказал записать ее и поставить книгу с этой историей к себе в библиотеку.

– Не знаешь ли ты, – сказал он первой женщине, – где можно найти ведьму, обратившую твоих сестер?

– О царь, – отвечала она, – она дала мне прядь своих волос и сказала: «Если ты захочешь видеть меня, то сожги несколько волосков, и где бы я ни была, хотя за Кафскими горами, я тотчас же явлюсь к тебе».

– Ну, так принеси мне эти волосы, – сказал халиф.

Волосы были тотчас же принесены, и халиф сжег несколько волосков. Лишь только распространился запах, как дворец весь вздрогнул, и загремел гром, и вдруг перед ними явилась ведьма. Она была мусульманкой и потому приветствовала халифа словами:

– Мир над тобою, халиф, Аллаха!

– И над тобою да будет мир, – отвечал ей халиф, – и да будет милость и благословение Аллаха.

– Знай, – продолжала она, – что эта женщина оказала мне услугу, за которую я не знаю, как и отблагодарить ее, так как она спасла меня от смерти, убив моего врага; а я, увидав, что сестры ее с ней делали, решила наказать их, и потому я обратила их в собак. Сначала я хотела просто убить их, для того чтобы они не терзали ее более, а теперь, государь, если ты желаешь их помиловать, то я могу снова обратиться к тебе, в угоду тебе и ей, так как я истинная правоверная.

– Обрати их, – сказал халиф, – и потом мы рассмотрим дело избитой женщины, и если все рассказанное ею окажется справедливым, то мы отомстим тому, кто так жестоко обращался с нею.

– О царь правоверных, – сказала ему ведьма, – я могу указать тебе на лицо, которое поступило так жестоко с этой женщиной и завладело ее состоянием: он твой весьма близкий родственник. – Она взяла чашку с водой и, пошептав над нею, окропила морды собак, говоря: – Примите ваш прежний образ! – После чего собаки обратились в двух красивых женщин. – Да будет благословен Аллах создавший! О царь правоверных, – продолжала затем ведьма, – знай, что муж, бивший эту женщину, – сын твой Эль-Эмин, слышавший о ее красоте и привлекательности.

Ведьма рассказала, как сладилось все это дело. Халиф был до крайности поражен и вскричал:

– Слава Аллаху, что мне удалось способствовать превращению этих двух собак!

Он тотчас же приказал позвать к себе своего сына Эль-Эмина и расспросил у него историю его женитьбы, и тот рассказал ему всю правду, царь послал за кадием и свидетелями, и хозяйку того дома, где он был накануне, и двух сестер ее, превращенных из собак, он выдал замуж за нищих, оказавшихся царскими сыновьями, и сделал их чинами своего дворца, снабдив их всем, что нужно, и поместив их у себя во дворце. Женщину, избитую мужем, он возвратил своему сыну, дав ей богатое приданое, и приказал отстроить дом еще лучше, чем он был прежде.

А покупательницу он взял к себе в жены и тотчас же увел к себе в покои, а на следующий день отвел ей отдельное помещение и дал рабынь для ее услуги. Он ей тоже назначил постоянное содержание, а впоследствии выстроил для нее дворец.

Глава четвертая

Начинается в половине восемнадцатой ночи и кончается в половине двадцать четвертой

Сказка о трех яблоках

Однажды ночью, после событий, только что нами описанных, халиф Гарун Эр-Рашид сказал своему визирю Джафару:

– Сегодня ночью отправимся в город и разведем кое-что о должностных лицах, и тех, против кого мы услышим жалобы, мы сместим.

– Слушаю и повинуюсь, – отвечал Джафар.

Халиф с визирем и с Месруром пошли по городу, по базарным улицам, и вышли на небольшую долину, где увидели старика с сетью и корзиной на голове и посохом в руке. Старик шел медленно и читал следующие стихи:

Мне говорят, что я среди людей
Познаниями сияю, как луна
Нам ночью светит серебристым светом.
«От этих слов вы воздержитесь, – молвил.
На это я, – ведь если бы меня
Кто-либо вздумал заложить советами
Бумагами моими за один прокорм,
Охотника бы не нашлось, наверно.
Жизнь бедняка полна забот тяжелых.
Себе он летом добывает пищу,
Зимой же греется вблизи жаровни⁹⁰,
Набитой раскаленными углями.
Собаки с лаем следуют за ним,
Куда бы ни пошел он, и толпа
Нахальников, ругающих его,
И он прогнать их от себя бессилён.
Но если б с жалобой он обратился
К суду и доказал бы оскорбленье,
Что нанесли ему нахалы эти,
Судьи ему бы в иске отказали.
Да, при подобной безотрадной жизни
Один приют открыт для бедняка,
Где он найдет покой себе, – кладбище.

Услышав эти стихи, халиф сказал Джафару:

– Понаблюдай за этим бедняком и прими в соображение его стихи, так как они обозначают нужду.

Затем, подойдя к старику, он прибавил:

– Что это ты делаешь, шейх?

– Я рыбак, господин мой, – отвечал старик, – и у меня на шее большая семья. Из дому я ушел в полдень и работал до сих пор, но Аллах не подал мне ничего для продовольствия семьи, и потому я возненавидел себя и пожелал себе смерти.

– Не хочешь ли вернуться с нами к реке и, став на берег Тигра, забросить сеть на мое счастье? Если ты исполнишь мое желание, то я возьму у тебя твой улов за сто червонцев.

---

⁹⁰ Это относится к недостаточной одежде бедняков, так как в Багдаде только едва прикрытый человек может нуждаться в согревании огнем.

Рыбак обрадовался, услышав это, и сказал:

– Можешь распорядиться моей головой. Я вернусь с тобой.

Таким образом, он вернулся к реке и забросил свою сеть, и, подождя, пока она опустилась вниз, он потянул за веревки и, вытащив сеть, увидел, что в ней сундук, замкнутый и тяжелый. Халиф, увидав его и попробовав, какой он тяжелый, дал сто червонцев рыбаку, отправившемуся домой. А Месрур с помощью Джафара поднял сундук и понес его в сопровождении халифа во дворец, где они зажгли свечи и поставили сундук перед халифом. Джафар и Месрур, сломав замок, открыли его и нашли в нем корзину из пальмовых листьев, перевязанную красной веревкой, и, перерезав веревку, нашли там кусок ковра, и, подняв ковер, они увидели изар, а сняв изар, нашли там женщину, белую, как серебро, и изрезанную на куски.

Когда халиф увидел это, слезы полились по его щекам и, взглянув на Джафара, он вскричал:

– Ах ты, собака, визирь! Неужели в мое царствование будут убивать людей и бросать их в реку, взваливая такую тяжесть на мою ответственность? Клянусь Аллахом, я отомщу за эту женщину тому, кто убил ее. Клянусь тем, что я поистине потомок халифов из сынов Эль-Аббаса, – прибавил он, – что если ты не приведешь ко мне того, кто убил эту женщину, для того чтобы я мог отомстить ему, то я распну тебя на дверях моего дворца вместе с сорока твоими родственниками.

Халиф был вне себя от ярости.

– Дай мне три дня срока, – сказал Джафар.

– Даю тебе три дня срока, – отвечали халиф.

Джафар ушел от него и, печально проходя по улице, говорил в душе: «Ну, как я найду того, кто убил эту женщину, и приведу его к халифу? А если я представлю ему не настоящего убийцу, так это ведь ляжет тяжестью на мою совесть. Не знаю, что мне и делать.

Три дня он сидел дома, а на четвертый халиф прислал за ним, и когда он явился к нему, то халиф сказал:

– Где же убийца женщины?

– О царь правоверных, – отвечал Джафар, – разве могу я знать вещи, тайные для всех, и где мне найти убийцу?

Халиф пришел в ярость от этого ответа, и приказал распять его у двери своего дворца, и послал глашатая объявить по улицам Багдада, что кто желает позабавиться и посмотреть, как у дверей дворца будут распяты Джафар Эль-Бармеки, визирь халифа, и его родственники, то может прийти ко дворцу халифа и любоваться этими зрелищем. Таким образом, народ стекался со всех сторон, чтобы посмотреть на казнь Джафара и его родственников, и не знали причины наказания. Халиф приказал поставить кресты. Кресты были воздвигнуты, и под ними были поставлены визирь и его родные и ждали приказания халифа, чтобы быть казненными. Народ оплакивали Джафара и его родственников.

В то время как народ ждал, сквозь толпу быстро пробрался молодой человек, красиво и мило одетый, и, подойдя к визирю, сказал ему:

– Сохрани тебя Аллах от такого приговора, о глава эмиров и убежище бедных! Женщину, найденную вами в ящике, убил я, убейте меня за нее, и пусть смерть ее наденут на меня.

Услышав эти слова, Джафар очень обрадовался своему избавлению и пожалел молодого человека, но в ту минуту, как он говорил, вдруг сквозь толпу быстро протолкался к нему и к молодому человеку старый шейх и, поклонившись, сказал:

– О визирь! Не верь этому молодому человеку, так как женщину эту убил я, поэтому в смерти ее можешь обвинить меня,

– О визирь, – сказал тут молодой человек, – этот старик выжил от старости из ума; он сам не знает, что говорит; убил ее я, и потому отомстить можешь мне.

– Сын мой, – сказал шейх, – ты еще молод, и жизнь должна привлекать тебя, а я стар и насытился жизнью; я могу заменить тебя, и визиря, и его родственников; и женщину эту убил я, клянусь Аллахом, и потому спешите наказать меня.

Слыша этот разговор, визирь был удивлен и повел молодого человека и шейха к халифу.

– О царь правоверных, – сказал он, – убийца женщины явился.

– Где же он? – спросил халиф.

– Этот молодой человек, – отвечал визирь, – говорит, что убил он, а этот шейх обвиняет его во лжи и говорит, что убил он.

Халиф посмотрел на молодого человека и на шейха и спросил:

– Кто же из вас убил молодую женщину?

– Ее убил только я, – отвечал молодой человек.

– Ее убил только я, – точно так же отвечал шейх.

– Возьми их, Джафар, – сказал шейх, – и распни обоих.

– Если убил один из них, то казнить обоих несправедливо, – отвечал Джафар.

– Клянусь тем, кто поднял небеса и разостлал землю, убил эту женщину я, – сказал молодой человек и подробно рассказал, как это случилось и в каком виде халиф должен был найти убитую.

Халиф убедился из его рассказа, что женщину убил молодой человек, и с удивлением спросил:

– По какой причине убил ты эту женщину и сознался в убийстве, не получив ударов⁹¹, прямо говоря, что ты виновен в ее смерти?

Молодой человек отвечал следующим образом:

– Знай, о царь правоверных, что женщина эта была моя жена и дочь моего дяди; этот шейх был ее отцом и моим дядей. Я женился на ней, когда она была молоденькой девушкой, и Аллах послал нам трех мальчиков-сыновей; и она любила меня, и ходила за мною, и ничего дурного я в ней не видал. В начале месяца она очень серьезно захворала, и я пригласил к ней врачей, которые лечили ее и поправили, и я желал, чтобы они отправили ее полечиться ваннами.

– Прежде чем брать ванны, – сказала она мне, – мне очень хочется одной вещи.

– Что тебе хочется? – спросил я.

– Мне хочется яблока, – сказала она, – хоть бы только понюхать и откусить.

Я тотчас же отправился в город искать яблоки и купил бы, несмотря ни на какую цену, но нигде яблок найти не мог. Всю ночь я провел в раздумьях, а утром опять вышел из дому и пошел по всем садам, но ни в одном из них не нашел яблок. Но тут я встретил старого садовника, у которого я справился о яблоках, и он сказал мне:

– О сын мой, яблоки здесь такая редкость, что их нигде не найдешь, разве только в саду царя правоверных в Эль-Башраха, которые хранятся там для халифа.

Я вернулся к жене, и любовь моя к ней была так сильна, что я собрался в путь и проездил пятнадцать дней, не останавливаясь ни днем, ни ночью, и привез ей три яблока, которые я достал от садовника в Эль-Башраха за три червонца, и, войдя в комнату, я подал их ей, но она была почему-то недовольна и оставила их нетронутыми. Она страдала тогда сильной лихорадкой и прохворала еще в продолжение десяти дней.

Лишь только она поправилась, я вышел из дому и отправился к себе в лавку, чтобы продавать и покупать. В полдень мимо меня прошел черный раб, держа в руках яблоко, с которым он играл.

---

⁹¹ В Аравии и в других восточных странах существует обычай, что если лицо, обвиняемое в каком-нибудь преступлении, отрицает свою вину перед судьей, то его бьют палками, чтобы добиться признания, даже свидетелей тоже иногда бьют. Наказание это производится посредством плети из кожи гиппопотама, или палки, и обыкновенно бьют по пятам. Для этого ноги привязываются к двум концам палки довольно далеко одна от другой. По обе стороны становятся два человека и бьют поочередно, иногда до тех пор, пока наказуемый не лишится чувств.

– Откуда это ты достал яблоко? – спросил я у него.

– От своей возлюбленной, – засмеявшись, отвечал он. – Я был в отсутствии и, вернувшись, застал ее больной, и нашел у нее три яблока, и она сказала мне: «Мой легковверный муж ездил за ними в Эль-Башрах и заплатил за них три червонца, и яблоко это я взял от нее.

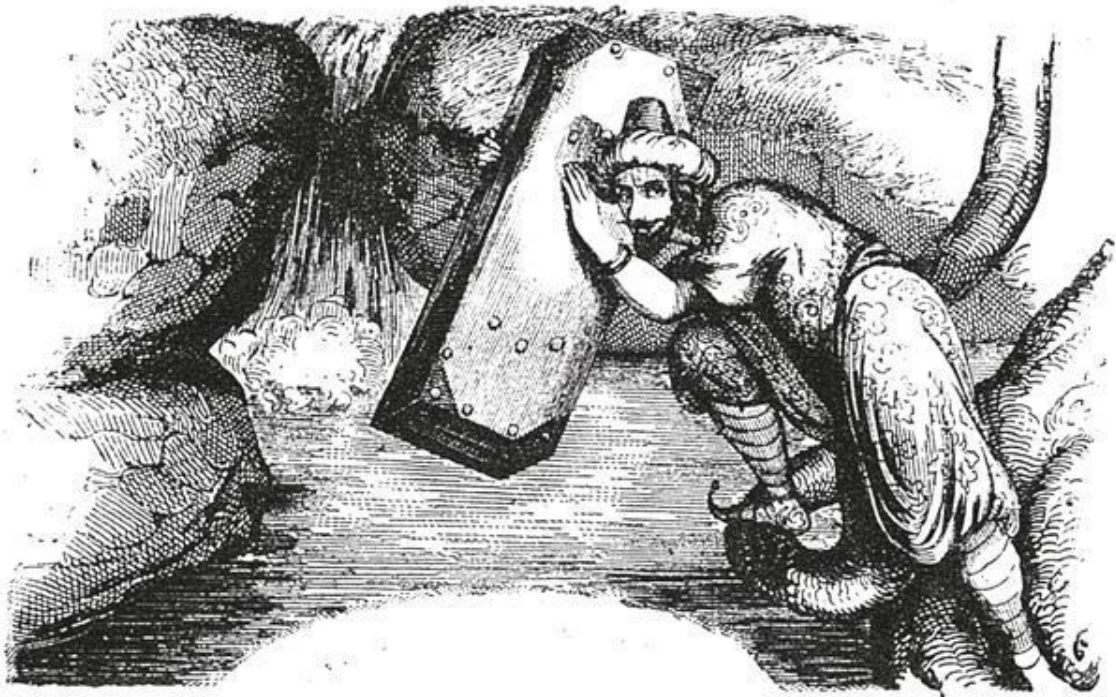
От этих слов у меня потемнело в глазах, о царь правоверных, и я, заперев свою лавку, вернулся домой, не помня себя от страшного гнева. Третьего яблока не оказалось, и я сказал жене:

– А где же яблоко?

– Не знаю, куда оно делось, – отвечала она.

Тут я убедился, что раб говорил правду, и, встав, я взял нож и, бросившись на жену, вонзил нож ей в грудь; затем я отрезал ей голову, и руки, и ноги, и второпях, сложив все в корзину, я прикрыл изаром, на который сложил еще кусок ковра. Корзину с телом я положил в сундук, замкнул его, свез на муле и собственноручно бросил в Тигр.

– А теперь, – продолжал молодой человек, – ради Аллаха умоляю тебя, о царь правоверных, ускорь смерть мою в искупление убийства, так как в противном случае я боюсь, что убитая потребует возмездия в день Страшного суда, потому что, вернувшись домой, незаметно бросив тело в Тигр, я застал старшего своего сына в слезах, хотя он не мог знать, что я сделал с его матерью.

– О чем ты плачешь? – спросил я.

– Я взял у матери одно из яблок, – отвечал он, – и побежал с ним играть на улицу с братьями, а какой-то высокий черный раб вырвал его у меня и спросил, откуда у меня такое яблоко? Я отвечал, что отец ездил за ним и привез его из Эль-Башраха для матери, потому что она больна, что он купил три яблока за три червонца, но он все-таки взял яблоко и ударил меня из-за него.

Услышав этот рассказ сына, я понял, что раб налгал на дочь моего дяди и что она была убита несправедливо, и в то время как я горько плакал о том, что я сделал, ко мне пришел дядя мой и ее отец; я рассказал ему, что случилось, а он сел и горько заплакал. Мы пять дней

горевали и плакали и горюем до сегодняшнего дня. Ради чести твоих предков ускорь мою смерть, для того чтобы я мог искупить это убийство.

Халиф с удивлением выслушал рассказ молодого человека.

– Клянусь Аллахом, – сказал он, – что я не казню никого другого, как лживого раба, так как молодого человека я могу оправдать. Приведи ко мне, – продолжал он, обращаясь к Джафару, – этого негодного раба, причину всего несчастья; а если ты не приведешь его, то будешь казнен вместо него.

Визирь заплакал и пошел, говоря:

– Ну, откуда я возьму его? Не всегда же мне удастся так счастливо отделаться, как в последний раз. Из этого дела не вывернешься, но если Аллах помог мне в первый раз, то поможет и во второй. Клянусь Аллахом, я трое суток не выйду из дому, и Истинный, да прославится имя Его, сделает то, что найдет нужным!

Таким образом он трое суток пробыл у себя дома, а на четвертый позвал кадия, и сделал завещание, и со слезами стал прощаться со своими детьми, когда явился посланник халифа и сказал ему:

– Царь правоверных страшно на тебя гневается и послал меня за тобой. Он поклялся, что сегодняшний день не пройдет без того, чтоб он не казнил тебя, если ты не приведешь к нему раба.

Услышав это, Джафар заплакал, и дети его заплакали вместе с ним. Он простился со всеми детьми и затем стал прощаться после всех со своей любимой дочерью. Он любил ее более других детей и, прижимая ее к своей груди, заплакали при мысли, что навеки расстанется с нею. Прижимая ее к себе, он почувствовал, что в кармане у нее лежало что-то круглое.

– Что это у тебя в кармане? – спросил он.

– Яблоко, отец, – отвечала она, – наш раб Рейган принес его мне, и я ношу его уже четыре дня; он не отдавал мне его, пока я не дала ему двух червонцев.

Услышав рассказ о рабе и яблоке, Джафар страшно обрадовался и, поблагодарив Аллаха, приказал привести раба к себе.

Когда раба привели, он спросил:

– Откуда ты взял это яблоко?

– О хозяин, – отвечал он, – пять дней тому назад я шел по городу и, проходя по небольшой улице, я увидел играющих детей, и у одного мальчика в руках было это яблоко. Я отнял яблоко и ударил мальчика, а он заплакал и сказал: «Это яблоко моей матери, она больна и просила, чтобы отец достал ей яблок, а он ездил в Башрах и привез ей три яблока, за которые заплатил три червонца, а я утащил яблоко поиграть». Он снова заплакал, но я, не обращая на него внимания, взял яблоко и принес сюда, а моя маленькая госпожа за два червонца купила его у меня.

Услышав это признание, Джафар не мог надивиться, открыв, что все эти неприятности и убийство женщины причинены его рабом, и, взяв раба с собой, он отправился к халифу, который приказал изложить всю эту историю на бумаге и обнародовать ее.

– Не удивляйся, о царь правоверных, этой истории – сказал ему Джафар, – так как она несколько не удивительная история визиря Нур-Эр-Дина и брата его Шеме-Эд-Дина.

– Может ли быть, – сказал халиф, – какая-нибудь история удивительнее этой?

– О царь правоверных, – отвечал Джафар, – я могу рассказать ее тебе только под тем условием, что ты освободишь раба моего от смертной казни.

– Дарю тебе его кровь, – отвечал халиф.

И Джафар начал свой рассказ таким образом.

Нур-Эд-Дин и его сын и Шемс-Эд-Дин и его дочери

– Знай, о царь правоверных, что в Каире⁹² был султан⁹³ справедливый и милостивый, у которого был умный и образованный визирь, отлично знавший дела и умевший управлять страной. У визиря, человека уже престарелого, было два сына, как два ясных месяца. Старшего звали Шемс-Эд-Дином, а младшего – Нур-Эд-Дином, но последний превосходил первого своей красотой и миловидностью. Красивее его человека в то время не было, и слава о его красоте разнеслась по всем окрестным местностям, так что многие приезжали издали только для того, чтобы взглянуть на него. Случилось так, что отец их умер, и султан, горюя о нем, увидел его двух сыновей, полюбил их, одарил почетной одеждой и сказал им, что они будут занимать положение отца. Они очень обрадовались и поцеловали прах у ног султана. Окончив церемонию откланивания⁹⁴, продолжавшуюся целый месяц, они вступили в должность визирей, условившись по понедельно, по очереди, занимать этот пост. Когда же султан отправлялся путешествовать, то он брал одного из братьев с собой.

Один раз вечером султан заявил, что на следующий день он желает ехать путешествовать, и на этот раз с ним должен был отправиться старший брат. Всю эту ночь братья проговорили.

– Как мне хотелось бы, о брат мой, – сказал старший, – чтобы мы могли жениться в один и тот же день.

– Поступай, как знаешь, о брат мой, – отвечал младший, – и я соглашусь со всем, что ты пожелаешь.

Таким образом они условились.

– Если Аллах, – сказал старший, – постановил, что мы женимся в одно время, и жены наши родят в один день, и у твоей жены будет сын, а у моей – дочь, и мы женим их, так как они будут двоюродными братом и сестрой.

– А что же, о брат мой, – сказал Нур-Эд-Дин, – потребуешь ты от моего сына в приданое твоей дочери?

– Я потребую от твоего сына, – отвечал он, – в приданое моей дочери три тысячи червонцев, три сада и три фермы, и если молодой человек захочет сделать другое условие, то это не будет достойно его.

– Как, – вскричал Нур-Эд-Дин, услышав это требование, – ты требуешь такого приданого от моего сына? Да разве мы не братья, оба не визири и не облечены в одно и то же достоинство? Тебе следовало бы предложить дочь свою моему сыну без всякого вознаграждения, так как тебе должно быть известно, что мужчина выше женщины, а мое дитя – мальчишка, и, следовательно, от него будет продолжаться наш род, а не от твоей дочери.

– Что ты говоришь о ней? – спросил брат.

– Что не от нее будет продолжаться наш благородный род, – отвечал Нур-Эд-Дин. – Но ты, кажется, – продолжал он, – хочешь поступать со мною, как поступают с покупателями, от которых хотят отвязаться. Чтобы отвязаться от покупателя, купцу следует запросить слишком высокую цену.

---

⁹² Город Каир появился только после смерти Гарун-Эр-Рашида.

⁹³ В этом рассказе мы усматриваем снова анахронизм. Титул султана появился впервые только через двести лет после смерти Гарун-Эр-Рашида, и первым султаном был Селадин.

⁹⁴ Хотя мужчины в Аравии не переменяют одежды после смерти близкого человека, но они соблюдают некоторые обычаи. Во время, так сказать, траур они принимают посещения приличия. В вечер, после похорон, несколько человек читают Коран. Самый замечательный обычай заключается в том, что надо, по три раза, тысячу раз повторить «нет Бога, кроме Аллаха», и для того, чтобы не сбиться, у одного из читальщиков нанизаны на нитку бусы, которыми он и считает. Кроме того, занимается человек, чтобы прочесть весь Коран в вечер первого четверга после похорон.

– Я вижу теперь, – сказал Шемс-Эд-Дин, – как ты поступаешь нехорошо, возвеличивая своего сына перед моей дочерью. Ты лишен, несомненно, здравого смысла и добрых намерений, если решаешься упоминать, что мы оба облечены в одно и то же достоинство, точно ты не знаешь, что я из сожаления к тебе пригласил тебя разделять со мною обязанности визиря, для того чтобы ты помогал мне? Но говори, что хочешь, раз что ты выразился так, то, клянусь Аллахом, я не выдам своей дочери за твоего сына, хотя бы ты предлагал мне за нее вес ее золотом.

Услышав это заявление брата, Нур-Эд-Дин пришел в ярость и сказал:

– Я не женю своего сына на твоей дочери.

– А я не возьму его в мужья для нее, – отвечал Шемс-Эд-Дин, – и если бы я не отправлялся теперь в путешествие, то сделал бы с тобою такую вещь, которая послужила бы предостережением для других, но вот когда я вернусь, то Аллах поступит по своему усмотрению.

Услышав это, Нур-Эд-Дин страшно рассердился, и жизнь ему стала не в жизнь, но он скрыл свои чувства, и оба брата провели остаток ночи порознь; а на следующее утро султан отправился в путешествие и двинулся в сопровождении визиря Шемс-Эд-Дина к стране Дирамид.

Нур-Эд-Дин провел эту ночь в состоянии страшной ярости и с наступлением утра, встав и прочитав утренние молитвы, отправился в свою комнатку, взял оттуда два мешка и наполнил их золотом, думая о словах брата и о его презрении и гордости, выказанной им, он повторил такие стихи:

Сбирайся в путь-дорогу, ты найдешь
В том городе, куда придешь, друга.
Работай неустанно, и в награду
Все жизни радости узнаешь ты.
Для мудреца ученого нет славы
Жить постоянно в городе одном.
Покинь его теперь и отправляйся
В края чужие – там успех и слава.
Стоячая вода гниет, ты знаешь,
Но свежи и светлы потока воды.
Когда б луна всегда была на небе,
То никому бы не казалось чудом.
Лев, если не пойдет из чащи леса,
Себе своей добычи не найдет,
Как и стрела, не пущенная с лука,
Не может никогда достигнуть цели.
Крупинки золота совсем не видны
И глазу чистым кажутся песком.
Алойный корень, если разрастется,
Топливо превосходно заменяет;
При вызове ж в края чужие он
Большого спроса там предметом служит,
А если нет, ничем не выдается...

Он приказал одному из молодых людей оседлать ему пятого мула, большого и рысистого. Мула оседлали в золотое седло, со стремянами из индийской стали, и покрыли его богатым бархатным чепраком, и разряженный мул стал походить на нарядную невесту. Кроме того, он

приказал положить на седло шелковый ковер и коврик для молитвы⁹⁵, а под ковры положить мешки с деньгами. Когда все было готово, он сказал молодому человеку и своим рабам:

– Мне хочется проехать для своего удовольствия за город, к провинции Калюб, и я буду отсутствовать двое суток. Никто из вас со мною не поедет, так как у меня на душе тяжело.

Сказав это, он поспешно сел на мула и, взяв с собой небольшой запас съестного, выехал за город и поехал по направлению к равнине. В полдень он выехал в город Бильбейс, где он остановился, чтобы отдохнуть и дать отдых мулу и покормить его. Он приобрел в городе себе съестного на дальнейший путь и взял корма для мула, уложив все, отправился далее и в полдень следующего дня выехал в Иерусалим. Тут он снова остановился; чтобы отдохнуть самому и дать отдохнуть мулу и покормить его. Он снял мешки и, разостлав ковер, положил их себе под голову, и заснул, не переставая сердиться. Проспав всю ночь, он утром снова сел на мула и погонял его до тех пор, пока не приехал в Алеппо, где остановился в хане, и пробыл там три дня, чтобы дать отдых как самому себе, так и своему мулу, и подышать чудным воздухом этой местности. Пробыв три дня, он снова сел на мула и поехал далее, пока не приехал в город Эль-Башрах. Лишь только он увидел, что начинает смеркаться, он тотчас же сошел в хан, где снял свои мешки с мула и разостлал ковер для молитвы, поручив мула вместе с седлом привратнику и приказав ему провести мула.

Привратник стал водить мула, и случилось, что визирь Эль-Башраха сидел у окна своего дворца и, увидав мула и его богатую сбрую и седло, подумал, что это животное непременно должно принадлежать какому-нибудь визирю или царю. Посмотрев еще раз внимательно на мула, он очень удивился и приказал одному из своих пажей привести привратника. Таким образом паж вышел и привел привратника, который поцеловал прах у ног его. Визирь, человек уже преклонных лет, сказал ему:

– Кто хозяин этого мула и каков он на вид?

– О господин мой! – отвечал привратник, – хозяин его молодой человек изящной наружности вроде купеческого сына, самого достойного и солидного вида.

Услышав это, визирь встал и, сев на лошадь⁹⁶, поехал в хан, где представился молодому человеку, который, увидав его, тотчас же встал и, выйдя к нему, обнял его. Визирь, сойдя с лошади, поклонился ему и приветствовал его, и, посадив его подле себя, сказал ему:

---

⁹⁵ Ковер для молитв редко употребляется для покрывки седла, разве только если всадник принадлежит к ученому сословию. Здесь этим, вероятно, хотели показать, что Нур-Эд-Дин – человек ученый, как бывали обыкновенно визири египетских султанов.

⁹⁶ Араб высокого звания никогда не выходит из дому пешком, хотя бы это было совсем близко.

– Зачем, о сын мой, прибыл к нам в город?

– Господин мой, – отвечали Нур-Эд-Дин, – я приехал из Каира, где отец мой был визирем и отошел в лучшую жизнь, – и он сообщил ему все, что с ним произошло, до самых малейших подробностей, прибавив: – Я решился, что не вернусь до тех пор, пока не увижу все города и страны света.

– О сын мой, – отвечал визирь, – не следуй своей прихоти, чтобы не подвергать жизнь свою опасности, так как страны обширны, и я боюсь за тебя.

Сказав это, он приказал положить мешки опять на мула, как приказал положить и ковер для молитвы и шелковый ковер, и взял Нур-Эд-Дина с собой к себе домой, где поместил его в парадные комнаты, и обращался с ним с почетом и добротой, и, почувствовав к нему сильное расположение, сказал:

– О сын мой, я стал стариком, а сыновей у меня не было, но Аллах благословил меня дочьрью, которая не уступает тебе в красоте. Я отказывал всем просившим ее руки, но теперь я так полюбил тебя, что спрашиваю: не хочешь ли ты взять дочь мою к себе в услужение и сделаться ее мужем? Если ты на это согласишься, то я съезжу к султану Эль-Башраха и скажу ему: «Это сын моего брата». И я представлю тебя ему для того, чтобы ты сделался визирем после меня, а я буду жить у тебя дома, так как я стар. Нур-Эд-Дин, услышав это предложение визиря Эль-Башраха, опустил голову и затем отвечал:

– Слушаю и повинуюсь.

Визирь порадовался его согласию и приказал слугам приготовить парадный обед и убрать большую приемную комнату, предназначенную для приемов высоких гостей и эмиров. Затем он собрал своих друзей, пригласил первых сановников и купцов Эль-Башраха, и когда они все собрались, он сказал им:

– У меня был брат, визирь в Египетской стране, и Аллах благословил его двумя сыновьями, а меня, как вам известно, он благословил дочьрью; теперь брат мой желает, чтобы я выдал дочь свою за одного из его сыновей, и на это я выразил свое согласие, и когда она достигла необходимым для брака лет, он прислал ко мне одного из своих сыновей, вот этого молодого человека. Он только что приехал, и я желаю заключить брачное условие между ним и моей дочьрью, для того чтобы они познакомились у меня в доме.

– Ты поступаешь отлично! – отвечал он.

После этого они выпили сахарного шербета, и пажи опрыскали везде розовой водой, и гости разошлись. Затем визирь приказал своим слугам проводить Нур-Эд-Дина в баню, дал ему свою лучшую одежду⁹⁷ и послал ему простыню, чашку, посуду с духами и все, что ему нужно. Выйдя из ванны, он оделся и стал красив, как ясный месяц. Сев на своего мула и вернувшись во дворец, он явился к визирю и поцеловал его руку. Визирь же приветствовал его, сказав:

– Вставай и иди на сегодняшнюю же ночь к своей жене, а завтра я отправлюсь с тобой к султану, и да пошлет тебе Аллах всякую радость и счастье.

После этого Нур-Эд-Дин встал и пошел к своей жене, дочери визиря.

Все это случилось с Нур-Эд-Дином.

Что же касается до его брата, то он попутешествовал некоторое время с султаном и, вернувшись и не найдя брата, спросил у слуги, который ему сказал:

– В день твоего отъезда с султаном он сел на мула, оседланного и разукрашенного, как для парадной процессии, и сказал: «я еду в провинцию Калюб и буду в отсутствии дня три, так как на душе у меня тяжело, и потому не следуйте за мною». И с тех пор до настоящего дня мы ничего о нем не слышали.

При этом известии сердце Шемс-Эд-Дина заныло; ему стало жаль брата, разлука с ним трогала его до глубины души.

«Причину его отъезда, – думал он, – можно приписать только тому, что я так резко говорил с ним в последнюю ночь перед моим отъездом с султаном, и надо думать, что это его расстроило до такой степени, что он отправился путешествовать. Надо будет послать разыскивать его».

Он пошел к султану и доложил ему об этом, а тот написал письма и разослал их начальникам всех провинций, но Нур-Эд-Дин во время поездки своего брата с султаном проехал уже очень далеко, поэтому нарочные, разосланные с письмами, вернулись, не получив никаких сведений.

Разлученный со своим братом Шемс-Эд-Дин проговорил:

– Я рассердил брата тем, что говорил ему относительно брака наших детей. Как жаль, что это так случилось, это вышло вследствие моего безрассудства.

И вскоре после этого он просил руки дочери одного купца в Каире, и брачное условие между ним и ею было заключено, и он отправился к ней. Это случилось в ту же самую ночь, когда Нур-Эд-Дин ночевал в первый раз у дочери визиря Эль-Башраха. Так решено было Господом, да прославится имя Его, и воля Его свершилась относительно этих людей.

Все это сделалось так, как братья предполагали сами: обе жены зачали, и жена Шемс-Эд-Дина, визиря Египта, родила дочь, красивее которой никого в Египте не было, а жена Нур-Эд-Дина родила сына, такого красавца, какого в то время и не существовало, как говорит поэт:

Богиня красоты, сошедшая на землю,
Чтоб на его красу полюбоваться,
Стыдливо бы головку опустила.
И если б и тогда спросили:
«Богиня красоты, когда видала
Ты равного ему?» – она б сказала
В ответ: «Во всем моем обширном царстве
Нет никого, кто мог бы с ним сравниться».

---

⁹⁷ Как молодые, так и старые арабы носят одежду совершенно одинаковую.

Сына этого назвали Гассаном. На седьмой день его рождения было устроено угощение и пиршество, как устраивают после рождения царских детей⁹⁸, после чего визирь Эль-Башраха, взяв с собой Нур-Эд-Дина, отправился с ним к султану. Представ перед султаном, он поцеловал прах у ног его, а Нур-Эд-Дин, отличаясь красноречием и будучи человеком приятным по наружности и манерам, сказал следующие стихи поэта:

То он, чьему державному суду
Подвластны все народы, чьи походы
Все государства мира покорили
Его престолу. Будь же благодарен
Ему ты за его благодеянья,
Ведь то благодеянья не простые,
А нитки жемчуга, что подарил
Он подданным своим. И поцелуй,
Прильни к его руке: то не рука,
А ключ, чтоб помощь Промысла достать.

Султан с почетом принял их обоих, поблагодарив Нур-Эд-Дина за приветствие, спросил визиря:

– Кто этот молодой человек?

Визирь поэтому рассказал ему историю с начала до конца и прибавил:

– Это сын моего брата.

– Как же это, – сказал визирь, – это сын твоего брата и мы до сих пор не слышали о нем?

– Государь наш, султан! – отвечал визирь. – У меня был брат, визирь в стране Египетской, который умер, оставив двух сыновей: старший наследовал должность отца как визиря, а младший приехал ко мне, и я поклялся, что ни за кого, кроме него, не выдам своей дочери; таким образом, когда он приехал, я тотчас же женился на нем. Он – молодой человек, а я теперь уже старик; слух мой притупился, а способности ослабели, и поэтому я желаю, чтобы государь наш, султан, назначил его на мое место, ввиду того, что он сын моего брата и муж моей дочери, и лицо, вполне достойное звания визиря, так как он человек знающий и разумный.

Султан посмотрел на Нур-Эд-Дина и, оставшись совершенно доволен, одобрил предложение визиря назначить его на его место. Таким образом, он назначил молодого человека визирем, приказал дать ему почетную роскошную одежду и лучшего мула, на котором он ездил сам, и назначил ему содержание и жалованье. Нур-Эд-Дин поцеловал руку султана и отправился со своим тестем домой, оба совершенно довольные.

– Поистине, – говорили они, – рождение этого ребенка принесло счастье.

На следующий день Нур-Эд-Дин снова отправился к султану и поцеловал прах у его ног, а султан приказал ему сесть на место визиря. И Нур-Эд-Дин стал заниматься делами по своей должности и рассматривать прошения народа, согласно с обычаем визирей. Султан же, наблюдая за ним, был очень удивлен его рассудительностью и быстрым соображением, он внимательно следил за ним и полюбил и осыпал своими милостями. Когда двор был распущен, Нур-Эд-Дин вернулся домой и сообщил обо всем случившемся своему тестю, оставшемуся очень этим довольным.

Старый визирь наблюдал за воспитанием ребенка, названного Гассаном, в продолжение нескольких дней, так как Нур-Эд-Дин постоянно занимался делами по своей должности, не

---

⁹⁸ Мусульмане, по указанию своего пророка, обязаны обращать большое внимание на воспитание своих детей. Лишь только родился ребенок, его завертывают в чистое белье, белое, или какого-нибудь другого цвета, но никак не желтого, после этого на ухо младенцу говорят по несколько раз некоторые изречения Корана. Но шептать это может только мужчина, а никак не женщина.

оставляя султана ни днем, ни ночью; и царь увеличил его жалование и содержание, которые стали более чем достаточными; он приобрел корабли, ходившие по его указанию с товарами, основал множество деревень и делал водяные колеса⁹⁹, устраивал и сады. Когда Гассану минуло четыре года, старый визирь, отец его жены, умер, и он торжественно похоронил его, а затем сам принялся за воспитание сына. Когда же мальчик вошел в силу, он нанял ему воспитателя, поселившегося у него в доме, и поручил ему воспитание и образование его. Таким образом, воспитатель, выучив его Корану, стал заниматься с ним другими полезными науками. А Гассан между тем становился все красивее и привлекательнее. Воспитатель продолжали жить во дворце его отца и не выезжал из него, пока мальчик не сделался отроком. Тогда отец, одев его в богатое платье, посадил на одного из своих лучших мулов и, поехав с ним во дворец, представил султану. Султан, увидав Гассана, сына Нур-Эд-Дина, поразился его красотой, миловидностью и статностью его фигуры. Он тотчас же полюбил его и осыпал милостями, сказав отцу его:

– О визирь, приводи его ко мне каждый день.

– Слушаю и повинуюсь, – отвечал визирь и вернулся с сыном домой.

С этого времени он каждый день водил мальчика во дворец, пока ему не минуло пятнадцать лет.

Тогда отец его, Нур-Эд-Дин, захворал и, призвав его к себе, сказал ему:

– О сын мой! Знай, что этот свет – наше временное убежище, а будущий свет – убежище вечное. Мне хотелось бы сделать тебе некоторые наставления, чтобы ты понял их и от всей души проникся им. И он начал давать ему разные советы, как ему жить, и как вести себя в обществе, и как распоряжаться своими делами. Сказав все, что было нужно, он стал думать о своем брате, своей родине и своем доме и заплакал при мысли о тех, кого когда-то он любил. Слезы текли по его щекам, когда он говорил: «О сын мой, выслушай меня. В Каире у меня есть брат, которого я бросил и ушел от него помимо его воли».

Взяв лист бумаги, он написал на нем все, что с ним случилось, от начала до конца, обозначил число того дня, когда он женился, и когда в первый раз пришел к дочери визиря, и число того дня, когда приехал в Эль-Башрах, и его свидания с визирем, и, прибавив строгое наставление, он сказал своему сыну:

– Возьми это послание, так как на этой бумаге я написал историю твоего происхождения, родства и звания, и если с тобой случится какое-нибудь бедствие, то отправляйся в Каир, разузнай, где живет твой дядя, поклонись ему и скажи, что я умер в чужой стороне, страстно желая его видеть.

Гассан взял бумагу, сложил ее, завернул в клеенку¹⁰⁰ и зашил между подкладкой и крышкой своей ермолки, проливая слезы о том, что ему приходится в таких молодых годах расстаться с отцом.

– Прошу тебя, – сказал умирающий своему сыну, – не дружись ни с кем, потому что вдали от людей ты только и можешь быть в безопасности. Божественно одарен был поэт, сказавший:

Теперь нет никого, чьей дружбы ты
Желать бы мог себе. Кто разорился,
Друзей тот верных не имеет больше.
Живи теперь один с самим собою
И позабудь, что ты имел друзей.
Вот мой совет, я лучшего не знаю.

---

⁹⁹ Водяные колеса делаются для орошения полей и садов, и их приводят в движение парой коров или волов. К этим колесам привязаны на веревках глиняные ведра, которые зачерпывают воду, и они, поднимаясь, выливают ее в водоприемники, из которых вода разливается в канавки, проведенные в поля, разделенные на квадраты.

¹⁰⁰ Документы часто завертывают в клеенку, чтобы предохранить их от сырости, тем более, что арабы пишут чернилами, сделанными из сажи, гумми-арабика и воды.

Приучившись к молчанию, занимайся своими собственными делами и не говори лишних слов, потому что поэт говорит:

Прекрасна в человеке молчаливость,
Залог же безопасности – молчанье;
Поэтому когда ты говоришь,
То избегай излишней болтовни.

Остерегайся пить вино, потому что в нем заключается источник всех бедствий. Поэт говорит поэтому:

Я бросил пить вино и все, что люди
Зовут напитками, и другом стал
Всех тех, что строго пьянство осуждают.
Вино с дороги честности сгоняет
И настежь открывает двери злу.

Не презирай и не угнетай никого, потому что угнетать человека низко. Поэт говорит:

Не угнетай, хотя тебе дана
На это власть: ты кончишь тем, что сам же
Раскаешься в жестокости своей.
Твои глаза сомкнутся сном, а те,
Что от тебя страдали, между тем
К отмщенью призывают весь народ.
И око Бога никогда не спит.

Презирай свое богатство, но не самого себя; не расточай своего богатства на человека недостойного. Если ты будешь беречь его, то и оно будет беречь тебя, но если ты расточишь его, то и оно разорит тебя, и тогда тебе придется прибегнуть к помощи людей. Поэт сказал:

Когда я разорился совершенно,
То ни один из всех былых друзей
Ничем мне не помог. А между тем,
Когда владел богатством и в избытке,
Все эти люди были мне друзьями.
Мои враги, и те из-за богатства
Бывали часто в доме у меня.
Теперь же, в час нужды, меня покинул
И компаньон мой даже по делам.

Он продолжал таким образом наставлять своего сына, пока душа его не отлетела, а в доме не поднялся плач. Султан и эмир жалели визиря и похоронили его с честью. Оплакивание продолжалось два месяца, и сын Нур-Эд-Дина не выезжал никуда из дома и не являлся ко двору султана, а царь назначил на его место другого царедворца, а на место отца его посадили нового визиря, которому приказали опечатать дом Нур-Эд-Дина, и все его состояние, и все его

другие владения¹⁰¹. Таким образом, визирь и новый царедворец отправились в дом Нур-Эд-Дина, чтобы опечатать его дом и арестовать его сына Гассана, для того чтобы привести его к султану и выслушать его приговор. В числе стражников находился один из мамелюков покойного визиря, Нур-Эд-Дина, и ему не хотелось, чтобы с сыном его бывшего господина было сделано так. Он пошел к Гассану, которого нашел сидящим с поникшей головой, и сообщил ему о том, что случилось. Гассан спросил у него, успеет ли он войти в дом и взять что-нибудь из драгоценностей. Но мамелюки отвечали:

– Спасайся только сам!

Услыхав эти слова, Гассан одеждой своей закрыл себе голову и, выйдя из дома, скрылся из города, проходя по которому, он слышал, как народ говорил:

– Султан послал нового визиря опечатать дом старого визиря и арестовать сына его, Гассана, и привести его к себе, чтобы казнить.

И народ горевал о нем и жалел такого красивого юношу. Услыхав это, он прибавил шагу и, не зная, куда направиться, пошел, куда глаза глядят. Судьба привела его к могиле отца.

Выйдя на кладбище, он пробрался между могилами и пришел к памятнику отца, где и открыл свою голову. В то время как он сидел там, к нему подошел еврей из Эль-Башраха.

– Отчего это, господин, – сказал он, – ты так изменился?

– Я только что заснул, – отвечал Гассан, – и видел во сне отца, который упрекал меня в том, что я не посетил его могилы, поэтому я вскочил в страшном испуге и, боясь, чтобы не стемнело, побежал сюда. Оттого я так и переменялся.

– О господин мой, – сказал ему еврей. – Отец твой посылал короли с товарами, и некоторые из них уже вернулись, и мне хотелось бы получить от тебя груз каждого прибывшего корабля за тысячу червонцев.

Он достал мешок и отсчитал тысячу червонцев, которые и подал Гассану, сыну визиря, сказав ему:

– Напиши мне расписку и положи печать.

Гассан взял бумагу и написал на ней следующее:

«Нижеподписавшийся Гассан, Бедр-Эд-Дин, сын визиря Нур-Эд-Дина, продал еврею груз всех кораблей, вернувшихся с плавания, за тысячу червонцев и плату получил впереди».

Сняв с расписки копию, еврей ушел с документом, а Гассан заплакал, подумав, в каком независимом положении он находился прежде. Наконец, стало совершенно темно; юноша заснул на могиле отца, и голова его, освещенная полной луной, скатилась с плиты, и он, лежа навзничь, спал крепкими сном.

На этом кладбище жил верующий шайтан, и прилетевшая к нему ведьма увидела лицо спящего Гассана и, взглядевшись в него, была поражена его красотой и миловидностью и вскричала:

– Да прославится искусство Аллаха! Ведь этот юноша хорош, как райская дева!

Она улетела далее, намереваясь облететь все, что надо, как встретила шайтана, тоже летевшего куда-то. Она поклонилась ему, и он ответил на ее поклон.

– Откуда ты теперь? – спросила она.

– Из Каира, – отвечал он.

– Хочешь отправиться со мною, – сказала она, – чтобы посмотреть красавца-юношу, уснувшего на кладбище?

– Хочу, – отвечал он.

Они полетели вместе, и, спустившись к могиле, она спросила у шайтана:

– Видал ли ты когда-нибудь в жизни такое лицо?

---

¹⁰¹ Как восточные цари, так и губернаторы не пропускают случая, чтобы не завладеть, под каким-нибудь предлогом, чужим имуществом.

Шайтан посмотрел на юношу и вскричал:

– Да прославится искусство того, с кем никто не может сравниться! Но, сестра моя, если ты хочешь, то я расскажу тебе о том, что я видел.

– Расскажи, – отвечала она.

– Я видел в Египте одно лицо, похожее на лицо этого юноши. Это дочь тамошнего визиря. Султан, услышав о ее красоте, просил ее руки у отца, визиря Шемс-Эд-Дина, но отвечал ему: «О государь наш, султан, прими мое извинение и пойми мое горе. Ты знаешь, что брат мой, Нур-Эд-Дин, уехал от нас, и мы не знаем, где он находится. Ты, конечно, помнишь, что он разделял со мною обязанности визиря. Причиной его отъезда был его следующий разговор со мною. Мы говорили с ним о браке, и он рассердился на меня и так в гневе и ушел», – и он передал царю все, что произошло между ними, прибавив: «это была причина его гнева, а я дал клятву, что ни за кого не выдам своей дочери, кроме сына моего брата, и клятву эту я дал в ту минуту, как дочь моя увидела свет, пятнадцать лет тому назад. Недавно ж я услышал, что брат мой женился на дочери визиря Эль-Башраха, и у него родился сын, и я в память брата не выдам дочери ни за кого, кроме как за него. Приняв в соображение день свадьбы и рождение этой дочери, я предназначил ее сыну брата, а для тебя других девушек здесь не мало».

Султан, услышав это заявление своего визиря, пришел в неопisanную ярость и сказал:

– Можно ли допустить, чтобы такой человек, как я, просил руки дочери подобного человека, как ты, и под таким глупым предложением получил отказ? Клянусь головой своей, что я выдам ее, назло твоей гордости, за человека ниже себя.

У султана был конюх-урод, с горбом сзади и с горбом спереди, и он велел позвать его и, просватав его с дочерью визиря, приказал ему идти с торжественной процессией сегодня же ночью к молодой жене. Я оставил его посреди мамелюков султана, окружавших горбуна; с зажженными свечами в руках, и смеявшихся над ним, и дразнивших его у дверей бани, в то время как дочь визиря плакала, сидя посреди красильщиц¹⁰² и чесальщиц¹⁰³. Она очень похожа на этого юношу. Отцу запрещено входить к ней, и я никогда не видал, о сестра моя, более безобразного уroda, как этот конюх. Девушка же красивее этого юноши.

На этот рассказ шайтана ведьма отвечала:

– Ты лжешь, потому что нет человека его лет красивее этого юноши.

– Клянусь Аллахом, о сестра моя, – отвечал шайтан, – что девушка еще красивее его. Они – настоящая пара и, вероятно, братья или двоюродные брат и сестра, а между тем ее хотят отдать горбуну.

– О брат мой, – отвечала на это ведьма. – Встанем позади этого юноши, и ты возьми его и снеси его к той девушке, о которой ты говорил. Мы посмотрим, кто из них красивее.

– Слушаю и повинуюсь, – отвечал шайтан. – Предложение твое имеет основание. Надо исполнить его, и потому я понесу юношу.

Он поднял юношу и поднялся под небеса, а ведьма летала подле него до тех пор, пока они не опустились в город Каир, где он положил Гассана на мастабах¹⁰⁴ и разбудил его.

Проснувшись, он увидел, что он не на могиле отца в Эль-Башрахе, и, осмотревшись, понял, что и не в городе Эль-Башрахе. Гассан хотел закричать, но шайтан подмигнул ему и зажег ему свечу.

---

¹⁰² Красильщицы употребляют навзонию, из которой добывается ярко-оранжевая краска; этой краской они красят ногти или кончики пальцев, или кисти рук, или пятки и т. д. В таких случаях, какой описан в настоящей сказке, некоторых женщин красильщицы расписывают самым причудливым образом.

¹⁰³ Главное занятие подобной женщины состоит в ее обязанности чесать и убирать голову. Эти же женщины-чесальщицы сопровождают свою госпожу в баню.

¹⁰⁴ Мастабахом называется каменная скамья, в два-три фута вышиной, поставленная перед лавкой или перед частным домом.

– Знай, – сказал он ему, – что я перенес тебя сюда и, ради Аллаха, хочу оказать тебе услугу. Возьми поэтому эту свечу и иди в баню, где смешайся с народом и иди с ним до самых покоев невесты. Иди вперед, войди в гостиную и никого не бойся. Когда же войдешь, то стань по правую сторону жениха, и когда чесальщицы, красильщицы и певицы будут подходить к тебе, ты только засунь руку к себе в карман – и найдешь его полным золота. Давай всем, кому надо, не скупясь, и ничего не бойся. Надейся на Аллаха, потому что все, что свершится, делается не вследствие твоей силы и власти, а вследствие его воли.

Услыхав эти слова шайтана, Гассан проговорил:

– Что это за история, и что это за услуга?

Взяв свечу, он отправился в баню, где увидел горбуна верхом на лошади. Он присоединился к народу в том самом платье, в котором прилетел, и такой же милостивый, как всегда. На нем был надет тарбуш¹⁰⁵ и чалма и фараджеех¹⁰⁶ вытканый золотом. Он пошел с парадной пронесшей, и всякий раз, как к народу подходили певицы и просили денег, он совал руку в карман, наполненный золотом, и целыми горстями бросал его в бубны¹⁰⁷, так что певицы и красильщицы наполнили все бубны золотыми и серебряными монетами. Певицы не могли этому удивиться, а народ любовался его красотой и милостивостью. Он бросал таким образом деньги, пока они не пришли в дом визиря, где прислуга стала разгонять лишний народ и не пускать его в дом, но певицы и красильщицы вскричали:

– Клянемся Аллахом, мы не пойдем, если юноша этот не пойдет с нами. Он осыпал нас своими щедротами, и невеста, вероятно, будет очень довольна взглянуть на него.

Они вошли вместе с юношей в приемную комнату и посадили его, несмотря на сопротивление шаферов горбуна. Жены эмиров, визирей и царедворцев стояли в два ряда, держа по зажженной свече, с покрывалами, опущенными на их лица; они стояли двумя рядами по правую и по левую сторону ложа невесты, начиная от ноги его до двери, в которую невеста должна была выйти из смежной комнаты. Когда присутствующие дамы увидели Гассана, блиставшего своей красотой и привлекательностью, как ясный месяц, то сердца всех расположились к нему, а певицы сказали всем присутствующим:

– Знайте, что этот прелестный юноша давал нам только чистое червонное золото, и потому служите ему хорошенько и исполняйте все его желания.

Женщины собрались кругом него, и любовались им, и дивились на его красоту, и каждая из них желала побыть его возлюбленной хоть один год или месяц или хоть один час; они откинули покрывала со своих лиц и с восторгом восклицали:

– Да возрадуется тот, кому принадлежит этот юноша, или те, над которыми он властвует!

Они стали призывать горе на голову горбуна и того, кто устроил брак его с прелестной девушкой; призывая благословение на голову Гассана, они в то же время предавали проклятию горбуна.

Певицы ударили в бубны, а красильщицы вывели дочь визиря на середину комнаты. Они надушили ее чудными духами, и нарядили ее, и украсили волосы и шею различными украшениями, облачив ее в одежду, какую носили только древние персидские цари. Между прочим, на ней была надета сверху всего широкая одежда с вышитыми на ней червонным золотом фигурами хищных зверей и птиц. На шее же у нее было надето ожерелье, стоящее тысячи и сделанное из бриллиантов, каких не носил ни царь, и никакой цезарь. Она походила на луну, стоящую во время полнолуния, и, приблизившись, напомнила своим видом Гурию¹⁰⁸. Да

---

¹⁰⁵ Тарбушем называется шерстяной красный колпачок, с синей кистью наверху, который называют и ермолкой и феской. Сверху тарбуша надевают чалму.

¹⁰⁶ Фараджеехом называется широкая одежда, халат, который делается из сукна с длинными рукавами. Такие халаты носят обыкновенно ученые.

¹⁰⁷ Певицы и в настоящее время точно так же собирают деньги.

¹⁰⁸ Арабы называют гуриями райских дев.

прославится создавший такое совершенство! Женщины окружили ее и походили на звезды, а она среди них – на луну, выкатившуюся из-за тучи. Между тем Гассан Бедр-Эд-Дин сидел по-прежнему, привлекая всеобщее внимание. Когда невеста приблизилась гордой, тихой поступью, горбатый жених встал и подошел к ней, чтобы поцеловать ее, но она отвернулась от него и остановилась перед Гассаном, сыном своего дяди. Все присутствующие захохотали, увидав, что она остановилась перед Гассаном Бедр-Эд-Дином и что он, сунув руку в карман и вынув горсть золота, бросил его в бубны, певички были в восторге и вскричали:

– Хорошо, если бы эта невеста была твоей.

Гассан улыбнулся. Все это время горбатый жених сидел совершенно один, напоминая своим видом обезьяну; и всякий раз, как он зажигал свечу, она гасла, и он в смущении сидел в потемках, негодуя в душе на всех окружающих его. В это время свечи освещали невиданную красоту, так что, глядя на нее, каждый приходил в восторг. Невеста же, подняв руки вверх, проговорила:

– О Аллах! Дай мне в мужья этого человека и избавь меня от горбатого жениха!

Рисовальщицы начали одевать невесту в различные наряды и переменили семь различных туалетов, подводя ее к Гассану Бедр-Эд-Дину из Эль-Башраха. А горбун продолжал сидеть один. Окончив эту церемонию, они дали позволение гостям разойтись. Все присутствующие, и женщины, и дети ушли, за исключением Гассана Бедр-Эд-Дина и горбатого жениха, после чего красильщицы увели невесту во внутренние покои, чтобы снять с нее украшения и платье и приготовить ее к приходу жениха.

Тут горбатый жених подошел к Гассану и сказал ему:

– Господин мой! Ты осчастливил нас сегодня вечером своим присутствием и осыпал нас своими милостями, но почему же теперь ты не встаешь и не уходишь домой подобру-поздорову?

– Во имя Аллаха, – отвечал он и, встав, направился к двери, но шайтан встретил его и сказал:

– погоди! О Бедр-Эд-Дин, когда горбун уйдет к себе в уборную, ты пойдешь в спальню невесты, и когда невеста выйдет к тебе, ты скажи ей: я – твой муж! И царь прибежал к этой ловушке только потому, что боялся для тебя дурного глаза, а горбун – это один из наших конюхов; тогда ты подойди к ней, открой ее лицо и не бойся никого.

В то время как Гассан разговаривал с шайтаном, горбун вошел в уборную и сел. Вдруг из рукавомойника, стоявшего в уборной¹⁰⁹, шайтан показался в виде мыши и крикнул: «Зык! Зык!»

– Зачем ты пришла сюда? – спросил горбун.

Мышь вдруг стала расти и сделалась вроде кошки, а потом выросла еще и сделалась собакой и залаяла: «Гав! Гав!»

Увидав это, горбун пришел в совершенный ужас и закричал:

– Уходи отсюда, несчастный!¹¹⁰

А собака все увеличивалась и превратилась в осла, который разинул рот перед лицом горбуна и закричал:

– О-у! О-у-у!

Жених так перепугался, что закричал:

– Идите ко мне на помощь! Эй, прислуга!..

Но вдруг осел стал расти, сделался буйволом и, встав перед горбуном, заговорил как человек и сказал:

– горе тебе, горбун, отвратительнейший из женихов.

С женихом между тем сделались судороги, ноги отказались держать его, а зубы застучали.

Шайтан сказал ему:

– разве свет сошелся для тебя клином, что тебе непременно захотелось жениться на моей возлюбленной?

Но горбун молчал.

– отвечай же мне что-нибудь, – крикнул шайтан, – или я сотру тебя в прах!

– Клянусь Аллахом, – отвечал горбун, – я тут ни в чем не виновата, так как жениться меня заставили, и я вовсе не знал, что у нее был любовник из буйволов, а теперь я раскаиваюсь перед Аллахом и перед тобой.

– Клянусь Аллахом, – сказал шайтан, – что если ты выйдешь из этой комнаты или до восхода солнца произнесешь хоть одно слово, то я убью тебя; а когда солнышко взойдет, то уходи своей дорогой и никогда не возвращайся в этот дом.

Он схватил горбуна и поставил его вниз головой и вверх ногами на скамью.

– Стой так, – сказал он, – а я до солнечного восхода побуду тут.

Все это случилось с горбуном.

Гассан же из Эль-Башраха, во время переговоров шайтана с горбуном, вошел снова в дом и сел в комнате невесты. Вскоре явилась в сопровождении старухи невеста. Старуха остановилась у дверей и сказала:

– жених! Вставай и прими свою невесту, и благослови вас Аллах.

Старуха ушла, а невеста, которую звали Сит-Эль-Газн, прошла в конец комнаты. Сердце у нее замирало, и она говорила в душе:

– Клянусь Аллахом, я не позволю ему приласкать себя, хотя бы мне пришлось умереть от этого.

Но, пройдя в конец комнаты, она увидела Бедр-Эд-Дина и сказала:

– Милый, каким образом остался ты до сих пор? Мне пришлось в голову, неужели вы с горбуном хотите делить меня?

---

¹⁰⁹ В уборной производится омовение, и потому в этой комнате всегда стоит кувшин с водой и чашка.

¹¹⁰ Шайтанов зачастую зовут «несчастливыми».

– С какой стати, – возразил он, – горбун будет иметь к тебе доступ, и почему я могу разделять с ним тебя?

– Так кто же мой муж, – спросила она: – ты или он?

– О возлюбленная моя, – отвечали Гассан, – ведь все это сделано ему на смех и для того, чтобы посмеяться над ним. Когда красильщицы и певицы увидели, как ты хороша собою, они побоялись дурного глаза, и отец твой нанял его за десять червонцев, для того чтобы он отвлек от нас всеобщее внимание, и теперь он ушел.

Услыхав это от Гассана, Сит-Эль-Газн улыбнулась и звонко засмеялась.

– Клянусь Аллахом, – сказала она, – ты успокоил мой гнев. Бери меня, прошу тебя, и прижми меня к своему сердцу.

И они поцеловались.

Вскоре после этого шайтан сказал ведьме:

– Вставай и встань за юношей, и снесем его обратно до наступления утра, так как теперь до утра недолго.

Ведьма направилась к юноше и, взяв его, полетела с ним, спящим, в одной рубашке, как они лежали в постели. Шайтан летел рядом с нею. Но Господь дал позволение одному из Своих ангелов бросить в шайтана одну из падучих звезд, и он сгорел от нее. Ведьма же счастливо улетела и положила Гассана под тем же самым местом, где шайтан погиб от звезды. Пролететь это место ей не хотелось из боязни за свою безопасность. Судьбе угодно было, чтобы это совершилось как раз над Дамаском, и она, положив Гассана на одну из улиц города, сама улетела.

На рассвете отворили городские ворота, вышедший народ увидел прежде всего красавца-юношу в одной рубашке и в ночном колпаке вместо чалмы. Он долго не спал с вечера и потому теперь спал очень крепко. При виде его прохожие говорили:

– Лучше бы он сначала оделся, а потом уж выспался.

– Как жалки дети знатных людей!

Юноша этот, вероятно, только что ушел с попойки по каким-нибудь делам и охмелел так, что блуждал с места на место, пока не пришел к городским воротам и, найдя их запертыми, заснул.

Всякий высказывал свое мнение, и все делали разные предположения, когда Бедр-Эд-Дин проснулся. Увидав, что он лежит у городских ворот, окруженный людьми, он крайне испугался и сказал:

– Где это я, добрые люди? И почему вы собрались кругом меня? Что случилось?

– Мы нашли тебя ранним утром, – отвечали ему, – лежащим в глубоком сне у этих ворот, и более о тебе ничего не знаем. Где ты спал последнюю ночь?

– Клянусь Аллахом, добрые люди, – отвечал он, – что последнюю ночь я спал в Каире.

– Не употребляешь ли ты гашиша? – услышав его ответ, сказал ему кто-то.

– Ты с ума сошел, – заметил другой. – Как мог ты заснуть в Каире, а проснуться в Дамаске?

– Клянусь вам Аллахом, добрые люди, – отвечал он, – что я не вру вам: вчера я был в Каире, а третьего дня – в Эль-Башрахе.

– Что за диво! – сказал кто-то.

– Да этот юноша сумасшедший, – заметил другой.

Народ подъехал и, говоря друг с другом, только дивился.

– Бедный юноша. Нечего говорить, что он помешан!

– Опомнись! Приди в себя, – сказал ему кто-то.

– Вчера я женился в Египте, – настаивал Гассан.

– Верно, ты видел все это во сне, – говорили ему, – и рассказываешь нам про свой сон.

– Клянусь Аллахом, – отвечал смущенный Гассан, – это было не во сне. А где же горбун, что сидел с нами, и мой кошелек с золотом? И где же моя одежда и мои штаны?

Он встал и пошел в город. Миновав главную улицу и базарную улицу, он увидел, что народ толпится около него, и он вошел в пирожную лавку. Пирожник был когда-то разбойником, которого Аллах сподобил раскаяться в своих незаконных поступках, и он открыл пирожную лавку, но все жители Дамаска боялись его за свирепость, и потому, когда юноша вошел в лавку, они испугались и ушли.

Пирожник, увидав Гассана Бедр-Эд-Дина и заметив, как он красив и привлекателен, почувствовал к нему сильное расположение и сказал:

– Кто ты такой, о молодой человек? Расскажи мне свою историю, потому что ты стал мне дороже моей собственной души.

Таким образом, Гассан рассказал ему все, с самого начала до конца.

– О мой господин, Бедр-Эд-Дин! Это удивительное происшествие и удивительная история; но, сын мой, успокойся и останься пока со мною. У меня нет сына, и я усыновлю тебя.

– Пусть будет по-твоему, о дядя! – отвечал Бедр-Эд-Дин.

Пирожник тотчас же пошел на базар, купил Гассану богатую одежду и одел его, а затем направился к кадию и заявил, что он желает взять себе приемного сына; таким образом Гассан Бедр-Эд-Дин сделался известен в Дамаске как приемный сын пирожника, и сидел у него в лавке как кассир, и жил с ним.

А Сит-Эль-Газн проснулась с рассветом и не нашла подле себя Гассана. Думая, что он скоро вернется, она села в ожидании его; вдруг к ней вошел отец, страшно встревоженный тем, что султан рассердился на него, и тем, что ему пришлось силой выдать дочь замуж за горбатого конюха.

«Я убил дочь, – думал он, – если только она позволила ласкать себя этому уроду».

Подойдя к двери, он крикнул: «Сит-Эль-Газн!»

– Я здесь, – отвечала она и с веселым видом вышла к нему навстречу и поцеловала прах у ног его.

Увидав ее такой счастливой и млеющей, отец вскричал:

– Ах ты, низкая женщина! Неужели ты довольна твоим мужем?

Услыхав такой вопрос отца, Сит-Эль-Газн улыбнулась и отвечала:

– Клянусь Аллахом! Разве недостаточно того, что ты сделал со мной и поставил наряду с подобным конюхом, не стоящим даже моего ногтя? Что же касается моего мужа, то клянусь тебе Аллахом, что никогда в жизни не проводила я такой блаженной ночи, какую провела с ним, и поэтому не дразни меня, напоминая мне о горбуне.

Выслушав ее, отец пришел в страшную ярость, глаза у него закатились так, что видны были только белки, и он закричал:

– Проклятие! Что такое ты говоришь? Ведь ты провела ночь с горбуном?

– Аллахом прошу тебя, – отвечала она, – не упоминай мне о нем. Да погубит Аллах как его, так и отца его. Перестань дразнить меня, упоминая о нем, так как горбун был нанят за десять червонцев и, взяв деньги, ушел. Когда я вышла в гостиную, я увидела там своего супруга, а певицы поставили меня перед ним, и он бросал им столько золота, что обогатил их всех. Я была счастлива на груди своего прелестного мужа с черными глазами и с густыми бровями.

От всего того, что она говорила, у отца ее потемнело в глазах, и он крикнул:

– Ах ты, несчастная! Что ты это говоришь? Не сошла ли ты с ума?

– О отец мой! – вскричала она, – ты разбил мне сердце на куски! Зачем ты не веришь мне? Тот, о ком я говорю, мой муж, и он ушел в уборную.

Отец пошел в уборную в совершенном недоумении, и, войдя туда, увидел горбуна, стоявшего вниз головою и ногами наверх. Визирь в удивлении спросил:

– Разве ты не горбун?

Горбун же, думая, что с ним говорит шайтан, ничего не отвечал. Визирь громко закричал на него.

– Говори, – сказал он, – или я отрублю тебе вот этим мечом голову!

– Ради Аллаха, шейх шайтанов, – проговорил ему на это горбун. – С тех пор, как ты поставил меня здесь вверх ногами, я не шевелился. Умоляю тебя сжалиться надо мною!

Визирь, выслушав его, сказал:

– Да что ты говоришь? Я – отец невесты, а вовсе не шайтан.

– В таком случае, – отвечал горбун, – жизнь моя не у тебя в руках, и ты не властен над моей душой, и поэтому иди своей дорогой, пока не появился тот, кто поставил меня вверх ногами. Вы хотели женить меня на любовнице буйвола и шайтана. Да поразит Аллах того, кто женил меня на ней, и того, что причиной этого.

После этого горбун помолчал немного, а потом опять обратился к визирю с такими словами:

– Да разразит Аллах того, кто причина этого!

– Вставай, – сказал ему визирь, – и уходи отсюда.

– Я еще с ума не сошел, – отвечал горбун, – чтобы мне идти без позволения шайтана, так как он сказал мне, что я могу идти тогда, когда встанет солнце. Встало ли солнышко или нет? Я не смею тронуться с места, пока оно не встанет.

– Кто привел тебя сюда? – спросил его визирь.

– Вчера я только что вошел сюда, как из кувшина поднялась пыль и послышался крик, и эта пыль превращалась в буйвола, и буйвол сказал мне нечто такое, что я никогда не забуду. Поэтому оставь меня и уходи. Да разразит Аллах невесту и того, кто женил меня на ней!

Визирь подошел к нему и стащил его с места. Горбун побежал, хотя не был уверен, что солнышко взошло. Он прямо прошел к султану и сообщил ему обо всем, что случилось между ним и шайтаном.

Визирь же, отец невесты, совершенно недоумевая, вернулся к дочери и сказал ей:

– О дочь моя, расскажи мне свою историю.

– Красивый юноша, перед которым меня выставляли, остался со мной, и если ты мне не веришь, то посмотри, вот его чалма, положенная на стул¹¹¹, и вот его штаны под постелью, и в них какой-то сверток, но с чем, я не знаю.

Услышав это, отец вошел в спальню и нашел чалму Гассана Бедр-Эд-Дина, сына своего брата, и, подняв и повернув ее, сказал:

– Такие чалмы носят визири.

Заметив в красной ермолке что-то зашитое, он распорол ее. В штанах он нашел кошелек и тысячу червонцев и с ними вместе копию с расписки, которую он дал еврею, подписав ее именем Гассана Бедр-Эд-Дина, сына Нур-Эд-Дина из Каира. Прочитав эту бумагу, визирь громко заплакал и упал в обморок. Когда же он пришел в себя и понял все дело, то был поражен и вскричал:

– Нет Бога выше Аллаха, и только Он может исполнять таким образом волю Свою! О дочь моя, – прибавил он, – знаешь ли ты, кто сделался твоим мужем?

– Нет, не знаю, – отвечала она.

– Это сын моего брата, – сказал он, – и сын твоего дяди, а эта тысяча червонцев принесена тебе в приданое.

– Да прославится совершенство Аллаха! Хотелось бы мне знать, как все это случилось!

---

¹¹¹ В домах богатых арабов обыкновенно имеется стул, на который на ночь кладется чалма и покрывается толстой шелковой салфеткой, затканной золотом.

После этого он вынул бумагу, зашитую в ермолку, и увидел, что она написана рукою его брата Нур-Эд-Дина из Каира, отца Бедр-Эд-Дина. Увидав почерк своего брата, он повторил следующий куплет:

Я здесь следы их вижу и сгораю
От страсти пламенной, и те места,
Где их нога ступала, оглашаю
Я громкими рыданиями своими
И умоляю Бога, испытанье
Пославшего мне это, о пощаде
И о блаженстве нового свиданья.

Говоря таким образом, он прочел бумагу и нашел в ней число дня брака дочери визиря Эль-Башраха и сообщение, сколько ему было лет, когда он умер и когда родился его сын Гассан Бедр-Эд-Дин. Он дрожал от восторга и не мог надивиться. Сравнивая свою жизнь с жизнью брата, он видел ясно, что все произошло так, как они говорили. Брак его и брата его совершился в один и тот же день, как в один и тот же день родились сын Нур-Эд-Дина, Гассан, и дочь его, Сит-Эль-Газн. Он взял обе бумаги и, придя с ними к султану, сообщил ему все, что случилось, с начала до конца. Царь не мог надивиться и тотчас же приказал записать всю эту историю. Визирь стал ждать сына своего брата, но о нем не было ни слуху, ни духу.

– Клянусь Аллахом, – сказал он наконец, – я сделаю то, что до сих пор никто еще не делал.

Он взял чернильницу и перо и переписал все вещи, бывшие в его доме, с указанием места, на которых они стояли. Переписав все, он сложил бумагу и приказал спрятать всю обстановку. Чалму же с тарбушом, фараджеем и кошелек он спрятал сам.

В свое время дочь визиря родила сына, красивого, как ясный месяц, и похожего на отца по красоте, статности и миловидности. Его приняли от матери, вычернили ему веки глаз¹¹² и, передав его нянькам, назвали Аджибом. Прошел месяц, прошел и другой, прошел и год, и когда прошло семь лет, то дед отдал его в школу, поручив учителю заботу о нем. Он пробыл в школе четыре года, дрался со своими товарищами и, обижая их, говорил:

– Вы мне не равны. Я – сын каирского визиря!

Мальчики собрались и пошли жаловаться на Аджиба учителю, а учитель сказал им:

– Я научу вас, что сказать ему, когда он придет, и он пожалеет даже, что поступил в школу. Завтра, когда он придет, сядьте все кругом него и говорите друг другу: «Клянемся Аллахом, что в эту игру никто не будет играть с нами, кроме тех, кто может сказать нам имя своей матери и своего отца; а тот, кто не знает имени своей матери и своего отца, незаконно-рожденный, и потому не будет играть с нами!»

На следующее утро они пришли в школу, и Аджиб был уже там. Мальчики окружили его и сказали то, чему учитель научил их. Один из них сказал: «Меня зовут Маджидом, а мать мою – Алави, а отца – Эз-Эд-Дин», другой мальчик отвечал точно так же, и третий, и четвертый, и т. д. до тех пор, пока очередь не дошла до Аджиба.

– Меня зовут Аджибом, – сказал он им, – а мать мою Сит-Эль-Газн, а отец мой Шемс-Эд-Дин, визирь Каира.

– Клянемся Аллахом, визирь не отец тебе, – отвечали ему.

– Визирь – мой отец, – настаивал Аджиб, но мальчики захохотали, захлопали в ладоши и закричали:

– Ты не знаешь, кто твой отец, и поэтому уходи от нас, так как с нами не может играть тот, кто не знает своего отца.

---

¹¹² Глаза подкрашивают из убеждения, что это укрепляет зрение ребенка.

Мальчики тотчас же убежали от него и начали над ними подсмеиваться. Это так его обидело, что он чуть не задохнулся от рыданий, а учитель сказал ему:

– Да неужели ты, в самом деле, считаешь своим отцом своего дедушку, визиря, отца твоей матери Сит-Эль-Газн? Своего отца ты не знаешь, и мы его не знаем, потому что султан выдал твою мать за горбатого конюха, а шайтан пришел и предупредил его. И раз ты не знаешь своего отца, тебя и считают незаконнорожденным. Разве сам ты не видишь, что сын женщины, законной жены, знает своего отца? Каирский визирь – дед твой, а что же касается твоего отца, то мы его не знаем, как не знаешь и ты, и поэтому нечего тебе плакать и сердиться.

После этого Аджиб тотчас же отправился к своей матери Сит-Эль-Газн и, жалуясь ей, плакал, и плакал так, что толком ничего не мог сказать. Когда же мать, наконец, пожелала узнать, в чем дело, ей стало жаль сына, и она сказала ему:

– Расскажи, о сын мой, о чем ты плачешь? Расскажи, что было?

Он рассказал ей все, что слышал от мальчиков и от учителя, и прибавил:

– О мать моя, кто же мой отец?

– Твой отец – визирь Каира, – отвечала она.

– Он не отец мой, – сказал он. – Не говори миф неправды, так как визирь – твой отец, а не мой, кто же мой отец? Если ты не скажешь мне всей правды, то я заколюсь вот этим кинжалом.

Мать, услышав его вопрос об отце, заплакала при воспоминании о сыне ее дяди и, подумав о милом Гассане Бедр-Эд-Дине из Эль-Башраха и о том, что случилось с нею и с ним, она прочла оду, начинавшуюся так:

Они зажгли любовь в душе моей
И все затем за тридевять земель
Уехали, чтоб поселиться там.
И с их отъездом ум мой помутился,
Отрады сна не знают больше очи,
И укоряю я веленья рока.

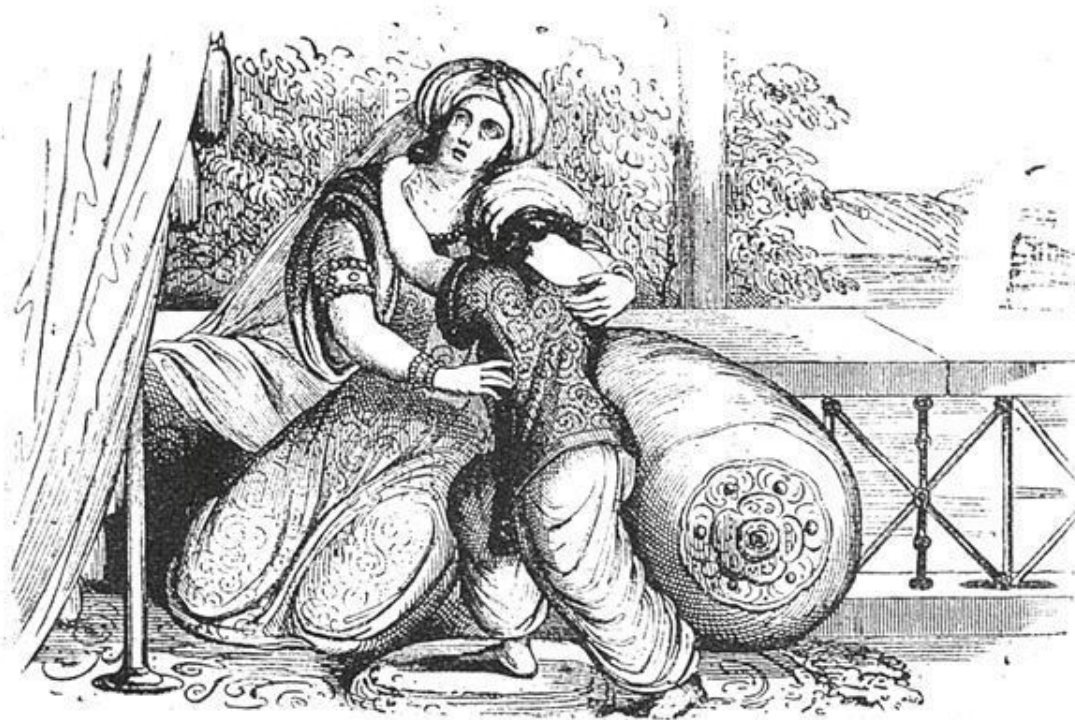
В то время как она плакала и рыдала, и сын ее плакал вместе с нею, к ним вошел визирь. Сердце у него зануло при виде их горя, и он спросил:

– О чем вы плачете?

Дочь рассказала ему, какому оскорблению сын ее подвергся в школе от других мальчиков, и он тоже заплакал, и, припомнив, что случилось с братом, с ним самим и его дочерью, он никак не мог понять всего этого запутанного дела. Потом он вдруг поднялся и, направившись в комнату совета, явился к султану, и, рассказав ему всю историю, просил его позволения поехать на Восток, в город Эль-Башрах, для того чтобы навести справки о сыне своего брата, и в то же время он просил дать ему письма во все страны, через которые ему придется проезжать, для того чтобы он мог увезти сына своего брата, если найдет его. Он так плакал перед султаном, что тронул его сердце, и тот написал ему письма во все страны и города. Визирь был этому очень рад и, поблагодарив султана, простился с ним.

Он тотчас же отправился домой, чтобы подготовиться к путешествию, и, взяв с собой все, что нужно, он выехал вместе со своей дочерью и ее сыном Аджибом и ехал первый день, и второй, и третий, пока не прибыл в город Дамаск и не увидел его, украшенный деревьями и реками, прославленными поэтами. Он остановился на поляне, называвшейся Мейдан-Эль-Гасба, и, раскинув палатки, сказал своей прислуге, что они будут тут отдыхать двое суток. Прислуга отправилась в город по своим надобностям. Кто пошел купить, кто продать, третий пошел в баню, четвертый – в мечеть Беин-Умеех, подобной которой нет во всем свете. Аджиб в сопровождении евнуха тоже пошел в город позабавиться. Евнух шел сзади мальчика с плетью

в руках, чтобы в случае нужды отогнать верблюда. Обитатели Дамаска, увидав Аджиба с его строго изящным лицом поразительной красоты, и заметив, что, кроме того, он миловиден и приятен в обращении, как северный ветерок, как вода для жаждущего, что он привлекательнее, чем здоровье для больного, они последовали за ним и толпой бежали по его стопам, а многие даже сели на улице в ожидании его прохода. Судьбе угодно было, чтобы раб-евнух остановился как раз перед лавкой отца Аджиба, Гассана Ведр-Эд-Дина, где пирожники, принявши его в присутствии кадия и свидетелей своим приемным сыном, устроили его. Пирожник этот уже умер и оставил Гассану все свое состояние и лавку.

Когда раб остановился перед лавкой, любопытные тоже остановились, и Гассан Ведр-Эд-Дин, увидав своего сына и заметив, как он красив, был очарован им; душа его, по инстинктивной симпатии, стремилась к нему, и он сразу полюбил его всем сердцем.

Он только что приготовил яблочное варенье на сахаре и, желая чем-нибудь выразить свое расположение, с восторгом вскричал:

– О господин мой, завладевший душой моей и сердцем и завоевавший мою привязанность, не войдешь ли ты ко мне и не удостоишь ли меня чести отведать у меня чего-нибудь?

При этих словах глаза его наполнились слезами, и он невольно мысленно сравнил свое прежнее положение с настоящим. Аджиб, услышав приглашение отца, также почувствовал к нему влечение и, посмотрев на евнуха, сказал:

– Право, я сразу полюбил этого пирожника; он, должно быть, только что потерял сына; войдем к нему, доставим ему удовольствие и воспользуемся его гостеприимством. Ради нашего снисхождения Аллах, может быть, устроит наше соединение с отцом.

– Клянусь Аллахом, о господин мой, – отвечал евнух, – это не годится. Можно ли нам, принадлежа к семье визиря, заходить есть к пирожнику? Но, во всяком случае, я отгоню от тебя любопытных, чтобы они тебя не видали, а иначе тебе невозможно будет войти в лавку.

Услышав этот ответ евнуха, Бедр-Эд-Дин очень удивился, и, взглянув на мальчика, он сказал со слезами на глазах:

– Господин мой, отчего не хочешь ты успокоить мое сердце и зайти ко мне? О ты, наружность которого черна, как грязь, а сердце бело! О ты, заслуживающий так много похвал!

Евнух засмеялся и сказал:

– Что хочешь ты сказать? Говори скорее.

И Бедр-Эд-Дин прочел следующий куплет:

Когда б самим он не был совершенством,
И честностью, достойной восхищенья,
Конечно, никогда б в дворце царей он
Не получил ответственного места.
Что он за превосходный страж гарема,
За красоту его с высот небесных
Нередко ангелы к нему нисходят.

Эти стихи так понравились евнуху, что он, взяв за руку Аджиба, вошел с ним в лавку; и Бедр-Эд-Дин наложил полный соусник яблочного варенья, приготовленного с миндалем и сахаром, и мальчик и евнух полакомились им.

– Вы обрадовали меня вашим приходом, – сказал им Бедр-Эд-Дин, – кушайте на здоровье!

– Садись и кушай с нами, – сказал Аджиб своему отцу, – и, может быть, Господь соединит нас с тем, кого мы ищем.

– О сын мой, – сказал ему Бедр-Эд-Дин, – неужели ты имел несчастье испытать разлуку с теми, кого ты любишь?

– Да, дядя, – отвечал Аджиб, – сердце мое изнывает от тоски вследствие отсутствия того, кто мне дорог: я лишен отца, и мы с дедушкой идем искать его по всему свету, и как страстно желаю я соединиться с ним!

Он горько заплакал, а отец его, тронутый его слезами, тоже заплакал с ним, раздумывая о своем печальном положении, разлученный с теми, кого он любил, лишенный отца и вдалеке от матери. Евнух тоже был тронут их слезами.

Все они поели вместе и насытились, после чего мальчик и юноша встали и вышли из лавки Бедр-Эд-Дина, который почувствовал, словно душа его рассталась с телом. Он ни на один миг не мог перенести разлуки и, заперев свою лавку, пошел вслед за ними, хотя не знал, что юноша – его сын, и шел поспешным шагом, пока не догнал их у городских ворот; евнух же, оглянувшись, сказал ему:

– Что тебе надо, пирожник?

– Когда вы ушли от меня, – отвечал Бедр-Эд-Дин, – то я почувствовал, что душа моя словно вылетела из тела, имея кое-какие дела в предместье, я и пошел вслед за вами, чтобы заодно проводить вас, а потом и вернуться.

Но евнух рассердился и сказал Аджибу:

– Поистине, в несчастную минуту зашли мы к нему; теперь он надоест нам; смотри, ведь он следует за нами.

Аджиб, обернувшись и увидав пирожника, пришел в ярость, и лицо его вспыхнуло, но он сказал евнуху:

– Пусть он идет за нами по большой улице, но если мы свернем с нее к нашим палаткам и он свернет вслед за нами, то мы прогоним его.

Он понурил голову и пошел далее с евнухом позади себя. Бедр-Эд-Дин прошел с ними до Мейдана-Эль-Гасба, и когда они повернули к палаткам, то обернулись, и, увидав пирожника, Аджиб страшно рассердился, боясь, что евнух пожалуется дедушке, и тогда делается известно, что они входили в пирожную и что пирожник следовал за ними. Он смотрел на сильно огор-

ченного отца до тех пор, пока не встретился с ним глазами, и ему показалось, что человек этот слишком загнан, и он подумал: уж не раб ли он? Он закипел еще большим негодованием и, схватив камень, пустил его в своего отца и пробил ему лоб так, что тот упал без чувств, и все лицо его облилось кровью. Аджиб ушел с евнухом в палатку, а Гассан Бедр-Эд-Дин, придя в себя, вытер с лица кровь и, сорвав с чалмы кусок полотна, завязал себе голову и обвинял себя, говоря:

– Я напрасно испугал мальчика, заперев лавку и преследуя его. Ведь он принял меня за обманщика.

Вернувшись к себе в лавку, он занялся продажей пирожков и стал скучать по своей матери в Эль-Башрахе.

Визирь, дядя его, пробыл в Дамаске три дня и затем отправился в Гемс, побыв в городе, поехал дальше, всюду наводя справки. Проехав таким образом мимо Маридина и Эль-Мазиля и Дсад-Бекра, он продолжал двигаться, пока не доехал до города Эль-Башраха, выехав в который и взяв себе помещение, он тотчас же представился султану, который принял его с должным уважением и почетом и спросил его о причине его приезда. Таким образом визирь рассказал ему свою историю и сообщил, что Али Нур-Эд-Дин – его сын.

– Аллах, помилуй нас! – вскричал султан и прибавил: – О Саиб, ведь он был моим визирем, и я очень любил его, но он много лет тому назад умер, оставив сына. Но сына его мы потеряли из виду и ничего о нем не слыхали. Мать все его с нами, так как она дочь нашего прежнего визиря.

Услышав от султана, что мать его племянника жива, визирь Шемс-Эд-Дин очень обрадовался и выразил желание повидаться с нею. Султан дал ему позволение посетить ее в доме его брата. Таким образом, прибыв туда и поцеловав порог дома, он вошел в открытый двор и увидел дверь с каменной аркой, отделанную различного цвета мрамором. Пройдя вдоль стен дома, он заметил имя своего брата Нур-Эд-Дина, написанное золотыми буквами.

Подойдя к имени, он поцеловал его и заплакал. После этого он прошел в приемную комнату жены своего брата, матери Гассана Бедр-Эд-Дина из Эль-Башраха. Все время отсутствия ее сына она предавалась слезам и стенаниям и ночью, и днем. Исстрадавшись от разлуки, она

устроила мраморный памятник сыну, который поставила посреди комнаты. Дни и ночи она плакала над ним, тут же и спала. Шемс-Эд-Дин, войдя в комнату, услышал, как она причитала на памятник. Он поклонился и сообщил ей, что он брат ее мужа, и передал ей обо всем, что случилось, и какие странности встречались в этой истории. Он рассказал ей, что сын ее, Гассан Бедр-Эд-Дин, провел целую ночь с его дочерью и утром исчез и что дочь его родила ему сына, которого они привез с собой. Услышав такое известие о своем сыне и о том, что он, может быть, жив, и посмотрев на брата своего мужа, она упала к его ногам и, целуя их, проговорила следующее стихотворение:

Самим Творцом, конечно, вдохновлен
Был тот, который мне сказал о скором
Приезде вас, возлюбленных моих,
То самое приятное известие,
Какое лишь могла услышать я.
И если бы он был доволен тем,
Ему я подарила б в час прощанья
Мое разбитое разлукой сердце.

Визирь послал за Аджибом, и когда он пришел, его бабушка подошла к нему, обняла его и заплакала, но Шемс-Эд-Дин сказал ей:

– Теперь не время плакать, а скорее надо собраться в путь, чтобы ехать с нами обратно в Египет: и, может быть, Аллах соединит нас с твоим сыном и моим племянником.

– Слушаю и повинуюсь, – отвечала она и, встав, тотчас стала собирать свои вещи и драгоценности и своих рабынь и приготовилась к путешествию. После этого визирь Шемс-Эд-Дин снова пошел к султану Эль-Башраха и простился с ним, а султан послал с ними разные редкости в дар египетскому царю.

Визирь выехал немедленно в сопровождении жены своего брата и ехал безостановочно до города Дамаска, где он снова остановился, раскинул палатки и сказал своим слугам:

– В Дамаске мы пробудем целую неделю, чтобы купить для султана подарки и редкости.

– Знаешь, парень, – сказал Аджиб евнуху, – мне хочется немного развлечься. Пойдем-ка на базар и посмотрим, что там делается и что подельывает пирожник, у которого мы угощались и которому разбили голову. Он так радушно принял нас, а мы так дурно обошлись с ним.

– Слушаю и повинуюсь, – отвечал евнух.

Аджиб вышел с ним из палатки, так как инстинкт тянул его к отцу. Они вошли в город и прошли к пирожнику, стоявшему у дверей своей лавки. Это было около времени послеобеденной молитвы, и случилось как раз, что у него снова было сварено яблочное варенье. При виде Гассана сердце Аджиба так и забилося, и он увидал шрам, сделанный брошенным им камнем.

– Мир над тобою! – сказал он ему. – Знай, что сердце мое с тобой.

Бедр-Эд-Дин, увидав мальчика, тоже почувствовал к нему сильное влечение; сердце его замерло, и он поник головой, желая сказать что-нибудь, но не имел силы произнести ни слова. Наконец, подняв голову и взглянув на мальчика, нерешительно проговорил следующие стихи:

Свидания с возлюбленным моим
Я жаждал, но когда его увидел,
То так смутился, что не мог ни слова
Сказать язык мой, и туманом очи
Окутались; я головой поник,
Почтенья, уваженья преисполнен,
Желал я тщетно чувства скрыть мои,

Я все-таки скрывать их был не в силах.
Я приготовили жалоб целый ряд,
Но при свидании все забыл до слова.

После этого он сказал им:

– Усладите мое сердце и покушайте моего угощения; клянусь Аллахом, что лишь только я увидел тебя, как сердце мое рванулось к тебе, и я пошел вслед за тобой, совершенно потеряв голову.

– Клянусь Аллахом, – отвечал Аджиб, – ты, вероятно, в самом деле любишь меня, и мы с тобой вместе ели, но все-таки если ты пойдешь вслед за нами и будешь позорить нас, то мы не станем есть у тебя. Поклянись нам, что ты не пойдешь за нами следом. Иначе мы к тебе больше не придем, хотя останемся здесь, в городе, целую неделю, так как дедушка мой будет покупать подарки для султана.

– Обяжусь, – отвечал Бедр-Эд-Дин, – исполнить ваше желание.

Евнух и Аджиб вошли в лавку, и Бедр-Эд-Дин поставил перед ними соусники с яблочными вареньем.

– Садись есть с нами, – сказал ему Аджиб, – и да развеет Аллах наше горе.

Бедр-Эд-Дин был в восторге и угощался с ними, не спуская глаз с юноши, так как и сердце его и ум были заняты только им одним. Заметив это, Аджиб сказал ему:

– Ты точно влюблен в меня? Довольно! Перестань смотреть на меня.

Бедр-Эд-Дин извинился и стал предлагать лакомые кусочки Аджibu и евнуху. После этого он полил воды им на руки, снял с плеча своего шелковое полотенце и вытер их им. Затем обрызгал их розовой водой из бутылки, стоявшей у него в лавке, и, выйдя, вернулся с двумя чашками шербета, приготовленного с розовой водой и мускусом. Поставив шербет перед ними, сказал:

– Довершите ваши милости.

Аджиб, взяв одну чашку, выпил, а другую Гассан подал евнуху; и оба напились так, что желудки их были совершенно полны, – они насытились более обыкновенно.

После этого они поспешили вернуться к себе в палатки, и Аджиб пошел к своей бабушке, матери своего отца Гассана Бедр-Эд-Дина. Она поцеловала его и спросила:

– Где же ты был?

– В городе, – отвечал он.

Она встала и принесла соусник с яблочным вареньем, которое случайно было недостаточно сладко, и сказала внуку:

– Садись со своим господином.

«Клянусь Аллахом, – подумал евнух, – мы есть больше не можем».

Но он все-таки сел, как сел и Аджиб. Хотя мальчик был сыт по горло, но все-таки взял кусочки хлеба и стал макать в варенье, и принялся есть. На сытый желудок варенье показалось ему очень невкусным, и он сказал:

– Какое противное варенье!

– Как, дитя мое, – возразила бабушка, – ты находишь стряпню мою невкусной? Ведь это варила я сама, и за исключением твоего отца Гассана Бедр-Эд-Дина никто не умеет варить его так, как я.

– Клянусь Аллахом, госпожа моя, – возразил Аджиб, – это варенье вовсе не хорошо сварено: мы только что видели в городе пирожника, у которого сварено такое варенье, что от одного запаха возбуждается желание поесть его; твое же варенье в сравнении с тем ничего не стоит.

Бабушка его, услышав это, пришла в страшную ярость и, повернувшись к евнуху, сказала ему:

– Горе тебе! Ты совратил моего ребенка! Ты водил его в лавку пирожника!

Евнух испугался и стал отрицать, говоря:

– Мы не входили в лавку, а только проходили мимо.

– Клянусь Аллахом, – сказал Аджиб, – мы вошли и поели, и то, что мы ели, было гораздо вкуснее твоего варенья.

Услыхав это, бабушка встала и пошла высказать брату своего мужа жалобу на евнуха. Раб был призван к визирю, который сказал ему:

– Зачем ты водил ребенка нашего в лавку пирожника?

Испуганный евнух снова сказал:

– Мы не входили.

– Нет, входили, – сказал Аджиб, – и ели яблочное варенье до тех пор, пока не насытились, и пирожник дал нам пить шербета со льдом и с сахаром.

Визирь еще более рассердился на евнуха и снова спросил его, но тот опять стал отрицать.

– Если ты говоришь правду, – сказал тогда визирь, – то садись передо мною и ешь.

Евнух подошел и хотел приняться есть, но не мог и, положив взятый им кусок, сказал:

– О господин мой, я сыт еще со вчерашнего дня.

Визирь понял, что евнух был в пирожной лавке, и тотчас стал наносить ему удары. Раб кричал и просил пощадить его, но все-таки говорил, что у пирожника не был и что сыт со вчерашнего дня. Визирь, прекратив наказание, сказал ему:

– Ну, говори правду!

– Ну, так вот что, – сказал, наконец, евнух: – мы действительно ходили в пирожную лавку.

В то время пирожник только что сварил яблочное варенье и угостил нас им, и клянусь Аллахом, я никогда в жизни не едал ничего подобного, или, лучше сказать, я никогда не видал более противного варенья, как то, что теперь нам подали.

Мать Бедр-Эд-Дина страшно рассердилась и сказала:

– Сходи к пирожнику, принеси нам от него соусники варенья и подай его твоему хозяину, для того чтобы он решил, которое из двух вкуснее.

– Хорошо, – отвечал евнух, и, взяв от него соусники и полчервонца, он направился к пирожнику и сказал ему: – В палатке моего господина вышел спор из-за твоего варенья и того, что сварили дома; и потому дай нам на эти полчервонца твоего самого лучшего варенья, тем более что меня уже из-за тебя побили.

– Клянусь Аллахом, – смеясь, отвечал Бедр-Эд-Дин, – никто лучше меня и моей матери не варит этого варенья, а она далеко отсюда.

Он наложил полный соусник и подправил варенье мускусом и розовой водой. Евнух поспешно понес его домой, и мать Гассана, взяв его и попробовав, тотчас же угадала, кто варил это чудное варенье, и, громко крикнув, упала в обморок. Это происшествие поразило визиря. Бесчувственную мать Гассана опрыснули розовой водой, и она, придя в себя, сказала:

– Если сын мой находится еще на этом свете, то только он мог сварить подобное варенье. Это сын мой Гассан Бедр-Эд-Дин, я не сомневаюсь. Так варить никто не умеет, кроме его и меня, а его выучила этому я!

Визирь, услышав эти слова, страшно обрадовался.

– О, как жажду я найти сына моего брата! – вскричал он. – Неужели судьба, наконец, соединит нас? В этом случае я уповаю только на одного Бога, да прославится имя Его!

Он тотчас же встал и, позвав свою мужскую прислугу, сказал:

– Двадцать человек из вас должны тотчас же отправиться в лавку пирожника и разрушить ее, а самому пирожнику связать назад руки его чалмой и силой привести его сюда, но не причиняя ему ни малейшего вреда.

– Хорошо, – отвечали они.

Визирь тотчас же поехал во дворец наместника Дамаска и, представившись ему, показал письмо султана. Начальник, поцеловав грамоты и приложив их ко лбу, спросил:

– Кто обидчик твой?

– Человек по ремеслу пирожник, – отвечал визирь.

Наместник тотчас же приказал своим приближенным отправиться к пирожнику, но они нашли лавку уже разрушенной, так как слуги уже исполнили приказание визиря и ждали возвращения своего господина из дворца.

«Что могли они найти в варенье? – думал между тем Бедр-Эд-Дин, – чтобы из-за этого подвергнуть меня такому наказанию?»

Визирь, вернувшись от наместника, от которого он получил позволение взять обидчика своего и увести его, велел позвать к себе пирожника. Вследствие этого его привели с завязанными назад руками, и Гассан, увидав своего дядю, горько заплакал и сказал:

– О господин мой! Какое сделал я преступление?

– Это ты сам варил яблочное варенье? – спросил его визирь.

– Сам, – отвечал он, – оно столь дурно, что вы хотите отрубить мне голову?

– Это еще самое слабое наказание, – отвечал визирь.

– Неужели я не узнаю, в каком преступлении меня обвиняют? – спросил Гассан.

– А вот сейчас узнаешь, – отвечал визирь и крикнул своей прислуге: – Подведите верблюдов.

Гассана тотчас же взяли, положили в сундуки и, замкнув его, отправились с ним в путь. Ехали, не останавливаясь до самой ночи. Сняв Бедр-Эд-Дина, прислуга покормила его, и все отдохнули, после чего его заперли опять в ящик и повезли до следующей станции. Тут его опять сняли, и визирь сказал ему:

– Это ты сам варил яблочное варенье?

– Сам, господин мой!

– Наденьте колодки на его ноги, – распорядился визирь. Ему надели на ноги колодки, снова уложили его в сундуки и направились в Каир. Прибыв в квартал, называвшийся Эр Рей-данеехом, визирь приказал вынуть Бедр-Эд-Дина из сундука и, призвав плотника, сказал ему:

– Сколоти для этого человека позорный столб.

– Что хочешь ты делать со столбом? – спросили Бедр-Эд-Дин.

– Я хочу пригвоздить тебя к нему, – отвечал визирь, – и, приколов гвоздями, провести тебя по всему городу.

– Да за что же хочешь ты поступить так со мной?

– За твое дурное приготовление яблочного варенья. Зачем не кладешь ты в него перца?

– И за то, что я не кладу перца, – вскричал Бедр-Эд-Дин, – ты хочешь казнить меня? Разве не довольно тебе того, что ты заключил меня в сундук и кормил кое-как?

– За то, что ты не положил перцу, – ответил визирь, – ты заплатишься не более и не менее, как своею жизнью.

Услыхав это, Бедр-Эд-Дин были страшно поражен. Проклиная судьбу свою, он погрузился в глубокое раздумье.

– О чем ты задумался? – спросил его визирь.

– Глупый человек, – отвечал он, – неужели, если бы ты был поумнее, ты поступил бы так со мною только из-за того, что я не положил перцу?

– Мы обязаны наказать тебя, – отвечал визирь, – для того чтобы ты не сделал этого во второй раз.

– Да ничтожной части того, что вы сделали, было бы совершенно достаточно.

– Смерть твоя неизбежна, – отвечал визирь.

Разговор этот происходил в то время, как столяр сколачивал крест, и Гассан смотрел на него.

Между тем наступила ночь, и визирь, положив Гассана снова в сундук, сказал:

– Завтра тебя пригвоздят к столбу.

Визирь ждал до тех пор, пока Гассан не заснул, тогда он велел везти его к себе домой и, прибыв туда, сказал своей дочери Сит-Эль-Газни:

– Слава Аллаху, возвратившему тебе сына твоего дяди! Иди и прикажи уставить дом совершенно так, как он был уставлен в день твоей свадьбы!

Она тотчас же приказала своим рабыням уставлять вещи. Рабыни зажгли свечи, а визирь принес бумагу, на которой было написано, на каком месте какая стояла вещь, и они поставили все так, как было написано, и убрали дом так, как он был убран в день свадьбы. Визирь приказал положить и чалму Бедр-Эд-Дина на то самое место, на которое он положил в день своего брака, как положили и штаны, и кошелек подле матраца, и дочери приказал одеться совершенно так же, как она была одета в день своей свадьбы, и прийти в спальню.

– Когда сын твоего дяди, – сказал он ей, – войдет в эту комнату, то скажи ему: «Однако же надолго уходил сегодня ночью от меня», и потребуй, чтобы он вернулся к тебе и пробыл бы с тобой до утра.

Устроив все как следует, визирь вынул Гассана Бедр-Эд-Дина из сундука, велел снять с него колодки и, сняв с него верхнюю одежду, оставил его в одной рубашке.

Все это сделалось в то время, как он спал и, следовательно, ничего не слышал. Проснулся же он в ярко освещенной комнате.

– Вижу ли я это во сне или наяву? – проговорил он.

Он встал и, подойдя к двери, заглянул в нее и увидел, что это та самая комната, в которой ему показывали невесту. Он тотчас же нашел спальню и увидел свою чалму, и постель, и штаны. Смущенный всем этим, он ходил то туда, то сюда и повторял:

– Сплю я или не сплю? – Он потер себе лоб и постоянно с удивлением повторял: – Клянись Аллахом, это та самая комната, где была моя невеста, а между тем меня только что заперли в сундук.

В то время как он говорил сам с собой, Сит-Эль-Газн приподняла край полога и сказала:

– О господин мой! Что же ты не идешь ко мне? Как давно ты ушел от меня сегодня ночью.

Услыхав это, он взглянул на ее лицо и, засмеявшись, сказал:

– Поистине я в этой комнате точно во сне!

Он подошел к постели, не переставая думать о том, что с ним случилось, но, как ни размышлял он, ничего не мог понять. Наконец, взглянув на свою чалму, штаны и кошелек с тысячью червонцев, он вскричал:

– Аллах Всеведущий! Право, мне кажется, что все это я вижу во сне!

И он совершенно терялся от удивления. Но тут Сит-Эль-Газн сказала ему:

– Отчего ты так удивлен? В начале ночи ты был совсем не таким.

Он же засмеялся и спросил ее:

– Сколько лет был я в отсутствии?

– Спаси тебя Аллах! – вскричала она. – Ты только уходил в соседнюю комнату. Что с тобой?

Услыхав это, он улыбнулся и отвечал:

– Ты права, но когда я ушел от тебя, на меня напал сон, и я видел во сне, что я в Дамаске и прожил там 12 лет, и будто ко мне пришел мальчик знатных родителей с евнухом, – и тут он рассказал все, что с ним случилось вследствие этого посещения, затем, подняв руку ко лбу, он ошупал шрам. – Клянись Аллахом, – вскричал он, – о госпожа моя, ведь это правда, так как он пустил в меня камень и пробил мне лоб; но, право, кажется, все это случилось наяву. Может быть, впрочем, я видел этот сон, когда мы с тобою спали. Во сне мне казалось, будто я очутился в Дамаске без тарбуша, и чалмы, и штанов, и сделался там пирожником. – Он снова задумался и совершенно смутился. – Клянись Аллахом, – продолжал он, – мне кажется, что я варил яблочное варенье, но не положил в него перцу. Действительно, должно быть, я заснул и все это видел во сне.

– Аллахом прошу тебя, – сказала Сит-Эль-Газн, – скажи мне, что ты видел еще?

И он рассказал ей всю историю и прибавил:

– Не проснись я, меня пригвоздили бы к столбу.

– За что же? – спросила она.

– Только за то, что я не положил в яблочное варенье перцу, – отвечал он. – И мне кажется, лавку мою разрушили, всю посуду мою перебили, меня посадили в сундук и призвали плотника, чтобы пригвоздить меня к столбу. Слава Богу, что все это случилось со мною только во сне, а не наяву!

Сит-Эль-Газн засмеялась и прижала его к груди своей, а он поцеловал ее. Потом, подумав немного, он снова сказал:

– Клянись Аллахом, мне кажется, что все это случилось наяву; но я только не мог понять, что со мною делается.

Он старался заснуть, повторяя снова: «Все это было во сне», а другой раз говоря: «Нет, все это я пережил в самом деле».

Так время прошло до утра, когда дядя его, визирь Шемс-Эд-Дин, пришел и поклонился ему, а Бедр-Эд-Дин, увидав его, вскричал:

– Ради Аллаха, умоляю тебя, скажи мне, не ты ли отдал приказ связать мне назад руки и разрушить мою лавку только потому, что в моем яблочном варенье не было перцу?

– Знай, о сын мой, – отвечал визирь, – что теперь истина открылась, и все, что было необъяснимо, объяснилось. Ты – сын моего брата, и я хотел только удостовериться, ты ли был у моей дочери в ночь свадьбы. Увидав же, что тебе известно расположение нашего дома, что ты

узнал и свою чалму, и свои штаны, и кошелек, – я в этом убедился. Ты тоже знаешь обе бумаги: одну, написанную тобою, а другую – твоим отцом, моим братом. Ведь я прежде никогда тебя не видал и потому не знал тебя. Что же касается до твоей матери, то я привез ее с собою из Эль-Башраха.

Сказав это, он бросился к нему и заплакал, а Бедр-Эд-Дин, изумленный словами своего дяди, поцеловал его и от радости заплакал.

– О сын мой, – сказал ему тогда визирь. – Причиной всему было то, что произошло между мной и твоим отцом.

И он рассказал ему все подробности их ссоры, и почему отец его уехал в Эль-Башрах. После этого он послал за Аджибом, и когда отец мальчика увидел его, то закричал:

– Так ведь это он-то и бросил в меня камнем!

– Это твой сын, – сказал ему визирь.

Бедр-Эд-Дин бросился к мальчику и прочел следующие стихи:

Я долго плакал от разлуки нашей,
Из глаз моих текли ручьями слезы.
Я дал обет, что если Промысл Бога
Дарует нам свидания блаженство,
Ни словом я не помяну разлуки.
Теперь так сильно мной владеет радость,
Что от ее избытка плачу я.
Мои к рыданиям так привыкли очи,
Что плачу я от счастья, как от горя.

Лишь только он кончил говорить, как мать бросилась в нему и прочла следующий куплет:

Рок, кажется, связал себя обетом
Обречь меня на вечные мученья,
Но эта клятва оказалась ложью.
Вернулось счастье, и ко мне принес
Возлюбленный мой радость утешенья.
Спеши скорее к вестнику ты пира.

После этого она рассказала ему все, что с ней случилось, и он тоже рассказал, как он страдал, и он поблагодарил Аллаха за свое соединение. Визирь отправился к султану и уведомил его обо всех этих событиях. Султан был так удивлен, что приказал записать всю эту историю, для того чтобы она сохранилась для потомства. Визирь поселился с сыном своего брата, со своею дочерью и ее сыном и с вдовою брата. Они проводили жизнь свою счастливо и спокойно, пока не наступил конец их радостям и не наступила разлука.

– Таковы, царь правоверных, – сказал Джафар, – события, случившиеся с визирем Шемс-Эд-Дином и с братом его Нур-Эд-Дином.

– Клянусь Аллахом, – вскричал халиф Гарун-Эр-Рашид, – это удивительная история!

Он отдал одну из своих собственных наложниц молодому человеку, убившему жену свою, назначил ему жалованье, и молодой человек сделался его постоянным застольным товарищем.

Глава пятая

Начинается с половины двадцать четвертой ночи и кончается на половине тридцать второй

Горбун

Когда-то в былые времена в городе Эль-Башрахе жил-был портной, человек весьма зажиточный и любивший гулять и веселиться. Он имел обыкновение ходить с женой и развлекаться разными странными и забавными зрелищами. Однажды они вышли после полудня и, возвращаясь ввечеру домой, встретили горбуна, при виде которого даже сердитый мог расхохотаться, а несчастный – развлечься. Они остановились и стали смотреть на него, а затем пригласили его к себе в дом, чтобы угоститься.

Он согласился на их предложение и пошел к ним, а портной пошел на рынок, так как начинало уже смеркаться. Он принес сухой рыбы, хлеба, лимонов и сладостей и, вернувшись, поставил рыбу перед горбуном. Они все сели за еду. Жена портного, взяв большой кусок рыбы и засунув его в рот горбуна, зажала ему рот рукой, говоря:

– Клянусь Аллахом, ты должен будешь проглотить его сразу, так как я не дам тебе времени прожевать.

Горбун проглотил, но в рыбе оказалась большая и острая кость, которая воткнулась ему в горло, и судьбе угодно было, чтобы он скончался.

– Силы небесные! – вскричал портной. – И пришлось же несчастному умереть таким образом на наших руках!

– Зачем бесполезно тратишь слова? – сказала жена.

– А что же мне делать? – спросил муж.

– Возьми его на руки, – отвечала она, – и прикрой шелковой салфеткой. Я пойду вперед, а ты иди за мною и говори: «Это сын мой, а это его мать, и мы несем его к врачу, чтобы он дал ему какого-нибудь лекарства».

Выслушав этот совет жены, портной встал и взял горбуна на руки. А жена, идя вслед за ним, восклицала:

– О дитя мое! Да сохранит тебя Аллах! Скажи, что у тебя болит? И как это ты заполучил оспу?

Все встреченные, слыша ее причитания, говорили:

– Она несет ребенка, захворавшего оспой.

Таким образом портной и жена его шли и спрашивали о месте жительства врача, и народ указал им на дом, занимаемый врачом-евреем. Они постучались в дверь, к ним вышла черная девочка-рабыня.

– Что вам надо? – спросила она.

– Мы принесли ребенка, – отвечала жена портного, – и желаем, чтобы врач взглянул на него. Вот возьми четверть червонца, и отдай его твоему хозяину, и проси его сойти вниз и взглянуть на моего сына, потому что он болен.

Девочка побежала наверх, а жена портного, войдя в сени, сказала своему мужу:
– Оставь здесь горбуна и уйдем скорее сами!

Портной, прислонив горбуна к стене, вышел с женой.

Девочка-рабыня между тем пошла к еврею и сказала ему:

– Там внизу ждет больной, которого принесли мужчина и женщина; они дали мне для тебя четверть червонца, для того чтобы ты прописал им, что нужно.

Увидав золото, еврей очень обрадовался и, встав второпях, стал спускаться вниз; здесь впотьмах он задел за горбуна.

– Эзра! – вскричал он. – О небо и десять заповедей! О Аарон и Иисус, сын Навина! Кажется, я толкнул больного, и он, свалившись с лестницы, умер! Как мне выйти теперь из дома с убитым человеком? О осел Эздры!

Он поднял горбуна, и снес его к своей жене, и рассказал ей, что с ним случилось.

– И зачем ты тратишь время по-пустому, – сказала она. – Ведь если ты просидишь до утра, то конец нам. Бросим-ка лучше тело его в дом нашего соседа-мусульманина. Он надсмотрщик кухни султана и часто кормит кошек¹¹³ и мышей разными остатками. Если тело пролежит там ночь, то собаки, собирающиеся туда, наверное, съедят его всего¹¹⁴.

Таким образом, еврей и жена его снесли горбуна наверх и спустили его на землю, прислонив к стене. После этого они сошли вниз.

Только что успели они это сделать, как надсмотрщик вернулся домой, отворил дверь, вышел со свечой во двор и, увидав человека, стоявшего в углу у самой кухни, вскричал:

¹¹³ Многие арабские города полны кошками, которым жители очень покровительствуют. Можно часто видеть, как кошки прыгают с террасы одного дома на террасу противоположного, отделяющегося узеньким переулком. Кошкам приписывают, главным образом, распространение эпидемий.

¹¹⁴ Подобного рода происшествие легко может случиться в арабском городе, где очень много собак, хотя мусульмане и считают их нечистыми. Очень у немногих из них имеются хозяева. Собаки разделяются на стаи и живут по своим кварталам, не допуская посторонних псов приходит к ним и пользоваться отбросами из мясных лавок или из частных домов. Они, кроме того, блуждают по мусорным насыпям, по окрестностям и, подобно хищным птицам, объедают павших верблюдов, ослов и других животных, выброшенных горожанами. Говорят, что подавно хозяин одного судна с посудой, англичанин, напившись, упал и заснул на морском берегу, в Александрии, и ночью его разорвали собаки.

– Это что такое? Клянусь Аллахом, что провизию у меня ворует Сын Адама, хоть я и прячу ее от кошек и собак. И если бы я убил всех кошек и собак нашего квартала, это не помогло бы нисколько, потому что они соскакивают с террас.

Говоря таким образом, он взял большую колотушку и, подойдя, к горбуну, ударил его изо всей мочи, а затем нанес еще второй удар по шее, после чего горбун упал, и надсмотрщик увидел, что он мертвый. Это сильно огорчило его.

– Только Господь и властен, и всемогущ! – вскричал он. – Да будут прокляты и сало, и мясо, из-за которых человек этот погиб от моей руки.

Взглянув затем на покойника и увидав, что он горбун, он проговорил:

– Мало тебе еще, что ты горбун, еще надо быть грабителем и искать и сало, и мясо? О Покровитель, прими меня под сень Твою!

Он взял покойника, поднял его и, спустившись на улицу, пошел с ним по базарной улице, и поставил его на ноги у лавки около узенького прохода.

Вскоре после этого султанскому маклеру, сильно выпившему, захотелось пойти в баню. Он шел, шатаясь, пока не дошел до горбуна, и, повернув к нему глаза, увидел, что у стены кто-то стоит. Надо сказать, что в начале ночи кто-то стащил с него чалму¹¹⁵. Увидав стоявшего горбуна, он вообразил, что тот намеревается учинить такое же воровство, и изо всей мочи ударил его кулаком по голове. Горбун тотчас же свалился к ногам христианина, а тот крикнул сторожа¹¹⁶, продолжая, под влиянием винных паров, колотить упавшее тело. Сторож подошел и, увидав, что христианин¹¹⁷ бьет мусульманина, сказал:

– Поднимись и оставь его!

Он встал, а сторож, подойдя к горбуну и увидав, что тот мертв, вскричал:

– Как смел христианин убить мусульманина?

Схватив христианина, он завязал ему назад руки и повел его к дому вали¹¹⁸ а в это время христианин говорил в душе: «О, Господи! О Дева Святая! Как это я убил этого человека? И как скоро он умер от одного только удара кулака».

Хмель у него совершенно прошел, и он пришел в себя.

Горбун и христианин провели остатки этой ночи в доме вали, который приказал палачу громко обнародовать преступление христианина и поставить его около виселицы. После этого явившийся палач закинул ему на шею веревку и только что хотел вздернуть его, как вдруг сквозь толпу протолкался надсмотрщик и закричал:

– Не вешай его, потому что убийца не он, а я.

– Как же ты убил? – спросил вали.

– Сегодня ночью, – отвечал он, – я принес его домой и увидел, что человек спустился с террасы, чтобы украсть мое добро; я ударил его колотушкой по затылку, и он умер, и я вынес его на базарную улицу, где и поставил у самого входа в узкий проход. Разве мало того, что я

---

¹¹⁵ Арабские мошенники очень любят воровать по ночам чалмы, что вовсе не пустяки, так как многие чалмы делаются из кашемировых шалей, обернутых вокруг тарбуша, который сам по себе представляет иногда ценность, так как в него зашивают деньги и другие ценные вещи.

¹¹⁶ По базарным улицам обыкновенно ходят сторожа, а в иных городах ходят повсюду. В Каире сторожа ходят с длинными палками, но без фонарей. Их обычный крик носит религиозный характер, как, например: «Да прославится совершенство вечного Царя, никогда не дремлющего и никогда не умирающего. При встрече с каким-нибудь прохожим сторожем кричит: «Прославляй единство Господа, а прохожий должен ответить: «Нет Бога выше Аллаха». Предполагается, что человек, совершивший что-либо незаконное, не решится сказать последнее.

¹¹⁷ В те времена, о которых идет речь в этих сказках, христиане отличались от мусульман черными или голубыми чалмами, завернутыми иначе.

¹¹⁸ Вали назывался начальник местной полиции. На обязанности вали лежало проходить ночью по улице с отрядом полицейских и с палачом, так как зачастую, разобрав преступление, вали тут же на месте и производил казнь, не прибегая ни к какому законному разбирательству. Кроме того, на его же обязанности лежало наблюдать за исполнением наказания над преступниками, приговоренными законом.

убил мусульманина? Я не хочу, чтобы из-за меня убивали еще христианина. Не вешай никого, кроме меня.

Вали, услышав эти слова, освободил христианского маклера и сказал палачу:

– Повесь вот этого человека на основании его собственного сознания.

Палач снял веревку с шеи христианина и накинул ее на шею надсмотрщика, и поставил его под виселицей, только что хотел повесить, как сквозь толпу пробрался врач-еврей и крикнул палачу:

– Не вешай, потому что убил не он, а я, и вот каким образом: несчастный пришел ко мне, чтобы вылечиться от какой-то болезни, а я, сходя к нему по лестнице, наткнулся на него, и он умер, и поэтому не казните надсмотрщика, а казните меня.

Таким образом вали дал приказ повесить еврея-врача, и палач, сняв петлю с шеи надсмотрщика, накинул ее на шею еврея. Но вдруг явился портной и, пробравшись сквозь толпу, сказал палачу:

– Не вешай, потому что сделал это не кто иной, как я, и вот каким образом это случилось: я ходил днем веселиться и, возвращаясь в сумерки, встретил этого горбуна, несколько под хмельком, с бубнами в руках и весело распивающего; я остановился позабавиться им и пригласил его к себе в дом. Я купил рыбы, и мы сели поесть, а жена моя взяла кусок рыбы и кусочек хлеба и засунула их ему в рот, а он подавился и умер. После этого мы с женой снесли его в дом еврея. К нам сбежала девочка-негритянка, чтобы отворить дверь. В то время как она побежала наверх, я поставил горбуна у лестницы, и мы с женой ушли. Таким образом еврей сошел вниз и наткнулся на горбуна, и вообразил, что он убил его. Правда ли это? – прибавил он, обращаясь к еврею.

– Правда, – отвечал тот.

Портной, посмотрев на вали, сказал ему:

– Освободи еврея и повесь меня.

Услышав это, вали был сильно удивлен и проговорил:

– Поистине это такое происшествие, которое следовало бы занести в книгу! Освободи еврея! – прибавил он, обращаясь к палачу: – и повесь портного в силу его собственного сознания.

Таким образом палач освободил еврея, сказав:

– То возьми этого, то отпусти того!.. Да неужели мы никого не повесим?

И он накинул петлю на шею портного.

Между тем горбун этот оказался шутком султана, который жить без него не мог, и так как накануне вечером горбун загулял и не являлся домой, то султан послал о нем справиться, и ему отвечали:

– О государь, вали нашел его мертвым и приказал повесить убийцу, но тут к нему пришли и один, и другой, и третий человек и сказали: не те убили его, а мы, и каждый из них рассказал, как он убил.

Султан, услышав это, крикнул одному из своих приближенных:

– Иди к вали и приведи их всех ко мне.

Царедворец пошел к вали и застал палача в ту минуту, когда тот собирался вздернуть портного, и он рассказал вали, что султану уже доложено об этом деле.

Царедворец взял с собой вали и горбуна и приказал идти и портному, и еврею, и христианину, и надсмотрщику к султану. Вали, придя к царю, поцеловал прах у ног его и сообщил ему все, что произошло. Султан не только удивился, но и рассмеялся, услышав его рассказ, и приказал записать его золотыми буквами.

– Слышали ли вы что-либо, подобное этой истории горбуна? – сказал он, обращаясь к присутствующим.

Христианин, подойдя к султану, сказал:

– О царь веков, если ты позволишь, то я расскажу тебе случившееся со мною событие, более странное и забавное, чем история горбуна.

– Ну так рассказывай свою историю, – сказал султан.

И христианин рассказал следующее:

Рассказ христианина-маклера

– Знай, о царь веков, что я прибыл в твою страну с товарами, и судьба задержала меня среди твоего народа. Родился я в Каире от коптов и там вырос. Отец мой был маклером. Когда я возмужал, он умер, и я занялся его делом. Однажды ко мне явился молодой человек, очень красивый и одетый в высшей степени богато. Он приехал на осле и, увидав меня, поклонился.

Я встал, чтобы с должным уважением принять его, а он, вынув платок с завернутым в него кунжутом, сказал:

– Что стоит ардеб¹¹⁹ того товара?

– Сто серебряных монет, – отвечал я ему.

– Возьми носильщиков и людей для промера, – сказал он, – и приходи в хан Эль-Джавали¹²⁰ округ Баб-Эн-Назр¹²¹ и там ты меня найдешь.

Он ушел от меня, оставив мне платок с кунжутом. Я отправился к купцам, цена за каждый ардеб оказалась сто двадцать серебряных монет, и, взяв с собой четырех носильщиков, я отправился к нему. Он уже ждал меня и, увидав, встал и отпер кладовую, и мы вымеряли пятьдесят ардебов.

– За каждый ардеб, – сказал тогда молодой человек, – ты получишь за маклерство по десяти серебряных монет. Получи за меня деньги и жди моего приезда. Всей суммы будет пять тысяч, а твоей части пятьсот, таким образом, мне останется четыре тысячи пятьсот; и когда я кончу продажу всего имеющегося в моих складах товара, я приду к тебе и возьму деньги.

– Все будет сделано по твоему желанию, – отвечал я и поцеловал его руку.

Таким образом в этот же день я получил тысячу серебряных монет и плату за мое маклерство.

Он находился в отсутствии целый месяц, по прошествии которого пришел ко мне и спросил:

– А где деньги?

– Здесь, к твоим услугам, – отвечал я.

– Сохрани их до тех пор, пока я не приду за ними.

Деньги остались у меня в ожидании его. Целый месяц он не показывался, а затем снова явился и спросил:

---

¹¹⁹ Каирский ардеб равняется пяти английским четверикам.

¹²⁰ Хан Эль-Джавали находился неподалеку от нынешних ворот Ваб-Эн-Назр и рядом со старыми воротами того же названия.

¹²¹ Баб-Эн-Назр есть название северо-восточных ворот Каир. Они были выстроены в царствование халифа Эль-Мустанзира.

– Где деньги?

Я встал, поклонился ему и сказал:

– Не откушаешь ли чего-нибудь с нами?

Но он отказался и сказал:

– Сохрани деньги, пока я не съезжу, а затем, когда я вернусь, то возьму их от тебя.

Он ушел, а я приготовил ему деньги, стал его ждать, но он не возвращался опять целый месяц и затем, придя ко мне, сказал:

– Ну, завтра я возьму от тебя деньги.

Он ушел, а я приготовил деньги и сел в ожидании его.

Он снова не являлся целый месяц, а я говорил в душе: «Поистине этот молодой человек чересчур щедр».

Через месяц он пришел в богатой одежде, красивый, как ясный месяц, точно он только что выкупался, с румяными щеками, чистым челом и с родинкой, напоминающей шарик серой амбры. Увидав его, я поцеловал его руку и призвал на него благословение Аллаха.

– О господин мой! – сказал я ему, – неужели не возьмешь ты свои деньги?

– Потерпи немного, – отвечал он, – пока я не окончу всех своих дел, после чего я и возьму их.

Сказав это, он ушел, а я подумал: «Клянусь Аллахом, когда он придет, я хорошенько угощу его за ту выгоду; которую он доставил мне своими деньгами, так как я получил на них крупные барыши».

В конце года он вернулся, одетый еще богаче прежнего, и я заклинал его, чтобы он пришел ко мне в гости.

– Приду только на том условии, – отвечал он, – чтобы ты ничего не тратил из моих денег, доставшихся тебе.

– Хорошо, – сказал я и, посадив его, подал дорогих яств и напитков, и другого угощения и, поставив все перед ним, сказал: – во имя Аллаха!

Он подвинулся к столу и, протянув левую руку, стал есть со мною, чему я немало был удивлен.

Окончив еду, он вымыл руку, и я подал ему полотенце, чтобы вытереться. Мы сели беседовать, и я сказал ему:

– О господин мой, разреши мое сомнение. Почему ты ешь левой рукой? Вероятно, у тебя болит правая рука?

Выслушав меня, он высвободил руки из рукава, и я увидел... что кисти руки у него нет. Это меня очень удивило.

– Не удивляйся, – сказал он, – и не думай, что я ел с тобой левой рукой из кичливости. Лучше подивись причине, из-за которой я лишился руки.

– А что это была за причина? – сказал я.

Он отвечал мне так:

– Знай, что я из Багдада; мой отец был одним из важнейших людей города; и когда я достигнул зрелых лет, я слышал, как путешественники и купцы разговаривали о Египте, и слова их глубоко запали мне в душу. Когда отец мой умер, я взял значительную сумму денег и приготовил товаров, состоявших из багдадских и эль-мазильских тканей и тому подобных дорогих вещей, и, уложив их, выехал из Багдада, и Господь сохранил меня до тех пор, пока я не прибыл сюда в город.

Сказав это, он заплакал и повторил следующие стихи:

Слепой удачно обошел колодец,
В который, зрячий, идучи, свалился,
И человек без всяких знаний может
Поставить словом мудреца в тупик.
Лишь скудное добудет пропитанье
Тот, чья душа полна глубокой веры, —
В то время как безверный нечестивец
Всеобщим покровительством владеет.
Лишь Всемогущий Аллах определяет
Тот труд, которым человеку
Даруется свобода от нужды.

– Я выехал в Каир, – продолжал молодой человек, – и сложил товары месрурского хана, и, распаковав свои ткани, я разложил их по кладовым, затем дал денег слуге, приказав ему купить нам что-нибудь поесть, после чего я немного вздремнул и вставь отправился в Бейн-Эль-Казрам¹²². Вернувшись домой, я лег спать, а на следующее утро развернул кусок ткани и подумал: «Я пойду по базарным улицам и посмотрю, что тут за торговля. Взяв несколько кусков материи, я приказал своим слугам нести их и шел до тех пор, пока не добрался до Кейзареех Джахаркоса, где ко мне подошли маклеры, уже слыхавшие о моем прибытии, и, взяв от меня материи, пустили ее в продажу, но за нее предлагали меньше, чем она стоила первоначально. После этого старший маклер сказал мне:

– Я знаю, о господин мой, каким образом ты можешь устроить выгодное дело. Тебе будет выгоднее, если ты сделаешь, как другие купцы, и отдашь товар свой в кредит на известный срок, заключив условие при денежном маклере, свидетеле-меняле, и будешь получать частями каждый четверг и понедельник. Таким образом ты наживешь на каждую серебряную монету

---

¹²² Слово Бейн-Эль-Казрам означает: «между двумя дворцами», и теперь это название носит главная улица Каира, соединяющая два знаменитых дворца халифов.

по такой же монете и, кроме того, ты будешь иметь возможность насладиться удовольствиями Египта и Нила.

– Совет этот хорош, – отвечал я и, взяв с собой в хан маклеров, при их посредстве я отправил материю в Кейзареех, где и продал ее купцам, написав расписки и передав их меняле, который, в свою очередь, дал мне расписку. Вернувшись в хан, я пробыл там несколько дней и ежедневно выпивал за завтраком чарку вина и ел баранину и какое-нибудь сладкое блюдо, приготовленное для меня, пока не прошел месяц и, по условию, я не получил право брать деньги за свои товары. Каждый четверг и понедельник я садился в лавки купцов, а денежный маклер и меняла приносили мне деньги.

Однажды я отправился в баню и, вернувшись в хан, пошел к себе в комнату и, выпив чарку вина, заснул. Проснувшись, я съел курицу¹²³ и, надушившись духами, пошел в лавку купца по имени Бедр-Эд-Дин-Садовник¹²⁴, который, увидав меня, поклонился мне, и мы сели у него в лавке и стали беседовать. Во время нашей беседы явилась какая-то женщина и села подле меня. У нее был на голове платок, надетый немного набекрень, и запах тонких духов распространился от нее.

Когда она приподняла свой изар и показала мне свои черные глаза, то красота ее и привлекательность свели меня с ума. Она поклонилась Бедр-Эд-Дину, и он, ответив на ее поклон, стал говорить с нею; услышав ее голос, я окончательно влюбился в нее.

– Нет ли у тебя материи, – сказала она тогда Бедр-Эд-Дину, – вытканной чистыми золотыми нитками?

Он достал ей кусок, а она сказала:

– Могу я взять его и потом прислать тебе деньги?

– Нет, нельзя, о госпожа моя, – отвечал он, – потому что вот хозяин материи, и деньги за нее я должен отдать ему.

– Ах ты, несчастный! – вскричала она. – Точно я много раз не брала от тебя товаров и не присылала тебе потом денег, сколько ты за них требовал.

– Это верно, – отвечал он, – но сегодня мне деньги нужны.

Она схватила кусок материи и швырнула его ему прямо в грудь, сказав:

– Поистине подобные вам люди не умеют уважать порядочных людей.

Она встала и пошла из лавки, а я почувствовал, что вместе с нею отлетела моя душа, и, вскочив на ноги, сказал:

– О госпожа моя! Брось на меня милостивый взор и останови благородные стопы твои.

Она вернулась, улыбнулась и сказала:

– Возвращаюсь ради тебя.

Она села насупротив меня на скамью лавки.

– Какую цену, – сказал я Бедр-Эд-Дину, – полагаешь ты возможным дать за эту материю?

– Тысячу сто серебряных монет, – отвечал он.

– Следовательно, на твою долю, – сказал я ему, – придется сто серебряных монет. Ну так дай мне бумаги, и я напишу тебе записку на эти деньги.

Я взял от него материю и собственноручно написал ему расписку, а материю передали незнакомке, сказав ей:

– Возьми ее и уходи. Плату за нее, если хочешь, можешь принести мне сюда в лавку, или если хочешь, то прими ее от меня в подарок.

– Да наградит тебя Господь, – отвечала она, – и благословит тебя за твое добро и пошлет мне тебя в мужья, если услышит мою молитву!

---

¹²³ Египетские куры так малы, что мужчина легко съест целую птицу за завтраком.

¹²⁴ Слово «Садовник» есть прозвище, которое давали обыкновенно в силу занятий предков.

– О госпожа моя, – сказал я, – прими этот кусок материи и еще другой, только позволь мне взглянуть на твое лицо.

Она подняла свое покрывало, и когда я увидел ее лицо, то в глазах у меня потемнело, и любовь до такой степени овладела моим сердцем, что я лишился рассудка.

Она еще раз приподняла покрывало и, взяв материю, сказала:

– О господин мой, не приводи меня в отчаяние.

Таким образом, она удалилась, а я продолжал сидеть на базарной улице, пока не миновал час после полуденной молитвы, и все никак не мог прийти в себя от любви. Не помня себя от страсти и прежде чем отправиться домой, я спросил у купца, кто эта женщина.

– Она очень богатая особа, дочь одного умершего эмира, оставившего ей крупное состояние.

Простившись с ним, я вернулся к себе в хан, где предо мною поставили ужин, но, думая о незнакомке, я ничего не мог есть! Когда я лег спать, сон бежал от меня, и я пролежал до самого утра. Утром я встал и надел одежду, но не ту, в которой ходил накануне. Выпив чашу вина и позавтракав немного, я пошел снова в лавку купца и, поздоровавшись, снова сел с ними. Незнакомка скоро появилась, одетая гораздо наряднее прежнего и в сопровождении девочки-рабыни; опустившись на скамью, она поклонилась мне, а не Бедр-Эд-Дину, и заговорила таким голосом, слаще которого я ничего в жизни не слыхивал.

– Пошли ко мне кого-нибудь, – сказала она, – чтобы получить тысячу двести серебряных монет, плату за материю.

– К чему так спешить? – сказали я.

– Я не хочу лишиться тебя, – отвечала она.

Она подала мне деньги, и мы продолжали сидеть и разговаривать. Я знаком выразил ей свое желание посетить ее. Она поняла меня и торопливо встала, выказывая этим, что довольна моим намеком. Сердце мое зануло, и я пошел вслед за нею по базарной улице. Вдруг ко мне подошла какая-то девочка-рабыня и сказала:

– О, господин мой, не пойдешь ли ты по приглашению моей госпожи?

Я очень удивился и отвечал:

– Зачем мне идти? Здесь меня никто не знает.

– Как, однако же, скоро, – сказала она, – ты забыл ее. Моя госпожа и есть та особа, которая была сегодня в лавке Бедр-Эд-Дина.

Я пошел вслед за девочкой, пока мы не пришли к менялам, и там встретились с ее госпожой. Увидав меня, она подозвала к себе и сказала:

– О, возлюбленный мой, ты ранил мое сердце, и оно воспламенилось любовью к тебе. С тех пор, как я в первый раз увидела тебя, я не могу ни спать, ни есть, ни пить.

– Я чувствую и страдаю точно так же, как и ты, и стоит на меня взглянуть, чтобы убедиться в справедливости моих слов.

– Позволишь ли ты мне, возлюбленный мой, – спросила она, – посетить тебя, или ты придешь ко мне, так как брак наш должен быть тайным?

– Я – приезжий, и помещения своего у меня здесь нет, – отвечал я, – так как я остановился просто в хане. Если ты позволишь мне пойти к тебе, то я буду вполне счастлив.

– Хорошо, – отвечала она, – но ведь сегодня канун пятницы, и до завтра предпринимать мы ничего не будем. Завтра же, после молитвы, садись на своего осла и спроси, как тебе проехать в Габбанаех, а приехав туда, спроси дом, называемый Каахом¹²⁵ акарата Накиба¹²⁶, по прозвищу Абу-Шамех. В том доме я живу; и не медли, потому что я нетерпеливо буду ждать тебя.

---

¹²⁵ Каахом называлась высокая приемная комната, но иногда каахом же называют красивый дом.

¹²⁶ Слово «Накиб» означает «начальник, глава», и т. д. В настоящем рассказе это лицо, вероятно, высокопоставленное.

Услыхав это, я страшно обрадовался, и мы расстались. Я вернулся в хан, где остановился. Всю ночь я глаз не мог сомкнуть и встал, лишь только стало смеркаться, переменял одежду, и, надушившись водами и тонкими духами, я завернул в платок пятьдесят червонцев и прошел из хана в Баб-Зувейлех¹²⁷, где я сел на осла и сказал погонщику:

– Пойдем со мною в Габбанаех.

Он в тот же миг пустился в путь и очень скоро остановился у переулка Дарб Эль-Муна-кери.

– Войди в этот переулок, – сказал я ему, – и узнай, где тут Каах Накиба.

Его отсутствие продолжалось очень недолго, и, затем вернувшись, он сказал:

– Вставай!

– Ну, так веди меня в Каах, – сказал я.

И он повел меня к дому, где я сказал ему:

– Завтра приезжай за мной, чтобы отвезти меня обратно.

– Во имя Аллаха, – отвечал он и, получив от меня монету, ушел.

Я постучался в дверь, и ко мне вышли две молоденькие девочки-служанки.

– Входи, – сказал он мне, – так как наша госпожа ждет тебя, и от чрезмерной любви к тебе она не спала всю ночь.

Я вошел в приемную с семью дверями; кругом окна со ставнями выходили в сад, где росли всевозможные фрукты, пели птицы и журчали ручейки. Сад был выложен царским гипсом, гладким, как зеркало. Потолок приемной был расписан золотом, и кругом него шли надписи золотыми буквами по ультрамариновому фону. Все было так красиво, что бросалось в глаза. Посреди пола из разноцветного мрамора бил фонтан, с четырьмя змеями из червонного золота, выбрасывавшими по углам бассейна изо рта струи чистой воды. Часть гостиной была покрыта персидскими коврами и матрацами.

Только что я сел, как вошла хозяйка дома и подошла ко мне. На голове у нее была надета корона с жемчугом и бриллиантами, ноги и руки ее были выкрашены, а на груди красовались золотые украшения. Увидав меня, она улыбнулась, обняла меня и сказала:

– Так ты в самом деле пришел-таки ко мне. Так это не сон?

– Я – раб твой, – отвечал я.

– Милости просим, – сказала она. – Поистине с той минуты, как я увидела тебя впервые, я лишилась сна и аппетита.

– И я точно так же, – отвечал я.

– Мы сели беседовать, и я от застенчивости сидел, наклонив голову до земли, но вскоре перед нами поставили обед, состоявший из превосходных кушаний, из разных соусов, рубленого мяса и фаршированной птицы. Я ел с нею до тех пор, пока не насытился. После этого нам принесли таз и рукомойник, и я вымыл себе руки, и мы надушились розовой водой с мускусом, и снова сели беседовать и говорить друг с другом о любви, и любовь к ней так охватила меня, что все мое богатство казалось мне ничтожеством в сравнении с нею. Таким образом проводили мы время, пока не стало смеркаться, и рабыни не принесли нам ужин и вина, и мы пили до полуночи. Никогда в жизни не проводил я подобной ночи. С наступлением утра я встал и, бросив ей платок с пятьюдесятью червонцами, простился с ней и пошел, а она заплакала и сказала:

---

¹²⁷ Ваб-Зувейлехом назывались ворот с южной стороны Каира, которые теперь находятся в самом центре города. По обеим сторонам ворот возвышались две башни, украшенные высоким минаретом, и вместе с близлежащей мечетью представляли очень привлекательное зрелище.

– О господин мой, когда же увижу я твое милое лицо?

– В начале сегодняшней ночи я буду с тобой, – отвечал я. Выйдя из дому, я увидел, что хозяин осла, который привез меня накануне, дожидался меня у дверей. Я сел на осла и вернулся в месрурский хан, где я сошел, и, дав ему получервонец, сказал:

– К солнечному закату будь здесь.

– Как прикажешь, – отвечал он.

Я вошел в хан и позавтракал, а затем пошел собирать деньги за свои товары, после чего вернулся. Для жены своей я приготовил жареного барана и купил сластей. Позвав носильщика, я описал ему, как найти дом, и заплатил за труды. После этого я вплоть до заката солнца занимался своими делами, и когда явился погонщик с ослом, я взял пятьдесят червонцев и завернул их в платок. Войдя в дом, я увидел, что мрамор вымыт, а вся посуда вычищена как железная, так и медная, лампы заправлены, свечи зажжены, ужин подан и вино налито. Жена, увидав меня, обняла меня, и сказала:

– Твоим отсутствием ты привел меня в отчаяние!

Столы были поставлены перед нами, и мы поели, пока не насытились, и маленькие рабыни унесли первый стол и поставили перед нами стол с вином, и мы стали пить вино и угощаться сухими фруктами и весело болтали до полуночи. Проспав до утра, я встал и, отдав ей, как прежде, пятьдесят червонцев, оставил ее.

Таким образом жил я долгое время, пока, проснувшись однажды, я не оказался не только без единой золотой монеты, но и без серебряной, и подумал в душе: «Это дело дьявола», – и повторил также стихи:

Лишает бедность человека блеска,
Бывает желтым солнце в час заката.

Когда уходит он, то никто
Отсутствия его не замечает;
Когда он возвращается, он доли
В различных развлечениях не имеет:
Идя порой по улицам базара,
Старается пройти он незаметно,
А в улицах пустынных льет он слезы.
Клянусь Аллахом, всякий человек,
Который нищетой заражен,
И для родных своих совсем чужой.

Размышляя таким образом, я прошел сначала в Бейн-Эль-Казреин, а потом в Баб-Зувай-лех, где стояла целая толпа народа, так что в ворота не было прохода, и судьбе угодно было, чтобы я увидел кавалериста и, неумышленно столкнувшись с ним, ощупал его карман и увидел, что в нем лежал кошелек, который я и вынул. Но кавалерист тотчас же почувствовал, что кошелек у него не стало, и, сунув руку в карман, удостоверился в его исчезновении. Он тотчас же взглянул на меня, поднял руку с булавой и ударил меня ею по голове. Я тут же упал, а народ окружил нас и схватил лошадь кавалериста под уздцы.

– На основании чего ударил ты этого молодого человека? – спросили его.

– Он грабитель! – крикнул он им в ответ.

– Это очень приличный молодой человек, – возразили ему, – и не может быть грабителем.

Одни ему поверили, а другие не поверили, и все-таки после кое-каких переговоров меня потащили, чтобы выпустить, но судьбе угодно было, чтобы в это самое время появился вали, окруженный своими помощниками, и, увидав, что я окружен народом, он спросил:

– Это что такое?

– Клянусь Аллахом, о эмир, – отвечал кавалерист, – этот человек грабитель; у меня в кармане был кошелек с двадцатью червонцами, и он вытащил его у меня во время толкотни.

– С тобою был еще кто-нибудь? – спросил вали.

– Никого, – отвечали кавалерист.

Вали крикнул одному из своих слугителей:

– Возьмите его и обыщите!

Меня схватили и лишили возможности оправдываться, а вали продолжал:

– Вынимай все, что у него найдешь в карманах.

После этого у меня тотчас же нашли кошелек, и вали, взяв его, сосчитал деньги и увидел, что в нем ровно двадцать червонцев, как показывал кавалерист. Взбешенный вали крикнул своим помощникам:

– Ведите его сюда!

Меня подвели к нему.

– О молодой человек, скажи мне правду, – сказал он мне, – ты украл этот кошелек?

Я же опустил голову до земли, думая в это время: «Если я скажу, что не украл, то это будет совершенно бесполезно, так как кошелек вынут у меня из кармана, а если я сознаюсь, то попаду в беду». Я поднял голову и проговорил:

– Да, я украл его.

Вали немало удивился, услышав мое сознание, и тотчас же созвал свидетелей, удостоверивших, что я точно сознался. Все это случилось в Бабзуваиле. Вали приказал палачу отрубить мне правую руку, и тот отрубил мне ее.

Кавалерист же сжалился надо мною, и меня не казнили только по его просьбе. Вали оставил нас и проследовал дальше. Народ же продолжал тут толпиться и дал мне выпить вина, а кавалерист отдал мне кошелек, говоря:

– Ты такой приличный юноша, что тебе не подобает быть вором.
Я взял от него кошелек и сказал ему следующие стихи:

Клянусь Аллахом, господин мой добрый,
Что не был я разбойником, что вором
Я тоже не был, лучший из людей.
Решенье злого рока погубило
Меня и отдало меня во власть
Забот, тревог и нищеты глубокой.
Не я, а Бог пустил стрелу из лука,
Которая на голове моей
Вмиг раздробила царский мой венец.

Отдав мне кошелек, кавалерист тоже уехал. Я же прежде всего завернул в тряпку отрубленную руку и положил ее себе за пазуху. Лицо у меня осунулось и щеки побледнели вследствие страданий. Придя в Каах и не помня себя, я бросился на постель. Жена, заметив, как я изменился в лице, сказала мне:

– Что с тобой? Отчего ты так переменялся?

– У меня голова болит, и мне нездоровится, – отвечал я.

Услыхав это, она испугалась и, тревожась за меня, сказала:

– Ах, не терзай ты моего сердца, о мой господин! Сядь! Подними голову и скажи мне, что случилось сегодня с тобой. По твоему лицу я читаю, что что-то произошло.

– Лучше не говори со мной, – отвечал я.

Она заплакала.

– Кажется, что я надоела уже тебе, – сказала она, – так как я вижу, что сегодня ты стал совсем другим.

Она еще сильнее заплакала и продолжала расспрашивать меня, но я ничего не отвечал, пока не начало смеркаться, и она поставила передо мною ужин, но я не стал есть его из боязни, что она увидит, что я ем левой рукой, и отвечал ей, что я не хочу есть.

– Ну, скажи мне, – снова начала она просить меня, – что с тобою случилось сегодня, и почему ты такой бледный и расстроенный?

– Я когда-нибудь расскажу тебе, – отвечал я.

– Выпей, – сказала она, пододвигая ко мне вино. – Вино подкрепит тебя, и расскажи мне свою историю.

– Если уж этому суждено быть, – отвечал я, – то дай мне выпить твоими руками.

Она наполнила чашу и выпила, и затем снова наполнила и подала мне, а я, взяв чашу левой рукой, со слезами на глазах сказал следующие стихи:

Когда Творец желает человеку,
Который слухом одарен, и зрением,
И разумом, путь правый указать,
Он разум, слух и зренье отшибает
На время у него для указанья
Неверности судьбы, затем
Он возвращает прежний вид ему;
Должно то испытанье послужить
Ему уроком для дальнейшей жизни.

Сказав это, я снова заплакал, а она, услышав, громко вскрикнула и сказала:

– О чем ты плачешь? Ты сжигаешь мне сердце! И зачем взял ты чашу левой рукой?

– На правой руке у меня чирей, – отвечал я.

– Ну, покажи мне, – продолжала она, – я прокалю его.

– Еще теперь рано прокалывать его, – отвечал я, – и не спрашивай меня, потому что я его не покажу.

Я выпил чашу, а она снова наполнила ее и продолжала подливать вина до тех пор, пока я не опьянел и не заснул на том же месте, на котором сидел, вследствие чего она увидела, что у меня нет кисти правой руки, а обыскав меня, она нашла кошелек с двадцатью червонцами.

Трудно выразить, как она огорчилась, увидав все это; всю ночь провела она в страшной тревоге. Утром, проснувшись, я увидел, что она приготовила мне кушанье из четырех кур, которое и поставила передо мною. После этого она дала мне выпить вина. Я же, поев и выпив, положил кошелек и хотел уйти, но она сказала мне:

– Куда ты хочешь уходить?

– Туда, где я мог бы успокоить тревогу, гнетущую мое сердце, – отвечал я.

– Не уходи, а лучше сядь.

Я сел, а она сказала мне:

– Неужели любовь твоя ко мне была так сильна, что ты потратил на меня все свое состояние и потерял даже руку? Поэтому я беру тебя в свидетели против себя, и пусть Сам Аллах будет свидетелем, что я никогда не брошу тебя, и ты увидишь, как я сумею быть верна своему слову.

Вслед за этим она послала за свидетелями, которыми и сказала:

– Напишите контракт моего брака с этим молодым человеком и включите в него, что приданое мною получено.

Они исполнили ее желание, после чего она сказала:

– Будьте свидетелями, что все мое богатство, находящееся в этом сундуке, и все мои мамелюки и рабыни принадлежат этому молодому человеку.

Вследствие этого они заявили, что свидетельствуют о ее желании, а я принял имущество, и они ушли, получив плату за свои труды. Она же, взяв меня за руку, повела в кладовую, где, открыв большой сундук, сказала:

– Посмотри, что в этом сундуке!

Я заглянул в сундук и увидел, что он полон платков.

– Это твоя собственность, – сказала она. – Все это я получила от тебя. Каждый раз, как ты оставлял мне платок с завернутыми пятьюдесятью червонцами, я развертывала их и бросала в этот сундук. Бери свою собственность, потому что Господь возвратил ее тебе, и ты теперь богатый человек. Судьба нанесла тебе удар, лишив тебя правой руки, и в этом я не могу помочь тебе. Если б я даже пожертвовала для тебя своею жизнью, то все-таки твое великодушие превзошло бы мое. Так прими же свое достояние, – прибавила она.

Я принял сундук со своими деньгами, к которым она прибавила деньги и из своего сундука. Сердце мое возликовало, всякая тревога успокоилась, и я, подойдя, поцеловал ее, а чтобы развеселиться, выпил с ней вина.

– Ты пожертвовал всем своим богатством и своей правой рукой из-за любви ко мне, – сказала она, – как же мне вознаградить тебя? Клянусь Аллахом, если б я отдала за тебя жизнь свою, то это было бы слишком мало, и ты не был бы удовлетворен.

После этого она написала бумагу, которой передавала мне все свое имущество: драгоценности, дома, земли, мамелюков и рабынь, – и всю ночь горевала обо мне, узнав, каким образом я потерял руку.

После этого мы прожили менее месяца, в продолжение которого она начала прихварывать все сильнее и сильнее и, наконец, совсем заболела, а по прошествии пятидесяти дней переселилась в иной мир. Я сделал похороны и предал тело ее земле, нанял читальщиков для

чтения Корана и, раздав значительную сумму бедным, вернулся с кладбища и нашел, что жена моя была очень богата. У нее были дома, земли и, между прочим, склады кунжута, часть которого я продал тебе, и до сих пор не мог свести с тобой счетов только потому, что был занят продажей оставшегося у меня остального кунжута, плату за который я до сих пор еще не получил. Теперь же мне хочется, чтобы ты не возражал мне против того, что я скажу тебе. Я ел у тебя и оставляю тебе деньги, полученные за кунжут, бывший до сих пор у тебя в руках. Так вот почему и ем левой рукой.

– Ты отнесся ко мне милостиво и великодушно, – отвечал я.

– Едем со мною ко мне на родину, – сказал он мне тогда, – так как я накопил товара в Каире и Александрии. Хочешь отправиться со мною?

– Хочу, – отвечал я и обещал ему быть готовым к первому дню следующего месяца.

Таким образом я продал все, что имел, и, купив на вырученные деньги товары, отправился с молодым человеком сюда, где он продал свои товары и вместо них купил другие, после чего он вернулся в Египет. Мне же судьбой было решено остаться здесь и испытать то, что случилось со мной сегодня ночью, вдалеке от моей родины. Ну, скажи же, о царь веков, разве эта история не удивительнее истории горбуна?

– Всех вас надо повесить, – отвечал султан.

После этого к султану приблизился надсмотрщик и сказал:

– Если позволишь, то я расскажу тебе историю, которую мне случилось услышать как раз перед тем, как я нашел этого горбуна, и если она покажется тебе более любопытной, чем события, относящиеся к нему, то даруй нам нашу жизнь.

– Рассказывай твою историю, – отвечал султан.

И он рассказал следующее:

Рассказ надсмотрщика султана

Вчерашний вечер я провел в обществе, которое праздновало чтение Корана, для чего были собраны профессора богословия и законовещения, и когда чтение было окончено, то прислуга накрыла на стол, и между другими кушаньями был подан зирбаех¹²⁸. Мы подошли, чтобы приступить к зирбаеху, но один из гостей отступил назад и отказался отведать его. Мы стали уговаривать его, но он отвечал нам:

– Не уговаривайте меня, я достаточно натерпелся из-за этого кушанья.

Поев зирбаеха, мы обратились к нему с такими словами:

– Ради Аллаха, расскажи нам, почему ты не хочешь есть этого кушанья?

– Потому что, – отвечал он, – я не могу есть его, не вымыв сорок раз руки шелком, сорок раз кипарисом и сорок раз мылом, т. е. сто двадцать раз.

Услыхав это, хозяин дома приказал своим слугам принести воды и всего, что, нужно, и он вымыл руки условленное число раз и сел к столу с очевидным отвращением. Он с некоторой боязнью протянул руку и, взяв зирбаех, принялся его есть, а мы все с удивлением смотрели на него. Рука его дрожала, и когда он протянул ее, то мы увидели, что большой палец его руки был отрублен, и он ел четыремя пальцами.

– Аллахом умоляем тебя, – сказали мы ему, – расскажи нам, куда девались твои пальцы. Создан ли ты так Богом или с тобой случилось какое-нибудь несчастье?

– О братья мои, – отвечал он, – я не только лишился большого пальца правой руки, но и большого пальца левой руки, и по пальцу с каждой ноги. Вот смотрите, – прибавил он, показывая нам другую руку, которая оказалась тоже без пальца, как оказались и ноги.

При виде этого мы сильно удивились и сказали ему:

– Нетерпеливо желаем услышать твою историю и твое объяснение, каким образом ты лишился пальцев и почему ты моешь сто двадцать раз руки?

Он начал так:

– Знайте, что отец мой был крупным купцом города Багдада во времена халифа Гарун-Эль-Рашида, но он имел несчастную слабость к вину и к игре на лютне и после своей смерти не оставил ничего. Я похоронил его и нанял чтецов, чтобы он читали после него Коран, и, проплакав о нем несколько дней и ночей, я открыл лавку и нашел, что в лавке очень мало товаров и что долгов у него много. Я уговорил кредиторов повременить и стал ревностно продавать и покупать неделя за неделей и уплачивать кредиторам¹²⁹.

Так я вел дела до тех пор, пока не заплатил все долги и не увеличил своего капитала. Однажды, сидя у себя в лавке, я увидел такую красивую молодую особу, какой никогда в жизни не видывал. Она ехала на муле, одетая в очень богатое платье. Один раб шел перед нею, а другой – позади. У входа на базар она остановила мула и пошла в сопровождении евнуха, сказавшего ей:

– Входи, госпожа моя, только смотри, никому не говори, кто ты такая, для того чтобы не возбуждать против нас негодования.

Евнухи продолжали предостерегать ее, а она начала осматривать лавки; моя лавка понравилась ей более других, и поэтому, подойдя к ней в сопровождении евнуха, она села на скамейку и поклонилась мне. Я же в жизни не слышал таких сладких речей и голоса более приятного, чем у нее. Когда она откинула покрывало со своего лица, я устремил на нее свой взор

---

¹²⁸ Зирбаехом называется кушанье вроде похлебки.

¹²⁹ Арабы отличаются сыновней привязанностью, которую выражают даже после смерти родителей. Чтобы уменьшить ответственность родителей за их грехи, дети читают Коран и приносят жертвы на их могилах; мясо же жертвы раздают бедным. Но прежде всего дети стараются отдать долги родителей, так как, по словам пророка, далее мученичество не искупить неуплаченного долга.

и невольно вздохнул. Сердце мое преисполнилось любовью к ней, и я, не спуская с нее глаз, прочел следующее стихи:

Внемли, красавица, с вуалью сшитой,
Что смерть зову и чтоб не знать
страданий,
Которыми обязан я тебе.
Ты мне даришь блаженство посещеньем;
Ты видишь, я протягиваю руку,
Чтобы принять ей дар твоих щедрот,

Услыхав мои слова, она отвечала мне так:

Пусть сердце вырвут у меня в тот час,
Когда любить тебя могучей страстью
То сердце перестанет. Одного
Тебя я, милый, всей душой люблю,
И если глаз мой взглянет на другого,
Пусть от меня отнимется блаженство
И радости свидания с тобою,
Когда забыта мука дней разлуки.

– О юноша, – сказала она после этого. – Нет ли у тебя хорошеньких материй.

– О госпожа моя, – отвечал я, – раб твой человек бедный; но подожди, пока другие купцы не откроют свои лавки, и тогда я принесу все, что ты пожелаешь.

Таким образом я беседовал с нею, потопая в море любви и сходя с ума от страсти. Когда другие купцы отворили свои лавки, я встал и принес ей всякого товара и материй на пять тысяч серебряных монет. Все эти материи она передала евноху, и они пошли прочь; а у входа на рынок рабы подали ей ее мула, и она села на него, не сказав мне, кто она такая, а я постыдился спросить у нее, и таким образом я сделался ответственным лицом за все эти материи, стоящие пять тысяч серебряных монет.

Домой я пошел совершенно охмелевший от любви, и из поставленного передо мною ужина я съел только кусочек, так как, думая о красоте незнакомки, не мог съесть более. Спать мне хотелось, но сон бежал от моих глаз, и в таком положении пробыл я целую неделю. По прошествии же этой недели незнакомка снова приехала на муле в сопровождении евноха и двух рабов. Поклонившись мне, она сказала:

– О господин мой, мы немного опоздали с уплатой тебе за материю. Призови менялу и прими деньги.

Таким образом, явился меняла, и евнох передал ему деньги. Приняв деньги, я сел беседовать с нею до тех пор, пока не собрались купцы и не открыли свои лавочки.

– Достань мне таких-то и таких товаров, – сказала она.

Я достал ей всего, что она требовала, и она, взяв покупки, отправилась с ними, ничего не сказав мне об уплате. Когда она уехала, я очень раскаялся в том, что сделал, так как товаров ей я доставил на тысячу червонцев, и лишь только я потерял ее из виду, как в душе подумал:

«Что это за любовь? Она принесла мне пятьсот серебряных монет, а взяла товару на тысячу червонцев!»

Я боялся, что из-за этого сделаюсь банкротом и лишу других купцов их товаров, и думал: «Ведь купцы знают только меня, а эта женщина, вероятно, обманщица, очаровавшая меня

своей красотой и миловидностью; видя, что я так молод, она просто посмеялась надо мною, а я не спросил у нее, где она живет».

Я страшно тревожился все это время, а она не появлялась более месяца. Между тем купцы требовали с меня свои деньги и так наступали, что мне пришлось предложить в уплату мое имущество, вследствие чего я очутился на краю разорения. Однажды сидел я, погруженный в мрачные думы, в своей лавке, как увидел подъехавшую и остановившуюся у ворот рынка незнакомку, которая затем подошла ко мне. Увидав ее, я забыл все свои бедствия. Она подошла и, обращаясь ко мне, сказала:

– Достань весы и свешай деньги.

Она отдала мне плату за товары и даже с некоторой надбавкой, после чего стала просто болтать со мной, так что я чуть не умер от радости и счастья.

– Есть у тебя жена? – спросила она наконец.

– Нет, я не знаком ни с какой женщиной, – отвечал я и заплакал.

– О чем же ты плачешь? – спросила она.

– Я плачу потому, что мне запала в голову одна мысль.

Я взял несколько червонцев и дал их евнуху, прося его содействия в этом деле, в ответ на что он засмеялся и сказал:

– Да она влюблена в тебя гораздо более, чем ты в нее. Никаких материй ей не надо, и она приходила за ними только из любви к тебе: сделай ей предложение, и ты увидишь, что она на него согласится.

Незнакомка же, увидав, что я дал евнуху денег, вернулась и опять села на скамейку, а я сказал ей:

– Будь милостива к рабу твоему и прости мне то, что я скажу тебе.

Я поведал ей о чувствах своего сердца, признание мое понравилось ей, и, согласившись на мое предложение, она сказала:

– Этот евнух придет к тебе с моим письмом; исполни то, что он скажет тебе.

Она встала и ушла.

Я тотчас же пошел к купцам и отдал им полученные деньги, и все, за исключением меня, получили барыш. Расставшись с нею, я горевал от разлуки и всю ночь не мог заснуть. Через несколько дней, однако же, евнух ее пришел ко мне; я принял его с почетом и спросил, что делает госпожа?

– Она не здорова, – отвечал он.

– Расскажи мне, кто такая она? – сказал я.

– Султанша Зубейдех, – ответил он, – жена Гарун-Эр-Рашида, воспитала эту девушку. Она одна из ее рабынь. Она выпросила у госпожи своей позволение выходить и возвращаться, когда ей угодно. Такое позволение она получила и пользовалась им. После этого она стала рассказывать госпоже своей о тебе и просила позволения выйти за тебя замуж, но госпожа ее сказала ей, что не согласится до тех пор, пока не увидит сама молодого человека, и если он действительно желает жениться, тогда она даст согласие. Вследствие этого мы решили тотчас же ввести тебя во дворец, и если тебе удастся войти туда никем не замеченным, то брак твой с нею может быть заключен. Если же заговор этот будет открыт, то тебе не снести своей головы. Что же ты скажешь на это?

– Хорошо, – отвечал я, – я пойду с тобой и там буду ждать судьбы своей.

– Лишь только завтра станет смеркаться, – продолжал евнух, – приди в мечеть, выстроенную Зубейдехом на берегах Тигра, и там, читая молитвы, проведи ночь.

– Охотно, – отвечал я.

Когда наступили сумерки, я отправился в мечеть и, читая молитвы, провел ночь, и лишь только начало светать, я увидел двух евнухов, приближавшихся в лодке, нагруженной пустыми сундуками, которые они привезли в мечеть. Один из них ушел, а другой остался, и в этом

другом я узнал того, с кем я вел все переговоры. Вскоре к нам присоединилась моя незнакомка. Я встал при ее приближении и обнял ее, а она поцеловала меня и заплакала. После того как мы немного поговорили, она посадила меня в сундук и заперла. Рабы принесли множество кусков материи и наполнили другие сундуки, заперли их и поставили на лодку вместе с тем сундуком, в котором сидел я. Незнакомка села тоже в лодку, и гребцы, ударив веслами, свезли нас во дворец султанши Зубейдех. Хмель от любви теперь из меня вылетел, я начал размышлять и раскаиваться в том, что сделал, и молить Бога избавить меня от опасности.

Между тем лодка подошла к воротам дворца, и из нее стали выгружать сундуки и переносить их во дворец, но начальник стражи, спавший в то время, как лодка причаливала, проснулся от криков носильщиков и крикнул моей возлюбленной:

– Надо открыть сундуки, для того чтобы я мог осмотреть их.

Он встал и хлопнул рукой по тому сундуку, в котором я находился. Я потерял от страха голову, душа ушла в пятки, и ноги затряслись, а незнакомка сказала:

– Это сундуки султанши Зубейдех, и если ты откроешь их и дотронешься до вещей, то она рассердится на тебя, и мы все погибнем. В них нет ничего, кроме материй, выкрашенных в различные цвета, а в том сундуке, на котором лежит твоя рука, кроме того, положено несколько бутылок с земаевой водой¹³⁰ и если вода разольется, то испортит материю. Я предупредила тебя, а ты решай сам, что тебе делать.

Услышав ее объяснение, он сказал:

– Берите сундуки и проходите!

Евнухи тотчас же взяли их и понесли в сопровождении незнакомки во дворец, но в ту же минуту я услышал крик:

– Халиф! Халиф!

Окончательно потеряв голову, я почувствовал от страха спазмы и чуть не умер, ноги мои тряслись. Халиф окликнул мою незнакомку и сказал ей:

¹³⁰ Вода источника Земаем, в храме Мекка, обладает, по мнению мусульман, чудесными свойствами, и ее привозят пилигримы бутылками и склянками, чтобы употреблять как лекарство, или опрыскивать ею могилы.

– Что это за сундуки?

– О государь мой! – Да хранит Господь власть твою! – в этих сундуках материи для госпожи моей Зубейдех.

– Открой их, – сказал халиф, – я хочу посмотреть материи.

Услыхав это, я простился с жизнью. Рабыня не смела ослушаться этого приказа и только отвечала:

– О государь правоверных! В этих сундуках нет ничего, кроме нарядов моей госпожи, и она не приказывала мне отворять их.

– Сундуки должны быть открыты, – сказал халиф, – для того чтобы я посмотрел, что в них.

Он тотчас же приказал евнухам принести сундуки к нему. Поэтому-то я простился совсем со своей жизнью. Евнухи стали подносить к нему один сундук вслед за другим, отворять их перед ним, и он осматривал содержимое. Когда же к нему поднесли сундук, в котором находился я, то я приготовился к смерти, но рабыня в это время проговорила:

– Царь правоверных! В этом сундуке находятся вещи чисто женские, и было бы приличнее не открывать его без госпожи Зубейдех.

Услыхав это, халиф приказал евнухам нести все сундуки во дворец. Рабыня поспешила вперед и приказала двум евнухам нести сундук, в котором я был заключен, во внутреннюю комнату, и они, поставив его туда, тотчас же удалились. Девушка же открыла его и знаком приказала мне выйти. Я вышел и прошел в чулан, а она заперла за мною дверь и закрыла сундук. Когда же евнухи принесли все сундуки и ушли совсем, она отворила дверь в чулан.

– Тебе бояться нечего, – сказала она. – Да просвятит Господь очи твои! Теперь иди за мною, для того чтобы ты мог поцеловать прах у ног Зубейдех.

Я пошел с нею и увидел двадцать других рабынь, высокогрудых девственниц и между ними султаншу Зубейдех, едва двигавшуюся от тяжести своей одежды и украшений, навешанных на нее. При ее приближении рабыни расступились перед ней, а я выступил и поцеловал прах у ног ее. Она знаком приказала мне сесть. Я сел перед нею, а она начала предлагать мне вопросы касательно моих занятий и родства, на которые я давал ответы, вполне удовлетворявшие ее.

– Клянусь Аллахом, – сказала она, – мы не даром заботились о воспитании этой девушки. Знай, что мы любим ее не менее, чем любили бы дочь, и она Самим Богом отдана под наше попечение.

Я снова поцеловал прах у ног султанши, очень довольный, что могу жениться на рабыне, после чего она приказала мне остаться с ними десять дней. Я остался тут, но не знал, что делается с моею невестой. Обед же и ужин мне приносили другие девушки. После этого султанша просила у супруга своего, царя правоверных, выдать замуж свою рабыню. Халиф дал разрешение и приказал выдать в приданое десять тысяч червонцев.

Султанша Зубейдех послала за кади и свидетелями, они написали контракт моего брака с девицей, и рабыни приготовили сласти и превосходные кушанья и разнесли их по всем покоям. Так они угощали еще в продолжение десяти дней, а по прошествии двадцати дней свели невесту в баню и приготовили ее для приема меня как своего мужа. Мне они принесли блюдо зирбаеха, подслащенного сахаром, и подправленного розовой водой с мускусом, и смешанного с курицей и другими различными вещами. Клянусь Аллахом, увидав это блюдо зирбаеха, я тотчас же принялся есть его, и ел его до тех пор, пока вполне не насытился, затем вытер руки, но вымыть их забыл. Я продолжал сидеть, а перед мною певички били в бубны, и девушки, засветив свечи, стали раздевать невесту и давать ей в подарок золотые вещи, для чего они провели ее по всему дворцу. Когда они привели ее ко мне, то сняли с нее платье и оставили нас одних. Тут я обнял ее, едва веря своему счастью; но лишь только я обвил ее своими руками, как она

учуяла запах зирбаеха и тотчас же громко крикнула, вследствие чего рабыни прибежали со всех сторон.

Я страшно взволновался, не понимая причины, а рабыни, сбежавшиеся на ее крик, спрашивали:

– Что с тобой случилось, о сестра?

– Уведите от меня, – говорила она им, – этого безумца, которого я считала человеком разумным.

– Из чего ты вывела заключение, что я не в своем уме? – спросил я.

– Ты сумасшедший! – сказала она, – а иначе, поев зирбаеха, ты не встал бы, не вымыв рук. Клянусь Аллахом, я не хочу иметь мужа бестолкового и не умеющего вести себя!

И, говоря таким образом, она сняла висевшую у нее на поясе плетъ и стала бить меня ею по спине до тех пор, пока я не лишился чувств, затем она сказала другим девушкам:

Уведите его к начальнику городской полиции, для того, чтобы он отрубил ему руку за то, что, поев зирбаеха, он не вымыл ее.

Услыхав это, я вскричал:

– Сила и власть в руках Аллаха! Неужели ты хочешь отрубить мне руку только из-за того, что я, поев зирбаеха, забыл вымыть ее?

Присутствующие девушки стали просить ее, говоря:

– О сестра паша, не сердись на него за то, что он теперь сделал.

– Клянусь Аллахом, – продолжала она, – мне надо отрезать ему что-нибудь из конечностей!

Она ушла от меня, и в продолжение десяти дней я ее не видал. Затем, вернувшись ко мне, она сказала:

– Ах ты черномазый! Неужели я не стою тебя? Так как же ты смел, поев зирбаеха, не вымыть рук?

Она крикнула девушек, которые завязали мне назад руки, она же, взяв бритву, отрезала большие пальцы как на руках, так и на ногах, и я упал в обморок. После этого на пораненные места она насыпала какого-то порошка, чтобы остановить кровь, а я сказал, что не буду есть зирбаеха всю свою жизнь, если не вымою рук сорок раз шелком, сорок раз кипарисом и сорок раз мылом, и она взяла с меня клятву, что я не буду есть зирбаеха, если не вымою рук, как сказал вам. Вот поэтому-то, когда принесли этот зирбаех, я изменился в лице и подумал: «Вот причина тому, что я лишился больших пальцев на руках и на ногах. Когда же вы стали уговаривать меня, мне пришлось исполнить данную клятву.

– Тут я сказал ему, – продолжал надсмотрщик, – а что же было с тобою потом?

– Когда я дал ей клятву, – отвечал он, – то она успокоилась, милостиво допустила меня к себе, и мы счастливо прожили с нею некоторое время.

– А ведь обитатели халифова дворца не знают, что ты живешь здесь, – сказала она мне, – и никто не видал, как ты попал сюда, и попал ты без помощи султанши Зубейдех. Возьми вот эти червонцы, – прибавила она, подавая мне пять тысяч золотых, – и купи на них хороший просторный дом.

Я ушел и купил просторный хороший дом, а она перевезла в него все свое имущество, и все свои сокровища, и одежду, и редкости. Вот почему я лишен пальцев на руках и на ногах.

Султан же сказал:

– Это не так интересно, как история горбуна. Нет, история горбуна интереснее всех ваших историй, и потому все вы будете распяты.

Но тут впереди выступил еврей и, поцеловав прах, сказал:

– О царь веков! Я расскажу тебе историю, более удивительную, чем история горбуна.

– Ну, рассказывай, – проговорил царь.

И он начал таким образом:

Рассказ еврея-врача

Вот какая удивительная история случилась со мною, когда я был молод. Я жил в Дамаске, где учился и потом практиковал. Однажды за мною явился из дома губернатора мамелюк. Я тотчас же пошел с ним до самого губернаторского дома. Войдя в приемную, я увидел в конце ее алебастровое ложе, отделанное золотом, и на нем больного человека: он был еще молод, и мне не приходилось видеть такого привлекательного больного. Опустившись около его ложа, я прочел молитву о его выздоровлении, он же глазами сделал мне знак.

– Прежде всего, о господин мой, – сказал я ему, – протяни мне руку.

Он тотчас же протянул мне левую руку, что меня немало удивило, и я подумал: что за самомнение! Прописав ему лекарство, я продолжал десять дней посещать его, пока он не окреп. Затем он взял ванну, вымылся и выздоровел. Губернатор же подарил мне прекрасную почетную одежду и назначил меня главным смотрителем дамасского госпиталя¹³¹. Но когда я пошел с ним в баню, очищенную от других посетителей только для нас одних, и слуги принесли простыни и сняли те, которыми он был обернут, то я увидел, что у него была отнята правая рука. Я не только удивился, но и пожалел его и, посмотрев на его тело, увидел на нем знаки от палочных ударов, что тоже немало удивило меня. Молодой же человек, обернувшись ко мне, сказал:

– О врач, не удивляйся тому, что ты видишь! Когда мы выйдем из бани, я расскажу тебе мою историю.

---

¹³¹ Некоторые мечети остаются открытыми всю ночь, и бездомные зачастую спят в них на циновках, которыми покрыт пол. В другое время, но только не во время молитвы, мужчины иногда едят и работают в мечетях, и не считают этого несовместным со святостью храма.

Когда мы вернулись домой, немного поели и отдохнули, он сказал мне:

– Хочешь немного развлечься во время ужина?

– Хочу, – отвечали я.

Он тотчас же приказал рабам перенести в столовую мебель, изжарить барашка и подать фруктов. Рабы в точности исполнили его приказание, и когда они принесли фрукты и мы поели их, я сказал:

– Ну, так рассказывай же свою историю.

– Ну, так слушай, о врач, – отвечал он, – рассказ о том, что со мной случилось. Я – один из уроженцев Эль-Мозиля. Мой дед с отцовской стороны оставил после себя десять человек сыновей, старшим из которых был мой отец. Все они выросли и женились, и у отца моего родился я, а у других девяти братьев ни у кого не было детей. Таким образом я рос среди своих дядей, сильно ко мне привязанных. Однажды уже взрослым я отправился с отцом в мечеть Эль-Мозиля. Это была пятница, и мы читали праздничные молитвы, затем народ вышел из мечети, и в ней остались только мой отец и дяди, сидевшие и разговаривавшие о чудесах различных стран и чудных по виду городов, пока кто-то не упомянул Египта.

– Путешественники уверяют, – сказал один из моих дядей, – что нет на свете прелестнее страны Египта с его Нилом.

– Кто не видал Каира, – прибавил мой отец, – тот не видал света. Почва в нем – чистое золото, Нил – чудеса, а женщины подобны черноглазым райским дивам. Дома в нем – настоящие дворцы, воздух умеренный, аромат превосходит запахи дерева алоэ и услаждает сердце. Да и может ли быть иначе, когда Каир есть метрополь всего света. Если бы вы видели по вечерам его сады, – продолжал он, – и косую тень, падающую от них, вы согласились бы, что это действительно чудо, и пришли бы в восторг.

Когда я услышал это описание Египта, я стал думать только о нем, и после ухода по домам братьев отца я провел бессонную ночь, тоскуя по этой стране, и не мог ни есть, ни пить. Через несколько дней мои дяди стали собираться в путь сюда, и я со слезами просил отца отпустить меня с ними; он согласился, приготовил мне товаров, и я выехал; перед отъездом он сказал им:

– Не позволяйте ему вступать в Египет, а оставьте его в Дамаске, чтобы он продал там свои товары.

Я простился с отцом, и мы выехали из Эль-Мозиля, и поехали, не останавливаясь, до Алеппо, где остановились на несколько дней, чтобы отдохнуть, потом двинулись в Дамаск, оказавшийся чудным городом с деревьями, реками, птицами, точно рай земной со всевозможными фруктами. Мы остановились в одном из ханов, и дяди мои пробыли тут до тех пор, пока они не продали товаров и не купили новых. Они тоже продали и мои товары, получив на каждую серебряную монету по пяти. Я очень радовался, получив такой барыш. Оставив меня, дяди отправились в Египет, а я переехал в такой хорошенький каах, какой не описать и словом, и платил за него по два червонца в месяц.

Тут я стал хорошо и есть, и пить, бросая деньги, вырученные за мои товары. В то время как я сидел однажды у дверей моего кааха, ко мне подошла девица в таком богатом платье, какого мне не случалось еще видеть, и я пригласить ее войти. Она, не колеблясь, тотчас же вошла; мне очень понравилась ее уступчивость, и я тотчас же запер за нами обоими дверь. Она откинула покрывало, сняла изар, и я нашел ее до такой степени красивой, что сердце мое затрепетало от любви; я тотчас же пошел и принес обед, состоявший из разного рода мяса, фруктов и всякого другого угощения; мы ели и забавлялись, а потом стали пить до тех пор, пока не опьянели и легли спать. Утром я подал ей десять червонцев, но она отказалась принять их и сказала:

– Через три дня, возлюбленный мой, жди меня опять. С закатом солнца я буду у тебя, и на это золото ты можешь приготовить такое же угощение, какое у нас только что было.

Она дала мне десять червонцев, простилась со мной и ушла, взяв с собой и все мое благоразумие.

Через три дня она вернулась, одетая в дорогое вышитое платье и гораздо наряднее, чем была одета в первый раз. Я приготовил к ее приходу все, что требовалось, и мы поели, попили и легли спать, как прежде. Утром она снова дала мне десять червонцев, обещая прийти опять через три дня. Я приготовил все, что было нужно; через три дня она пришла в платье гораздо более роскошном, чем была в первый и во второй раз, и сказала мне:

– О господин мой, разве я не хороша собой?

– Хороша, – отвечал я.

– Не позволишь ли мне, – продолжала она, – привести с собой девушку еще более красивую, чем я, и еще более молодую, для того чтобы она могла побыть с нами, а мы бы позабавились с ней? Она просила меня взять ее с собой. Ей хотелось бы пошалить с нами.

Сказав это, она дала мне двадцать червонцев на приготовление более пышного обеда в честь той девушки, которая должна была прийти с нею. После этого она простилась со мною и ушла.

Согласно условию, на четвертый день я приготовил все, что было нужно, и вскоре после солнечного заката она пришла в сопровождении девушки, закутанной в изар. Они обе вошли и сели.

Я был очень рад, зажег свечи и с радостью и восторгом приветствовал их. Они скинули верхнюю одежду, и когда новая девушка открыла лицо, я увидел, что она хороша, как полная луна; я в жизни не видывал кого-либо красивее ее. Я тотчас же встал и поставил перед ними еду и питье. Мы ели и пили, и я, не переставая, ласкал новую девушку, подливал ей вина и пил с нею, а первая девушка, очевидно, мучилась тайной ревностью.

– Клянусь Аллахом, – говорила она, – эта девушка красивее меня.

– Да, красивее, – отвечал я.

Вскоре после этого я заснул, и когда утром проснулся, то увидел, что руки у меня в крови. Открыв глаза, я убедился, что солнце уже встало. Я стал будить девицу, мою новую подругу. Но, о ужас! Голова ее отделилась от туловища. Другой девицы не оказалось уже тут, из чего я заключил, что она это сделала из ревности. Поразмыслив немного, я встал, разделся и вырыл яму в каахе, куда и положил девицу, закрыв ее землей. После этого я оделся и, взяв свои оставшиеся деньги, пошел к хозяину кааха и заплатил ему за год вперед за каах, сказав ему, что уезжаю в Египет к дядьям.

Таким образом я уехал в Египет, где встретился с дядьями, которые были очень рады видеть меня. Я узнал, что товары свои они уже продали. Они спросили меня:

– Зачем ты приехал?

– Мне очень хотелось увидеться с вами, – отвечал я, – да, кроме того, я боялся, что мне не достанется денег.

Целый год пробыл я с ними, наслаждаясь жизнью в Египте. Я, не скупясь, черпал свои деньги и тратил их на еду и на питье почти до самого дня отъезда моих дядюшек, когда я бежал от них.

– Он, вероятно, поехал вперед, – говорили они, – и вернулся в Дамаск.

Они тоже отправились. А я вернулся в Каир и прожил там еще три года, проживая свои деньги. Скоро у меня почти ничего не осталось. Но плату за дом я посылал каждый год хозяину кааха. Прошло три года. Я стал скучать, теми более что в кармане у меня осталась только годовая плата за наем кааха.

Приехав обратно в Дамаск, я поселился в каахе. Хозяин очень обрадовался, увидав меня, а я, войдя в дом, стал отмывать следы крови убитой девицы. Отодвинув подушку, я нашел под ней ожерелье, которое было надето на ней в ту ночь. Я взял его, стал рассматривать и заплакал. В течение двух дней не выходил я из дома, а на третий сходил в баню и переменил одежду. Денег у меня тогда совсем уже не было, я пошел на рынок, сам дьявол толкнул меня на это, чтоб исполнить мой злой рок, и подал бриллиантовое ожерелье маклеру. Маклер встал и, подойдя ко мне поближе, сел подле меня, затем, дождавшись полного сбора торговцев, он потихоньку, без моего ведома, пустил драгоценность в продажу. За ожерелье дали две тысячи червонцев, а он пришел ко мне и сказал:

– Это ожерелье из меди, подделка франков, и цена ему не выше тысячи серебряных монет.

– Мы делали это ожерелье для женщины, – сказал я, – чтобы посмеяться, а потом оно досталось моей жене. Пойди и принеси мне тысячу серебряных монет.

Маклер, услышав это, увидел, что это дело подозрительное, и отдал ожерелье начальнику торговли, который снес его к вали и сказал ему:

– Это ожерелье было украдено у меня, и мы нашли вора, одетого купеческим сыном.

Полицейские окружили меня, прежде чем я узнал, в чем дело, и свели к вали, который стал допрашивать, откуда я взял это ожерелье. Я сказал ему то же самое, что говорил и маклеру; но вали засмеялся и сказал:

– Это неправда.

В ту же минуту меня окружили, сдернули с меня верхнюю одежду и начали бить по всему телу палками. От боли я закричал, что украл ожерелье. Я думал, что мне гораздо лучше сказать, что я украл его, чем признаться, что в доме у меня была убита женщина. За женщину меня могли казнить. Лишь только я признался в воровстве, как мне тотчас же отрубили руку и

обмакнули пораненное место в кипящее масло¹³², после чего я тотчас же лишился чувств. Тут дали мне выпить вина, от которого я пришел в себя. Взяв затем отрубленную руку, я вернулся к себе в каах, но хозяин его сказал мне:

– После того что с тобой случилось, тебе придется оставить каах и искать себе другое помещение.

– О господин мой, – отвечал я, – дай мне два или три дня срока, для того чтобы я мог подыскать себе жилище.

Он согласился на это и ушел от меня. Я же, оставшись один, сел и, горько плача, подумал:

«Как мне вернуться домой с отрезанной рукой? Тот, кто отрезал мне ее, не знал, что я не виноват; может быть, Господь пошлет что-нибудь для моего успокоения».

Я плакал очень горько, и когда хозяин кааха ушел от меня, то я был так огорчен, что прохворал два дня. Вдруг на третий день ко мне пришел хозяин кааха с полицейскими и снова стал обвинять меня в краже ожерелья. Я вышел к ним и сказал:

– Это еще что за новости?

В ответ на это мне привязали назад руку и, надев цепь на шею, сказали:

– Ожерелье, которое ты продавал, оказалось принадлежащим губернатору, визирю и правителю Дамаска. Три года тому назад оно исчезло у него из дому вместе с его дочерью.

Услыхав это известие, я весь задрожал и подумал: «Меня убьют! Смерть моя неизбежна! Клянусь Аллахом! Всего лучше мне самому рассказать всю историю губернатору, и он может убить меня, может и помиловать».

Когда мы пришли в дом губернатора и меня поставили перед ним, он спросил меня:

– Это ты украл ожерелье и пошел продавать его? А ведь руку-то тебе отрубили напрасно.

Он приказал арестовать начальника рынка и сказал ему:

– Дай этому человеку вознаграждение за потерю руки¹³³, или я повешу тебя и возьму все твое имущество.

Тут он позвал своих служителей, которые схватили начальника рынка и увели.

Я остался с губернатором с глазу на глаз, после того как с его разрешения с меня сняли оковы и развязали мне руку. Губернатор посмотрел на меня и сказал:

– О сын мой! Расскажи мне свою историю и говори правду. Каким образом ожерелье это попало к тебе?

– О господин мой, – отвечал я, – я скажу тебе всю правду.

– Я рассказал ему все, что случилось со мной, как одна девица привела мне другую и из ревности убила ее.

Услыхав это, он покачал головою и, закрыв лицо платком, заплакал. Затем, взглянув на меня, он продолжал:

– О сын мой, знай, что старшая девица была моя дочь: я держал ее взаперти, и когда она достигла таких лет, что ей можно было выйти замуж, то я выдал ее за сына ее дяди в Каир; но он умер, и она вернулась ко мне, переняв развратные привычки этого города¹³⁴. Таким образом она была у тебя три раза и на четвертый привела свою младшую сестру. Они были родные сестры от одной и той же матери и очень любили друг друга, и когда то, что ты рассказываешь, случилось со старшей сестрой, она передала свою тайну младшей, которая спросила у меня

---

¹³² Когда вора отрубает руку, то пораненное место, обмакивают в кипящую смолу или масло, для того, чтобы остановить кровь.

¹³³ Магометанский закон допускает возмездие за нанесенные преднамеренно раны и увечья, точно так же, как и за убийство. За преднамеренные увечья закон позволяет брать денежное вознаграждение. Лишение человека какого-нибудь единственного члена, как, например, ног, равносильно цене всей крови, как бы убийства. За раны и увечья, нанесенные женщине, берется вдвое дешевле, чем за такие же раны, нанесенные мужчине. Точно так же цена за раны свободному человеку не одинакова с ценой за раны рабу. Лишение человека одного из пяти чувств равносильно с убийством.

¹³⁴ Женщины Востока гораздо развратнее и распущеннее женщин цивилизованного мира. Так говорят их соотечественники и иноземцы.

разрешения пойти с нею, после чего старшая сестра вернулась одна, и когда я стала допрашивать ее, то она только плакала и говорила, что ничего о ней не знает, но потом она рассказала свою тайну матери и сообщила о том, как она совершила убийство, а мать передала мне. Она же постоянно плакала о ней и говорила: «Клянусь Аллахом, я не перестану до самой смерти плакать о ней». Твой рассказ, о сын мой, совершенно верен, и все это дело я знал прежде, чем ты рассказал мне его. Вот видишь, сын мой, что вследствие этого случилось. Теперь я попрошу тебя не противиться моему желанию, и вот какому именно: я хочу женить тебя на своей младшей дочери, родившейся не от матери первых двух. Она еще девушка, приданого мне от тебя не нужно, я даже назначу тебе содержание, и ты будешь мне вместо родного сына.

– Пусть будет по-твоему, господин мой, – отвечал я. – И мог ли я надеяться на такое счастье?

Губернатор тотчас же послал нарочного, чтобы привезти имущество, оставленное мне отцом, так как после моего отъезда он умер, и теперь я живу в довольстве.

– Я очень удивился, услышав эту историю, – продолжал еврей, – и, пробыв с ним три дня, я получил от него крупную сумму денег и поехал путешествовать. Прибыв сюда, я нашел, что здесь очень хорошо, и остался жить, пока не случилась со мною история с горбуном.

Царь, услышав эту историю, сказал:

– Нет, рассказ твой менее занимателен, чем история горбуна, и все вы должны быть повешены, а в особенности портной, причина всего несчастья. О портной! – прибавил он затем, – если ты расскажешь мне что-либо более занимательное, чем история горбуна, то я прощу вам всех.

После этого портной выступил впереди и таким образом начал свой рассказ:

История, рассказанная портным

– Знай, о царь веков, что событие, случившееся со мной, гораздо удивительнее всего того, что случилось с другими. До встречи моей с горбуном я был рано утром в гостях на пиршестве, данном некоторым мне знакомым купцом. На этом пиршестве были и портные, и продавцы полотен, и плотники, и другие. С восходом солнца нам подали угощение, и к нам вошел хозяин дома в сопровождении незнакомого красивого молодого человека, уроженца Багдада. Он был одет в платье необычайной красоты и сам обладал привлекательной наружностью, но был только хром. Когда он вошел и поклонился нам, мы все встали. Он же, собираясь сесть, заметил между нами цирюльника и сесть отказался, выразив желание уйти от нас. Но как мы, так и хозяин дома остановили его и заставили занять место. Хозяин же обратился к нему с такими словами:

– Почему это ты не успел прийти и уже собираешься уйти?

– Ради Аллаха, господин мой, – отвечал он, – не удерживай меня, потому что уйти я хочу из-за цирюльника, что сидит с вами.

Хозяин, услышав это, очень удивился и сказал:

– Как же это может быть, что этот молодой человек, уроженец Багдада, так смущен присутствием цирюльника?

Все мы взглянули на него и сказали:

– Скажи нам причину твоего недовольства этим цирюльником.

– Господа, – отвечал молодой человек. – В Багдаде случилось со мной и с этим цирюльником необыкновенное происшествие, и он – причина моей хромоты и того, что у меня сломана нога. И я поклялся, что не сяду в том месте, где будет он, и не стану жить в одном с ним городе. Я покинул Багдад и поселился здесь, в городе, но сегодня же, не дождавшись ночи, уеду отсюда.

– Умоляем тебя, – сказали мы ему все, – ради Аллаха, расскажи нам твою историю с ним.

Цирюльник побледнел, услышав, о чем мы просим молодого человека. А молодой человек рассказал следующее:

– Знайте, добрые люди, что отец мой был одним из первых купцов Багдада, и Аллах (да прославится имя Его) не дал ему других сыновей, кроме меня; и когда я вырос и достигнул зрелого возраста, Аллах призвал отца моего к себе, и я остался со своим богатством, слугами и служащими. Я начал есть очень хорошо и одевался роскошно. Аллах (да прославится совершенство Его) создал меня ненавистником женщин; и таким образом я жил, пока однажды, прогуливаясь по улицам Багдада, я был остановлен толпой женщин, от которой я тотчас же бежал в боковой глухой переулок и сел в конце его на мастабах. Только что успел я сесть, как отворилось окно на противоположной стороне улицы, и из него выглянула девушка, прекрасная, как полная луна, и такая, какой мне никогда не приводилось видеть. За окном у нее стояли цветы, и она высунулась полить их, потом посмотрела направо и налево и затем, заперев окно, ушла. Сердце мое воспламенилось, и мысли мои все были заняты только ею. Ненависть к женщинам обратилась в любовь, и я просидел на том же месте до солнечного заката, ничего не видя и не помня от страсти, как вдруг появился кади, ехавший по переулку с рабами и слугами перед ним и позади него. Кади остановился и вошел как раз в тот дом, из которого выглянула девушка; таким образом я догадался, что он был ее отцом.

Опечаленный, вернулся я домой и упал на постель, озабоченный мыслями; мои рабыни пришли ко мне и сели около меня, не зная, что со мною, а я не говорил им ничего и не отвечал им на их вопросы, и тоска моя только усиливалась. Соседи стали приходиться ко мне и развлекать своими посещениями; в числе посетителей была одна старуха, которая только взглянула на

меня и тотчас же догадалась, что со мною делалось; поэтому она под села к моему изголовью и, ласково обращаясь ко мне, сказала:

– О сын мой, скажи мне, что с тобой?

Я рассказал ей все, что было, и она отвечала мне:

– О сын мой. Это дочь багдадского кади, и ее держат взаперти. Ты видел ее в окне ее комнаты, а отец ее занимает большую комнату под нею. Она же живет в комнате одна, и я часто посещаю ее. Только чрез меня можешь ты добиться свидания с нею и потому успокойся.

Выслушав ее, я несколько приободрился и успокоился душой, чему родные мои очень обрадовались. Я встал совершенно бодрым, в надежде на полное выздоровление, а старуха ушла, но скоро вернулась с совершенно изменившимся лицом и сказала:

– О сын мой. Не спрашивай меня, что она сделала, когда я ей сказала о твоей любви. Она отвечала мне: «Если ты не замолчишь, вздорная старуха, и не перестанешь говорить пустяков, то я поступлю с тобой, как ты того заслуживаешь». Но все-таки я схожу к ней еще раз.

Услыхав это, я опять страшно расстроился, но через несколько дней старуха опять пришла и сказала:

– О сын мой. На этот раз я желаю получить вознаграждение за хорошие вести.

При этих словах душа моя успокоилась, я отвечал:

– Ты получишь от меня все, что тебе угодно.

– Вчера я отправилась к девице, – сказала она мне, – и она, увидав меня огорченной и с заплаканными глазами, сказала мне: «Ах, тетушка, отчего ты такая расстроенная?» В ответ на это я заплакала и отвечала: «О, дочь моя и госпожа, вчера я приходила к тебе, посетив одного юношу, который любит тебя и умирает от любви к тебе». Сердце ее тронулось сожалением, и она спросила: «А кто этот юноша, о котором ты говоришь?» – «Это мой сын, – отвечала я, – дорогое дитя моего сердца. Несколько дней тому назад он видел тебя в окне, когда ты поливала цветы; и, увидав твое лицо, он разгорелся любовью к тебе. Я передала ему о том разговоре, что мы с тобой имели в первый раз; и это так расстроило его, что он слез: теперь он умирает, и судьба его решена». Она побледнела и сказала: «И это из-за меня?» – «Клянусь Аллахом, из-за тебя, – отвечала я, – и что же прикажешь ты мне теперь делать?» – «Иди к нему», – сказала она, – поклонись ему от меня и скажи ему, что моя любовь сильнее его любви; в следующую пятницу, перед общей молитвой, пусть он придет сюда: я прикажу открыть для него дверь, поговорю с ним немного, и он успеет уйти до прихода отца с молитвы».

Услыхав эти слова старухи, я перестал томиться: сердце мое успокоилось, и я отдал ей одежду, которая была тогда на ней; она пошла от меня, говоря:

– Успокой сердце свое.

– Да я не беспокоюсь более, – отвечал я.

Все мои домашние и мои знакомые рассказывали друг другу о моем благополучном выздоровлении; и я дожил, наконец, до пятницы, когда старуха пришла ко мне и спросила меня, как я поживаю, на что я отвечал ей, что я счастлив и здоров. Я оделся, надушился и стал ждать, когда народ пойдет на молитву, чтобы мне идти к девице, но старуха сказала мне:

– Времени у тебя еще довольно, и было бы лучше, если бы ты отправился в баню и выбрился, для того чтобы уничтожить следы твоей бывшей болезни.

– Это добрый совет, – отвечал я, – но я сначала выбреюсь, а потом пойду в баню.

Таким образом, я послал за цирюльником, чтобы выбрить себе голову, сказав мальчику:

– Иди на рынок и приведи мне цирюльника, человека порядочного, не дерзкого, чтобы от болтовни его у меня не заболела голова.

Мальчик мой пошел и привел вот этого шейха, который, войдя, раскланялся и, когда я ответил ему на его поклон, сказал мне:

– Да развеет Господь твое горе и твою заботу, и несчастья, и страдание.

– Да услышит Господь молитвы твои, – отвечал я.

– Развеселись, господин мой, – сказал он, – так как здоровье возвратилось к тебе. Желаеть ты, чтобы я выбрил тебя или пустил тебе кровь? Так как, по уверению Ибн-Аббаса¹³⁵ пророк сказал: кто стрижется по пятницам, того Господь избавит от семидесяти болезней. И тот же самый Ибн-Аббас говорит, будто пророк сказал: кто ставит себе по пятницам рожки, тот не обеспечен от слепоты и от частых болезней.

– Воздержись, – сказал я, – от бесполезных разговоров и выбрей мне скорее голову, так как я еще слаб.

Он встал, протянул руку, достал платок и развернул его. В платке оказалась астролябия¹³⁶ с семью пластинками. Взяв ее, он вышел с нею на середину двора, где, подняв голову к солнцу, довольно долго смотрел и затем сказал мне:

– Знай, что сегодня, в пятницу, в десятый день Сафара¹³⁷ в 263 году после бегства Магомета – да будет над ними мир и благословение – и звездой Марсом, оказывающей влияние, прошло семь градусов и шесть минут, и случилось так, что Меркурий встретился с этой планетой, и все это доказывает, что теперь самое удобное время для бритья волос. Кроме того, мне указано, что ты желаешь оказать кому-то благодеяние, – счастливый тот человек. Кроме того, мне указано, что тут идет дело о предмете, о котором я не хочу говорить с тобой.

– Клянусь Аллахом, – вскричал я, – ты утомил меня своими предсказаниями так, что у меня заболела голова, в то время как я позвал тебя только для того, чтобы выбрить мне ее. Ну, встань и начни брить, и не рассуждай больше.

– Клянусь Аллахом, – отвечал он, – если бы ты знал сущность этого дела, то ты просил бы меня объяснить его тебе, и я советую тебе поступать сегодня по моему указанию, извлеченному мною из астрономических выводов. Тебе следует прославить Господа и не возражать мне, потому что я даю тебе добрый совет и смотрю на тебя с состраданием. Желал бы я находиться в твоём услужении целый год, для того чтобы ты мог воздать мне справедливость, и за это я не потребую от тебя никакой платы.

Выслушав это, я сказал ему:

– Право, ты убиваешь меня сегодня, и я не знаю, как избавиться от тебя.

– О господин мой, – отвечал он, – народ зовёт меня Эль-Самитом¹³⁸ за то, что я так мало говорю, и этим я отличаюсь от своих братьев: старшего брата моего зовут Эль-Бакбуком, второго – Эль-Геддаром, третьего – Бакбаком, четвертого – Эль-Куз-Эль-Асвани, пятого – Эль-Фещшаром, шестого – Шакаликом, а седьмого, т. е. меня, Эль-Самитом¹³⁹.

Слушая, как цирюльник этот осыпал меня своей болтовней, я почувствовал, что желчный пузырь мой лопаётся, и сказал мальчику:

– Дай ему четверть червонца и, ради самого Аллаха, выпроводи его, так как брить голову я более не желаю.

Цирюльник же, услышав то, что я сказал мальчику, вскричал:

– Что это такое сказал ты, о господин мой! Клянусь Аллахом, я не хочу брать от тебя платы до тех пор, пока не услужу тебе, а услужить тебе я должен: моя обязанность – исполнить твоё желание, и мне все равно, получу ли я плату. Если ты не знаешь мне цены, то зато я знаю цену тебе; и отец твой – да помилует его Аллах – милостиво обращался с нами, потому что

---

¹³⁵ Абд-Аллах-Ибн-Аббас был ученым из товарищей своего двоюродного брата Магомета и одним из лучших толкователей его слов и поступков. Он получил прозвище Толкователя Корана.

¹³⁶ Арабы предпочитают перед другими астрономическими инструментами употребляют астролябию. Она бывает обыкновенно в четыре-шесть дюймов в диаметре и состоит из круглой пластинки, с разделенным на градусы ободком, внутри которой приделаны еще несколько более тонких пластинок и дуга градусного круга, двигающаяся на оси в центр. На пластинках начерчено множество диаграмм для различных вычислений. Весь снаряд этот приделан к кольцу, или держится на шнуре, привязанном к кольцу, и во время наблюдений вследствие своей собственной тяжести сохраняет должное положение.

¹³⁷ Сафаром называется второй месяц магометанского года.

¹³⁸ Эль-Самит означает «Молчаливый».

¹³⁹ Арабы обыкновенно носят своих детей в сидячем положении на плече.

он был человек великодушный. Клянусь Аллахом, однажды отец твой послал за мной, вот как ты в сегодняшний благословенный день, и когда я пошел к нему, то у него было несколько человек гостей, он сказал мне: «Пусти мне кровь». Я взял астролябию, сделал для него наблюдение и нашел, что время для кровопускания неблагоприятно и что оно будет сопровождаться неудачей. Вследствие этого я тотчас же сообщил ему об этом, и он исполнил мое желание и выждал благоприятного времени, и тогда я пустил ему кровь. Он не возражал, а, напротив того, поблагодарил меня, как поблагодарили и все присутствующие гости. Отец твой дал мне сто червонцев за услуги по кровопусканию.

– Лиши, Господи, – сказал я, – Своей милости моего отца за то, что он знался с таким человеком, как ты.

– Нет Бога, кроме Аллаха, – смеясь, вскричал цирюльник, – а Магомет – пророк его. Да прославится совершенство того, кто меняет других, но сам не может быть изменен. Я считал тебя человеком разумным, но вследствие своей болезни ты говорил пустяки. В своей чудной книге Господь упоминал о людях, умеющих сдерживать гнев свой и прощать людям, но ты не принадлежишь к их разряду. Мне неизвестна причина твоей поспешности, а ты знаешь, что отец твой ничего не предпринимал, не посоветовавшись со мной; известно, что можно доверять человеку, который пользуется чьим-либо доверием; ты не найдешь никого на свете, ближе меня знакомого с житейскими делами, и я стою здесь, готовый к твоим услугам. Я не недоволен тобой, и как же ты можешь быть недоволен мной? Но я все перетерплю от тебя ради тех милостей, которыми я пользовался от твоего отца.

– Клянусь Аллахом, – вскричал я, – ты надоел мне своей болтовней и отуманил меня своими разговорами. Я желаю только, чтобы ты выбрил мне голову и убрался от меня.

Я совершенно вышел из себя и хотел вскочить, хотя он уже смочил мне голову.

– Я знаю, – сказал он, – что ты сердишься на меня, но я на тебя не сержусь, потому что ты слабоумен и молод.

Давно ли я носил тебя на плечах своих и водил тебя в школу.

– О брат мой, – возразил я ему на это, – Аллахом умоляю тебя, уходи от меня, для того чтобы я мог заняться своим делом.

Я разорвал свою одежду, и он, увидав это, взял бритву и стал ее точить, и точил до тех пор, пока душа моя чуть не простилась с телом, затем, пододвинувшись к моей голове, он выбрил незначительную часть ее, после чего поднял голову и сказал:

– О господин мой, торопливость исходит от дьявола. После этого он прочел следующую строфу:

Обдумай основательно свой план
И не спеши с его ты исполненьем.
Будь милосерден ко всем, и ты найдешь
Того, кто милосерд. У человека
От власти никакой и не бывало,
Весь род людской стоит под властью Бога.

– О господин мой, – продолжал он, – я не думаю, чтобы тебе известно было мое положение в обществе, так как рука моя ходит по головам царей и эмиров, и визирей, и мудрецов, и ученых; а о таком человеке, как я, поэт сказал:

Товары крайне сходны с ожерельем
Из жемчуга, в котором самой крупной
Жемчужиной является цирюльник,
Который превосходит всех других
Своим искусством и умением брить.
И во дворцы является всегда,
Чтоб чисто выбрить головы царей.

– Не говори о том, что до тебя не касается, – сказал я. – Ты истомил мою душу и расстроил меня.

– Мне кажется, что ты торопишься, – отвечал он.

– Тороплюсь! Да! Да! – отвечал я.

– Делай все медленно, – сказал он, – потому что поспешность исходит от дьявола и служит причиной раскаяния и неудовольствия, и Магомет, да будет над ними благословение и мир, сказал: «Самое лучшее дело есть то, которое начато по размышлению». Я готов поклясться Аллахом, что твое дело начато не так, и вот поэтому-то мне хочется, чтобы ты сообщил мне, куда ты так спешишь. Я желаю, чтобы ты спешил на что-нибудь хорошее, хотя боюсь, что это не так.

До назначенного времени оставалось еще три часа, и он в сердцах отбросил бритву и, взяв астролябию, снова пошел смотреть на солнце. Пробыв на дворе довольно долго, вернулся и сказал:

– До общей молитвы остается не более не менее, как три часа.

– Ради самого Аллаха, – сказал я, – замолчи, так как ты истомил всю мою душу.

После этого он взял бритву и так же долго, как и в первый раз, точил ее и затем выбрил мне еще кусочек головы. Выбрав, он остановился и сказал:

– Очень меня беспокоит твоя поспешность. Если бы ты сказал мне причину ее, то это было бы лучше для тебя, так как ты знаешь, что отец твой ничего не делал, не посоветовавшись со мной.

Теперь я увидел, что не мог от него избавиться, и подумал: «Время общей молитвы наступило, и мне следует выйти, прежде чем народ пойдет из мечети; если я промешкаю еще немного, то мне к ней не попасть».

Вследствие этого я громко сказал ему:

– Поспешн прекрати эту болтовню и назойливость, так как мне надо идти в гости.

Услыхав о том, что я иду в гости, он вскричал:

– Сегодняшний день, счастливый для меня день. Вчера я пригласил к себе знакомых и забыл приготовить им угощение, и вспомнил только теперь. Я боюсь подумать о том, как они будут мною недовольны.

– Не беспокойся об этом, – сказал я ему, – ты знаешь, что сегодня я отправляюсь в гости, и потому все, что у меня имеется из еды и питья, я могу отдать тебе, если только ты послужишь мне и поспешишь кончить.

– Да ниспошлет Господь на тебя Свое благословение, – вскричал он. – Скажи мне, что можешь ты дать для моих гостей, для того чтобы мне узнать в точности.

– У меня есть, – отвечал я, – пять мясных кушаний, десять вареных кур и жареный барашек.

– Прикажи принести все это, для того чтобы я мог видеть.

Я велел все это показать ему, и он вскричал:

– Ты одарен божественными качествами. И как ты великодушен! Но только жаль, что нет курительного порошка и духов.

Я тотчас же принес ему ящичек с неддом¹⁴⁰ и деревом алоэ, и амбры, и мускуса, ценой в пятьдесят червонцев. Время было позднее, и сердце у меня ныло.

– Ну, бери все это, – сказал я ему, – и жизнью Магомета, да благословит и спасет его Господь, умоляю тебя, добрей мне поскорее голову!

– Клянусь Аллахом, – отвечал он, – я не возьму ничего, пока не посмотрю всего.

---

¹⁴⁰ Недд составляется из амбры, мускуса и дерева алоэ.

Вследствие этого я приказал мальчику открыть ему ящик. Цирюльник бросил астроблю и, усевшись на землю, стал перебирать и духи, и курительный порошок до тех пор, пока душа моя чуть было не распалась с телом.

После этого он подошел ко мне, взял бритву и выбрил еще небольшой кусочек головы.

– Клянусь Аллахом, о сын мой, – сказал он, – право, я не знаю, кого мне благодарить, тебя или твоего отца, так как я обязан своим сегодняшним угощением чисто твоей доброй милости, и у меня нет далее знакомых, стоящих такого угощения, так как я пригласил Зейтона, содержателя бань, Селеа, продавца пшеницы, Аукаля, продавца бобов, Аркешеа, лавочника, Гомейда, мусорщика, и Акариша, молочника. Каждый из этих приглашенных умеет танцевать какой-нибудь особенный танец и читать какие-нибудь особенные стихи; лучшими их достоинствами можно назвать то, что они похожи на того мамелюка, что стоит перед тобой, а я, твой раб, не обладаю ни болтливостью, ни дерзостью. Что же касается до содержателя бань, то он говорит, что если я не явлюсь на празднество, то он придет ко мне в дом. Что же касается до мусорщика, то он остряк и шалун и, часто подплясывая, говорит: «С моей женой новости не сохранишь и в сундуке», и у каждого из моих приятелей есть что-нибудь, чего нет у других. Но описания ничего не значат, надо самому посмотреть. Если бы ты согласился прийти к нам, это было бы приятнее как для тебя, так и для нас. Откажись поэтому от посещения тех знакомых, о которых ты мне говорил, тем более что на лице твоём остались еще следы твоей болезни, и ты, вероятно, собираешься пойти к людям болтливым, которые будут говорить с тобой о том, что до них не касается, или можешь встретить у них кого-нибудь дерзкого на язык, а ты еще не совсем поправился.

– Если угодно будет Богу, – отвечал я, – то я приду к тебе когда-нибудь в другой раз.

– Было бы гораздо лучше, – сказал он, – чтобы ты сейчас же присоединился к нашему обществу и наслаждался бы его беседой и остроумием. Поступи согласно со словами поэта: «Не отлагай ты развлечений, если иметь их можешь: ведь судьба нередко все планы нашей жизни разрушает».

Я засмеялся, хотя в душе негодовал, и сказал ему:

– Делай то, что я требую, для того чтобы я мог оправиться с Богом, да прославится имя Его, и иди к своим друзьям, которые давно ждут тебя.

– Я ничего так не желаю, – отвечал он, – как познакомить тебя с ними, потому что эти люди принадлежат к тому сословию, среди которого нет дерзких; и если ты раз познакомишься с ними, то бросишь все другие знакомства.

– Дай Бог, – сказал я, – чтобы ты весело провел с ними время. Когда-нибудь я приглашу их всех сюда,

– Если ты действительно этого желаешь, – отвечал он, – и непременно хочешь отправиться к своим знакомым, то подожди, я снесу все, что ты дал мне сегодня, к себе домой и поставлю все перед своими друзьями, для того чтобы они, не дожидаясь меня, могли есть и пить, и затем я вернусь к тебе и отправлюсь с тобой к твоим знакомым, так как между мною и моими друзьями не может быть ложных церемоний, из-за которых я не мог бы оставить их одних. Итак, я скоро вернусь к тебе и отправлюсь к твоим знакомым.

– Сила и власть только в руках Аллаха, великого и всемогущего, – вскричал я. – Иди к своим знакомым и улади сердце своей беседой с ними, а мне предоставь идти, куда я хочу, и остаться с ними сегодняшней день, теми более что они ждут меня.

– Нет, – сказал он, – я не пущу тебя одного.

– Туда, куда я иду, – отвечал я, – никто, кроме меня, войти не может.

– Ну, так я предполагаю, – продолжал он, – что у тебя назначено свидание с какой-нибудь женщиной, а иначе ты взял бы меня с собой. Я самый для тебя подходящий человек и помогу тебе достигнуть твоих желаний. Я боюсь, чтобы ты не пошел на свидание к какой-нибудь неизвестной женщине, за что ты можешь поплатиться жизнью, так как здесь, в Багдаде, нельзя

делать что-либо подобное, в особенности в настоящее время, когда багдадский вали – такой серьезный и страшный человек.

– Убирайся ты от меня, противный старик, – вскричали я. – О чем это ты вздумал говорить со мной?

Он слова не сказал в ответ на это. Между тем время для молитвы наступило, и Кутбех уже были близок к тому времени, как он кончил брить мою голову.

– Ну, иди, – сказал я ему, – с этой едой и питьем к твоим друзьям, а я подожду, пока ты не вернешься, чтобы идти со мной.

Я продолжал обманывать его, для того чтобы они поскорее ушел, но он сказал мне:

– Я ведь вижу, что ты обманываешь меня и хочешь уйти один и кинуться в какую-нибудь беду, из которой не выберешься. Аллахом умоляю тебя, не уходи из дома, пока я не вернусь к тебе, чтобы сопровождать тебя и знать, чем кончится твое дело.

– Хорошо, – отвечал я. – Только не задерживай меня.

Он взял еду и питье и все остальное, что я дал ему, но отдал их носильщику, приказав нести к нему в дом, а сам спрятался в переулочек. Я тотчас же встал. Муэдзины на минаретах уже пропели пятничный лем¹⁴¹, я оделся и пошел поскорее. Придя к переулочку, остановился у того дома, где видел прелестную девушку. Цирюльник же стоял за мною, и я этого не знал. Увидав, что дверь не заперта, я вошел; но вслед затем с молитвы вернулся хозяин дома и запер за собою дверь, и я подумал в душе:

«Каким образом дьявол этот открыл меня?!»

В это самое время Господу угодно было разорвать передо мною покрывало его покровительства. Одна из рабынь, принадлежавших хозяину дома, провинилась в чем-то; он стал ее бить и кричать. На этот крик прибежал раб, который стал отнимать ее, а хозяин стал бить и его; раб начал тоже кричать. Цирюльник же, вообразив, что бьют меня, стал кричать, рвать на себе одежду, землей посыпать себе голову и звать на помощь. Его тотчас же окружил народ, и он сказал ему:

– Моего хозяина убил в доме кадий.

После этого он побежал в сопровождении всей толпы к моему дому, крича все время, и принес это известие моему семейству. Не знаю уже, что он делал, когда все они прибежали, крича:

– О горе, что случилось с нашим хозяином!

Цирюльник бежал впереди, разрывая свою одежду, с ними бежал и народ. Они кричали точно так же, как кричали цирюльник.

– Увы! Он убит!

Вся эта толпа приблизилась к дому, где я был спрятан. Кади, услышав это, очень смутился. Он встал, отворил дверь и, увидав народ, с удивлением сказал:

– Что это значит, господа?

– Ты убил нашего господина, – отвечали ему слуги.

– Что же сделал мне ваш господин, чтобы я стал убивать его, и зачем с вами этот цирюльник?

– Ты только что бил его палкой, – отвечал цирюльник, – и я слышал, как он кричал.

– Что ж он сделал, чтобы я убил его? – повторил кади, – и зачем он мог прийти и куда мог пройти?

– Не будь таким злокозненным стариком! – вскричал цирюльник, – так как я хорошо знаю всю историю. Дочь твоя влюблена в него, и он влюблен в нее. Ты узнал, что он вошел к тебе в дом, и приказал своим слугам бить его. Клянусь Аллахом, между нами и тобой судьей может быть только халиф, но прежде всего ты должен выдать нам нашего хозяина, для того

---

¹⁴¹ По пятницам во время общественной молитвы читаются два кутбеа.

чтобы домашние могли его взять. Не заставляй меня войти и взять его от тебя; поскорее нам выпусти его.

Кади онемел от изумления и совершенно растерялся при виде такой толпы; но, наконец, обратился к цирюльнику с такими словами:

– Если ты говоришь правду, то входи сам и уведи его.

Цирюльник тотчас же вошел в дом, а я, увидав это, только и думал о том, как бы мне убежать от него; но, осмотревшись кругом, я не увидел нигде выхода и сел в большой сундук, почему-то стоявший тут в комнате. Засев в сундук, я закрыл его и сидел, притаив дыхание. Вслед за тем в эту самую комнату вбежал цирюльник; не глядя никуда, он прямо направился к сундуку, в котором я сидел. Затем он осмотрелся и, видя, что в комнате никого нет, поднял сундук себе на голову, причем я совершенно обезумел. Цирюльник быстро сбежал с сундуком: тут я убедился, что он ни за что не отстанет от меня и, отворив сундук, выскочил из него на землю. От этого прыжка у меня переломилась нога. Приблизившись кое-как к дверям, я нагнал там целую толпу народа. Никогда в жизни не видывал я такой толпы, какая собралась в этот день. Чтобы развлечь ее, я бросил в нее горсть золота, и пока народ подбирал червонцы, я проскользнул в другие улицы Багдада, преследуемый цирюльником, и куда бы я ни заходил, он заходил вслед за мною и кричал:

– Как огорчен я за своего господина! Да прославится Аллах, оказавший мне помощь при освобождении его. О хозяин мой, зачем ты непременно хотел исполнить свое желание, и вот поэтому-то ты и накликнул на себя беду, и если бы Господь не послал меня к тебе на помощь, то ты не избавился бы от несчастья, на которое сам напросился, и с тобой не случилась бы беда, из которой нет выхода. Поэтому моли Аллаха, чтоб Он сохранил меня для того, чтоб и впредь

я мог заботиться о тебе. Клянусь Аллахом, ты страшно расстраивал меня своими дурными наклонностями и своим желанием пойти непременно одному. Но я не стану сердиться на тебя за твое неведение, так как разума у тебя мало, а торопливости много.

– Неужели тебе еще мало, – отвечал я, – того, что ты наделал, и ты хочешь еще преследовать меня по всем улицам?

Мне до смерти хотелось избавиться от него, но я не мог найти средств и в порыве ярости бросился бежать от него. Войдя посреди рынка в лавку, я просил покровительства у хозяина ее, и он отогнал от меня цирюльника.

Сидя в магазине, принадлежавшем этому хозяину, я думал, что теперь мне не избавиться от этого цирюльника; он будет мне надоедать и днем, и ночью, а между тем я видеть его не могу. Вследствие этого я тотчас же созвал свидетелей и написал документ, в силу которого разделял свое имущество между своими домашними, назначив опекуна. Опекуну я поручил продать дом и все свое движимое имущество и взять под свою опеку и старых, и молодых, а сам тотчас же отправился путешествовать, чтобы только избавиться от этого несчастного. Прибыв в вашу страну, я нанял дом и прожил тут довольно долго. Вы пригласили меня к себе, я пришел и увидел между вами этого противного негодяя, сидевшего в конце комнаты. Как зануло мое сердце при виде его, и мог ли я спокойно и весело провести с вами время вместе с человеком, который был причиной моих несчастий и того, что я сломал ногу?

Молодой человек упорно отказывался остаться с нами, а мы, выслушав его историю, сказал цирюльнику:

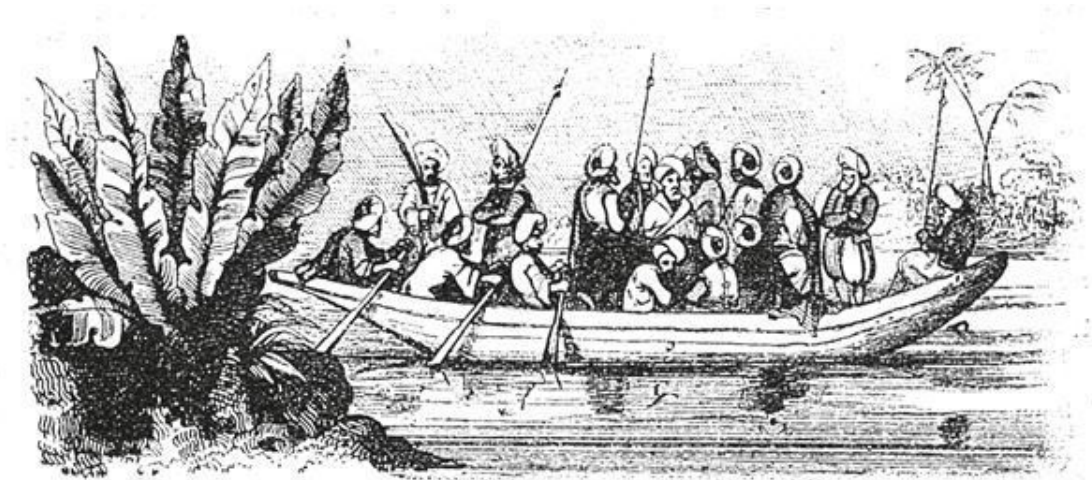
– Правда ли то, что молодой человек рассказывал о тебе?

– Клянусь Аллахом, – отвечал он, – благоразумие заставляло меня так поступать с ним; не сделай я этого, он непременно бы погиб: только я и избавил его от беды, и Аллах, по милосердию своему, через меня наказал его только тем, что он сломал ногу, вместо того чтобы лишить его жизни. Будь я человеком болтливым, я не сделал бы ему этого одолжения; а теперь я расскажу вам событие, приключившееся со мною, для того чтобы вы убедились, что я не разговорчив и не такой нахал, как мои братья. Слушайте.

История цирюльника

– В царствование даря правоверных Эль-Мунта-Зира-би-Аллаха, любившего бедных и убогих и дружившего с людьми учеными и добродетельными, я жил в Багдаде.

Случилось так, что царь прогневался однажды на десять человек, которых он приказал главному начальнику города Багдада привезти к нему в лодке. Увидав их, я подумал: «Эти люди собрались, конечно, для того, чтобы весело провести время, и, вероятно, катаясь, будут есть и пить, и мне в их обществе, конечно, будет хорошо».

Таким образом я тоже сел в лодку и смешался с ними. Когда же лодка причалила на другую сторону, к нам подошли служители вали с цепями и надели их всем на шеи, и мне тоже.

Всех нас, закованных в цепи, повели и поставили перед Эль-Мунта-Зир-би-Аллахом, царем правоверных, после чего он отдал приказ отрубить головы десяти человекам. Палач отрубил головы десятерым, а я остался. Халиф же, повернув голову и увидав меня, сказал палачу:

– Почему не срубил ты головы всем десяти человекам? – Я срубил уже десять голов, – отвечал палач.

– А я думаю, что ты срубил только девять голов, а голова этого человека, что стоит передо мною, – десятая.

– Клянусь твоею милостью, их десять, – отвечал палач.

– Сосчитай, – сказал халиф.

Головы сосчитали, и их оказалось десять. Халиф, взглянув на меня, сказал:

– Что же заставило тебя молчать в таком случае, и почему ты попал в число убийц?

Услышав такой вопрос царя правоверных, я сказал ему:

– Знай, царь правоверных, что я шейх Эс-Самит (молчаливый). Я человек ученый, а сила моего соображения – быстрота, понимание и воздержанность в речах безграничны. Я цирюльник по ремеслу; вчера рано утром я видел, как эти десять человек сели в лодку. И я присоединился к ним, думал, что все они отправляются в гости; но вскоре оказалось, что они преступники, и солдаты пришли к ним и заковали их в цепи, и мне надели на шею тоже цепь. Я же молчал и ничего не говорил из великодушия; я молчал в настоящем случае только из великодушия. Нас повели и поставили перед тобою, и ты приказал отрубить головы десяти человекам, а я остался перед палачом и ни слова не говорил о себе. Разве не великодушно было с моей стороны идти вместе с ними на казнь? И вот всю свою жизнь я поступал таким образом.

Когда халиф выслушал меня и узнал, какой я великодушный человек и как не люблю многословить, и вовсе не наглец, как уверяет этот спасенный мною от несчастья молодой человек, он спросил:

– А есть у тебя братья?

– Есть шесть братьев, – отвечал я.

– Отличаются ли эти шесть братьев, подобно тебе, познаниями в науках и умеренностью в речах?

– Они воспитывались не так, чтобы походить на меня, – отвечал я. – Ты обидел меня твоим предположением, о царь правоверных, и тебе не следовало бы сравнивать меня с моими братьями, так как вследствие их болтливости и недостатка великодушных чувств каждый из них понес какой-нибудь ущерб; первый был хромым, второй лишился нескольких зубов, третий ослеп, четвертый окривел на один глаз, пятому были отрезаны уши, а шестому отрезаны обе губы, и не думай, царь правоверных, что я болтливый человек. Нет, я должен доказать тебе, что я великодушнее их и что каждый из них вследствие какой-нибудь особенной случайности потерпел ущерб. Если угодно, то я расскажу тебе их истории.

Рассказ цирюльника о его первом брате

Знай, о царь правоверных, что мой первый брат, по имени Эль-Бакбук, был хромой. Он жил в Багдаде и был портным. Он нанимал мастерскую у человека весьма богатого, жившего над его лавкой и имевшего мельницу в самом низу дома. Однажды, когда мой хромой брат сидел у себя в лавке и шил, он поднял голову и увидел женщину, прекрасную, как выкатившаяся полная луна. Она сидела у выступавшего окна и смотрела на проходивший народ. При виде ее в сердце у него вспыхнула любовь. Он провел целый день до вечера в том, что смотрел на нее и ничего не делал; а на следующее утро он открыл свою лавку и сел за шитье; но при каждом стежке он поднимал вверх глаза, и так он провел весь день, не заработав даже серебряной монеты.

На третий день он сел снова на свое место и опять стал смотреть на женщину, которая увидела его, и, видя, что он совсем одурел от любви к ней, засмеялась ему прямо в лицо, а он точно так же засмеялся прямо ей в лицо. Она отошла от окна и послала к нему девочку-рабыню с завернутым куском цветной шелковой материи. Девочка, придя к нему, сказала:

– Госпожа моя кланяется тебе и просит, чтобы ты опытной рукой выкроил ей из этой материи рубашку и постарался бы ее хорошенько сшить.

– Слушаю и повинуюсь, – отвечал он.

Он скроил рубашку и в этот же день сшил ее, а на следующий день к нему опять пришла девочка-рабыня и сказала:

– Госпожа моя кланяется тебе и спрашивает у тебя: как ты провел последнюю ночь? Потому что она не может спать от своей любви к тебе.

Она положила перед ним кусок желтого атласа и сказала:

– Госпожа моя желает, чтобы ты выкроил ей из этого атласа две пары шаровар и сегодня же сшил их.

– Слушаю и повинуюсь, – отвечал он. – Кланяйся ей много и скажи ей, что раб ее готов повиноваться ее приказаниям и что она может распорядиться им как ей угодно.

Он занялся кройкой шаровар и употребил все свои силы, чтобы сшить обе пары; а женщина смотрела на него из окна и знаками посылала ему приветствия, то опуская глаза, то улыбаясь, так что он вообразил, что скоро будет обладать ею. После этого она исчезла, а к нему пришла девочка-рабыня, которой он передал две пары шаровар. С наступлением ночи он бросился на постель, но всю ночь провертелся и не мог заснуть до утра.

На следующий день к моему брату пришел хозяин с куском полотна и сказал:

– Выкрой и сшей мне рубашки.

– Слушаю и повинуюсь, – отвечал он, – и не оставлял работы до тех пор, пока до ночи, ничего не съев, они не выкроил двадцать рубашек.

– Сколько желаешь ты получить за работу? – спросил хозяин, но брат мой ничего не отвечал, красавица же знаками показывала ему, чтобы он не брал ничего, хотя он нуждался так, что рад был бы всякой монете. Три дня он жил таким образом, не имея ни воды, ни питья, и все время спешил работать. Окончив работу, они понес рубашки.

Молодая женщина сообщила своему мужу о чувствах моего брата, о чем брат мой, конечно, не знал; она сговорила со своим мужем заставить его шить без усталости и в это время позабавиться над ним. Таким образом когда он окончил свою работу, которую он ему дал, он составил против него заговор и женил его на своей девочке-рабыне, и в ту ночь, когда он предполагал пойти к ней, он сказал ему:

– Проведи эту ночь на мельнице, а завтра ты будешь счастлив.

Брат мой, не подозревая их злых намерений, провел ночь один на мельнице. Между тем муж молодой женщины пошел к мельнику и знаками показал ему, чтобы он заставил брата вертеть мельницу. Мельник пошел к брату в полночь и начал восклицать:

– Как вали-то ленив! И как раз когда у меня столько пшеницы, и хозяева спрашивают муку! Я сейчас впрягу его на мельнице, для того чтобы он кончил молоть муку.

Он впряг моего брата и заставил его работать до утра, когда пришел хозяин и увидел, что он вертит мельничное колесо, а мельник бьет его плетью, и он оставил его и ушел. После этого девочка-рабыня, на которой его женили, пришла к нему рано поутру и, высвободив его из ярма, сказала ему:

– Мы обе с госпожой моей были очень огорчены тем, что с тобой случилось, и сознаемся, что виноваты в твоих бедствиях.

Но он до того был избит, что не мог даже отвечать ей. Лишь только вернулся он домой, как шейх, совершавший его брачный договор, пришел к нему и, поклонившись, сказал:

– Да продлит Господь жизнь твою! Да будет благословен твой брак.

– Покарай Господь лжеца! – отвечал мой брат, – тысячекратный негодяй! Клянусь Аллахом, мне пришлось вертеть мельничное колесо до утра.

– Расскажи мне твою историю, – сказал ему шейх.

Брат мой рассказал шейху, что случилось с ним, и шейх отвечал ему:

– Твоя звезда не совпадает с ее звездой, но если ты хочешь, чтобы я изменил для тебя условие договора, я изменю на более удобный, для того чтобы твоя звезда совпадала с ее звездой.

– Смотри, – отвечал мой брат, – не подведи меня еще раз.

Брат мой расстался с ним и ушел к себе в лавку, в надежде, что кто-нибудь даст ему работу, на плату за которую он мог бы купить себе еды, и в это время к нему пришла девочка-рабыня. Она условилась со своей госпожой еще сыграть с ним штуку и сказала ему:

– Право, госпожа моя скучает по тебе и теперь пошла к окну, чтобы посмотреть на тебя.

Лишь только она сказала это моему брату, как хозяйка выглянула из окна и со слезами сказала:

– Зачем ты так внезапно прервал знакомство между нами с тобою?

Но он ничего не ответил ей, и она поклялась ему, что все случившееся на мельнице случилось без ее ведома, а при виде ее красоты и миловидности все неприятное изгладилось из воспоминания брата моего, и он, выслушав ее оправдание, наслаждался при виде ее. Он поклонился ей и, поговорив с нею, снова принялся за работу, после чего к нему пришла девочка-рабыня и сказала:

– Госпожа моя кланяется тебе и извещает тебя, что муж ее решил провести следующую ночь в доме своих близких знакомых, и поэтому, когда он отправится туда, ты приходи к ней.

Муж же молодой женщины сказал ей:

– Как мы устроимся, чтоб я мог захватить его у тебя и стащить к вали?

– Позволь мне сыграть с ним штуку, – отвечала она, – и втянуть его в такое дело, за которое его провезли бы по всему городу в виде примера для других.

Брат мой и не подозревал, как женщины коварны. Вечером к нему пришла девочка-рабыня и, взяв его за руку, вернулась с ним к своей госпоже, которая сказала ему:

– Право, господин мой, я жаждала видеть тебя.

– Ну, так прежде всего, – сказал он, – поцелуй меня.

Но не успел он договорить, как вошел муж молодой женщины, вернувшийся от соседей, и, схватив моего брата, вскричал:

– Клянусь Аллахом, что не выпущу тебя иначе, как в присутствии начальника полиции.

Брат мой униженно просил его, но тот, не слушая его, потащил в дом вали, который избил его плетью и, посадив его на верблюда, велел везти по всему городу, а народ кричал:

– Вот как вознаграждают человека, врывающегося в чужой гарем!

Брат свалился с верблюда и сломал себе ногу, отчего и сделался хромым. Вали выгнал его из города, и он вышел, сам не зная, куда ему идти; но я, хотя и негодовал на него, все-таки вернул его и до настоящего времени содержу его.

Халиф посмеялся над моим рассказом и вскричал:

– Ты славно говоришь!

– Я не хочу, – отвечал я, – пользоваться честью твоих похвал, пока ты не выслушаешь моих рассказов о том, что случилось с остальными моими братьями. Не думай, что я болтун.

– Ну, расскажи мне, – сказал халиф, – что случилось со всеми твоими братьями, и услади слух мой милыми подробностями. Прошу тебя не щадить слов при передаче твоих интересных повествований.

Рассказ цирюльника о его втором брате

– Таким образом я продолжаю.

О, царь правоверных, знай, что второй брат мой, по имени Эл-Геддаф, пошел однажды по каким-то делам и встретил старуху, сказавшую ему:

– Остановись немного для того, чтобы я предложила тебе одну вещь, которую, если пожелаешь, ты можешь сделать для меня.

Брат мой остановился, а старуха продолжала:

– Я приведу тебя к одной вещи и научу тебя приобрести ее только под тем условием, если ты не будешь говорить.

– Ну, говори, что хочешь ты сообщить мне, – сказал он.

– Что скажешь ты о хорошеньком доме с проточной водой, о плодах и вине, о хорошеньком личике, на которое можно смотреть, о гладкой щеке, которую можно целовать, о прелестном стане, готовом для объятий, и обо всех наслаждениях, готовых для тебя? Если ты можешь выполнить предложенное мною условие, то будешь обеспечен.

Брат мой, выслушав ее, сказал:

– О госпожа моя, почему же ты выбрала для этого дела меня предпочтительно перед всеми другими людьми, и что во мне могло понравиться тебе?

– Разве я не сказала тебе, – отвечала она, – что главное – ты не должен говорить? Поэтому молчи и иди за мною.

Старуха пошла своей дорогой, а брат мой последовал за ней, страстно желая воспользоваться обещанными ею удовольствиями. Они вошли в громадный дом, старуха поднялась в сопровождении брата в верхний этаж. Брат мой увидал, что это прелестный дворец, и там он заметил четырех девиц, красивее которых он в жизни никого не видывал; девицы эти пели голосом, способным очаровать сердце, нечувствительное, как камень. Одна из этих девиц выпила чашу вина, а брат мой сказал ей:

– Могу я пожелать здоровья и бодрости?

Он подошел к ней, но она не позволила дотронуться до себя, а дала ему выпить чашу вина, и лишь только он выпил, как она ударила его по спине. Увидав подобное обращение, он рассердился и вышел из комнаты, наговорив много чего. Старуха же вышла вслед за ними и подмигнула ему, показывая, чтоб он вернулся. Он вернулся и молча сел; после этого девица начала его бить по спине так, что он лишился чувств. Придя в себя, он снова ушел. Но старуха опять догнала его и сказала:

– Подожди немного, и ты достигнешь твоих желаний.

– Долго ли мне придется терпеть, прежде чем достигнуть чего-либо? – сказал он.

– Когда она опьянеет, – отвечала старуха, – тогда ты и получишь ее милости.

Он вернулся и снова сел на прежнее место. Тут все четыре девицы встали, и старуха приказала им снять с него верхнюю одежду и окропить лицо розовой водой, и когда это было сделано, самая красивая из девиц сказала ему:

– Да воздаст тебе Аллах почести! Ты вошел в мой дом, и если у тебя достанет терпенья подчиниться моим требованиям, то желания твои будут достигнуты.

– О госпожа моя, – отвечал он, – я – раб твой и нахожусь в твоей власти.

– Ну, так знай же, – сказала она, – что я ужасно люблю шалости, и человек, исполняющий мои причуды, всегда пользуется моими милостями.

Она приказала девицам петь, и они спели так, что привели слушателей в восторг. После этого главная девица сказала одной из других:

– Бери твоего господина и делай, что надо, и затем тотчас же приведи его назад.

Девушка повела моего брата, не подозревавшая, что хотят с ним делать, а старуха пришла к нему и сказала:

– Потерпи, теперь уж недолго. – Брат повернулся к девушке, а старуха прибавила: – потерпи, ты уже почти достиг своих желаний, и теперь остается только сделать с тобою одно, а именно выбрить тебе бороду.

– Как! – вскричал он, – чтобы я позволил обратить себя в посмешище людей?

– Она этого желает, – отвечала старуха, – только для того, чтобы сделать тебя похожим на безбородого юношу, для того чтобы ты своим лицом не мог уколоть ее, так как она пылает к тебе сильной любовью. Поэтому потерпи, и ты достигнешь своих желаний.

Таким образом брат мой терпеливо подчинился требованиям девушки, и ему выбрили бороду, и усы, и брови, а лицо выкрасили красной краской и затем привели обратно к главной девушке, которая, увидав его, сначала испугалась, а затем хохотала до того, что опрокинулась навзничь и вскричала:

– О господин мой, ты своей уступчивостью тронул меня!

Она ради жизни своей умоляла его встать и поплясать перед нею, что он и исполнил, и в комнате не осталось ни единой подушки, которая бы не полетела в него. Другие девушки бросали всякие предметы, апельсины, лимоны прямо в него до тех пор, пока он не упал без чувств, а они стали бить его по спине и бросать все в лицо. Наконец, старуха сказала ему:

– Теперь ты достигнул своих желаний. Теперь тебя бить более не будут, и тебе остается только одно, и вот что именно: она имеет привычку под влиянием хмеля не подпускать никого к себе до тех пор, пока он не снимет верхнего платья. Ты же тоже без верхнего платья должен будешь бежать за нею, а она побежит перед тобою, как бы улетающая от тебя, но ты беги за нею из комнаты в комнату, пока не поймаешь ее.

Он встал и поступил по указанию старухи. Девушка побежала от него, а он побежал за нею, из комнаты в комнату. Наконец, он услышал, что она как-то особенно крикнула и продолжала бежать, а он – за ней, и вдруг какими-то судьбами он очутился на улице.

Эта улица выходила на рынок, где был кожевенный ряд, и торговцы выкрикивали о продаже кожи; собравшийся народ, увидав брата моего в таком виде, почти голого с выбритыми бородой, усами и бровями и с лицом, вымазанным красной краской, закричал и захохотал, а торговцы стали хлестать его кожами до тех пор, пока он не лишился чувств. После этого они посадили его на осла и повезли к вали.

– Что это такое? – вскричал вали.

– Этот человек, – отвечали они, – вышел к нам в таком виде из дома визиря.

Вали дал ему сто ударов и выгнал его из города, но я пошел вслед за ним, потихоньку привел его обратно в город и стал его содержать. Не будь я таким великодушным – не стал бы и связываться с таким человеком.

Рассказ цирюльника о третьем брате

Судьба привела однажды моего третьего брата, слепого Бакбака, прозванного Куффехом¹⁴², к большому дому, у дверей которого он постучал в надежде, что хозяин откликнется и даст ему какую-нибудь безделицу.

– Кто там? – крикнул хозяин.

Но брат мой не отвечал и затем услышал, что хозяин крикнул более громким голосом:

– Кто там?

Но брат мой все-таки не ответил и, наконец, услышал приближавшиеся шаги, и человек, подошедший к двери, спросил:

– Что тебе надо?

– Подайте что-нибудь, – отвечал брат, – ради Аллаха, да святится имя Его!

– Ты слепой? – спросили его хозяин.

– Да, – отвечал мой брат.

– Ну, так дай мне руку, – сказал хозяин.

Брат мой протянул ему руку, и хозяин ввел его в дом и провел по нескольким лестницам до самого верха, до плоской крыши. Брат мой шел, думая, что он даст ему или еды, или денег; но когда они вышли на крышу, хозяин спросил:

– Что тебе надо, слепец?

– Ради Господа, да святится имя Его, – отвечал брат, – подайте мне что-нибудь!

– Иди с Аллахом, куда знаешь, – проговорил хозяин.

– Что это значит? – вскричал мой брат, – разве не мог ты мне сказать этого, когда я был внизу?

– Ах, ты, негодный негодяй! Зачем же не просил ты у меня милостыни, когда постучался в первый раз и услышал мой голос?

– Что же ты хотел со мной сделать?

– Мне нечего тебе дать, – отвечал хозяин.

– Ну, так сведи меня вниз с лестницы.

– Иди, я тебя не держу.

Таким образом брат мой стал спускаться ощупью, пока между ним и дверью не осталось двадцати шагов; тут он запнулся и, скатившись вниз, проломил себе голову¹⁴³.

Он пошел, сам не зная куда, и встретился с двумя слепцами, своими товарищами; они спросили его:

– Что случилось с тобой сегодня?

Брат мой рассказал им, что с ним случилось, и затем прибавил:

– О братья мои, мне надо взять часть денег, имеющихся у нас, и истратить их на свои потребности.

Хозяин дома, в который он только что входил, следовал за ним незаметно от него, чтобы узнать, что он будет делать, и точно так же без его ведома вошел к нему в дом. Брат мой сел в ожидании своих товарищей, и, когда они пришли, он сказал им:

– Заприте дверь и обыщите комнату, не зашел ли сюда кто-нибудь чужой. Хозяин дома, услышав это, встал и уцепился за веревку, висевшую с потолка, а слепые, обшарив всю комнату

---

¹⁴² Куффехом называлась корзина, сделанная из пальмовых листьев.

¹⁴³ Слепые в Египте славятся своей наглостью и нахальством. Рассказывают, что Моисей, купаясь в Ниле, увидел проходившего слепца и, сжалившись над ним, просил Аллаха вернуть ему зрение. Молитва его была услышана, но лишь только очи слепца прозрели, как он схватил одежду своего благодетеля, лежавшую на берегу, и стал утверждать, что она принадлежит ему. Вследствие этого Моисей стал просить Господа снова лишить зрения негодяя, и молитва его была услышана, а Господь сказал Моисею: «О, Моисей, я лучше тебя знаю людей». Это поверье рассказывается и теперь в Каире.

и не найдя никого, вернулись на свои места и сели около моего брата, притащив предварительно деньги и сосчитав их. Денег оказалось более десяти тысяч серебряных монет. Сосчитав их, они сложили в угол комнаты, и каждый из них взял из лишних, сколько ему было надо, а десять тысяч зарыли в землю; после чего поставили перед собою еду и питье. Но брат мой услышал в комнате непривычный звук.

– Нет ли тут кого-нибудь чужого? – сказал он.

Затем, протянув руку, он ухватил хозяина за руку и, крикнув своим товарищам, сказал:

– Тут есть чужой!

Хозяина все трое начали бить, били его до тех пор, пока не устали, причем кричали:

– О мусульмане, к нам забрался вор и хочет украсть наше добро!

Вслед затем к ним немедленно прибежали несколько человек, а хозяин, которого они обвиняли в воровстве, закрыл глаза и сделал вид, что он такой же слепой, как и они, так что никто из тех, кто его видел, не усомнился в этом.

– О мусульмане, я прошу покровительства Аллаха и султана! – кричал он. – Я прошу покровительства Аллаха и вали!

– Прошу покровительства Аллаха и эмира, так как я могу дать важные сведения эмиру!

И не успели они собраться с мыслями, как служители вали окружили их и повели всех и моего брата тоже к своему начальнику.

– Что у вас за история? – спросил вали.

– Выслушай меня, о вали, – сказал мнимый слепой. – Ты не узнаешь правды, если непустишь в дело побои, и если хочешь, то начни прямо с меня.

Вали, услышав это, сказал:

– Разложите этого человека и начните бить его плетью.

Мнимого слепого разложили и начали бить, и когда удары показались ему невыносимыми, то он открыл один глаз; а после того как его били еще в продолжение некоторого времени, он открыл и другой глаз. Увидав это, вали закричал:

– Что это значит, негодяй ты этакий?

– Дай мне вознаграждение, – отвечал человек, – и я расскажу тебе.

Когда вали исполнил его желание, он сказал:

– Мы все четверо представляемся слепыми и пристаем к другим людям, входим к ним в дом; видим их жен и стараемся всякими уловками совратить их и получить от них денег. Таким способом мы совершенно легко получили сумму, доходящую до десяти тысяч серебряных монет, и я сказал своим товарищам: отдайте мне мою часть, две тысячи пятьсот монет, а они восстали против меня, прибили меня и завладели моей собственностью. Поэтому-то я прошу покровительства от Аллаха и от тебя. Уж я скорее отдам свою долю тебе, чем им. Если хочешь узнать, правда ли то, что я сказал тебе, то прикажи бить каждого из моих товарищей сильнее, чем били меня, и они откроют глаза.

Таким образом, вали тотчас же приказал сечь слепых, и первым из них пострадал мой брат. Его били до того, что он чуть было не умер, а вали говорил им:

– Ах, вы негодяи, так вы отрекаетесь от милости Божией и притворяетесь слепыми?

– Аллах! Аллах! Аллах! – вскричал мой брат, – между нами нет зрячего!

Его снова бросили на землю и били до тех пор, пока он не потерял всякое сознание.

– Оставьте его, – сказал тут вали, – пусть он придет в себя, и тогда начните бить его в третий раз.

А пока он приказал бить других слепых, и тем дали более трехсот ударов каждому, в то время как мнимый слепой говорил им:

– Откройте же глаза, а не то вас будут бить еще, – затем он обратился к вали и сказал: – пошли со мной кого-нибудь, чтобы принести тебе деньги, так как эти люди не откроют глаз из боязни уронить себя в глазах народа.

Вали послал с ним человека, и они принесли деньги, которые вали взял, и отделил из них две тысячи пятьсот монет доказчику, согласно с его требованием и несмотря на протест слепцов. Остальное же он взял себе и выгнал из города моего брата и его двух товарищей. Но я, царь правоверных, тотчас же догнал брата и расспросил его, что с ним произошло, а он сообщил мне то, что я тебе сейчас рассказал. Я потихоньку привел его обратно в город и кормил, и поил его до самой смерти.

Халиф хохотал над моей историей и сказал:

– Дайте ему какое-нибудь вознаграждение, и пусть он уходит.

– Ничего и брать не хочу, – отвечал я, – пока не расскажу царю правоверных, что случилось с остальными моими братьями, и не докажу ему, что я далеко не болтливый человек.

– Ну, так терзай наши уши, – отвечал на это халиф, – твоими смешными историями и продолжай открывать нам пороки и бедствия.

Таким образом я продолжал:

Рассказ цирюльника о его четвертом брате

Четвертый брат мой, о царь правоверных, был крив на один глаз, и звали его Эль-Куз-Эль-Асвани. Он был мясником в Багдаде, продавал мясо и разводил баранов. И вельможи, и богачи – все покупали у него мясо, так что он получал много денег и приобрел много скота и много домов. Так жил он долгое время. Однажды, когда он сидел в своей лавке, к нему подошел старик с длинной бородой и, отдавая ему деньги, сказал:

– Дай мне на них мяса.

Брат взял деньги, дал ему мяса, и, когда старик ушел, он взглянул на данную ему монету и, увидав, что она необыкновенно блестящая и белая, отложил ее в сторону. Этот старик приходил к нему в продолжение пяти месяцев, и брат мой всегда бросал его деньги в особый ящик. По прошествии этого времени ему захотелось взять их, чтобы купить барана; но, отворив ящик, он увидел, что деньги обратились в свернутые трубочкой бумажки. Закрыв лицо, брат мой громко закричал; на крик его сбегался народ, которому он рассказал, что с ним случилось, и народ немало удивлялся этому.

После этого он, по обыкновению, пошел к себе в лавку и, заколов барана, повесил тушу его в лавке, а часть его, вырезав, повесил за дверьми, думая:

«Теперь, может быть, старик придет опять, и тогда я схвачу его».

И действительно, вскоре старик подошел со своей монетой. Брат мой, вскочив, схватил его и стал кричать:

– Мусульмане! Идите ко мне и узнайте, что этот негодяй сделал со мною!

Старик, услышав эти крики, сказал ему:

– Что будет выгоднее для тебя: не позорить меня или чтоб я опозорить тебя перед всем народом?

– Чем это ты меня опозоришь? – сказал мой брат.

– А тем, – отвечал старик, – что ты продаешь вместо баранины человеческое мясо.

– Ты врешь, проклятый! – крикнул мой брат.

– Проклятый тот, – отвечал старик, – у кого в лавке висит убитый человек.

– Если это так – продолжал мой брат, – то все мое имущество и жизнь моя принадлежат тебе.

Старик тотчас же начал кричать:

– Эй, люди, собирайтесь сюда! Этот мясник убивает людей и продает мертвое тело вместо баранины, и если вы не верите мне, то сами войдите в лавку!

Народ ворвался к нему в лавку и увидел висевшего барана, превратившегося в человека.

Брата моего схватили с криком:

– Ах ты, неверный! Ах ты, негодяй!

И самые близкие друзья его не только отвернулись от него, но стали наносить ему удары. Старик же так ударил его, что вышиб ему глаз. Народ потащил труп и брата моего вместе с ним к начальнику полиции, которому старик сказал:

– О эмир! Этот человек убивал людей и трупы их продавал вместо баранины, и мы поэтому привели его к тебе, чтобы ты поступил с ним по требованию Аллаха, да прославится имя Его!

Услышав это, начальник полиции оттолкнул от себя моего брата и, лишив его возможности сказать что-либо в свое оправдание, приказал дать ему пятьсот ударов палкой и взял себе все его имущество. Не будь брат мой так богат, он, вероятно, казнил бы его. Затем он изгнал его из города.

Брат мой, ничего не соображая, пошел куда глядят глаза, и шел до тех пор, пока не пришел в большой город, где сделался башмачником, открыл лавку и стал работать ради насущ-

ного хлеба. Однажды он пошел по какому-то делу и, услышав лошадиный топот, спросил о причине его, и узнал, что царь отправляется на охоту, вследствие чего он пошел полюбоваться на зрелище. Царю случилось повернуться, и глаза его встретились с глазом моего брата, и он тотчас же поник головой и вскричал:

– Господи, спаси меня от бедствий сегодняшнего дня!

Он повернул свою лошадь и поехал обратно, и вся свита его поехала вслед за ним, после чего он приказал своим пажам бежать за моим братом и избить его. Пажи, исполняя приказание, избili брата моего так, что он чуть было не умер, но не знал, за что его били. Он вернулся домой в самом жалком положении и после этого пошел и рассказал о своем несчастье одному из приближенных царя, который, слушая его, так хохотал, что опрокинулся навзничь.

– О брат мой, – сказал он ему, – царь выносить не может зрелища кривого человека, и в особенности если он крив на левый глаз. В таких случаях он иногда приказывает даже казнить кривого.

Услышав это, брат мой решился бежать из этого города и действительно ушел и перебрался в город, где не было царя. Там он прожил довольно долго. Однажды, раздумывая о своих прежних несчастьях, он вышел из дома, чтобы немного развлечься, и снова услышал за собою лошадиный топот, вследствие чего он вскричал:

– Приговор Господа исполняется!

Он бросился бежать, отыскивая местечко, куда бы он мог укрыться, но никак не находил, пока не нашел двери, припертой снаружи. Отстранив запор, он отворил ее и вошел в сени, где увидел длинный коридор, по которому он и пошел. Но вдруг его схватили два человека.

– Слава Господу, давшему нам возможность схватить тебя! – вскричали они. – Ах ты, враг Аллаха. Три ночи заставил ты нас страдать, лишив нас покоя и сна. Да, ты заставил нас предвкусить смерть!

– Господа! – вскричал мой брат, – что такое с вами случилось?

– Ты сторожил нас, – отвечали они ему, – и хотел погубить как нас, так и хозяина дома! Тебе мало того, что ты довел и его и товарищей его до бедности? Вынимай же нож, которым ты каждую ночь грозил нам.

Говоря таким образом, они начали обыскивать его и нашли нож, которым он резал кожу для башмаков.

– О люди! – вскричал он. – Побойтесь Бога за то, как вы со мною обращаетесь, и знайте, что моя история удивительна.

– Что за история? – спросили они.

Он рассказал им все, что с ним случилось, в надежде, что они освободят его, но они не поверили его словам, и вместо того чтобы отпустить его, стали его бить и разорвали его одежду; обнажив его тело, они тотчас же заметили на нем следы от палочных ударов и вскричали:

– Ах ты, негодяй! Вот и следы твоих провинностей!

Затем они свели его к вали, а он дорогой шептал:

– За грехи свои я страдаю, и спасти меня может только один Аллах, да освятится имя Его! Когда он был приведен к вали, тот сказал ему:

– Ах ты, негодяй! Удары палками должны были быть тебе даны только за крупную вину. И он приказал дать ему сто ударов, после чего его посадили на верблюда и кричали:

– Вот как наказывают человека, который врывается в чужой дом!

Но я уже слышал об его несчастьях и тотчас же пошел за ним; проводил его по всему городу и выждал, когда он остался один. Тогда я взял его и потихоньку привел в Багдад, где и стал содержать его.

Рассказ цирюльника о его пятом брате

Мой пятый брат, Эль-Кешшар, был лишен ушей, о царь правоверных. Он был нищим и по ночам просил милостыню, и жил только на то, что ему подавали. Отец наш был очень стар, и, заболев, он умер, оставив семьсот серебряных монет, из которых всякий взял себе свою часть в сто монет. Пятый брат мой, получив свою часть, пришел в недоумение и не знал, что ему на нее делать. В это время ему пришло в голову купить на эти деньги различных стеклянных вещей и продать их с барышом. Таким образом на сто серебряных монет он купил стекла и, поставив все на большой поднос, сел, чтобы продавать, на довольно возвышенное место, а спиной прислонился к стене. Сидя таким образом, он стал раздумывать и в душе говорил:

– Теперь все мои товары состоят из этой стеклянной посуды, которую я продам за двести серебряных монет; на эти двести монет я куплю другого стекла, которое я продам за четыреста, и таким образом я буду продавать и покупать, пока не приобрету большого состояния. На это состояние я куплю всевозможных товаров и духов, и драгоценных камней, и заработаю крупный барыш. После этого я куплю хорошенький дом, и мамелюков, и лошадей, и золотые седла, и буду есть и пить, и не оставлю в городе ни единой певички, чтобы не пригласить ее к себе в дом и не послушать ее песен.

Он производил этот расчет с подносом перед собой.

– Затем, – продолжал он, – я пошлю всех городских свах сватать за меня дочерей царей и визирей и попрошу руки дочери главного визиря, так как я слышал, что она поразительно хороша собой и миловидна, и в приданое ей я дам тысячу червонцев. Если отец ее даст согласие, то желание мое будет исполнено, а если не даст, то я возьму ее силой. Вернувшись домой, я куплю десять молодых евнухов и приобрету обстановку султанов и царей и закажу себе золотое седло, усыпанное бриллиантами. Каждый день я буду кататься верхом на лошади с рабами позади меня и спереди и гулять для своего удовольствия по улицам и по рынкам, а народ будет кланяться мне и молиться за меня. После этого я отправлюсь с визитом к визирю, отцу девушки, с мамелюками сзади меня и передо мною, и по правую и по левую руку. Увидав меня, он почтительно встанет и посадит меня на свое место, а сам сядет пониже меня, потому что я зять его. Я велю тут одному из слуг принести кошелек, в котором червонцы, приготовленные для приданого, и он положит кошелек перед визирем, и я прибавлю к этому второй кошелек, для того чтобы он знал, как я щедр и великодушен и как все на свете я презираю. И когда он обратится ко мне с десятью словами, я отвечу ему только двумя. После этого я вернусь домой, и если кто-нибудь придет ко мне из дома визиря, я одарю его богатой одеждой; но если кто-нибудь придет ко мне с подарком, я верну его. Подарка я ни в каком случае не приму. Затем в вечер свадьбы я оденусь в самую дорогую одежду и сяду на матрац, обтянутый шелковой материей, и когда жена моя придет ко мне, прекрасная, как полная луна, покрытая одеждою и украшениями, я прикажу ей скромно и покорно стоять передо мною, и я не стану смотреть на нее из гордости и из сознания своей мудрости, так что девушки скажут так:

– О господин и повелитель наш, мы готовы к твоим услугам! Вот это жена твоя, или, лучше сказать, служанка твоя, ждет твоего милостивого взора и стоит перед тобою. Взгляни на нее, так как стоять ей тяжело. После этого я подниму голову и брошу на нее взор, и снова опущу голову. И таким образом я буду сидеть, пока не кончится вся церемония, после чего ее проведут в спальню; а я встану и пойду в другую комнату, и надену ночную одежду, и пройду в ту комнату, где она сидит и где я сяду на диван, но смотреть на нее не стану. Служанки будут просить меня подойти к ней; но я не стану слушать их, а прикажу кому-нибудь из своих приближенных принести кошелек с пятьюстами червонцев для них и затем прикажу им удалиться. Когда они уйдут, я сяду на диван подле невесты, но с презрительным выражением лица,

для того чтобы она могла сказать: «Действительно, этот человек чувствует свое достоинство». После этого ко мне придет ее мать, поцелует мне руку и скажет мне:

– О господин мой! Взгляни милостиво на твою служанку, которая так покорно стоит перед тобою.

Но я ничего не отвечу ей. И она начнет целовать мне ноги и снова скажет:

– О господин мой! Дочь моя молода и, кроме тебя, не видала еще мужчин, и если от тебя она увидит только одно пренебрежение, то это разобьет ее сердце: обрати на нее внимание, поговори с нею, успокой ее.

После этого я искоса посмотрю на нее и прикажу ей по-прежнему стоять передо мною, для того чтобы она вкусила удовольствие унижаться передо мною и поняла бы, что я повелитель ее. Тут мать ее скажет мне:

– О господин мой! Она служанка твоя, сжался над нею и будь к ней милостив.

Она прикажет дочери налить кубок вина и поднести к моему рту, а дочь ее ответит:

– О господин мой! Аллахом умоляю тебя, не отвергай кубка от рабыни твоей, так как я действительно рабыня твоя.

Но я ничего не отвечу ей, а она будет упрашивать меня взять кубок и просить, чтобы я выпил вино, и поднесет его к моему рту, а я на это погрожу кулаком перед самым ее лицом и толкну ее ногой вот так.

Говоря таким образом, он толкнул поднос со стеклом, стоявший на некотором возвышении над землею. Поднос упал, и вся посуда разбилась в мелкие осколки, так что не уцелело ни одной вещи.

– Вот последствия моей гордости! – вскричал он, закрыв лицо руками, и стал рвать на себе одежду и плакать. А прохожие останавливались и смотрели на него, в то время как он восклицал:

– О горе! Горе!

В это время народ шел в мечеть молиться, так как была пятница; иные смотрели на него, а другие и внимания на него не обращали. Но в то время как он сидел таким образом и плакал над своей горькой долей, лишенный всех своих средств, к нему подъехала какая-то женщина, отправлявшаяся в мечеть. Она была замечательно хороша собою, и запах мускуса распространился от нее. Она ехала на муле, седло на котором было покрыто шелковой попоной, вышитой золотом. Увидав разбитую посуду и отчаяние и слезы моего брата, она сжалилась над ним и спросила, что с ним случилось. Он отвечал ей, что у него был поднос со стеклом, продажей которого он думал приобрести средства к жизни, но что посуда вся разбилась, как она видит, и это так огорчает его. Женщина тотчас же подозвала одного из своих слуг и сказала:

– Дай то, что есть с собой, этому бедняку.

Слуга дал ему кошелек, открыв который, брат мой нашел в нем пятьсот червонцев и чуть было не умер от радости, и стал молиться за свою благодетельницу.

Он вернулся домой богатым человеком и стал размышлять, как вдруг в это время кто-то постучался к нему. Отворив дверь, он увидел незнакомую ему старуху, сказавшую ему:

– О сын мой! Время молитвы почти уже миновало, а я не успела сделать омовения, и потому я прошу пустить меня к тебе в дом, чтобы я могла это сделать.

– Войди и соверши, что заповедал пророк, – отвечал он, и дал ей позволение войти, продолжая радоваться тому, что он получил столько золота.

Окончив омовение, она подошла к тому месту, где он сидел, и стала молиться. Она помолилась потом и за моего брата; он поблагодарил ее и дал ей два червонца. Увидав золото, она вскричала:

– Да прославится милость Господня! Удивляюсь я той женщине, которая могла влюбиться в такого нищего, как ты! Возьми обратно свои червонцы, и если они тебе не нужны, то верни их той, которая дала их тебе, когда ты разбил свою посуду.

– О матушка! – сказал он. – Могу ли я надеяться получить доступ к ней?

– О сын мой, – отвечала старуха, – она влюблена в тебя; но она жена одного влиятельного человека, и потому возьми с собой вей свои деньги и, когда увидишь ее, не скупись на деньги и на сладкие слова; этим способом ты добьешься ее милостей и затем будешь брать от нее средств, сколько тебе потребуется.

Брат мой, взяв все золото, встал и пошел со старухой, не смея верить тому, что она говорила ему. А старуха шла в сопровождении моего брата, пока они не дошли до больших дверей, в которые она постучалась. На стук явилась гречанка и отворила дверь. Старуха вошла и при-

казала брату моему следовать за нею. Он пошел и очутился в очень хорошо меблированной комнате с занавесками, и, сев там, он положил золото подле себя, а чалму к себе на колени, и тотчас же вслед за этим к нему вышла такая красивая девица, какой ему не приводилось и видеть, одетая очень роскошно. При ее появлении брат мой встал, а она, увидав его, улыбнулась ему и выразила удовольствие, что видит его. Затем, подойдя к двери, она заперла ее на замок, после чего вернулась к брату, взяла его за руку, и оба они прошли в смежную комнату, обитую разноцветной шелковой материей; там брат мой сел, и она села подле него, и они забавлялись некоторое время. Затем она встала, сказав ему:

– Не трогайся с этого места, пока я не вернусь к тебе.

Вскоре после того, как она ушла, а брат мой остался в ожидании ее, к нему пришел черный раб громадного роста, с обнаженным мечом, ослеплявшим своим блеском, и вскричал:

– Горе тебе! Кто привел тебя сюда? Ах, ты, негодяй! Низкий мошенник, грязная дрянь!

Брат мой не нашелся даже что и отвечать; язык у него прилип к гортани, а раб схватил его, встряхнул и нанес ему более восьмидесяти ударов плашмя мечом, пока он не упал на пол, после чего раб отошел от него, предполагая, что брат мой умер, и крикнул так громко, что земля затряслась:

– Где Эль-Мелихах?

Вслед за этим вышла девочка, держа в руках хорошенький поднос, наполненный солью. Она посыпала этой солью на язвы, образовавшиеся от побоев на теле брата, так что из них потекла кровь, но он не шевельнулся, боясь, что раб откроет, что он еще жив, и добьет его. После этого девочка ушла, а раб снова так же крикнул, как в первый раз, и к брату моему подошла старуха, стащила его за ноги под какой-то темный свод и бросила его на груды нечистот.

Тут он пролежал целых два дня, и Господь, по премудрости Своей, обратил соль в средство, которое сохранило ему жизнь, так как соль остановила кровоизлияние. Таким образом, когда он очнулся и собрался с силами, он встал и, отворив ставни, бывшие в стене, он выбрался из ужасного места, и Господь, всесильный и всемогущий, оказал ему Свое покровительство. Он прошел в темный коридор, где просидел до следующего утра, когда старуха отправилась искать новую жертву; брат мой незаметно вышел вслед за нею и вернулся домой.

Тут он занялся залечиванием своих ран, пока не поправился совсем; он постоянно следил за старухой и видел, как она набирала новые жертвы и уводила их к себе домой. Но он никому не говорит ни слова, и когда здоровье его поправилось, и силы совершенно вернулись, он взял тряпку, сделал из нее мешок и наполнил его битым стеклом. Привязав мешок к своему поясу, он переоделся так, что никто узнать его не мог, и стал походить на иностранца. Под одежду он спрятал меч и, увидав старуху, сказал ей, коверкая по-иностранному слова:

– Старушка, нет ли у тебя весов, чтобы взвесить девятьсот червонцев?

– У меня есть сын, – отвечала старуха, – он меняла, и у него имеются всевозможные весы, и потому пойдем к нему, пока он не ушел куда-нибудь. Он взвесит тебе твое золото.

– Ну, иди вперед, – сказал брат мой.

Она пошла вперед, а брат мой вслед за нею, пока она не подошла к двери, в которую постучалась. На стук вышла девушка и засмеялась ему в лицо.

– Я сегодня привела вам жирный кусочек.

Девушка взяла брата моего за руку и привела его в тот дом, в котором он уже был ранее, и, посидев с ним некоторое время, она сказала, вставая:

– Не уходи отсюда, пока я не вернусь к тебе.

Она вышла, и брату моему пришлось ждать очень недолго; к нему вышел раб с обнаженным мечом и сказал ему:

– Вставай, несчастный!

Брат мой встал, и в то время как негр шел перед ним, он вынул из-под платья спрятанный меч и, ударив им раба, отрубил ему голову; после чего он стащил его за ноги под свод и крикнул:

– А где Эль-Мелихах?

Рабыня тотчас же пришла, держа в руках поднос с солью; но когда она увидела брата моего с мечом в руках, она повернулась и побежала, но брат мой догнал ее и отрубил ей голову. Затем он закричал:

– Где старуха?

Старуха пришла, и он сказал ей:

– Узнаешь ты меня, мерзкая ведьма?

– Нет, не узнаю, господин мой.

– Я тот самый человек, у которого было золото, в чьем доме ты делала омовение и молилась, и потом обманом заманила сюда в дом.

– Побойся Бога, – вскричала старуха, – что ты хочешь со мной делать?

Но брат мой, обернувшись к ней, ударил ее мечом и разрубил пополам. Затем он пошел искать девицу, и она, увидав его, совсем обезумела от страха и начала просить у него прощения. Он не убил ее и сказал:

– Каким образом попала ты в руки этого негра?

– Я была рабыней одного из купцов, а эта старуха обыкновенно посещала меня, и однажды она сказала мне: «Мы задаем пир такой, какого тебе не приходилось видеть, и мне очень бы хотелось, чтобы ты присутствовала на нем».

– Слушаю и повинуюсь, – отвечала я и, встав, оделась в свое лучшее платье, и, взяв с собою кошелек с сотней червонцев, пошла за нею в ее дом, где вдруг меня схватил негр, с которым я, по милости старухи, прожила три года.

– Есть тут в доме какое-нибудь имущество? – спросил у нее мой брат.

– Очень много, – отвечала она, – и если ты можешь перенести его, то носи.

Он встал и пошел за нею, а она открыла ему сундуки и показала столько кошельков, что он совсем поразился.

– Я пока останусь тут, – сказала она ему, – а ты иди и приведи кого-нибудь, чтобы перенести твое имущество.

Он пошел и, наняв десять человек, вернулся, но, подойдя к дому, увидел, что дверь открыта, а в доме не оказалось ни девицы, ни кошельков. Но он все-таки нашел немного денег и куски материи. Тут он увидел, что она обманула его, и он взял деньги и, отворив чуланы, выбрал из них все куски ткани.

Он провел весь тот день в полном счастье; но когда наступило следующее утро, то у дверей его дома оказалось двадцать солдат, которые, увидав его, схватили и свели к вали.

– Откуда взял ты эти ткани? – спросил у него вали.

– Вознагради меня, – сказал мой брат.

Вали дал ему в обеспечение платок, и брат мой рассказал ему все, что случилось с ними и со старухой, с начала до конца, и рассказал, как бежала девица, прибавив:

– Из того, что я взял, ты можешь выбрать, что тебе угодно, а мне оставь только чем жить.

Вали хотел взять все деньги и все ткани, но, боясь, чтобы султан не узнал о такой его проделке, взял только часть, а остальное отдал моему брату, сказав ему:

– Уезжай из этого города, или я тебя повышу.

– Слушаю и повинуюсь, – отвечал брат мой и отправился в один из ближайших городов.

Но на него напали разбойники, ограбили и избili его, и обрезали ему уши; а я, услышав о его положении, пошел тотчас же к нему, захватив с собой одежду, и потихоньку привел его обратно в город, где стал и кормить, и поить его.

Рассказ цирюльника о его шестом брате

У моего шестого брата Шакалика, о царь правоверных, были отрезаны губы. Он был страшно беден и лишен всех благ нашего тленного мира. Однажды он вышел, чтобы достать что-либо для поддержания своего существования. Дорогой он увидел красивый дом с обширными и высокими сенями, в дверях которых стояли слуги. Он обратился к одному из слуг с вопросом, на который получил ответ, что дом этот принадлежит человеку из рода Бармеки. Брат мой поэтому подошел к привратникам и попросил дать ему что-нибудь.

– Входи в двери дома, – сказали они ему, – и от хозяина ты получишь то, что тебе надо.

Он вошел в сени и, пройдя их, вошел в очень красивый и изящный домик с садом посреди, превосходящий по красоте все, что можно было себе представить в этом роде; пол в доме был мраморный, и стены кругом были украшены занавесками. Он не знал, в какую сторону ему направиться, но пошел прямо и увидел человека с очень красивым лицом и бородой, который, заметив моего брата, тотчас же встал, приветствовал его и спросил, что ему угодно. Брат мой отвечал, что находится в нужде, и хозяин дома, услышав об этом, выразил большое сожаление и, схватив свою одежду, разорвал ее и вскричал:

– И я живу в городе, в котором ты живешь в нужде! Этого я вынести не могу.

Он наобещал ему всякой всячины и затем сказал:

– Ты должен остаться и разделить со мной хлеб-соль.

– О господин мой, – отвечал брат мой, – ждать у меня не достанет терпения, так как я страшно голоден.

Услышав это, хозяин дома крикнул:

– Мальчик, принеси сюда таз и рукомойник! Гость мой, – прибавил он, – подойди и вымой руки.

Сам он сделал вид, будто моет руки, и затем закричал прислуге, чтобы они подавали на стол; после чего слуги начали ходить взад и вперед, как будто накрывая на стол, а хозяин дома взял моего брата и сел с ним за воображаемый стол и начал двигать руками и ртом, будто он ест, и при этом говорил брату:

– Ешь, не стесняйся, ведь ты голоден, и я знаю, как ты страдаешь от голода.

Брат мой стал делать те же движения, как будто он ест, в то время как хозяин говорил ему:

– Ешь и полюбуйся, до какой степени бел этот хлеб.

Брат мой ни слова не сказал в ответ на это, а только подумал: «Человек этот любит вышучивать других», и затем прибавил вслух:

– О господин мой, в жизни своей не видал я хлеба лучше и белее этого и не едал ничего слаще этого.

– Его пекла, – отвечал на это хозяин, – рабыня, купленная мною за пятьсот червонцев. Мальчик! – крикнул он, – принеси нам сикбай¹⁴⁴, подобного которому не найдешь и за столом султана! – прибавил он, обращаясь к брату: – о гость мой, ведь ты голоден, страшно голоден и ужасно хочешь есть!

Брат мой начал тоже причмокивать губами и делать вид, что он ест. Хозяин же дома продолжал спрашивать различные кушанья, одно вслед за другим, и хотя ничего им не приносили, но он по-прежнему угощал моего брата. Затем он крикнул:

– Эй, мальчик, поставь перед нами цыплят, начиненных фисташками. Ну, поешь же, – прибавил он, обращаясь к гостю: – ведь ты никогда не едал ничего подобного.

– О хозяин мой, – отвечал мой брат, – поистине ничто не может сравниться по вкусу с этим кушаньем!

¹⁴⁴ Сикбаем называется кушанье, которое делается из мяса, муки и уксуса.

Хозяин начал прикладывать свою руку ко рту моего брата, делая вид, что он кормит его кусочками, и продолжал перечислять ему различные мясные блюда и выхвалять их достоинства, в то время как голод моего брата до такой степени усилился, что он был бы рад простому хлебу. Хозяин дома наконец сказал ему:

– Ел ли ты когда-нибудь такие вкусные кушанья, как эти?

– Никогда, хозяин, – отвечал он.

– Ну, так поешь еще, не церемонься.

– Я уж наелся мяса достаточно, – отвечал гость.

Хозяин приказал слугам нести сладкое, и они зашевелили руками по воздуху, как будто несли что-то; после чего хозяин сказал моему брату:

– Поешь-ка этого кушанья, потому что оно превосходно, а что это за катаиф¹⁴⁵, клянусь жизнью! Ты взгляни только, какой он сочный.

– Уж я не прозеваю, возьму, хозяин мой! – вскричал брат и начал расспрашивать: много ли положено в катаиф мускусу.

– У меня его всегда готовят таким образом, – отвечал хозяин, – и кладут в катаиф целый миткаль¹⁴⁶ мускусу и полмиткаля амбры¹⁴⁷

Все это время брат мой качал головой, шевелил губами и ворочал языком во рту, как делают, когда едят что-нибудь очень сладкое. После этого хозяин крикнул своей прислуге:

– Принесите сухие плоды!

И слуги снова замахали руками, как будто несут то, что приказано, а хозяин говорил брату:

– Поешь этого миндаля, и орехов, и изюму.

И он продолжал перечислять небывалые фрукты и затем снова прибавил:

– Ну, поешь же, не церемонься.

– Нет, хозяин, – отвечал брат мой, – с меня уже довольно, я больше есть ничего не могу.

– Но если тебе, дорогой гость мой, – возразил хозяин, – угодно поест еще и насладиться чудными яствами, то Аллах над тобой, кушай, не останься голодным.

Брат мой, раздумывая о своем положении и о том, как этот человек подшучивал над ним, говорил в душе: «Клянусь Аллахом, я сделаю с ним такую штуку, что он горько раскается в своих проделках».

Хозяин между тем крикнул:

– Принесите вина!

И слуги точно так же, как и прежде, стали размахивать руками, как бы исполняя приказание, после чего он, как бы подавая чарку вина брату, говорил:

– Выпей эту чарку, ты будешь в восторге.

– О господин мой, – отвечал гость, – как ты добр!

И брат мой сделал движение рукою, будто он выпивает вино.

– Нравится тебе? – спросил хозяин.

– Ах, господин мой, – отвечал брат, – никогда в жизни не пивал я ничего подобного!

– Ну, так пей же на здоровье, – продолжал хозяин и сам делал вид, что пьет, и налил вторую воображаемую чарку гостю, который сделал вид, будто выпил и опьянел; после чего он, неожиданно схватив хозяина и обнажив свою руку, нанес ему по шее такой удар, который раздался по всей комнате; после первого удара он нанес и второй.

– Что это значит, негодяй? – крикнул хозяин.

---

¹⁴⁵ «Катаифом» называется сладкое печенье, нечто вроде пряников, маленьких и тоненьких, которые пекутся на медном листе на огне, как кунафехи; едят его с медом или сахаром, как наши оладьи. Иногда в эти оладьи прибавляют мускуса.

¹⁴⁶ Миткаль есть название арабской меры.

¹⁴⁷ Под словом «арабы» тут подразумеваются бедуины, или арабы пустыни.

– О господин мой, – отвечал мой брат, – я раб твой, которого ты милостиво принял к себе в дом, и накормил его изысканными яствами, и напоил старым вином, так что он охмелел и во хмелю дерзко обошелся с тобой, но ты человек слишком порядочный, чтобы не простить такого невежественного человека, как я.

Хозяин дома, услышав эти слова моего брата, громко захохотал и сказал ему:

– Давно я подшучиваю таким образом над людьми, привыкшими к шуткам и грубостям, но не встречал никого между ними, терпеливо переносившего мои насмешки и исполнявшего все мои прихоти, кроме тебя. Поэтому я прощаю тебя и прошу быть моим действительным товарищем и никогда не покидать меня.

Он приказал принести кушанья, о которых прежде только упоминал, и он с братом моим поел, сколько им хотелось; затем, чтобы выпить, перешли в другую комнату, где рабыни, как ясные месяцы, пели им всевозможные песни и играли на разных инструментах. Они пили там, пока не опьянели; хозяин относился к моему брату, как к близкому человеку, очень привязался к нему и одел его в богатое платье, а на следующее утро они снова начали пировать и пить. Таким образом они прожили двадцать лет. Хозяин затем умер, а султан завладел всем его состоянием.

Брат мой, как бродяга, пошел из города, но по дороге на него напала целая толпа арабов. Они захватили его, а человек, взявший его, и мучил, и бил его, говоря:

– Откупись от меня деньгами, или я убью тебя.

– Клянусь Аллахом, – со слезами отвечал мой брат, – у меня нет ничего, о шейх арабов, да кроме того, я ничем не умею зарабатывать деньги. Я – твой пленник, делай со мной, что хочешь, так как я попал к тебе в руки.

А мучитель-бедуин тотчас же выдернул такой громадный и широкий нож, что им можно было бы проткнуть насквозь шею верблюда, и, взяв его в правую руку, подошел к моему брату и отрезал ему губы, все время повторяя свое требование. У этого бедуина была хорошенькая жена, которая в отсутствие мужа выражала сильную склонность к моему брату, хотя он отстранялся от нее, боясь Господа, да святится имя Его! Однажды случилось так, что она позвала его и посадила с собой. Но в то время, как они сидели таким образом с нею, вдруг появился муж и, увидав моего брата, вскричал:

– Горе тебе, несчастный негодяй! Теперь ты вздумал еще развращать мою жену!

Вытащив нож, он нанес ему жестокую рану, после чего, посадив его на верблюда и поднявшись на гору, бросил его там, а сам ушел. Но мимо него прошли путешественники и, увидав его, дали ему поесть и попить, и дали мне о нем известие: таким образом я отправился к нему, привел его обратно в город и снабдил его содержанием.

Теперь, о царь правоверных, – продолжал цирюльник, – я пришел к тебе и боюсь вернуться домой, не сообщив тебе этих фактов, так как не сообщить их было бы несправедливо. Из этого ты можешь видеть, что, несмотря на то что у меня шесть подобных братьев, я обладаю бо'льшим благородством, чем они.

Царь правоверных, услышав мою историю и все, что я рассказывал ему о своих братьях, засмеялся и сказал:

– Ты прав, о самый молчаливый, не любишь тратить лишних слов и не обладаешь наглостью, но все-таки уходи из этого города и ищи себе место жительства в другом.

Таким образом он изгнал меня из Багдада, и я прошел по различным странам и различным областям, пока не услышал о его смерти и о вступлении на престол другого халифа. Вернувшись в свой родной город, я встретился с этим молодым человеком, для которого сделал большое одолжение и который без меня непременно был бы убит, тем не менее он обвинил меня в том, чего у меня нет и в характере, так как все, что он сообщил обо мне относительно наглости, болтливости и неделикатности, несправедливо, господа!

Продолжение истории, рассказанной портным

Портной продолжал таким образом: когда мы услышали историю цирюльника и убедились в его наглости и неделикатности и в том, как он скверно поступил с молодым человеком, мы схватили его и посадили в заключение, а сами в это время занялись едой и питьем; празднество наше кончилось самым приятным образом. Мы просидели до послеполуденной молитвы, и я вернулся домой, но жена была мною недовольна и сказала:

– Ты весь день веселился, а я проскучала, сидя дома, и теперь, если ты не пойдешь со мной, чтобы нам весело провести остаток дня, то отказ твой послужит причиной нашего развода. Таким образом, я пошел с нею, и мы прогуляли до сумерек, когда, на возвратном пути домой, мы встретили этого горбуна, пьяного и декламирующего стихи. Я пригласил его к нам, он согласился. Я пошел купить сушеной рыбы и, купив ее, вернулся, и мы сели есть. Жена моя взяла кусок хлеба и кусок рыбы, засунула их ему в рот и зажала рот, отчего он и умер; после чего я взял и его и попытался бросить в дом врача, а врач бросил его в дом надсмотрщика, а надсмотрщику удалось оставить его на дороге маклера. Вот все это случилось со мною вчера. Разве эта история не удивительнее истории горбуна?

Продолжение истории горбуна

Когда царь услышал эту историю, то приказал кое-кому из своих приближенных пойти с портным и привести цирюльника, сказав им:

– Присутствие его необходимо для того, чтобы я сам мог послушать его и вследствие этого, может быть, освободить вас всех. Затем мы прилично похороним этого горбуна, так как он умер ведь еще вчера, и поставим ему на могиле памятник за то, что он послужил причиной нашего знакомства с такими удивительными историями.

Царедворцы и портной, сходя в место заключения, очень скоро вернулись вместе с цирюльником, которого поставили перед царем. Царь, посмотрев на него, увидел, что он совсем старик, ему за девяносто, с темными лицом, с седой бородой и бровями, с маленькими ушами, длинным носом и гордым видом. Царь засмеялся и сказал ему:

– Ах, ты, молчаливый человек! Я желаю, чтобы ты рассказал мне какую-нибудь из твоих историй.

– О царь веков, – отвечал цирюльник, – по какому это случаю тут присутствуют этот христианин и этот еврей, и этот мусульманин и горбун, что лежит тут между вами мертвый? И почему вы все тут собрались?

– Зачем ты это спрашиваешь? – спросил царь.

– Я спрашиваю это затем, – отвечал цирюльник, – чтобы царь не счел меня наглецом или человеком, который суется в дело, до него не касающееся, и чтобы доказать, что я не склонен к болтовне, в которой меня обвиняют, так как не даром же меня прозвали молчаливым, и как поэт говорил:

Да, люди с прозвищами крайне редки,
Но если приглядеться к ним, то ясно,
Что так характер их определяет.

– Объясните, – сказал царь, – цирюльнику историю горбуна и то, что с ним случилось вчера вечером, и расскажите ему, что нам говорили христианин, и еврей, и надсмотрщик, и портной.

Цирюльник покачал головой и проговорил:

– Клянусь Аллахом, это удивительная вещь! Откройте-ка мне этого горбуна, чтобы я хорошенько посмотрел на него.

Горбуна открыли. Цирюльник сел у его головы и, подняв ее, положил к себе на колени. Когда он посмотрел в лицо горбуну, то стал так хохотать, что опрокинулся навзничь, вскричав:

– Есть всегда какая-нибудь причина смерти, а тут смерть произошла так странно, что об этом случае надо написать для поученья потомства!

Царь крайне удивился этим словам и сказал:

– О молчаливый, объясни нам, почему ты говоришь таким образом?

– О царь! – отвечал цирюльник, – милосердием твоим клянусь, что горбун этот еще жив.

Он вынул из-за пазухи банку с какой-то мазью и начал мазать ею так горбуна, после чего он прикрыл ее, для того чтобы она пропотела; затем взял железные щипцы, засунул их ему в горло и вытащил оттуда кусок рыбы с костью, что видели все присутствующие. Горбун вскочил на ноги, чихнул, пришел в себя и, закрыв лицо руками, вскричал:

– Нет Бога, кроме Аллаха, а Магомет – пророк Его! Спаси и сохрани Его, Господи!

Все присутствующее были поражены этим зрелищем, а царь хохотал до того, что лишился чувств. Точно так же хохотали и все стоявшие тут.

– Клянусь Аллахом, – вскричал царь, – это удивительное происшествие! Я никогда не видывал ничего подобного. О мусульмане! – прибавил он: – о солдаты мои! Видели ли вы когда-нибудь, чтобы человек умер и потом воскрес? Если бы Господь не послал ему этого цирюльника, то горбун переселился бы сегодня на тот свет; ведь к жизни вызвал его цирюльник.

– В самом деле, это удивительная вещь! – отвечали все присутствующие.

Царь приказал записать этот случай; и когда он были записан, он поместили этот рассказ в царскую библиотеку. Еврею же, христианину и надсмотрщику он даровал дорогие одежды; портного назначил быть царским портным, на постоянном жалованье. Горбуну он подарил богатую и красивую одежду, назначив ему постоянное жалованье и сделав его своим собутыльником. Цирюльника он осыпал теми же милостями, подарил ему богатую почетную одежду и назначил постоянное содержание и жалованье. Он сделал его царским цирюльником и своим собутыльником. Таким образом все они жили совсем счастливо до тех пор, пока их не посетила прекратительница счастья и разлучница друзей.

Глава шестая

Начинается с половины тридцать второй ночи и кончается на половине тридцать шестой

История Нур-Эд-Дина и Энис-Эль-Джелис

В Эль Батрахе жил царь, очень любивший бедных и несчастных и милостиво относившийся к своим подданным. Он подавал милостыню лицам, верившим в Магомета (да благословит и сохранит его Господь), и был таким, каким один из поэтов писал его:

Свои он копыя применял, как перья;
Сердца его врагов бумагой были,
А кровь ему чернилами служила.
С тех пор копыю давали наши предки
Старинное название Каттейех¹⁴⁸

Царя этого звали Магомедом, он был сыном Сулеймана Эс-Зейни; и у него было два визиря: одного из них звали Эль-Моином¹⁴⁹, сын Савия, а другого Эль-Фадлом, сын Какана. Эль-Фадл, сын Какана, был великодушнейшим человеком своего времени, прямой в обращении, так что все его любили, мудрецы обращались к нему за советом, и весь народ молился о продлении жизни его, так как он был человеком благоприятного вида¹⁵⁰ и предупреждал зло и несчастье. Но визирь Эль-Моин, сын Савия, всех ненавидел и не любил хорошее; он был человеком неблагоприятного вида, и настолько, насколько народ любил Фадл-Эд-Дина, он ненавидел Эль-Моина, сына Савия, согласно предопределению Всевышнего.

Царь Магомед, сын Сулеймана-Эс-Зейни, сидел однажды на своем троне, окруженный чинами своего двора, и, обратившись к своему визирю Эль-Фадлу, сыну Какана, сказал ему:

– Мне нужна рабыня, которая превосходила бы красотой всех женщин настоящего времени, и, кроме того, чтобы она была миловидна, отличалась правильными чертами лица и обладала бы всевозможными хорошими качествами.

– Такой рабыни, – заметили его приближенные, – менее чем за десять тысяч червонцев не достать.

Услыхав это, султан сказал своему казначею:

– Снеси десять тысяч червонцев в дом Эль-Фадла, сына Какана.

Казначей исполнил приказ, а визирь удалился, выслушав приказание ежедневно ходить на рынок и дать маклерам поручение достать ему то, что требуется. Султан, кроме того, отдал приказ, чтобы ни одна рабыня, стоящая более тысячи червонцев, не продавалась без того, чтобы ее не показать визирю.

Маклеры поэтому не продавали рабынь, предварительно не показав их визирю, и визирь, повинувшись приказанию царя, осматривал всех в продолжение значительного времени, но ни одна из рабынь не нравилась ему. Однажды один из маклеров пришел в дом визиря Эль-Фадла и застал его садившимся на лошадь, чтобы ехать во дворец султана. Удерживая его за стремяна, он сказал ему следующие стихи:

О, ты, который оживил все то,
Что было гнило в нашем государстве,
Ты был всегда визирем, который
От сил небесных помощь получал.

---

¹⁴⁸ Слово «Каттейех» означает «написанное».

¹⁴⁹ Эль-Моин означает «помощник»

¹⁵⁰ Выражение «человек благоприятного вида» употребляется и теперь новейшими арабами и турками и означает; человек добродетельный и благодетельный.

Ты воскресил в народе развращенном
Все то хорошее, что было в нем
И что потом в нем умерло бесследно.
Да будут же всегда твои дела
Стоять под покровительством Творца!

– О господин мой, рабыня, о приобретении которой получено высочайшее повеление, наконец, появилась.

– Приведи ее сюда ко мне, – сказал визирь.

Маклер ушел и вернулся, спустя некоторое время, в сопровождении девицы с изящной фигурой, высокой грудью, черными ресницами, нежными щечками, тонкой талией, широкими бедрами и одетой в нарядное платье. Мягкие уста ее были слаще меду; фигура ее могла посрамить гибкую восточную иву; а речь ее звучала нежнее ветерка, проносящегося над цветами сада, как выразился о ней один из поэтов:

Нежнее шелка тело у нее,
И речь ее, как музыка, звучит;
Ни лишних, ни неясных слов в ней нет.
Глаза ее, которые сердца
Мужские опьяняют, как вино, —
Творца земли ей воля даровала.
Да будет горячее с каждой ночью
Моя любовь к возлюбленной моей,
И да живет она в моей душе
До Страшного суда неугасимо.
Черна, как ночь, дуга ее бровей,
Головка ж белокурая ее
Сияет светом утренней зари.

Визирь, посмотрев на нее, остался очень доволен и, взглянув на маклера, сказал ему:

– Какая цена этой девицы?

– За нее давали десять тысяч червонцев, – отвечал маклер, – а владелец ее клянется, что сумма эта не покроет далее платы за тех цыплят, которых она съела, и даже платы за одежду ее учителей, так как она училась письму, грамматике и лексикологии; она умеет толковать Коран и знает основания закона, религии, медицины и счисления календаря. Кроме того, она играет на различных инструментах.

– Ну, так приведи ко мне ее хозяина, – сказал визирь.

Маклер тотчас же привел хозяина, оказавшегося иностранцем, таким старым, что на нем остались только кожа да кости, вроде того, как поэт говорит:

Дрожал от страха я, когда про время
Мне в голову закрадывалась мысль, —
Суд времени могуществен и страшен.
Любил прогулки я, когда они.
Меня не утомляли, но теперь
Я утомился не гулять не в силах.

– Будешь ли ты доволен, – сказал ему визирь, – если получишь за эту девицу десять тысяч червонцев от султана Магомеда, сына Сулеймана-Эс-Зейни?

– Так как она предназначена султану, – отвечал иностранец, – то мне неприлично отдать ее в виде подарка, не получив цены¹⁵¹.

Визирь приказал тогда принести деньги и свесил для иностранца десять тысяч червонцев; после чего маклер обратился к визирю с такими словами:

– С твоего позволения, господин мой визирь, я буду говорить.

– Говори, что хотел ты сказать, – отвечал визирь.

– Мое мнение такое, – продолжал маклер, – что тебе не следует вести сегодня же эту девицу к султану, так как она только что приехала издалека, и перемена климата подействовала на нее, как подействовало и утомление от дороги. Оставь ее у себя дней на десять, для того чтобы она отдохнула, и тогда она еще более похорошеет, затем пошли ее в баню, одень в хорошее платье и отправляйся с нею к султану. Если сделаешь так, то будешь иметь большой успех.

Визирь, поразмыслив о совете маклера, нашел, что он хорош. Он взял ее к себе во дворец, дал ей отдельное помещение и посылал ей ежедневно и еду, и питье, и все, что надо, и она жила таким образом некоторое время.

У визиря Эль-Фадла был сын, красивый, как месяц, с чудным цветом лица, красными щеками и с родинкой вроде шарика серой амбры. Юноша ничего не знал о вновь прибывшей девице, а отец предупредил ее, сказав:

– Знай, что я купил тебя для царя Магомеда, сына Сулеймана-Эс-Зейни, и что у меня есть сын, который не оставил в покое ни одной девушки в квартале, не признавшись ей в любви; поэтому прячься от него, не показывай ему своего лица и смотри, чтобы он не услышал даже твоего голоса.

– Слушаю и повинуюсь, – отвечала девица, и визирь ушел от нее.

Судьбе угодно было, чтобы она пошла однажды в баню, которая была тут же в доме, и после того как женщины вымыли ее, она надела нарядное платье и стала еще красивее и прелестнее. После этого она пошла к жене визиря и поцеловала ей руку.

– На здоровье, о Энис-Эль-Джелис! – сказала ей жена визиря. – Понравилась ли тебе наша баня?

– О госпожа моя, – отвечала она, – я жалела только, что тебя там не было со мною.

На это жена визиря сказала своим рабыням:

– Ну, вставайте и пойдете в баню.

Рабыни встали и пошли вслед за своей госпожой, которая предварительно поручила двум девочкам-рабыням сторожить у дверей комнат Энис-Эль-Дже, сказав им:

– Не позволяйте никому входить в комнаты этой девицы.

– Слушаем и повинемся, – отвечали они.

Но в то время как Энис-Эль-Джелис сидела у себя, явился сын визиря, которого звали Али Нур-Эд-Дином, и спросил, где мать и вся семья.

– Они ушли в баню, – отвечали девочки.

Энис-Эль-Джелис, сидя у себя в комнате, услышала разговорю Али Нур-Эд-Дина и подумала: «Хотелось бы мне знать, каков на вид этот юноша, о котором визирь говорил, что он не оставляет в покое ни одной девушки в квартале, не признавшись ей в любви. Клянусь Аллахом, мне очень хотелось бы взглянуть на него».

Она встала, освежившись после бани, и, подойдя к дверям своей комнаты, посмотрела на Али Нур-Эд-Дина и увидела, что он юноша прекрасный, как молодой месяц. При виде его она вздохнула раз тысячу, а юноша, взглянув на нее, точно так же был поражен. Оба они сразу влюбились друг в друга, и юноша, подойдя к девочкам, крикнул на них. После чего они отбе-

---

¹⁵¹ Этот ответ нельзя понимать в буквальном смысле слова. Нынешние арабы говорят точно так же, когда желают получить более запрашиваемой цены.

жали и остановились на некотором расстоянии, чтобы посмотреть, что он будет делать. Юноша подошел к двери, открыл ее, вошел в комнату и сказал девушке:

– Так это тебя-то отец мой приобрел для меня?

– Да, – отвечала она.

И после этого юноша, немного выпивший, подошел к ней и обнял ее, а она со своей стороны обвила его руками вокруг шеи и поцеловала. Но девочки-рабыни, видя, что молодой господин прошел в комнату Энис-Эль-Джелис, стали кричать. Вследствие этого юноша, испугавшись, бежал, боясь за свою безопасность, и когда жена визиря услышала крики двух девочек, она вышла из бани и вскричала:

– Что это вы кричите на весь дом?!

Она подошла к ним поближе и прибавила:

– Говорите же, что случилось?

– Наш хозяин, Али Нур-Эд-Дин, подошел к нам и прибил нас, – отвечали они, – и сам пошел в комнату Энис-Эль-Джелис, а когда мы закричали тебя, то он бежал.

Хозяйка дома отправилась к Энис-Эль-Джелис и сказала ей:

– Это еще что за новости?

– О госпожа моя, – отвечала она, – в то время как я сидела здесь, юноша, очень красивый, пришел ко мне и сказал: «Так это тебя-то отец мой приобрел для меня?» А я отвечала: «Да». Клянусь Аллахом, госпожа моя, я думала, что он говорил правду, и он вошел ко мне, и обнял меня, и три раза поцеловал и ушел от меня, оставив меня переполненной любовью к нему.

Услыхав это, хозяйка дома заплакала, закрыв лицо руками, и рабыни ее сделали то же самое, боясь за Али Нур-Эд-Дина, которого отец мог убить за это. В это самое время пришел визирь и спросил, что случилось.

– Поклянись, – сказала ему его жена, – что ты выслушаешь то, что я скажу тебе.

– Хорошо, клянусь, – отвечал он.

Она сообщила ему о том, что сын их сделал, и он пришел в такое отчаяние, что разорвал свою одежду, бил себя в лицо и рвал свою бороду.

– Не убивайся так, – сказала ему тут жена. – Я из своих собственных средств дам тебе десять тысячи червонцев, которые она стоит.

Но визирь поднял тут к ней лицо и сказал:

– Горе тебе! Не нужно мне и денег за нее, так как я боюсь, что это будет стоить мне жизни и всего моего состояния.

– Это почему, о господин мой? – спросила она.

– Разве ты не знаешь, – сказал он, – что у нас есть враги, этот Эль-Моин, сын Саши? Когда он услышит об этом происшествии, то пойдет к султану и скажет ему: «Ты думаешь, что твой визирь очень тебя любит, а он, получив от тебя десять тысяч червонцев, приобрел на них такую рабыню, какой и свет не видывал, и когда она понравилась ему, то он сказал своему сыну: “Бери ее, потому что ты стоишь ее более, чем стоит султан”, и он взял ее, и девица теперь находится с ним». На это царь скажет ему: «Ты лжешь». А он ответит царю: «С твоего позволения я неожиданно ворвусь к нему и приведу ее к тебе». И царь даст ему позволение сделать так, и поэтому он внезапно ворвется в дом, возьмет девушку и сведет ее к султану; тот будет спрашивать ее, а она не в силах будет опровергнуть это. Враг мой тогда скажет: «О, государь, я даю тебе добрые советы, но я у тебя не в милости. И султан покажет на мне пример; весь народ будет смотреть на меня, и конец мне тогда будет.

– Не рассказывай никому об этом, – сказала ему жена. – Все это случилось у нас в семье, и потому предоставь это дело на волю Аллаха.

От этих слов сердце визиря немного улеглось, и он успокоился.

В таком положении находился визирь. Что же касается до Нур-Эд-Дина, то он боялся последствий своего поступка и проводил целые дни в саду, возвращаясь к матери только к

ночи, и, переночевав у нее в комнате, до света уходил так, чтобы его никто не видал. Так жил он в продолжение целого месяца, не видя отца в лицо, и наконец мать его сказала визирю:

– О господин мой, неужели ты хочешь лишиться и девицы, и своего детища? Если ему придется еще долго жить так, то ведь он убежит из дома.

– Да что же надо делать? – спросил он.

– Посиди сегодня ночью, – отвечала она, – и когда он придет, схвати его и помирись с ним; отдай ему девушку, потому что она любит его, а он любит ее, а я выплачу тебе за нее то, что она стоит.

Таким образом, визирь сел на эту ночь, и когда сын его пришел, он схватил его и перерезал бы ему горло, если бы мать не прибежала к нему на помощь; она сказала своему мужу:

– Что хочешь ты с ним сделать?

– Убить его, – отвечал муж.

– Неужели я так мало имею цены в твоих глазах? – спросил его юноша.

Глаза отца наполнились слезами, и он сказал сыну:

– А неужели, о сын мой, моя жизнь и потеря всего моего состояния имеет так мало цены в твоих глазах?

– Выслушай меня, отец, – возразил юноша и стал просить прощения.

Визирь, отодвигаясь от сына, почувствовал сострадание, а юноша встал и поцеловал руку отца.

– О сын мой, – сказал визирь, – если б я знал, что ты будешь Энис-Эль-Джелис верен, я отдал бы ее тебе.

– О отец мой, – отвечал юноша, – почему я не буду верен ей?..

– Я обязую тебя, о сын мой, – сказал ему отец, – не брать другой жены, которая могла бы занять ее место, никогда не обращаться с нею дурно и не продавать ее.

– Клянусь тебе, о отец мой, – отвечал сын, – что никогда не возьму на ее место другой жены и никогда не продам ее.

Он дал клятву поступать так, как обещал, и занял с молодой женой отдельное помещение, и прожил с нею год. И Господь, да святится имя Его, устроил так, что султан забыл об этом деле; но оно стало известно Эль-Моину, сыну Савия; только он не смел говорить о нем, потому что другой визирь пользовался большим уважением султана.

По прошествии этого года визирь Фадл-Эд-Дин, сын Какана, пошел в баню и вышел оттуда в страшном поту, вследствие чего его продуло; он слег в постель и долго страдал бессонницей; болезнь его затянулась на очень продолжительное время. Он позвал к себе своего сына Али Нур-Эд-Дина, и когда сын пришел к нему, то сказал ему:

– О сын мой, поистине срок нашей жизни ограничен, и конец ее определен; каждый человек должен выпить чашу смерти. Мне остается только просить тебя жить в страхе Божиим и думать о том, что выйдет из твоих действий. Прошу тебя быть ласковым с Энис-Эль-Джелис.

– О отец мой, – сказал юноша, – людей, подобных тебе, нет. Тебя прославляли с кафедры, и за тебя молился народ.

– О сын мой, – проговорил больной. – Я надеюсь на милость Господа, да святится имя Его!

После этого он прочел два символа веры¹⁵², тяжело перевел дух и переселился в лучший мир. Дворец после этого наполнился стенаниями. Весть о его смерти дошла до слуха султана, и не только жители города, узнав о смерти Эль-Фадла, сына Какана, плакали, но о нем плакали даже и мальчики в школах. Сын его, Али Нур-Эд-Дин, позаботился о его погребении; на похоронах были и эмиры, и визири, и другие сановники; между ними был визирь Эль-Моин, сын Савия; а когда процессия выходила из дома, один из провожатых сказал следующие стихи:

---

¹⁵² Умирающий мусульманин должен сказать два символа веры: 1) «Нет Бога, кроме Аллаха и 2) «А Магомет пророк Его».

Тому промолвил я, что был назначен
Обмыть покойника; желал бы я,
Чтоб моим ты следовал советам:
Возьми ты воду прочь и мой его
Ты в знак почета лишь слезами тех,
Которые здесь плакали навзрыд
При похоронном плаче.
Прочь возьми эти мази благовонья,
что были

Для тела собираемы его,
И надуши духами славословий.
И благородным ангелам скажи,
Чтобы тело погребли они с почетом.
Не заставляй людей ты тратить силы
И гроб его на кладбище нести,
Они и так несут большую тяжесть —
Его благодеяний несчетных.

Али Нур-Эд-Дин долгое время находился в страшном горе по поводу смерти отца. Однажды, в то время как он сидел в доме отца, к нему кто-то постучался. Нур-Эд-Дин встал и, отворив дверь, увидал, что стучался один из близких приятелей его отца. Пришедший поцеловал у молодого человека руку и сказал ему:

– О господин мой, тот, кто оставил после себя такого сына, как ты, не умер. Так говорил нам пророк. О господин мой, успокой свое сердце и перестань горевать!

После такого увещевания Нур-Эд-Дин встал и, выйдя в гостиную, поставил туда все, что надо, и гости его пришли туда вслед за ним, а он опять взял к себе свою рабыню. Десять купеческих сыновей сделались его постоянными собеседниками, и он стал задавать один пир за другим и осыпать всех подарками. Вследствие этого к нему явился его управляющий и сказал:

– О господин мой, Нур-Эд-Дин, разве ты не слыхал, как люди говорят: «Друзья да пиры доведут до сумы». Твоя расточительность доведет тебя до сумы.

Нур-Эд-Дин, выслушав своего управляющего, посмотрел на него и отвечал:

– Из всего, что ты сказал мне, я ни одному слову верить не хочу. Как хорошо говорит поэт:

О, если б я богатством обладал
И не дарил бы щедрою рукою
Его тем людям, что живут в нужде,
То пусть и руки у меня, и ноги
Остались бы без всякого движенья.
Ведь есть скупцы, которые достигли
Своею скупостью бессмертной славы,
И щедрые, которым щедрость их
Причиной смерти только послужила.

– Знай же, о управляющий мой, – продолжал он, – что если у тебя в руках останутся деньги, достаточные мне для обеда, то ты не станешь отягощать меня ужином.

Таким образом, управляющий ушел от него, а Али Нур-Эд-Дин продолжал вести роскошную жизнь. Стоило кому-нибудь из его знакомых сказать: «Какая милая вещица!» – как: «Дарю ее тебе!» – отвечал он на это.

Если бы кто-нибудь сказал: «Как хорош твой дом», он, наверное, бы сказал: «Дарю его тебе».

Он, не переставая, задавал пиршества с самого утра и прожил таким образом целый год. После чего, сидя однажды со своими гостями, он услышал, как рабыня его декламировала следующие стихи:

Ты радости исполнен был в те дни,
Которые текли так безмятежно;
Твои полны покоя были ночи,
Но ты жестоко был обманут ими:
Их яркий блеск сменился мраком ночи.

И вслед за тем к нему кто-то постучался в комнату. Нур-Эд-Дин встал, и один из его гостей пошел вслед за ним, незаметно от него. Отворив дверь, он увидел своего управляющего.

– Что скажешь нового? – спросил он.

– О господин мой, то, чего я так боялся, случилось с тобой! – отвечал управляющий.

– Что случилось? – спросил Нур-Эд-Дин.

– Знай, – отвечал управляющий, – что из твоего состояния у меня не осталось ничего, не осталось даже серебряной монеты – менее серебряной монеты! Вот каков результат твоей широкой жизни, вот как погибло твое состояние!

Услыхав это известие, Нур-Эд-Дин поник головой до земли и вскричал:

– Только Господь и силен, и властен!

Гость же, потихоньку выходявший за ним, чтобы узнать, что у него за дела, услышав слова управляющего, вернулся к другим гостям и сказал:

– Рассудите, что делать, так как Али Нур-Эд-Дин разорился.

Таким образом, когда Нур-Эд-Дин вернулся к гостям, они тотчас же заметили, как он огорчен; один из них встал и, взглянув на хозяина, сказал:

– О господин мой, прошу тебя позволить мне уйти.

– Зачем ты уходишь? – спросил Нур-Эд-Дин.

– Жена моя должна родить сегодня, – отвечал гость, – и мне невозможно не быть дома.

Поэтому-то я желаю пойти к ней.

Нур-Эд-Дин отпустил его. После этого поднялся другой гость и сказал:

– О господин мой, Нур-Эд-Дин, я желаю пойти к моему брату, так как он празднует сегодня обрезание своего сына.

Таким образом, каждый гость под каким-нибудь благовидным предлогом уходил от него, пока они все не разошлись.

Нур-Эд-Дин остался один и, позвав свою рабыню, сказал ей:

– О Энис-Эль-Джелис, разве ты не видишь, что со мною случилось?

И он рассказал ей то, что управляющий сообщил ему.

– О господин мой, – отвечала она, – несколько ночей тому назад я не смела говорить с тобой об этом, но я слышала, как ты продекламировал эти стихи:

Когда судьба щедра к тебе, и ты
Будь щедр ко всем другим, пока она
Из рук твоих не ускользнет:
ведь щедрость

Богатству твоему не повредит,
Как скупость не спасет от разоренья.

Когда я услышала эти слова, я умолкла и не могла сделать тебе замечания.

– О Энис-Эль-Джелис, – продолжал он, – ведь ты знаешь, что я потратил свое состояние на друзей, и не думаю, чтобы они оставили меня без поддержки.

– Клянусь Аллахом, – сказала она, – они ничего для тебя не сделают.

– Я сейчас же встану, – сказал он, – пойду к ним и постучу к ним в дверь. Может быть, я соберу небольшой капитал, на который начну торговлю и брошу пиры и потехи.

Он тотчас же поднялся и прошел на соседнюю улицу, где жило десять его приятелей. Он подошел к первой двери и постучал. На стуки его к нему вышла девочка-рабыня и спросила:

– Кто ты такой?

– Скажи своему господину, – отвечал он, – что Али Нур-Эд-Дин стоит у его дверей и просит передать, что он целует его руки и ждет от него какой-нибудь милости.

Девочка пошла и передала поручение своему господину, который сказал ей в ответ:

– Пойди и скажи ему, что господина твоего нет дома.

Девочка вернулась к Нур-Эд-Дину и сказала:

– Господина моего, сударь, дома нет.

Он пошел, думая про себя:

«Это – раб, он по-рабски и поступает: не все такие».

Подойдя к следующей двери, он послал сказать то же самое и получил отказ, после чего Нур-Эд-Дин вскричал:

Уехали в далекие края
Все те, которые, когда б стоял ты
У их дверей, осыпали б тебя
Щедротами, которых ты желаешь.

– Клянусь Аллахом, – прибавил он, – я испытаю их всех; может быть, кто-нибудь один заменит мне их всех.

И он пошел поочередно ко всем десяти. Но никто из них не только не принял его и не показался сам, но не выслал даже куска хлеба, и он сказал следующие стихи:

Счастливый человек напоминает:
То дерево, с которого народ
Плоды срывает до тех пор, пока
Не оборвет последнего плода.
Тогда народ уходит прочь оттуда,
Чтобы другого дерева искать.
Будь прокляты все люди наших дней,
Среди которых нет ни одного
Не зараженного корыстью низкой!

Нур-Эд-Дин вернулся к своей рабыне. Тревога его усилилась, но она сказала ему:

– Не говорила ли я тебе, о господин мой, что они ничего для тебя не сделают?

– Клянусь Аллахом, – отвечал он, – никто из них не показался даже мне.

– О мой хозяин, – продолжала она, – продай всю обстановку, которая имеется у тебя в доме, и живи на вырученные деньги.

Он послушался ее совета и продал все, что у него было, и, прожив все, он снова пришел к Энис-Эль-Джелис.

– Ну, что же нам делать теперь? – сказал он.

– Вот мой совет, о господин мой, – отвечала она, – отправляйся сейчас же на рынок и возьми меня с собой, чтобы продать; ведь ты знаешь, что отец твой купил меня за десять тысяч червонцев. Может быть, Господь сподобит тебя продать меня хоть за часть этой цены. Если нам суждено жить вместе, то мы непременно встретимся.

– О Энис-Эль-Джелис, – отвечал он, – мне трудно расстаться с тобой даже на один час.

– И мне это тоже не легко, – отвечала она, – но нужда не ждет.

Он взял Энис-Эль-Джелис и со слезами, струившимися по щекам его, повел ее на рынок, где и передал маклеру, сказав:

– Знай цену той, которую тыпустишь в продажу.

– О господин мой, Нур-Эд-Дин, – отвечал маклер, – такой товар не забывается. Ведь это Энис-Эль-Джелис, которую отец твой купил за десять тысяч червонцев?

– Да, это она, – отвечал Нур-Эд-Дин.

Маклер пошел к купцам, но увидел, что они еще не все собрались. Он подождал полного сбора, и когда торги были полны продающимися рабынями – турчанками, гречанками, черкешенками, грузинками и абиссинками, и все купцы были в сборе, он встал и закричал:

– О купцы, о богачи, все, что вы видите, ровно ничего не стоит! Не все продолговатое – банан, не все красное – мясо, не все белое – жир, не все красноватое – вино, не все бурое – финики! О купцы, это драгоценная жемчужина; ей нет цены, но все же скажите, что можете вы предложить за нее.

Один из купцов отвечал:

– Могу предложить четыре тысячи пятьсот червонцев.

Случилось, что на этом рынке был визирь Эль-Моин, сын Савия; увидав стоявшего тут Нур-Эд-Дина, он подумал: «Что ему тут надо, если ему не на что купить рабыню?»

Он осмотрелся кругом и, выслушав выкрикивание маклера, продолжал размышлять так: «Надо думать, что он разорился и пришел продавать свою рабыню. Если это так, то я более, чем доволен!»

Он позвал маклера, который, подойдя к нему, поцеловал прах у ноги его.

– Я желаю приобрести ту рабыню, которую ты только что восхвалял, – сказал визирь.

Маклер, не смея противоречить ему, привел рабыню и поставил ее перед ним, а визирь, увидав ее и заметив, как она статна и изящна и как нежно говорит, был от нее в восторге и сказал маклеру:

– До чего дошла сумма, предлагаемая за нее?

– До четырех тысяч пятьсот червонцев, – отвечал маклер.

Купцы, услышав разговор, не осмеливались предлагать что-либо выше этой суммы, а все отступили, зная, каким жестоким человеком был визирь. Эль-Моин, сын Савия, взглянув на маклера, сказал ему:

– Что же ты стоишь? Отведи эту девушку в сторону, я беру ее за четыре тысячи пятьсот червонцев и дам еще пятьсот в твою пользу.

Маклер подошел к Али Нур-Эд-Дину.

– О милый господин, – сказал он ему, – рабыни этой ты лишился даром.

– Отчего? – спросил Нур-Эд-Дин.

– Мы открыли торги на нее, – отвечал маклер, – с четырех тысяч пятьсот червонцев, но тиран Эль-Моин, сын Савия, явился на торги, увидав девицу, пленился ею и сказал мне: «Спроси у хозяина ее, согласен ли он отдать ее за четыре тысячи пятьсот червонцев и пятьсот червонцев тебе». Я уверен, что он догадался, что рабыня принадлежит тебе; и если он даст тебе плату за нее сейчас же, то это будет особенная милость Господня. Но я его знаю и думаю, что

он напишет тебе записку к какому-нибудь из своих агентов, и скажет им, чтобы они не платили тебе ничего; почему всякий раз, как ты будешь приходить за деньгами, они будут говорить тебе: «Завтра мы заплатим». Таким образом, они будут тянуть и, несмотря на свою гордость, откладывать со дня на день. Когда же ты очень надоешь им, то они скажут тебе: «Покажи нам твою записку», и лишь только возьмут в руки бумагу, как тотчас же разорвут ее в мелкие клочья. Так ты и лишишься платы за твою рабыню.

Услышав эти слова маклера, Нур-Эд-Дин сказал ему:

– Что же мне делать?

– Я дам тебе совет, – отвечал маклер, – и если ты послушаешь его, то тебе будет лучше.

– Что же это такое? – спросил Нур-Эд-Дин.

– Приходи ко мне сейчас же, – отвечал маклер, – пока я стою посреди рынка, возьми от меня рабыню и дай ей пощечину, сказав при этом: «Вот тебе! Я исполнил данную мною клятву и привел тебя на торг, чтобы маклер объявил о продаже тебя». Если ты так скажешь, то, может быть, обманешь этим и его, и народ, и все поверят, что ты пустил ее на продажу только для того, чтобы исполнить клятву.

– Это добрый совет, – сказал Нур-Эд-Дин.

Таким образом, маклер вернулся на свое место и, взяв за руку рабыню, сделал знак визирю Эль-Моину, сыну Савия, сказав:

– Вот сейчас пришел ее владелец.

Али Нур-Эд-Дин, подойдя к маклеру, вырвал от него рабыню и, ударив ее по щеке, сказал:

– Вот тебе! Я привел тебя на продажу, чтобы исполнить свою клятву. Иди домой и вперед слушайся меня. Мне не надо за тебя денег, и продавать тебя я не намерен; если я продал свою обстановку, продал все, что у меня было, то все это ничто перед той ценой, какую ты стоишь.

Когда визирь Эль-Моин, сын Савия, увидел Нур-Эд-Дина, он крикнул ему:

– Вот я тебя! Разве у тебя осталось что-нибудь для продажи или для купли?

И он бросился к нему, чтобы наложить на него руки. Все купцы обратились к Нур-Эд-Дину, которого они любили, а он сказал им:

– Я таков, каким стою перед вами, а его жестокость все знают.

– Клянусь Аллахом, – вскричал визирь, – что не будь вас, я убил бы его.

Все купцы знаками и глазами показали друг другу свои намерения и сказали:

– Мы не станем вмешиваться в ваши дела.

После этого Али Нур-Эд-Дин тотчас же подошел к визирю, сыну Савия, а Нур-Эд-Дин были человек храбрый, и, сдернув его с лошади, бросил на землю. В этом месте мяли глину¹⁵³, и визирь упал как раз в нее, а Нур-Эд-Дин стал бить его кулаком и попал в зубы, вследствие чего борода его окрасилась кровью. С визирем было десять мамелюков; когда они увидели, что Нур-Эд-Дин делал с их господином, они все схватились за эфесы своих мечей и готовы были броситься на него и изрубить его в куски, но народ сказал им:

– Это визирь, а это сын визиря, и, может быть, они помиряются друг с другом, а вы возбудите неудовольствие и того, и другого; или как-нибудь нечаянно ударите вашего господина и за то подвергнетесь самой позорной смерти; поэтому всего лучше не вмешивайтесь в это дело.

Али Нур-Эд-Дин, перестав бить визиря, взял свою рабыню и вернулся домой.

Визирь, сын Савия, тотчас же встал, и одежда его, бывшая прежде белого цвета, теперь окрасилась в три цвета: в цвет грязи, в цвет крови и в цвет золы. Увидав себя в таком виде, он

---

¹⁵³ Под этим выражением надо подразумевать место, где мяли глину для построек, тем более, что арабские постройки делаются из мятой глины с четвертой частью извести и затем из золы и щебня.

взял круглую циновку¹⁵⁴ и навесил ее себе на спину, а в руку взял два пучка грубой травы¹⁵⁵ и пошел к дворцу султана, где остановился и стал кричать:

– О царь веков, меня обижают!

Его привели к царю, который, внимательно посмотрев на него, увидел, что это его визирь, Эль-Моин, сын Савий.

– Кто тебя обижает? – спросил он.

Визирь стал кричать и стонать и проговорил следующие стихи:

Должна ли угнетать меня судьба,
Пока ты существуешь, и собаки
Моим питаться мясом, если лев ты?
Должны ли жаждущие люди пить
Из водоемов воду ключевую?
Меня же мучит жажда у тебя.
О, если б был дождем ты благодатным.

– О государь, – продолжал он, – всякие несчастья обрушиваются на меня, твоего служителя, сильно тебя любящего.

– Кто же обидел тебя? – снова спросил царь.

– Знай, о царь, – отвечал визирь, – что сегодня я отправился на торг рабынь, желая приобрести себе кухарку, и увидел там рабыню, такую красавицу, какой не видывал никогда в жизни, а маклер сказал мне, что она принадлежит Али Нур-Эд-Дину. Государь наш, султан, дал отцу его десять тысяч червонцев на покупку рабыни, и он купил эту девушку, но она понравилась ему, и он отдал ее своему сыну. Когда отец его умер, сын начал вести роскошную жизнь и дошел до того, что продал дома, сады и вещи; когда же совсем разорился и у него ничего не осталось, он свел рабыню на рынок, чтобы продать ее, и отдал ее маклеру. Маклер стал выкрикивать о ее продаже, а купцы стали делать предложения, пока не подняли цены до четырех тысяч червонцев, причем я подумал, что куплю ее для своего государя султана, так как первоначально она была куплена для него. Поэтому я сказал Али Нур-Эд-Дину: «О, сын мой, получи за нее плату четыре тысячи червонцев». Но когда он услышал мои слова, то сказал: «О, злонамеренный старик! Я скорее продам ее евреям или христианам, чем тебе». – «Ведь я покупаю ее, – возразил я, – не для себя, а для государя султана, нашего благодетеля». Лишь только он услышал эти слова, как пришел в страшную ярость, стащил меня с лошади, несмотря на мой преклонный возраст, и начал бить меня, пока не довел до того состояния, в котором ты меня видишь теперь. Вот чему я подвергся только из-за того, что пошел купить для твоего величества рабыню.

Визирь упал на пол и лежал, плача и дрожа всем телом.

При виде того, в каком положении находился визирь, у переносицы султана надулась жила от негодования, и он взглянул на стоявших около него царедворцев. В первом ряду стояло сорок вооруженных людей, которым он и сказал:

– Отправляйтесь сейчас же в дом Али, сына Эль-Фадла, сына Какана, ограбьте и разрушите его; а самого Али и его рабыню приведите сюда с завязанными назад руками; дорогою тащите их лицом по грязи и приведите сюда!

– Слушаем и повинемся, – отвечали они и отправились в дом Нур-Эд-Дина.

---

¹⁵⁴ Этого рода циновки делаются из пальмовых листьев, и на подобных циновках сидят бедняки

¹⁵⁵ Эта трава, вроде нашей осоки, покрывает все поемные места в Египте, и ее употребляют для плетенья грубых циновок. Визирь, взяв циновку и сухой травы, хотел показать этим, что он унижен до положения рогожника.

При дворе султана был один царедворец, по имени Алам-Эд-Дин-Сенджар, бывший прежде мамелюком Эль-Фадла, сына Какана, отца Али Нур-Эд-Дина. Царедворец этот, услышав приказание султана и видя, что враги хотят уничтожить сына его бывшего господина, не мог допустить этого и, вскочив на коня, поскакал к дому Али Нур-Эд-Дина и постучался к нему в дверь. Нур-Эд-Дин вышел к нему и, узнав его, поклонился ему.

– О господин мой, – сказал ему царедворец, – теперь некогда ни кланяться, ни разговаривать!

– Что случилось, о Алам-Эд-Дин? – спросил Нур-Эд-Дин.

– Спасайся бегством, – отвечал ему царедворец, – спасайся и ты, и рабыня твоя, потому что Эль-Моин, сын Савия, накликнул на тебя беду. Если ты попадешься к нему в руки, то тебе несдобровать. Султан послал за тобою сорок человек воинов; советую тебе бежать прежде их позволения.

Сенджар протянул Нур-Эд-Дину руку, в которой оказалось сорок червонцев, когда сосчитал их Нур-Эд-Дин.

– Прими их от меня, о господин мой, – сказал он, – и если бы у меня было с собою более этого, то я бы дал тебе. Но разговаривать теперь не время.

Нур-Эд-Дин пошел после этого к своей рабыне и сообщил ей обо всем, и это сильно огорчило ее.

Оба они тотчас же вышли из города, Господь опустил на них завесу своего покровительства, и они прошли к берегу реки, где нашли судно, готовое распустить паруса. Хозяин стоял посреди судна и говорил:

– Кому надо проститься, или купить съестного, или сбежать за забытой вещью, то пусть торопятся, так как мы отчаливаем.

– Мы готовы, – отвечали все.

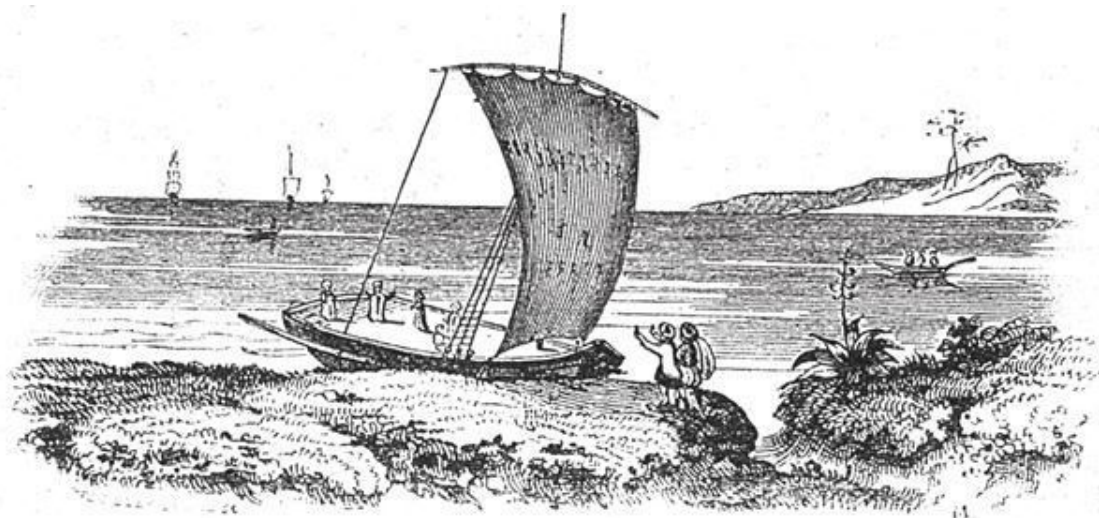
После этого хозяин крикнул:

– Ну, скорей развязывай конец и продевай в мачту!

– Куда направляетесь, хозяин? – спросил Нур-Эд-Дин.

– В обитель мира, в Багдад, – отвечал судохозяин.

Нур-Эд-Дин и рабыня его сели на судно, которое отчалило и пошло, распустив паруса, – полетело по ветру, как птица, распутившая крылья.

Между тем сорок воинов, которых султан послал в дом Нур-Эд-Дина, выломали дверь и, войдя, обыскали весь дом, но без всякого успеха. Разрушив дом, они вернулись и сообщили о своей неудаче султану, который сказал:

– Ищите их везде, где только можно.

– Слушаем и повинемся, – отвечали они.

Визирь Эль-Моин, сын Савия, ушел к себе домой, получив от султана почетную одежду.

– Я сам отомщу за тебя, – сказал ему султан.

Он прочел молитву за султана, и сердце его успокоилось.

А султан приказал выкрикивать по городу следующее:

– Народ! Наш государь султан приказал, чтобы тот, кто встретит Али Нурд-Эд-Дина, привел его к султану, за что получит почетную одежду и тысячу червонцев. Тот же, кто спрячет его или же, зная о его местонахождении, не даст о нем сведений, будет наказан примерными образом!

Али же Нур-Эд-Дин и рабыня его благополучно прибыли в Багдад.

Таким образом, народ начал искать его, но не мог найти и следа. В таком положении находились дела в этом городе.

Ну, вот и Багдад, город безопасности: зима со своими холодами миновала, а весна со своими розами появилась, деревья распустились, и воды побежали.

Али Нур-Эд-Дин с рабыней своей сошел на берег и отдал за проезд пять червонцев. Шли они, разговаривая, и судьба привела их в чудные сады, и там они дошли до местечка со множеством длинных скамеек под решетчатой крышей, с которой спускались вазы с водою. В конце этого местечка шел забор с калиткой, которая, однако же, оказалась запертой.

– Клянусь Аллахом, это чудное местечко! – вскричал Нур-Эд-Дин.

– Посидим, о господин мой, на этих скамейках.

Они сели, вымыли лицо и руки и, наслаждаясь журчаньем воды и прохладой от ветерка, заснули.

Сад этот был назван садом Восторгов, а дворец назывался Увеселительным дворцом и принадлежал халифу Гарун-Аль-Рашиду. Халиф приходил отдыхать от забот в эти сады и во дворец. Окна во дворце были высокие, створчатые, зала освещалась восьмидесятью лампами, висевшими кругом, а посередине стоял высший золотой канделябр. Входя во дворец, халиф приказывал своим рабыням открыть окна, а своему собутыльнику Ис-Гаку приказывал петь с рабынями, чтобы размягчить его сердце и успокоить его тревоги. За садом смотрел старичок по имени шейх Ибрагим. Случилось однажды так, что он вышел по каким-то делам и нашел в саду незнакомых мужчин, проводивших время с подозрительными женщинами. Он страшно взбесился на это и, дождавшись прихода халифа, сообщил ему об этом событии.

– Кого бы ты ни застал в саду, – сказали ему халиф, – ты можешь сделать с ним, что тебе угодно.

В этот день, о котором идет речь, шейх тоже вышел по каким-то делам и нашел на скамейке, около входа в сад, двух уснувших людей, прикрытых одним изаром, и проговорил:

– Да знают ли эти люди, что халиф дал мне позволение убивать всех, кого я найду здесь? Этим людям я только немного поколочу, для того чтобы другие не приходили сюда.

Он срезал тоненькую пальмовую палку и, засучив рукава так, что обнажил всю кисть руки, он хотел начать наносить удары, но подумал и сказал в душе:

– О Ибрагим, как же можно бить людей, не зная их обстоятельств? Они, может быть, иностранцы или дети дороги, которых случай привел сюда. Поэтому мне лучше открыть их лица и посмотреть на них.

Они тихонько приподнял изар, открыв их лица, посмотрел на них.

«Какие они красивые, – подумали Ибрагим. – Бить их не годится».

Он снова закрыл их изаром и, подойдя к ногам Али Нур-Эд-Дина, начал тихо почесывать их, вследствие чего Нур-Эд-Дин открыл глаза и, увидав, что ноги ему чешет старик, он покраснел, отдернул ноги и, сев, взял руку шейха и поцеловал ее.

– О сын мой, откуда ты? – спросили его шейх.

– Господин мой, – отвечал Нур-Эд-Дин, – мы иностранцы.

По щекам Нур-Эд-Дина потекли слезы.

– О сын мой, – сказал ему тогда шейх Ибрагим. – Знай, что пророк, Господь да благословит и да спасет его, всегда выказывал великодушие иноземцам. Если хочешь, то встань, входи в сад и развлеки себя.

– О господин мой, – сказал Нур-Эд-Дин, – кому же принадлежит этот сад?

– Сад этот я наследовал от своих родных, – отвечал ему шейх.

Он сказал так только для того, чтобы незнакомцы, не смущаясь, вошли в сад. Нур-Эд-Дин, выслушав его, поблагодарил и встал вместе со своей рабыней, а шейх Ибрагим провел их в сад.

Калитка находилась под сводом, обвитым виноградными лозами различных цветов: красных, как рубины, и черных, как черное дерево. Они вошли в крытую аллею, обсаженную всевозможными фруктовыми деревьями и кустами, где сидели на ветках различные птицы. Соловьи заливались на различные лады, а воркованье горлиц разносилось по воздуху, черный дрозд пением своим напоминал человеческий голос, а дикий голубь точно передразнивал пьяного. Плоды всевозможных сортов уже созрели. Каждого сорта было по два дерева: было два дерева камфарных абрикосов, миндальных абрикосов и куразанских абрикосов, сливы цвета неясного неба, вишни могли привести всякого в восторг, а фиги отливали чудными красными, белыми и зелеными цветами. Цветы сияли, словно жемчуг и кораллы, розы соперничали своим цветом со щечками красавиц; там были фиалки, мирты, левкои, лавейды, анемоны, и лепестки цветов были покрыты слезами росы. Ромашка улыбалась, показывая свои зубы, а нарциссы засматривались своими темными глазами на розы; апельсины напоминали круглые чашки, а лимоны – золотые шары. По земле пестрели цветы всевозможных оттенков, и всюду пахло весной. Река журчала под пение птиц, а ветерок шелестел листьями. Жара была умеренная, а ветерок нежно лобызал.

Шейх Ибрагим провел их в возвышенную гостиную¹⁵⁶; они были очарованы ее прелестью и необыкновенным изяществом и сели у окна. Нур-Эд-Дин, раздумывая о своей прежней жизни, вскричал:

– Клянусь Аллахом, тут превосходно! Это место напомнило мне прошлое и возбудило во мне жар, словно пламя от гхады¹⁵⁷

Шейх Ибрагим принес им угощения, и они, вымыв руки, поели досыта; после чего Нур-Эд-Дин, поместившись снова у окна, позвал свою рабыню, которая подошла к нему, и они оба, сидя, любовались на деревья, покрытые плодами. После этого Нур-Эд-Дин посмотрел на шейха и сказал ему:

– О шейх, нет ли у тебя чего-нибудь выпить? Так как все пьют после еды.

Шейх Ибрагим принес им сладкой холодной воды, а Нур-Эд-Дин сказал ему:

– Мне хотелось бы не такого питья.

– Ты хочешь вина? – спросил его шейх.

– Да, – отвечал Нур-Эд-Дин.

– Спаси меня от него, Аллах! – вскричал шейх. – Тринадцать лет я не пробовал вина, так как пророк (благослови и спаси его, Господи) проклял тех, кто пьет, и тех, кто делает его.

– Послушай, я скажу тебе два слова, – продолжал Нур-Эд-Дин.

– Говори, что хочешь.

– Если ты не будешь ни делать вино, ни пить его, ни приносить, то разве проклятие может коснуться тебя?

– Не может, – отвечали шейх.

---

¹⁵⁶ Арабские лодки и суда зачастую тянутся бичевою, приделанной к мачте.

¹⁵⁷ Гхадой называется весьма горячее дерево, дающее очень яркое пламя. Оно растет на песчаных местах.

– В таком случае возьми этот червонец, – сказали Нур-Эд-Дин, – и эти две серебряные монеты, садись на осла и поезжай, пока не встретишь подходящего человека, который мог бы купить вина. Подзови его и, дав ему две серебряные монеты, скажи ему: «Вот на этот червонец купи мне вина и положи его на осла». Таким образом ты не принесешь вина, не сделаешь его и не купишь, и с тобою не случится ничего, что может случиться с другими.

Шейх Ибрагим, посмеявшись на его слова, отвечал:

– Клянусь Аллахом, я не встречал человека остроумнее тебя и не слыхивал более сладких речей.

– Мы зависим от тебя, – сказал Нур-Эд-Дин, – и тебе надо исполнить наше желание; поэтому принеси нам то, что мы просим.

– О сын мой, – сказал шейх. – Кладовая моя тут перед тобою (это была кладовая с припасами, приготовленными для царя правоверных), войди в нее и возьми, что тебе нужно.

Нур-Эд-Дин вошел в кладовую и увидел серебряную и золотую, осыпанную драгоценными камнями посуду. Он налил из глиняных кувшинов и из стеклянных бутылок вина во взятую им посуду и начал пить вместе с рабыней, дивясь великолепию принесенных им из кладовой вещей. Шейх принес им душистых цветов и сел на некотором расстоянии от них. Они же с наслаждением продолжали пить, пока вино не стало на них действовать. Щеки у них покраснелись, глаза разгорелись, как глаза лани, а волосы растрепались; после чего шейх Ибрагим сказал:

– С какой стати сижу я так от них далеко? Почему бы мне не подсесть к ним? И скоро ли мне случится быть в обществе таких двух ясных месяцев?

Он подошел и сел около них на пол, а Нур-Эд-Дин сказал ему:

– О господин мой, жизнью своею умоляю тебя, пододвинься и присоединись к нам.

Он пододвинулся еще ближе, а Нур-Эд-Дин налил кубок вина и, глядя на шейха, сказал:

– Выпей, чтоб узнать, как хорошо и ароматно вино.

Но шейх Ибрагим вскричал:

– Сохрани меня от этого, Аллах! Тринадцать лет я ничего подобного не делал.

А Нур-Эд-Дин, как будто не обращая внимания на его слова, выпил вино и бросился на землю, словно совершенно пьяный.

После этого Энис-Эль-Джелис посмотрела на шейха и сказала ему:

– О шейх Ибрагим! Ты видишь, как этот человек обращается со мною?

– О госпожа моя, что такое с ним? – спросил он.

– Он всегда обращается так со мною, – отвечала она. – Он пьет, потом уснет, а я должна сидеть одна, и пить мне не с кем. Если б я захотела выпить, то некому наполнить мне кубок. А если б я захотела попеть, то некому и слушать меня.

Слова эти тронули шейха, и он отвечал:

– Да, такой товарищ тебе не годится.

Рабыня налила кубок и, глядя на шейха Ибрагима, сказала ему:

– Жизнь свою умоляю тебя, возьми кубок и выпей; не отказывайся, а возьми и выпей.

Он протянул руку и, взяв кубок, выпил его, а она наполнила для него кубок во второй раз и, подавая его, сказала:

– О господин мой! Это для тебя.

– Клянусь Аллахом, – отвечал он, – я не могу больше пить. С меня довольно того, что я выпил.

– Клянусь, это необходимо, – сказала она.

И он, взяв кубок, осушил его.

После этого она подала ему третий кубок, и он взял его и тоже хотел выпить, как вдруг Нур-Эд-Дин поднялся и сказал:

– О шейх Ибрагим, как же это так? Разве я не упрашивал тебя выпить, а ты отказывался и говорил, что тринадцать лет ты не пил?

Шейх Ибрагим смутился и отвечал:

– Клянусь Аллахом, я тут не виноват, это она заставила меня.

Нур-Эд-Дин засмеялся, и они продолжали пировать, а рабыня, взглянув на своего господина, сказала ему:

– О господин мой, пей лучше ты сам и не заставляй пить шейха Ибрагима. Мы лучше так полюбуемся им.

Она начала наполнять кубки и подавать своему господину, который, в свою очередь, тоже наполнял их и подавал ей, и так он делал от времени до времени, пока, наконец, шейх Ибрагим смотрел-смотрел на них да и сказал:

– Да что ж это такое? Это что за попойка? Зачем же не наливаете вы мне вина, раз я пью вместе с вами?

Они оба засмеялись и хохотали чуть не до бесчувствия. Потом они выпили сами, налили вина ему и продолжали кутить таким образом, пока не миновала треть ночи.

– О шейх Ибрагим, – сказала тогда рабыня. – Позволь мне встать и зажечь одну из вставленных свечей.

– Встань, – отвечал он, – но более одной свечи не зажигай.

Но она, вскочив, зажгла сначала одну свечу, затем другую и кончила тем, что зажгла все восемьдесят. После этого она села, а Нур-Эд-Дин сказал:

– О шейх Ибрагим, неужели ты не сделаешь мне одолжения и не позволишь мне зажечь хоть одну лампу?

– Встань и одну лампу зажги, – отвечали ему шейх, – и не надоедай мне больше.

Он встал и, начиная с первой лампы, зажег все восемьдесят, и зала осветилась, как для танцев. Шейх Ибрагим, сильно опьяневши, сказал:

– Да, вы любите повеселиться еще более меня.

Он вскочил и раскрыл все окна, после чего снова сел с ними; они продолжали пить и декламировать стихи; их веселые голоса громко разносились по комнате.

Всевидящий и всезнающий Господь, определяющий причину всего, предрешил, чтобы халиф сидел в эту лунную ночь у окна, которое выходило на Тигр. Глядя на реку, он увидел на поверхности воды отражение света от ламп и свечей и вскричал:

– Приведите ко мне Джафара-Эль-Бармеки!

В мгновение ока Джафар предстал перед царем правоверных, и халиф сказал ему:

– Ах ты, собака визирь! Так вот как ты служишь мне! Ты не доносишь мне о том, что делается в городе Багдаде!

– Что значат эти слова? – спросил Джафар.

– Если бы город Багдад не был отнят от меня, – отвечать халиф, – то увеселительный дворец не был бы освещен свечами и лампами, и окна в нем не были бы открыты. Горе тебе! Кто мог это сделать, раз я не лишен сана халифа?

– Кто же, – спросил Джафар, у которого тряслось под жилками от страха, – мог сообщить тебе, что свечи и лампы зажжены в увеселительном дворце и что окна в нем открыты?

– Подойди сюда и посмотри, – отвечали ему халиф.

Джафар подошел к халифу и, взглянув в окно, увидел, что дворец сиял огнями и светом своим превосходил свет луны. Прежде всего ему хотелось оправдать как-нибудь шейха Ибрагима, и, думая, что все это произошло вследствие им же, визирем, данного позволения, он сказал:

– О царь правоверных, на прошлой неделе шейх Ибрагим сказал мне: «О, господин мой Джафар, мне хотелось бы пригласить повеселиться моих детей, пока я жив и жив халиф». – «Зачем говоришь ты мне это?» – спросил я. – «Затем, чтобы ты спросил у халифа позволения, –

сказал он, – и я мог бы отпраздновать обрезание своего сына во дворце. – «Ну, так празднуй обрезание твоего сына, – отвечал я. – И если Господь сподобит меня увидеть халифа, то я доложу ему об этом», и он ушел от меня с этим, а я забыл доложить тебе.

– О Джафар, – сказал халиф, – ты были виновен передо мною в одной вещи, а теперь провинился в двух, а именно: во-первых, ты не доложил мне об этом, а во-вторых, не исполнил желания шейха Ибрагима, потому что если он приходил к тебе и говорил таким образом, так только из желания намекнуть тебе, что ему хотелось бы получить некоторое вспомоществование, а ты не только ничего ему не дал, но даже не сообщил ничего об этом мне.

– О царь правоверных, – отвечал он, – я забыл.

– Клянусь своими предками, – сказал халиф, – что остаток ночи я проведу с ними, так как он человек правдивый, знающийся с шейхами, помогающий бедным и поддерживающий несчастных. Надо полагать, что сегодня собрались к нему все его знакомые, и я непременно хочу быть там; может быть, кто-нибудь из его гостей прочтет хорошую молитву за нашу настоящую и будущую жизнь, и присутствие мое, может быть, принесет кому-нибудь пользу, а ему – удовольствие.

– О царь правоверных, – возразил Джафар. – Ведь ночь почти уже прошла, и гости, вероятно, скоро разойдутся.

Но халиф сказал:

– Идем туда.

Джафар замолчал и так был смущен, что не знал, что ему делать. Халиф же встал, и Джафар пошел вслед за ним, как пошел и евнух Месрур. Они втроем молча вышли из дворца и, одетые купцами, пошли по улицам, пока не пришли к калитке вышеупомянутого сада. Халиф, подойдя, нашел калитку отворенной, что его удивило, и он сказал:

– Посмотри, о Джафар, шейх Ибрагим до такого позднего часа оставил калитку отворенной, что вовсе на него не похоже.

Они вошли и прошли в конец сада, где остановились около дворца, и халиф сказал:

– О Джафар, мне хотелось бы незаметными образом взглянуть на них, прежде чем пойти к ним, чтобы увидеть, как шейх проводит время и употребляет свои способности. Эти люди обладают качествами, которыми отличаются как в частной, так и в общественной жизни. Но мы не слышим их голосов, и ничто не говорит нам об их присутствии.

Сказав это, халиф осмотрелся кругом и, увидав толстое ореховое дерево, прибавил:

– О Джафар, хотелось бы мне взобраться на это дерево, так как сучья его достигают окон, и посмотреть туда.

Он полез на дерево и, перебираясь с сучка на сучок, остановился перед одним из окон, сел там и стал смотреть в комнату дворца, где увидел девицу и молодого человека, красивых, как ясные месяцы (слава Тому, Кто создал их); кроме того, он увидел сидящего с ними с кубком в руке шейха Ибрагима.

– О царица красоты! – говорил он, – пить и не слышать веселых песен неприятно. Разве ты не знаешь, что сказал поэт:

Большой и малый кубок пусть обходят
Весь круг гостей; примите эти кубки
От пьяницы, которого лицо
Вам светлый лик луны напоминает.
И пить нельзя вам без веселых песен,
Ведь лошади пьют воду под свисток.

Когда халиф увидел, как вел себя старый Ибрагим, у него от негодования надулась на лбу жила, и, сойдя с дерева, он сказал:

– О Джафар! Никогда в жизни не видал я такого чудесного превращения праведника, какое привелось мне видеть сегодня. Поднимись ты сам на это дерево, и увидишь, если только благословение праведника снизойдет и на тебя.

Услыхав слова халифа, Джафар был несколько удивлен и, поднявшись на дерево, стал смотреть в комнату, где увидал Нур-Эд-Дина, шейха Ибрагима и рабыню, и в руках шейха Ибрагима увидал кубок. Увидав это зрелище, он пришел к убеждению, что конец будет печальный, и, сойдя вниз, встал перед халифом.

– О Джафар, – сказал царь правоверных, – слава Богу, что мы не принадлежим к числу людей, которые только для виду исполняют святой закон и не причастны греху как лицемеры!

От сильного смущения Джафар не нашелся даже, что ответить. Халиф посмотрел на него и спросил:

– Кто мог привести этих людей сюда и впустить их во дворец? Но только таких красивых, статных и привлекательных людей, как этот молодой человек и эта девушка, мне в жизни не приводилось видеть.

Джафар, надеясь, что халиф, может быть, смилуется, поспешно отвечал:

– Ты совершенно прав, о царь правоверных!

– О Джафар, – сказал халиф, – полезай с нами на тот сук насупротив окна, и мы позабудемся, глядя на них.

Они взлезли на дерево и, сидя там, слышали, как шейх сказал:

– О госпожа моя, я преступил приличия, приняв участие в вашей попойке. Но удовольствие получил не полное, так как не слышу веселых песен и бряцающих струн.

– О шейх Ибрагим, – отвечала Энис-Эль-Джелис, – клянусь Аллахом, если бы у нас был какой-нибудь музыкальный инструмент, то мы могли бы быть совсем довольны.

Шейх Ибрагим, услышав ее слова, встал.

– Куда это он идет? – сказал халиф Джафару.

– Не знаю, – отвечал Джафар.

Шейх вышел, но вскоре вернулся с лютней в руках, и халиф, пристально посмотрев, увидел, что это лютня Ис-Гака, его собутыльника.

– Клянусь Аллахом, – сказал он, – если эта девица поет дурно, то я распну всех вас.

– О Аллах! – проговорил Джафар, – не допусти ей петь хорошо.

– Почему? – спросил халиф.

– Для того чтобы ты распял нас всех, – отвечал Джафар, – и мы могли бы забавлять друг друга разговорами.

Халиф засмеялся, а девушка, взяв лютню и рукой пробежав по струнам, заиграла так, что игрой своей могла заставить расплавиться даже железо и придать ума дураку; вслед за тем она запела таким голосом, что халиф вскричали:

Знаешь, Джафар, я никогда в жизни не слышал такого чудного голоса!

– Может быть, – сказал Джафар, – гнев халифа прекратился?

– Да, – сказал он, – его не стало.

Он спустился с Джафаром с дерева и, посмотрев на него, сказал:

– Мне очень хочется пойти к ним, посидеть с ними и послушать пение этой девушки.

– О царь правоверных, – отвечал Джафар, – если ты пойдешь к ним, то они, вероятно, сильно смутятся твоим присутствием, а шейх Ибрагим может даже умереть от страха.

– О Джафар, – возразил на это халиф, – ты должен выдумать мне какой-нибудь способ, для того чтобы я мог узнать всю правду, не показав им, что я знаю все.

Халиф и Джафар пошли к Тигру, рассуждая об этом предмете, и под окнами дворца увидели рыбака, закидывавшего сеть в надежде поймать что-нибудь себе на насущный хлеб.

Однажды когда-то халиф спросил у шейха Ибрагима:

– Что это за шум я слышал под окнами дворца?

– Это говорят рыбаки, – отвечал шейх, – которые ловят рыбу.

– Ну, так поди и запрети им ходить сюда.

После этого рыбакам не позволялось ходить туда; но в эту ночь пришел рыбак, по имени Керим, и, видя, что калитка в сад открыта, он подумал: «Воспользуюсь такой оплошностью, и, может быть, мне посчастливится поймать что-нибудь».

Он взял сети и, забросив их в воду, продекламировал стихотворение, делая сравнение между положением рыбака, работающего всю ночь, и владельца замка, который сладко засыпает, а, проснувшись, видит только низкопоклонство. Только успел он кончить стихотворение, как вдруг халиф нечаянно очутился около него. Халиф знал его и вскричал:

– Это ты, Керим?

Рыбак, услышав свое имя, обернулся и увидел халифа.

От страха у него затряслось под жилками.

– Клянусь Аллахом, – вскричал он, – я это сделал, царь правоверных, не в насмешку твоего приказа, но бедность и семья заставили меня поступить противозаконно!

– Ну, закинь сети на мое счастье, – отвечал халиф.

Обрадованный рыбак тотчас же пошел и бросил сеть; подождав, пока она опустилась и вода успокоилась, он вытянул ее и выловил бесчисленное множество всевозможной рыбы.

Халиф был очень доволен и сказал:

– О Керим,ними с себя одежду.

Рыбак исполнил приказание. На нем был надет джуббех¹⁵⁸ с сотней заплат из грубой шерстяной ткани и полный отвратительных насекомых; между прочими, в нем было столько блох, что они могли бы перенести его по поверхности всей земли. Халиф снял с головы его чалму, которую Керим не перевивал уже в продолжение трех лет, а найдя какой-нибудь лоскуток, навивал его сверху. Взяв джуббех и чалму, халиф снял с себя две рубахи из александрийской и баалабекской шелковой материи, и мелватах¹⁵⁹, и фараджеех и сказал рыбаку:

– Возьми все это и надень на себя.

Халиф надел на себя джуббех и чалму рыбака и, надвинув на лицо литчам¹⁶⁰, сказал рыбаку:

– Иди по своим делам.

Рыбак, поцеловав ноги халифа и поблагодарив его, продекламировал следующие стихи:

Ты одарил меня превыше меры,
В знак милости твоей высокой мне
Тебе ответить тем же не по силам.
Поэтому я благодарен буду тебе
Все время жизни нашей здесь.
Когда же смерть сведет меня в могилу,
То прах моих костей из гроба будет
По-прежнему благодарить тебя.

Но не успел он кончить этих стихов, как по особе халифа поползли и поскакали насекомые, и он начал ловить их у себя на шее то правой, то левой рукой и бросать их, при этом восклицал:

– О горе тебе, рыбак! Сколько насекомых в твоём джуббехе!

– О государь – отвечал он, – это они беспокоят тебя только с первого раза, а через неделю ты так к ним привыкнешь, что не почувствуешь, как они будут бегать по тебе.

Халиф засмеялся и сказал ему:

– Неужели же я стану ходить в этом джуббехе?

– Мне хотелось бы сказать тебе кое-что, – отвечал рыбак, – но мне стыдно, несмотря на мой страх перед тобой.

– Ну, говори, что хотел ты сказать миф! – вскричал халиф.

– Мне пришло в голову, – продолжал рыбак, – что ты хочешь поучиться ловить рыбу, о царь правоверных, для того чтобы стать во главе торговли, которая может принести тебе выгоду; и если это так, то этот джуббех пригодится тебе.

Рыбак засмеялся, а халиф взял корзину с рыбой и, нарвав в нее немного травы, направился с ней к Джафару и остановился перед ним. Джафар же, думая, что перед ним стоит рыбак Керим и боясь за него, сказал:

– О Керим, зачем ты пришел сюда? Уходи скорее, ведь сегодня здесь халиф.

Халиф же, услышав эти слова Джафара, так захохотал, что упал от хохота навзничь.

---

¹⁵⁸ Джуббехом, который носят на Востоке, называется длинный халат, который носили обыкновенно купцы. Такие халаты делаются из сукна.

¹⁵⁹ Мелватахом называется одежда тоже вроде халата.

¹⁶⁰ Бедуины прикрывают нижнюю часть лица куском материи, и зовут ее «литчамом». Такое прикрывание лишает арабов возможности узнавать друг друга, и особенно употребительно между арабами пустыни.

– Да ты не наш ли царь правоверных? – сказал ему Джафар.

– Да, Джафар, – отвечал халиф, – а ты мой визирь, и мы пришли сюда с тобою вместе, но ты меня не узнал. Так как же узнает меня шейх Ибрагим, который вдобавок еще пьян? Оставайся тут до тех пор, пока я не вернусь.

– Слушаю и повинуюсь, – отвечал Джафар, а халиф подошел к двери дворца и постучался.

Шейх Ибрагим встал и спросил:

– Кто там за дверью?

– Это я, шейх Ибрагим, – отвечал он.

– Кто ты? – спросил шейх.

– Я Керим, рыбак, – отвечал халиф. – Я слышал, что у тебя гости, и потому принес рыбы, так как она превосходна.

Нур-Эд-Дин и рабыня его очень любили рыбу, и, услышав о том, что рыбак принес рыбу, они очень обрадовались и сказали:

– О господин наш, открой ему, и пусть он принесет свою рыбу.

Шейх Ибрагим отворил дверь, и халиф, переодетый рыбаком, вошел и начал кланяться, а шейх Ибрагим сказал ему:

– Ну, что же, добро пожаловать, разбойник, вор, грабитель! Войди и покажи нам рыбу, которую принес.

Он показал им рыбу, которая еще трепетала и билась, а рабыня вскричала:

– Клянусь Аллахом, о господин мой, что за чудная рыба, да, если бы она была жареная!

– Клянусь Аллахом, – вскричал шейх Ибрагим, – ты совершенно права! Рыбак, – прибавил, обращаясь к халифу, – хорошо бы, если бы ты принес нам жареной рыбы. Иди изжарь ее и принеси нам.

– Слушаю твоего приказания, – отвечал халиф, – я сегодня же изжарю ее и принесу.

– Ну, так скорее! – сказал он.

Халиф встал и пошел к Джафару.

– Джафар, – сказал он, – они хотят, чтобы рыба была изжарена.

– Дай мне ее, царь правоверных, – отвечал тот, – и я изжарю ее.

– Клянусь могилою моих предков, – возразил халиф, – я сам изжарю ее, своими собственными руками я изжарю ее.

Он направился в хижину смотрителя и, поискав в ней, нашел все, что ему было нужно, как то: сковороду, соль и даже дикий машран и все другое. Он подошел к очагу, поставил на него сковороду и изжарил рыбу отлично. Когда рыба была совсем готова, он сложил ее на банановый лист и, сорвав в саду несколько лимонов, отправился с рыбой во дворец и поставил ее перед пирующими. Молодой человек, и рабыня, и шейх Ибрагим пододвинулись к рыбе и стали есть. Поев, они вымыли себе руки, а Нур-Эд-Дин сказал:

– Клянусь Аллахом, рыбак, ты оказал нам сегодня большое одолжение!

Затем, засунув руку в карман, он вынул три червонца из тех, что Сенджар дал ему на дорогу, и сказал:

– О рыбак, извини меня. Клянусь Аллахом, что если бы я знал тебя перед несчастьем, обрушившимся на меня, я избавил бы тебя от гнетущей бедности. Теперь же прими от меня то, что я по своим обстоятельствам могу уделить тебе.

Говоря таким образом, он бросил червонцы халифу, который, взяв их, поцеловал и положил к себе в карман. Все это халиф делал для того, чтобы послушать пение.

– Ты ласково обошелся со мною, – сказал он, – и щедро наградил меня, но я все-таки попрошу у тебя еще одной милости: мне хотелось бы послушать пение этой девицы.

– Энис-Эль-Джелис! – сказал на это Нур-Эд-Дин.

– Что прикажешь? – спросила она.

– Ради моей жизни, спой что-нибудь в награду этому рыбаку, так как ему хочется послушать тебя.

Услышав приказание своего господина, она взяла лютню и, пробежав рукою по струнам и завернув некоторые колки, пропела следующие стихи:

Когда на лютне дева молодая
И стройная, как молодая лань,
Играет, то чарует все сердца
Своей игрою дивною. А голос
Ее заставить мог бы и глухого
Услышать пенье чудное ее.
Немой бы тоже получил дар слова
И перед ней воскликнул бы в восторге:
«Ты превосходишь всех других певиц
Божественной игрой своей и пеньем!»

Затем снова заиграла так, что могла очаровать кого угодно, и потом запела:

Нам лестно, что наш дом ты посетила,
Сиянием своим развеивая
Глубокий мрак безлунной этой ночи.
Поэтому мой долг распорядиться,
Чтобы повсюду в доме у меня
И мускусом, и камфарой пахучей,
И розовой водою надушили.

Это пение произвело глубокое впечатление на халифа, и он пришел в такой восторг, что не мог удержаться, чтобы не выразить его:

– Аллах над тобою! Аллах над тобою! Аллах над тобою!

Нур-Эд-Дин сказал:

– Так тебе, рыбац, понравились игра и пение этой девицы?

– Понравились, клянусь Аллахом! – вскричал рыбац.

Нур-Эд-Дин тотчас же прибавил:

– Получи ее в подарок от меня, в подарок от щедрого человека, который не потребует дара своего обратно.

Он встал и, взяв мелватах, набросил его на халифа, переодетого рыбаком, приказав ему увести с собою девицу. Рабыня же посмотрела на Нур-Эд-Дина и сказала:

– О господин мой, неужели ты расстанешься со мною, даже не простившись? Если нам суждено разлучиться, то подожди, чтоб я простилась с тобою.

И она сказала следующую строфу:

Когда ты от меня уйдешь прочь,
Всегда жить будет дом твой в сердце
Моем и в тайнике моей груди.
Молю я Милосердного, чтоб Он
На наш союз с тобою согласился,
Так как блаженством этим одаряет
Он только тех, кого Он пожелает,

На это Нур-Эд-Дин ответил ей:

Она со мной простилась в день разлуки
И заливалась горькими слезами
От причиненного разлукой горя,
И молвила: «Что будешь делать ты,
Когда уйду я?» – «Спроси того,
Кто может пережить твою утрату!» —
Ответил я на сделанный вопрос.

Халиф, услышав это, смутился при мысли, что он может быть причиной их разлуки и, взглянув на молодого человека, сказал ему:

– О господин мой, боишься ли ты за себя, потому что совершил какое-нибудь преступление, или ты должен кому-нибудь?

– Клянусь Аллахом, о рыбак, – отвечал Нур-Эд-Дин, – со мною и с этой девицей случилось удивительное и странное событие, и если б его передали потомству, то оно могло бы служить поучением тем, кто пожелает.

– Не расскажешь ли нам, – сказал халиф, – своей истории, и не познакомишь ли нас с этим событием? Может быть, рассказ твой послужит тебе на пользу и утешение, так как утешение находится в руках Аллаха.

На это Нур-Эд-Дин отвечал таким вопросом:

– Хочешь выслушать историю мою прозой или стихами?

– Проза, – отвечали халиф, – для нас яснее, а стихи можно сравнить со словами, нанизанными как жемчуг.

Нур-Эд-Дин, поникнув до земли головою, передал, однако же, свою историю стихами, но когда он кончил, халиф просил его объясниться поподробнее, вследствие чего он рассказал ему всю свою историю с начала до конца, и халиф, сообразив все обстоятельства его дела, спросил его:

– Куда же ты пойдешь теперь?

– Божий мир широк, – отвечал ему Нур-Эд-Дин.

– Я напишу тебе письмо, – сказал тогда халиф, – которое ты можешь снести к султану Магомету, сыну Сулеймана Эс-Зейни, и когда он прочтет его, то ничего дурного тебе не сделает.

– Да разве существует на свете такой рыбак! – вскричал Нур-Эд-Дин, – который состоял бы в переписке с царями? Ведь этого быть не может!

– Ты совершенно прав, – возразил халиф, – но причину этого я могу сообщить тебе. Знай, что я учился с ним в одной школе, у одного и того же учителя, и был его наставником. После этого счастье ему повезло, и он сделался султаном, а меня Господь сделал рыбаком. Но я ничего еще не просил от него, хотя он тотчас же исполнил бы любое повеление, даже если б я просил у него ежедневно тысячи вещей.

Нур-Эд-Дин, услышав эти слова, сказал ему:

– Напиши, чтоб я видел.

Он взял рожок с чернилами и перо и написал после обычной фразы: «Во имя Господа Милостивого и Милосердного» – следующее: «Письмо это от Гарун-Аль-Рашида, сына Эль-Магдия, его величеству Магомету, сыну Сулеймана Эс-Зейни, очастливленного моей милостью и назначенного мною наместником над частью моих владений. Уведомляю тебя, что податель этого письма, Нур-Эд-Дин, сын Эль-Фадла, сына Какана, визиря, которого ты должен водворить в его настоящее положение на свое место, так как я назначаю его».

Он передал это письмо Нур-Эд-Дину, который взял его, поцеловал и приложил к своей чалме, и тотчас же отправился в путь.

Шейх же Ибрагим, посмотрев на халифа, переодетого рыбаком, сказал ему:

– Ах ты, презреннейший рыбак, ты принес нам рыбы не больше, как на двадцать полудиргемов, а получил три червонца, да еще хочешь взять с собою рабыню.

Халиф, услышав эти слова, крикнул на него и сделал знак Мосруру, который, тотчас же, открыв свое лицо, вбежал в комнату. Джафар между тем послал одного из садовников к дворцовому привратнику с приказанием, чтобы для царя правоверных с сановником прислали одежду. Сановник сбегал во дворец и, вернувшись с одеждой, поцеловал прах перед халифом, который снял все, что было на него надето, и надел свое платье. Шейх Ибрагим сел на стул, а халиф встал перед ним, чтобы посмотреть, что с ним будет. Шейх пришел в страшное смущение и, кусая себе пальцы, говорил:

– Сплю я или бодрствую?

– О шейх Ибрагим, – сказал тогда халиф, посмотрев на него. – В каком состоянии ты находишься?

При этих словах весь хмель его прошел, и, бросившись на колени, он стал просить прощенья. Халиф простил его, после чего отдал приказание отвести девицу к себе во дворец, где отвел ей отдельное помещение и назначил женщин, чтобы служить ей.

– Знай, – сказал он ей, – что господина твоего я отправил султаном Эль-Башраха, и если Богу будет угодно, то я пошлю к нему почетную одежду и тебя вместе с нею.

Что же касается до Нур-Эд-Дина, то он шел до самого Эль-Башраха и, войдя в город, прямо направился ко дворцу султана, где так громко закричал, что султан пожелал его видеть. Представ перед царем, он поцеловал прах у ног его и, достав письмо, подал ему. Султан, увидав подпись халифа, тотчас же встал и, поцеловав письмо трижды, сказал:

– Я слышу и повинуюсь Господу, да святится имя Его, и царю правоверных.

Он призвал четырех кади и эмиров и хотел уже сложить с себя царское достоинство, но к нему явился визирь Эль-Маин, сын Савия, и султан подал ему письмо царя правоверных. Увидав письмо, визирь разорвал его в мелкие клочья и, положив себе в рот, разжевал и выплюнул. Султан в гневе закричал:

– Горе тебе! С какой стати ты поступил так?

– Этот человек, – отвечал визирь, – вовсе не видал ни халифа, ни визиря его; он – негодяй, дьявольский плут, который, случайно увидав письмо халифа, подделался под его руку и написал, что захотел. С какой стати ты сложил с себя царское достоинство, раз что халиф не послал тебе посла со своей царской грамотой? Ведь если б это дело было правое, то халиф послал бы с ним какого-нибудь царедворца или визиря, но он пришел один.

– Что же нам делать? – спросил султан.

– Отошли этого молодого человека со мною, – отвечал визирь, – и я отправлю его с нарочными в город Багдад, и если все это верно, то он привезет нам царский приказ и грамоту о его назначении, а если неправда, то халиф пришлет нами его обратно с царедворцем, и тогда я отомщу моему обидчику!

Султану понравилось то, что сказал ему визирь, и он взял Нур-Эд-Дина и крикнул пажей, которые, опрокинув его на пол, били до тех пор, пока он не лишился чувств. После этого он приказал надеть колодки ему на ноги и позвал тюремщика. Тюремщик, придя к нему, поцеловал прах у ног его. Тюремщика звали Кутейтом¹⁶¹, и визирь сказал ему:

– О Кутейт! Я желаю, чтобы ты взял этого человека и, посадив его в самую темную келью твоей темницы, пытал бы его и день, и ночь.

– Слушаю и повинуюсь, – отвечал тюремщик.

Он посадил Нур-Эд-Дина в темницу и запер за ним дверь; но после этого отдал приказ снести туда скамейку, циновку и подушку. Он посадил Нур-Эд-Дина на скамейку, снял с него оковы и ласково обращался с ним. Визирь ежедневно присылал к нему приказ бить Нур-Эд-Дина, и тюремщик посылал сказать, что приказ исполняет, тогда как, напротив, он обращался с ним очень хорошо.

Таким образом он поступал сорок дней, а на сорок первый от халифа был прислан подарок, и султану подарок этот очень понравился, и он стал советоваться об этом с визирем.

– Может быть, этот подарок предназначался для нового султана, – сказал кто-то.

В ответ на это замечание визирь Эль-Моин, сын Савия, сказал:

– Было бы гораздо лучше, если бы мы убили его, лишь только он приехал.

– Ты напомнил мне о нем! – вскричал султан. – Сходи за ним, приведи его сюда, я отрублю ему голову.

– Слушаю и повинуюсь, – отвечал визирь и, встав, прибавил: – Мне хотелось бы сделать по всему городу такое заявление: «Кто хочет посмотреть на казнь Нур-Эд-Дина Али, сына Эль-Фадла, сына Какана, тот может прийти ко дворцу. Пусть все придут посмотреть, и сердце мое успокоится, и я рассержу своих завистников.

– Поступай, как знаешь, – отвечал султан.

Визирь, довольный и счастливый, отправился к вали и приказал сделать объявление по всему городу. Когда народ услышал глашатая, он огорчился и плакал. Плакали даже мальчишки в школах и купцы в лавках. Множество народа пошло занять места, с которых было бы видно зрелище, а другие направились в тюрьму, чтобы проводить Али. Визирь в сопровождении десяти мамелюков пошел в тюрьму, и Кутейт, тюремщик, сказал ему:

– Что тебе угодно, господин наш, визирь?

– Сейчас же приведи ко мне, – сказал визирь, – молодого негодяя.

– Он в страшном положении, – отвечал тюремщик от дурного обращения и от побоев.

---

¹⁶¹ «Кутейт» обозначает кота или котика

Тюремщик вошел и застал его декламирующим следующие стихи:

Кто может мне помочь в моей тоске?
Мои невыносимы стали муки,
А средство исцеления от них
Лишь крайне редко можно доставать.

Тюремщик снял с него чистую одежду и, надев на него все грязное, повел к визирю. Нур-Эд-Дин взглянул на него и увидел, что он стоит перед врагом, постоянно желавшим погубить его. Узнав его, он заплакал и сказал ему:

– Разве ты обеспечен от несчастья? Разве не помнишь слова поэта:

Они здесь, злоупотребляя властью,
С жестокостью нещадной управляли,
И сделалась та власть такую скоро,
Как будто никогда и не бывала.

– О визирь! знай, что Господь, да прославится имя Его, может сделать с тобою все, что Ему будет угодно.

– Не думаешь ли ты, Али, – возразил визирь, – испугать меня этими словами? Вот я сейчас, несмотря на всех жителей Эль-Башраха, отрублю тебе голову и не посмотрю на твой совет; я скорее поступлю, как говорит вот этот поэт:

Судьба, ты предоставь свободу действий
И с радостным умом переноси
Державной судьбы определения.

Но как тоже хороши слова другого поэта:

Тот, кто по смерти недруга живет
Хотя бы день единый, достигает
Предела всех души своей желаний.

Визирь приказал пажам посадить Нур-Эд-Дина на мула, но они с горя, что им приходится повиноваться, сказали несчастному:

– Позволь нам побить его камнями и разорвать на куски, хотя за это нам придется заплатить жизнью.

– Не делайте этого, – отвечал Али, – разве вы не знаете, что говорит поэт:

Назначенный мне срок есть неизбежный
Мой жребий, и как только дни его
Окончатся, я должен умереть.
И если б львы меня стащили в лес,
То не могли б они покончить с ним,
Затем, что от назначенного срока
Теперь не остается ничего.

Они пошли перед несчастным Нур-Эд-Дином, выкрикивая:

– Вот награда тому, кто подделывает письмо халифа к султану!

Они торжественно провели его по улицам Эль-Башраха и поставили под окнами дворца на кровавом месте¹⁶², где подошел к нему палач и сказал:

– Я раб и должен повиноваться, и если ты имеешь какое-нибудь желание, то скажи мне, я исполню его, так как тебе остается жить до тех пор, пока султан не выглянет в окно.

После этого Нур-Эд-Дин посмотрел направо и налево и продекламировал следующее:

О, есть ли между вами друг, который,
Исполнен сострадания, мне поможет?
Я заклинаю вас Аллахом всех
На мой вопрос ответить! Жизнь уходит,
А смерть близка!
Здесь есть ли кто-нибудь,
Кто пожалеет бедного меня,
Чтоб получить награду от меня,
Упадок духа моего понять
И облегчить мой страх глотком воды,
Который уменьшит мои страдания.

Народ плакал, а палач принес ему воды и подал, но визирь встал со своего места и, выбив из его рук куллек¹⁶³ с водой, который и разбился, крикнул палачу, чтоб он отрубил голову Нур-Эд-Дину, после чего тому завязали глаза. Народ же продолжал кричать против визиря, сильно возвышая голос, и между ними началась настоящая перебранка. Вдруг в это самое время по большой дороге к небу поднялось целое облако пыли, и султан, увидав его из своего дворца, сказал своим приближенным:

– Посмотрите, что это за известие везут?

– Узнаем после того, как отрубят этому человеку голову, – сказал визирь.

– Нет, подожди, – отвечал султан, – пока мы не узнаем, что это такое.

Облако пыли поднимал Джафар, визирь халифа, и свита его; и прибыли они вот почему: прошло уже тридцать дней, и халиф не вспомнил о деле Али, сына Эль-Фадла, сына Какана, и никто с ним не говорил о нем, пока однажды он не зашел в помещение Энис-Эль-Джелис и не услышал ее стонаний и ее чудного голоса, декламирующего изречение поэта:

Твой образ все стоит передо мною,
Далек ли ты иль близок от меня,
И мой язык всегда упоминает
Тебя и никогда не перестанет.

Стенания ее усилились, и вдруг дверь отворилась, и в комнату ее вошел халиф и увидел Энис-Эль-Джелис в слезах. Увидав халифа, она упала на колени и, трижды поцеловав его ноги, сказала следующие стихи:

Ты, чистый кровью и своим рождением,
От зрелой и от плодovитой ветви
Такой семьи, в которой нет пятна,
Дозволь же мне напомнить обещанье,

---

¹⁶² «Кровавым» местом называлось лобное место, на котором совершалась казнь, так как кровь оставалась тут же и впитывалась в землю.

¹⁶³ Куллеком называется небольшой глиняный кувшин с узким горлом.

Мне данное тобою, благодетель,
Чтоб не было оно тобой забыто.

– Ты кто такая? – спросил ее халиф.

– Я подарена тебе Али, сыном Эль-Фадла, сына Какана, – отвечала она, – и требую исполнения обещания, данного мне тобою, что ты пошлешь меня к нему вместе с почетным подарком, так как я прожила здесь тридцать дней и глаз не смыкала.

Халиф вследствие этого позвал к себе Джафара и сказал ему:

– Тридцать дней не получал я известий об Али, сыне Эль-Фадла, сына Какана, и мне остается только предположить, что султан убил его. Но клянусь головой своей, могилой своих предков, что если такое несчастье случилось с молодым человеком, то я уничтожу человека, убившего его, хотя бы он был близок моему сердцу! Вследствие этого я желаю, чтобы ты тотчас же отправился в Эль-Башрах и принес мне известие о том, что царь Магомет, сын Сулеймана Эс-Зейни, сделал с Али, сыном Эль-Фадла, сына Какана.

Таким образом, Джафар, повинувшись его приказанию, тотчас же отправился в путь и, подехав к городу и увидав толпы народа на улице, спросил:

– По какой причине так толпится народ?

Ему тотчас же сообщили, в каком положении находился Нур-Эд Дин, и, услышав это, он поспешил к султану и, поклонившись ему, сообщил, зачем приехал, и прибавил, что если с Али Нур-Эд-Дином что-нибудь случилось, то халиф казнит его, султана, как причину несчастья. Он взял султана под стражу, как взял и визиря Эль-Моина, сына Савия, а Али Нур-Эд-Дина велел освободить и посадил его на престол султана вместо Магомета, сына Сулеймана Эс-Зейни. После этого он пробыл в Эль-Башрахе трое суток, обычное время угощения, а утром, на четвертый день, Али Нур-Эд-Дин сказал Джафару:

– Как мне хотелось бы повидать царя правоверных.

Джафар сказал царю Магомету, сыну Сулеймана:

– Приготовься в путь, потому что после утренней молитвы мы поедем в Багдад.

– Слушаю и повинуюсь, – отвечал он.

Они прочли утренние молитвы и сели на коней вместе с визирем Эль-Моином, сыном Савия, который раскаивался теперь в том, что он сделал. Что же касается до Нур-Эд-Дина, то он ехал рядом с Джафаром, и они продолжали таким образом путь, пока не прибыли в Багдад, приют мира.

Там они явились к халифу и рассказали ему, что случилось с Нур-Эд-Дином.

– Возьми этот меч, – сказал ему халиф, – и отруби им голову твоему врагу.

Нур-Эд-Дин взял меч и подошел к Эль-Моину, сыну Савия, но тот посмотрел на него и сказал ему:

– Я поступал по своему характеру, а ты поступай по своему.

Нур-Эд-Дин отбросил от себя меч и, взглянув на халифа, сказал:

– Он обезоружил меня, о царь правоверных!

– Ну, так оставь его, – отвечал халиф и, обратившись к Месруру, прибавил: – о Мессур, подойди ты и отруби ему голову.

Мессур исполнил приказание; после этого халиф обратился к Али, сыну Эль-Фадла, сына Какана, с такими словами:

– Требуй от меня, чего желаешь!

– О государь мой, – отвечал Али, – я вовсе не желаю быть султаном Эль-Башраха, а хотел бы служить тебе.

– С удовольствием согласен, – сказал халиф и велел привести рабыню.

Халиф осыпал милостями Нур-Эд-Дина и рабыню его, подарил им дворец в Багдаде, назначил содержание и сделал Нур-Эд-Дина своим застольным товарищем, и так они прожили до самой смерти.

Глава седьмая

Начинается в середине тридцать шестой ночи и кончается в середине сорок четвертой

История Ганема, сына Эюба, по прозвищу Раб любви

– Мне рассказывали, о счастливый царь, – продолжала Шахерезада, – что в былые времена в Дамаске жил-был один купец, весьма зажиточный, и у этого купца был сын, красивый, как ясный месяц, и красноречивый, по имени Ганем, сын Эюба, по прозвищу Раб любви¹⁶⁴, и у этого сына была сестра, называвшаяся Фитнех¹⁶⁵ вследствие ее необыкновенной красоты и миловидности. Отец их умер, оставив им большое состояние и, между прочим, сто грузов шелковых и парчовых материй и целые мешки мускуса. На этих мешках было написано: «Это предназначено в Багдад», так как он предполагал ехать в этот город.

Таким образом, Господь, да прославится имя Его, взял его душу; спустя некоторое время сын его, захватив этот груз, отправился с ним в Багдад. Это было во времена Гарун-Эр-Рашида. Перед своим отъездом он простился со своей матерью, родными и жителями города и отправился, уповая на Бога, да прославится имя Его, и Господь убереги его; он благополучно добрался до Багдада вместе с целой партией купцов. Он нанял себе хорошенький домик, и, устлав пол коврами и подушками и повесив занавески, сложил в него свои товары, поместил мулов и верблюдов, пробыл там, пока не отдохнул и пока купцы и вельможи Багдада не пришли к нему с поклоном. Он взял тюк с десятью кусками дорогой материи, с ценою, написанной на тюке, и отправился с ним на рынок к купцам, которые встретили его, поклонились ему, обошлись с ним вежливо и с почетом и посадили его в лавку шейха рынка; он продал матерью, получив на каждый червонец по два. Ганем обрадовался и мало-помалу стал продавать свои товары, и продавал таким образом в продолжение целого года.

После этого, в первый же день следующего года, он пришел на тот же рынок, но нашел его запертым и, спросив о причине, услышал такой ответ:

– Один из купцов умер, а все другие отправились к нему на похороны. Если ты хочешь, – прибавил этот человек, – получить награду, то иди с ними.

– Хорошо, – отвечал он и спросил, где его хоронят.

Его направили к месту погребения, и он, совершив омовение, отправился вместе с другими купцами к месту молитвы, где все помолились о покойнике. Купцы пошли все вместе перед гробом к могиле, и Ганем пошел с ними, пока процессия не дошла до кладбища за городом и, пробравшись мимо памятников, донесли гроб до приготовленной могилы. Семья покойного раскинула над могилой палатку и осветила ее лампами и свечами. После того как покойник был зарыт в землю, чтецы сели на могилу читать Коран. Купцы сели с ними, и Ганем, сын Эюба, сел тут же; вскоре на него напал страх, но он думал про себя: «Не, могу же я уйти от них, не простившись с ними».

Все сидели и слушали Коран до наступления ночи, когда слуги поставили перед ними ужин и сласти, и они ели, пока не насытились, и, вымыв руки, снова заняли свои места.

Сердце Ганема было беспокойно, и он все думал о своих товарах и боялся воров, говоря в душе: «Ведь я чужестранец; меня все считают очень богатым человеком, и если на ночь я не вернусь домой, то воры украдут и деньги, и товары».

Таким образом, опасаясь за свое достояние, он встал и, подойдя к присутствующим, просил позволения уйти ради неотложных дел. Он пошел по дороге до самых городских ворот. Но так как полночь уже наступила, то городские ворота оказались запертыми. Никто более не входил и не выходил, лаяли только собаки да выли где-то волки.

– Сила и власть только в руках Господа! Я боялся за свое имущество и пошел поэтому в город, но нашел ворота запертыми; теперь я уже боюсь за свою жизнь.

---

¹⁶⁴ Ганем означает счастливый человек, имеющий во всем удачу.

¹⁶⁵ Фитнех означает очаровательная, соблазнительная.

Он вернулся и стал искать место, где бы ему переночевать. Вскоре он нашел частное кладбище, окруженное четырьмя стенами, с пальмовым деревом внутри него и с воротами, которые оказались отворенными. Он вошел на кладбище с намерением уснуть, но сон бежал от него.

Ему стало страшно и жутко лежать между могилами, и он вскочил на ноги и, отворив ворота, увидел огонек со стороны города, около городских ворот. Выступив на несколько шагов, он увидел, что свет двигался по дороге к кладбищу, на котором он спрятался. Ганем испугался за себя и поспешно закрыл ворота, взлез на пальмовое дерево и спрятался между листьями. Свет продолжал потихоньку подвигаться, пока совсем не приблизился; посмотрев попристальнее, он увидел трех черных рабов, двое из которых несли сундук, а у третьего в руках были заступ и фонарь. Когда же они подошли совсем близко, один из рабов, несших сундук, сказал:

– Что с тобою, о Саваб?

– А что с тобою, о Кафури? – отвечал один из двух других.

– Разве не бывали мы тут в ночное время, – продолжал первый, – и не оставляли ворота отворенными?

– Да, – отвечали второй, – ты совершенно прав.

– Ты посмотри, – снова сказал первый, – ворота заперты и заложены.

В ответ на это третий раб с заступом и с фонарем, по имени Бакхит, сказал:

– Какие вы глупые! Точно вы не знаете, что хозяева садов ходят из Багдада сюда, и когда ночь застаёт их здесь, то они входят на это кладбище и запирают за собою ворота, боясь, чтобы негры, подобные нам, не схватили их и, изжарив, не съели¹⁶⁶.

– Ты совершенно прав, – отвечали другие, хотя ты и глупее нас обоих.

– Вы не верите мне, отвечал он, – а вот поверите, когда мы войдем на кладбище и кого-нибудь найдем там, а я вам скажу, что если кто-нибудь там был, то, увидав фонарь, он, наверное, забрался на вершину пальмового дерева.

Ганем, услышав эти слова раба, подумал: «Какой догадливый этот раб! Накажи Аллах негров за их хитрость и низость! Сила и власть только в руках Бога всемогущего, всеильного! Что избавит меня от этой опасности?»

Негры, которые несли ящик, сказали негру с заступом:

– О Бакхит, перелезь через стену и отвори нам ворота, так как мы устали, тащивши этот ящик, и если ты отворишь нам ворота, то мы дадим тебе одного из захваченных нами людей и превосходно зажарим его для тебя, так что из него не пропадет ни одна капля жира.

– Я боюсь всего для меня непонятного, – отвечали негр с заступом, – поэтому нами нужно бросить ящик за ворота, так как сюда нам велено принести его.

– Если мы его бросим, то он расколется, – отвечали ему другие негры.

– Боюсь, – проговорил он, – чтобы за стеной не оказалось разбойников, которые убивают людей и берут их имущество. Награбив, они, вероятно, заходят сюда и затем делят между собою награбленное.

– Ах ты, дурак! – вскричали другие. – Да разве они могут войти сюда?

Они поставили ящик и, переправившись через забор, отворили ворота, в то время как третий раб Бакхит ждал их с фонарем в руке и с корзинкой, в которой лежал гипс. После этого они, приперев ворота, сели, и один из них сказал:

– О братья мои, мы устали от ходьбы, от ноши, от отпиранья и запиранья ворот и от того, что теперь уже полночь. Тяжело будет нам рыть могилу и закапывать этот сундук; поэтому

---

¹⁶⁶ Трудно сказать положительно, следует ли это понимать как шутку, но в Каире до сих пор рассказывают, что рабы, которых приводят туда, оказываются иногда людоедами, и в доказательство этого приводят рассказ, что недавно один ребенок был съеден своей черной кормилицей.

присядемте тут часа на три и отдохнемте, а затем встанем и примемся за дело. А пока каждый из нас должен рассказать какую-нибудь историю или то, что с ним случилось, от начала до конца.

Таким образом негр с фонарем начал первый рассказывать свою историю, но эта история оказалась такой, что повторить ее здесь невозможно, после чего второй раб рассказал следующее:

История раба Кафура

– Знайте, о братья мои, что я начал себя помнить, когда мне было восемь лет; я имел обыкновение говорить рабовладельцам одну ложь в год, вследствие чего они поссорились, и хозяин мой, рассердившись на меня, отдал меня маклеру, для того чтобы он выкрикивал:

– Кто хочет купить этого раба с его недостатком?

– Что же у него за недостаток? – спрашивали у него,

– Он говорит одну ложь в год, – отвечал он.

Один купец подошел к маклеру и сказал ему:

– Сколько предлагают за этого раба с недостатком?

– За него предлагают пятьсот серебряных монет.

– Себе можешь взять из платы двадцать монет, – отвечал купец.

Маклер свел его с рабовладельцем, которому он вручил плату, а меня тот же маклер проводил в дом купца, где получил свою условленную плату.

Меня одели в приличную одежду, и я прожил у него благополучно остаток года, до начала Нового года. Год был отличный, плодородный, и купцы начали задавать поочередно пиры. Наконец, наступил черед и моего хозяина, и он задал пир в загородном саду. Как он, так и другие купцы отправились туда, и хозяин взял все, что ему было нужно из съестного и вина, и они ели, пили и веселились до полудня, когда хозяину моему что-то понадобилось из дому и он крикнул:

– Эй ты, раб! Садись на мула и привези мне от хозяйки такую-то вещь, только скорее.

Я тотчас же повиновался и отправился в дом; но, подъезжая к дому, я стал кричать, проливать слезы, вследствие чего обитатели квартала, старые и молодые, собрались около меня. Жена моего хозяина и дочери его, услышав мои крики, отворили двери и стали спрашивать, что со мною.

– Хозяин мой, – отвечал я, – сидел вместе со своими приятелями под старой стеной, которая на них обрушилась; и когда я увидел, что с ними случилось, я тотчас же вскочил на мула и прискакал сюда, чтобы сообщить о несчастье.

Жена и дети, услышав об этом, закричали, разорвали на себе одежду, стали бить себя по лицу, так что все соседи сбегались к ним. Хозяйка же перевернула всю домашнюю обстановку вверх дном, сбросила полки, разбила ставни, окна и вымазала стены краской индиго и сказала мне:

– Горе тебе, о Кафур! Иди сюда и помоги мне разбить этот шкаф и выбросить китайский фарфор.

Я подбежал к ней и вместе с ней ломал полки, шкапы и разбивал все, что на них стояло, пробежал по террасам и бросал все, пока в доме не осталось ничего строго, и все время кричал:

– О хозяин мой!

Хозяйка вышла с открытым лицом, в сопровождении мальчиков и девочек, и, подойдя ко мне, сказала:

– Иди, о Кафур, впереди и покажи нам то место, где погиб твой хозяин под стеной, для того чтобы мы могли достать его тело и, положив его в гроб, перенести домой и приличным образом похоронить.

Я пошел впереди, крича: «О, хозяин мой!» – а они все пошли за мною с открытыми лицами и головами и кричали:

– О несчастье наше! О горе наше!

И в целом квартале не осталось ни единого мужчины, ни единой женщины, ни детей, ни девушек, ни старухи, которые не последовали бы за нами и не приняли бы участия в нашем

горе. Таким образом прошел я с ними по всему городу, и на вопросы встреченных они отвечали им то, что слышали от меня, и народ восклицал:

– Сила и власть в руках Аллаха всемогущего, всеильного! Мы пойдем к вали и сообщим ему о случившемся.

Когда вали сообщили печальное известие, он тотчас же сел на мула и взял с собою работников с топорами и корзинами, и все толпою двинулись за мною.

Я шел во главе, рыдая, крича и посыпая пыль себе на голову, и ударяя себя по лицу. Подойдя к пирующим в саду и увидав своего хозяина, я закрыл лицо руками и закричал:

– О госпожа моя! Кто пожалеет меня после того, как ее не стало! Лучше бы мне погибнуть вместо нее.

Когда хозяин мой увидел меня, он страшно смутился и побледнел.

– Что с тобой, о Кафури? – сказал он, – и что это за стенание? Что скажешь ты нам?

– Когда ты послал меня домой, – отвечал я, – чтобы взять то, что тебе нужно, я отправился, а войдя в дом, увидел, что стена гостиной обрушилась, и вся комната рухнула на хозяйку и ее детей.

– И неужели хозяйка не спаслась? – спросили они.

– Никто не спасся, – отвечал я, – и прежде всех скончалась старшая дочка.

– А младшая дочка спаслась? – спросил он.

– Нет, – отвечал я.

– А что же случилось с мулом, на котором я ездил? – вскричал он: – уцелел ли он?

– Нет, хозяин, – отвечал я, – так как стены дома и стены конюшен погребли все, что жило в доме, погребли даже овец, коз и кур, и все они превратились в окровавленные массы под развалинами, никто, никто не спасся!

– А старший сын мой? – спросил он тогда.

– Никто не спасся, – отвечал я ему. – На месте не осталось ни дома, ни обитателей его, и никаких следов их; что же касается до овец, коз и кур, то кошки и собаки, вероятно, теперь съели их.

Когда хозяин выслушал меня, у него потемнело в глазах, и он потерял всякое сознание и не мог держаться на ногах: силы изменили ему, и спина согнулась; он разорвал свои одежды, стал рвать себе бороду и бить себя в лицо, сбросил с головы своей чалму и бил себя по щекам до тех пор, пока не пошла кровь.

– О дети мои! – кричал он. – О жена моя! Ох! О несчастье! С кем еще могло случиться подобное тому, что случилось со мною!?

Купцы, его товарищи, стали горевать вместе с ним и очень жалели его, и рвали на себе одежды. Хозяин же мой вышел из сада, продолжая бить себя вследствие несчастья, по его мнению, случившегося с ним, и приходил в такое отчаяние, что стал походить на пьяного.

Когда пирующие вышли из сада, они увидали густую пыль, услышали крики и, посмотрев в ту сторону, поняли, что по направленно к ним двигается толпа. Это шел вали с народом, желавшим удостовериться в страшном несчастье, а сзади них шла огорченная семья мнимого умершего купца, рыдавшая и кричавшая от горя. К хозяину моему прежде всех подошла его жена и дети. Увидав их, он совершенно растерялся, захохотал и сказал:

– Так это вы! Что же случилось с домом, и что случилось с вами?

А они, увидав его, вскричали:

– Слава Богу, что ты спасся!

Все они бросились к нему, а дети вцепились в него.

– Слава Богу, – кричали дети, – отец наш спасен! Ах, отец наш!

– Слава Богу, – говорила его жена, – что мы видим тебя!

Она так была поражена, что, казалось, лишилась рассудка.

– Каким же образом, – продолжала она наконец, – спасся ты со своими друзьями?

– А с вами-то что случилось в доме? – спросил он.

– С нами ничего не случилось, – отвечали они, – мы были совершенно здоровы, и все в доме было благополучно, пока не пришел раб твой Кафур с открытой головой и разосланными одеждами и не стал кричать: «О, хозяин мой! О хозяин мой!» Мы спросили у него, что с ним, а он отвечал: «Хозяин мой сидел под стеной в саду, которая упала на него, и он умер».

– А ко мне он пришел сейчас, – сказал купец, – и закричал: «О, госпожа моя! О дети моей госпожи!», и прибавил: «Госпожа моя и дети ее умерли!»

Он оглянулся и, увидав меня с падавшей с меня чалмой, в то время как я плакал и кричал и посыпал голову свою землей, позвал меня. Я подошел к нему, а он сказал:

– Горе тебе, злонамеренный раб! Отвратительный негодяй! Проклятое отродье! Какую беду ты наделал! Клянусь Аллахом, я сдеру с тебя всю шкуру и мясо срежу с костей.

– Клянусь Аллахом, – отвечал я, – ты не смеешь сделать со мною что-нибудь, потому что ты купил меня с моим недостатком: а в том, что ты купил меня с моим недостатком, могут удостоверить свидетели, и ты знал, что я имею привычку говорить одну ложь в год. Это же только половина лжи; в конце года я скажу другую половину, и тогда выйдет целая ложь.

– Ах ты, проклятый раб! – крикнул он после этого на меня, – так это только половина лжи? Какое страшное наказание! Лучше уходи от меня. Ты свободен.

– Клянусь Аллахом, – отвечал я, – если ты освободишь меня, то я не освобожу тебя от себя, пока не кончится год и я не скажу тебе остальной половины лжи. Когда я сделаю это, ты можешь взять меня, свести на рынок и продать меня так же, как и ты купил меня, – с моим недостатком, но никак не освобождать меня до срока. Я не знаю никакого ремесла и ничем не могу зарабатывать себе насущного хлеба. Я тебе делаю законное предложение, изложенное законниками в главе об освобождении.

Пока мы говорили таким образом, толпа подошла к нам, как подошли и обитатели нашего квартала, мужчины и женщины, и вали с своими служителями. Хозяин мой и другие купцы подошли к вали, рассказали ему обо всем деле и сообщили, что это была только половина лжи; а когда стоявший тут народ услышал это, то он был крайне поражен и начал ругать и проклинать меня, а я стоял, смеясь, и говорил:

– Клянусь Аллахом, в жизни своей никогда не видал такого отвратительного негодяя, как этот раб! И он еще называет это половиною лжи! Что же было бы, если бы это была целая ложь! Тогда он разрушил бы целый город или два города!

В порыве ярости он отправился к вали, который строго наказал меня, так что я лишился чувств и упал в обморок; после чего хозяину моему удалось продать меня за довольно высокую цену, и я не переставал производить неприятности в тех местах, куда меня продавали. И таким образом от одного эмира я переходил к другому; вельможи продавали и покупали меня, пока я не попал во дворец к царю правоверных. Теперь я уже ослабел, и силы меня покинули.

Продолжение истории Ганема, сына Эюба, по прозвищу Раб любви

Другие рабы, выслушав его истории, принялись хохотать и сказали ему:

– По правде говоря, ведь ты негодяй и сын негодяя: ведь ты сказал отвратительную ложь.

Первый и второй рабы сказали тут третьему:

– Рассказывай нам твою историю.

– О дети моего дяди, – отвечал он, – все, что рассказывалось теперь, ничто в сравнении с моей историей; но моя история длинна, и теперь рассказывать ее нет времени: утро, дети моего дяди, близко; кто-нибудь может застигнуть нас с нашим ящиком, и мы будем опозорены, пожалуй, даже убиты; поспешим окончить дело, и когда все будет сделано, мы вернемся домой, и я расскажу вам свою историю.

Они поставили на землю фонарь и стали рыть между могилами яму величиной в принесенный им ящик. Кафур рыл, а Саваб относил землю корзинкой, пока не вырыли нужной глубины, тогда они опустили ящик в яму, покрыли его землей и, выйдя с кладбища, заперли за собою ворота и исчезли из глаз Ганема, сына Эюба.

Когда они оставили это место, и Ганем уверился, что он совершенно один, он начал тревожиться относительно того, что мог заключать в себе зарытый сундук, и подумал: «Что может быть в этом сундуке?»

Дождавшись рассвета, он спустился с дерева и руками сбросил нарытую на ящик землю, пока не открыл его и не высвободил. Затем камнем он сбил замок и, подняв крышку, заглянул в сундук и увидел там спящую от бенджа, только потерявшую сознание девушку, но еще живую. Девушка была очень красивая, и на ней было надето столько драгоценностей, что трудно было определить их цену. Ганем, посмотрев на нее, тотчас же понял, что она сделалась жертвою заговора, и стал ее поднимать, пока, наконец, ему не удалось вынуть ее из сундука и положить на спину. Лишь только на нее подул свежий воздух и вошел ей в ноздри, в рот и в горло, она чихнула, потом стала кашлять и кашляла до тех пор, пока из горла у нее не выскочил кусок бенджа такой величины, что мог усыпить слона на несколько ночей. После этого она открыла глаза и, осмотревшись кругом, певучим голосом проговорила:

– Противный ветер! Ты не утолишь жажды и не усладишь того, кто пить не хочет! Да где же Зар-Эль-Бустан?

Но никто не отвечал ей, и, посмотрев в сторону, она крикнула:

– Сабигах! ШеджеретЭд-Дур! Нур-Эль-Гуда! Неджмет-Эс-Субх! Спите вы, что ли? Нусгех! Гульвех! Зарифех! Говорите же!

Но никто не отвечал ей, и она, еще раз осмотревшись, вскричала:

– О горе мне! Ведь меня принесли на кладбище! О Ты, знающий все тайны души и вознаграждающий в день Страшного суда, ведь это Ты перенес меня сюда и положил между могилами.

Пока она говорила все это, Ганем стоял спокойно, но тут он сказал ей:

– О госпожа моя! Тут нет для тебя ни покрывал, ни дворцов, ни могил: тут стоит только твой раб Ганем, сын Эюба, которого Царь небесный, разоблачающий тайны, случайно привел сюда, для того чтобы он мог избавить тебя от несчастья и исполнить все малейшие твои желания.

Он замолчал, а когда она увидала, в чем дело, то вскричала;

– Я верую, что нет Бога, кроме Аллаха, и верую, что Магомет – пророк Его!

Затем, посмотрев на Ганема, она приложила руки к груди своей и сладким голосом сказала ему:

– О благоприятный юноша, скажи, кто принес меня сюда, так как теперь я пришла в себя?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.